

Николай Слободской

Он приходит по пятницам

СЕРИЯ
ДЕДУШКА

Николай Слободской
Он приходит по
пятницам

Николай Слободской

*Он приходит по
пятницам*

Издательство ИП Кузнецов Г.Е.

Тимашевск

2021

deductionseries.blogspot.ru

УДК 821.161

ББК 84

С48

Серия «Дедукция»

Николай Слободской

Он приходит по пятницам

Слободской, Николай

С48 Он приходит по пятницам : [роман] / Николай Слободской; – Тимашевск, Издательство ИП Кузнецов Г.Е., 2020. – 424 с. – (Дедукция)

Серию «Дедукция» мы продолжаем публикацией детектива Н.Слободского «Он приходит по пятницам».

УДК 821.161

ББК 84

© Текст. Н.Слободской, 2020

© Оформление. А.Кузнецов, 2015

Моей *Софье Андреевне*,
читавшей эти главы по мере их появления на свет.
Без ее внимания и поддержки вряд ли сей роман
дождался бы своего завершения.

Экспозиция

Ночь. Темнота.

Даже не верится, что совсем рядом одна из центральных улиц большого города. Правда, и сам проспект освещен сейчас весьма экономно. Все вывески и световые рекламы погашены, а ровно в час ночи отключается и основная масса уличных светильников. Оставшихся – приблизительно один фонарь на квартал – явно недостаточно, чтобы осветить тротуары, на которых каждая впадина в асфальте создает для идущего ловушку, полную грязной воды. Дождь только недавно перестал, и в лужах недостатка не ощущается. Поэтому те редкие прохожие, коих нужда выгнала ночью из дома, больше надеются не на ртутный свет отдаленных фонарей, а на фары проезжающих машин. Город есть город, и несмотря на поздний час, каждые две-три минуты кто-нибудь промчится по улице, на пару мгновений осветив бедному пешеходу его путь.

Но всё это там – на улице, а здесь во дворе полная темнота. Небо при такой погоде обложено, нет сомнений, беспросветными тучами, не видно ни луны, ни даже самой маленькой звездочки. Всё кругом темно. И только, если внимательно приглядеться, можно с трудом заметить, что темнота над головой имеет чуть более светлый оттенок, чем черные массивы окружающих многоэтажных зданий.

Конечно, кромешной тьмой это назвать трудно: кое-какой свет проникает и в этот укрытый со всех сторон угол. В расположенном на другом конце двора девятиэтажном жилом доме слабо светятся два окна. Самого дома не видно, и окна, вероятно, плотно зашторены, но два светлых прямоугольничка все же различимы – какая-то жизнь там теплится. И еще: время от времени на фоне того же невидимого в темноте дома вспыхивает кратковременное свечение, которое можно было бы принять за отдаленные зарницы, однако видно его не в небе, а напротив – на уровне земли. Это слабые отсветы автомобильных фар, проникающие во двор через имеющуюся в той стороне арку. Она расположена под длинной тянущейся почти на весь квартал девятиэтажкой и выходит на перпендикулярную проспекту улицу. И всё-таки: пусть эти световые пятна и не дают забыть, что город, люди, жизнь должны быть где-то рядом, но никакой, даже минимальной, освещенности они создать не могут. Тьма кругом непроглядная. Сколько ни смотри, ничего не увидишь.

Такое впечатление мрачной заброшенности и безжизненности заметно усиливается полной тишиной, царящей в этом ночном дворе. Несколько больших домов, отгораживающих выбранный нами закуток от окружающих улиц, надежно отсекают его от шума уличного движения – сюда он не проникает вовсе. Дождь прекратился около часа назад, ветра нет, ни одна ветка – а где-то здесь есть несколько больших, невидимых во тьме тополей и кленов – не колышется, и потому ночь совершенно беззвучна. Могильная, можно сказать, тишина. Не зная, где ты находишься, даже трудно представить, что вокруг огромный город, в котором живут сотни тысяч людей и в котором именно сейчас продолжает идти какая-то невидимая тебе ночная жизнь. Но здесь всё затихло, замерло, и ничто не говорит о присутствии других живых существ. Более того, любое движение во тьме, звук шагов, любой непонятный шум вряд ли бы обрадовал оказавшегося здесь в эту минуту, скорее он вызвал бы страх и желание затаиться, ничем не выдать свое существование. Мрачное безмолвие кажется зловещим, подозрительным, но и его нарушение было бы воспринято, как не предвещающее ничего хорошего. В душе оживают всяческие страхи, и знакомый городской двор с его кленами, железными гаражами и мусорными баками кажется в такую ночь чем-то вроде девонширских болот – тем самым местом, где *силы зла властвуют безраздельно*.

По всей видимости, мрачные ощущения, подталкивающие к тому, чтобы ожидать внезапного появления из беспросветной тьмы чего-то ужасного, усугубляются отвратительной погодой. Вполне возможно, что теплой летней ночью та же самая молчаливая тьма ощущалась бы, как расслабляющая и умиротворяющая, и побуждала бы к мечтам об интересных встречах и увлекательных приключениях. Но сейчас о подобных мечтаниях не

может быть и речи. На дворе поздняя сибирская осень во всей ее красе. *Поздняя осень...* Трудно сказать, что там с *грачами* – наверное, они и в самом деле давно уже улетели, но остальные прелести этой поры налицо. Промозглая сырость, пронизывающий холод, слабый запах преющих листьев, грустные думы и так далее. Хотя еще только начало октября, но зима уже чувствуется, и погода такая, какой она обычно бывает перед ноябрьскими праздниками. Что-то в воздухе такое, что не сомневаешься: вот-вот повалит мокрый снег, а из-за мусорного бака вылезет кто-то, давно затаившийся там, и направится в твою сторону, сверкая светящимися во тьме глазами.

Однако все эти лезущие в душу страсти – лишь иррациональные бредни, вызванные непривычной для городского уха, а потому и зловещей тишиной. На самом же деле, даже в этом беспробудно спящем и лишенном всякой жизни мрачном дворе есть свои потаенные оазисы, в которых продолжается некая человеческая деятельность. Если тщательно присмотреться, то всего лишь в нескольких шагах можно обнаружить слабое, еле заметное и расплывчатое светящееся пятно. Продолжая исследование этого странного феномена и подойдя к нему поближе, видишь, что чуть видимый свет проникает на улицу через верхнюю застекленную часть большой двустворчатой двери, выходящей в уже известный нам двор. Ясно, что это вход в какое-то учреждение, о чем говорит и висящая на стене рядом с дверью массивная доска. Даже не пытаюсь разобрать, с какой целью она здесь повешена и о чем она сообщает – исходящий из двери свет настолько слаб, что все равно ничего не увидишь, – можно с большой степенью уверенности утверждать, что это массивная черная плита, на которой золотистыми буквами написано что-нибудь вроде «КБ ДСП АБЫРВАЛГ при Совете Министров СССР». Все учрежденческие вывески сделаны по такому образцу, и никаких других в природе просто быть не может – они вымерли еще в доисторическую эпоху.

Притиснув нос к стеклянной части двери, можно разглядеть темный коридор (или обширный холл, стены которого теряются в темноте), ведущий вглубь здания. В конце его – метрах в десяти-пятнадцати от двери – видна какая-то выгороженная из коридора клетушечка, верхняя часть которой застеклена и в которой находится источник видимого нам света. Лампочка там слабенькая, но все же света достаточно, чтобы осветить прилегающую часть коридора и несколько ступенек широкой лестницы, ведущей куда-то влево и большей частью невидимой – ее верхняя часть заслонена стеной коридора. В клетушке кто-то шевелится – мелькает неясная тень, частично заслоняющая тусклый свет лампочки. Вот тебе и свет, и движение, и противостоящее первобытному мраку живое существо.

Конечно, это вахтерская и шевелящийся в ней ночной вахтер. По всей стране десятки тысяч таких вахтеров сидят сейчас в подобных клетушках, смиренно перенося тяготы своей ответственной службы – мы спим, они сидят (ну, лежат или обходят вверенные им объекты, какая разница), а служба идет. Неплохая, кстати сказать, работёнка. Делать, фактически, ничего не надо: заступил на вахту, запер за последними уходящими входные двери, и занимайся, чем хочешь, – времени до утра много, а все дела уже – в основном – сделаны. Ешь, пей (чай, разумеется, или кефир – я надеюсь, вы меня правильно поняли), смотри телевизор или слушай по радио «Программу для полуночников», читай (хочешь – продолжение романа «Хмель» в *Роман-газете*, а хочешь – так и «Пролегомены ко всякой будущей метафизике»), вяжи, занимайся гимнастикой *цигун*, разгадывай кроссворды – здесь широкий простор для творческой личности. Можно, в конце концов, и вздремнуть часок-другой – если, конечно, не увлекаться этим и быть настороже: тебе позвонят (в дверь или по телефону), а ты тут как тут – сна ни в одном глазу. По инструкции, надо в течение ночи сделать несколько обходов вверенных тебе помещений – проверить всё ли в порядке, нет ли запаха дыма, не хлещет ли вода, не слышны ли какие-то посторонние звуки. В этом и заключается твоя служба: неустанно бдить за порядком, и в случае его нарушения, принимать неотложные меры и вызывать соответствующее подкрепление, то есть милицию, пожарных или кого-то еще. Ну что ж, если ты такой службист и педант, сделай ты эти обходы (каждый из них займет у тебя несколько минут), убедись, что ничего не произошло, и продолжай заниматься, чем тебе захочется – в инструкции на этот счет ничего не сказано. Главное, не напивайся на рабочем месте и не забывай потушить сигарету, когда укладываешься на свой диванчик. А утречком: дождался дневного сменщика, передал ему ключи от помещений – вот они, все на своих гвоздиках, и

отдельно ключ от бухгалтерии в специальном патрончике – печать нетронута – и всё. Работа выполнена, и начинается твой законный – настоящий – отдых. Гуляй себе до следующей смены: ешь, пей, спи, занимайся гимнастикой *цигун* и так далее.

Не надо, разумеется, забывать, что у этой привлекательной службы есть и крупные недостатки, и главный, ясное дело, зарплата. Для пенсионера или инвалида – самое то, в качестве приработка – терпимо (правда, тогда встает проблема со сном), но в качестве основного заработка – никак не годится. Даже если ты одинокий, не обремененный семьей индивид и аскет по натуре, долго ты на такой зарплате не протянешь. А второе (тесно связанное с первым) – низкий социальный статус. Опять же понятно, что работу вахтером окружающие легко простят инвалиду и пенсионеру – для них это не укор, и никак не влияет на общую оценку их личности. Это естественно. Но если на месте ночного вахтера появится некто трудоспособного возраста, да к тому же мужского пола (вместо привычной глазу старушечки), то окружающие дружно его осудят. Либо зачислят его в ряды совершенно никчемных бездельников, сидящих на чьей-то шее, либо – что гораздо вероятнее – заподозрят в таком «вахтере» темную личность, эдакого жучка-пройдоху, имеющего какие-то свои не декларируемые и тщательно скрываемые источники доходов. То ли он спекулирует джинсами и польской косметикой, то ли распространяет наркотики, то ли занимается еще чем-нибудь из этого разряда, а работа вахтером для него – только способ маскировки, позволяющий ему изображать из себя примерного члена профсоюза. Так что такой «мужчина в расцвете лет» (для женщин этого разряда могут быть всякие извиняющие обстоятельства и послабления в оценках) вряд ли даже сможет устроиться на вахтерскую должность – вахтерское начальство, имея в виду вышеописанные подозрения, не захочет связываться с темной личностью, от которой можно ожидать разнообразных неприятностей. Так что, скорее всего тот, кто шевелится в вахтерской, должен представлять из себя бабушку-пенсионерку, однорукого субъекта, замученного язвенной болезнью, либо – в крайнем случае – тощего студента с красными от недосыпа глазами. Другие представители вахтерского племени встречаются редко.

Но... Внимание. Пока мы, заинтересовавшись источником тусклого света, рассматривали внутренности неизвестной нам конторы и рассуждали о знакомых нам лишь понаслышке достоинствах и недостатках работы ночным вахтером (да простят нам эти рассуждения те, кто знает эту работу изнутри), дверь вахтерской отворилась, и на слабо освещенную площадку перед лестницей выплыла какая-то фигура. Кто это разглядеть не удастся, но, по всей вероятности, фигура женская. Тут мы не ошиблись: вахтер – как и подавляющее большинство ее товарок – женщина. Вот она переместилась к дальней от нас стене и включила свет: загорелись лампы, освещающие лестничную клетку. *Старательная... На обход отправилась!* – это, по-видимому, единственный вывод, который возможен в данной ситуации. Несколько шагов вверх по лестнице, и вахтерша пропала из поля зрения, скрывшись за углом стены, закрывающей нам обзор. Всё. Обрыв только что начавшегося фильма. Смотреть больше не на что.

Однако, если воспользоваться возможностями автора романа, занимающего всевидящую позицию и способного следить за своими персонажами во всех обстоятельствах, оставаясь при этом за кулисами действия и никак в него не вмешиваясь, мы можем последовать за вышедшей на сцену героиней повествования и стать свидетелями интересных событий, последовавших за столь банальным и ничем не примечательным началом действия.

Следуя за ушедшей наверх вахтершей, заглянем по пути в ее оставленную открытой каморку. Действительно, вполне домашний уют: прикрытая занавеской лежанка, столик с телефоном и какими-то бумажками, рядом недавний номер «Науки и жизни» и затрепанное «Второе нашествие марсиан» Стругацких (не Кант, конечно, но тем не менее), около столика табуретка с электроплиткой и стоящим на ней зеленым эмалированным чайником. Небольшая (ватт на сорок), но вполне достаточная для освещения стола лампа с абажурчиком, которую можно направить, куда тебе нужно. Тепло, хотя и не скажешь, что жарко. Короче, все удобства налицо, и контраст с мрачной жутью только что покинутого нами ночного двора просто разительный. Нет, всё же участь вахтера не вызывает особых соболезнований – жить можно.

Правда, выйдя на лестницу и догоняя уже свернувшую на второй ее пролет вахтершу, этот благостный вывод приходится подвергнуть определенной коррекции. Да, жить здесь ночами, несомненно, можно, но... Невольно возникает неприятное, тягостное тревожное ожидание. Чего? Сформулировать трудно, но ясно, что речь идет о некоей скрытой и пока что неощутимой опасности. Ощущение неощутимого. Как ни парадоксальна эта формулировка, но так оно и воспринимается. То есть опасность еще не видима и не слышима, ты еще не можешь определить, что, собственно, тебе угрожает, но угроза налицо, ты ощущаешь ее каким-то внутренним – «шестым» – чувством. Здравый смысл твердит, что всё это ерунда, твои же собственные выдумки, и ты с этим согласен – нет никаких разумных оснований чего-то бояться. Но шаг твой становится осторожным, а взгляд пугливым. Всё дело, конечно, в пустоте здания и царящей в нем глубокой тишине. Если не считать легкого жужжания и потрескивания в дросселях ламп дневного света, создающего почти не воспринимаемый фон, и слабого шарканья подошв поднимающейся по лестнице вахтерши, ни единый звук не нарушает эту окутывающую тебя тишину. Здание большое, построенное еще до войны, широкие лестницы, высоченные пятиметровые потолки, широкие коридоры... и нигде ни звука... Кашляни, и гулкое эхо разнесется по всему этому пространству. Затаись неподвижно, и опять полная тишина. Ясно, что это безмолвие неестественно и что долгим оно быть не может. Вот, вот, сейчас что-то случится и взорвет эту мучительную тишину, скрывающую истинную изнанку ситуации.

Разумное рассуждение говорит, что тревожная реакция на описываемые обстоятельства вполне предсказуема, и объясняется она непривычностью ощущений – новую для себя ситуацию человек оценивает по своим обычным меркам, потому она и кажется ему угрожающей. Поработав некоторое время вахтером, человек привыкает к неприятной поначалу тишине, и она перестает его страшить. Всё это так. Спускаются же люди каждый день в шахты, лазят там по каким-то штольням и штрекам, чувствуя над собой многометровую толщу земли, исследуют всякие жуткие пещеры, дежурят по ночам в морге... Ко всему можно привыкнуть. Но думаю, что привычка всё же затрагивает только поверхностную, «разумную» («дневную») часть нашего «я», а там, в глубине, где таятся детские страхи и источники кошмарных снов, всё остается по-прежнему. Вероятно, привыкая к тревожащей нас обстановке, мы не столько добиваемся отсутствия реакции на нее, сколько приучаемся подавлять такую зарождающуюся где-то там «в нутре» реакцию и не допускать ее в сознание. Достаточно представить себе, как вы сидите в своей уютной вахтерке, попивая чаек (хороший чай, из пачки «со слоном»), наслаждаясь мрачными фантазиями братьев Стругацких и зная, что утро – а значит и конец дежурства – уже недалеко, и вдруг слышите шаркающие шаги в коридоре... *Скрипи нога, скрипи липовая...* Бр-р-р!

Нет, ну их к богу, легкие вахтерские копейки – нервы надо беречь, от них, как известно, все болезни.

Однако поспешим за отправившейся на очередной обход тетенькой – она уже дотепала до площадки второго этажа и свернула в длинный, тянущийся вдоль всего здания коридор. Здесь ее можно более детально разглядеть и как-то охарактеризовать. Неказистое одеяние, вероятно, типично для находящихся на рабочем месте лиц этой профессии: теплое, недорогое и безо всяких претензий на элегантность и женскую привлекательность. Голова замотана шалью (деталь одежды, которую в наши дни уже и не увидишь, разве что на продавщице, стоящей зимой за базарным прилавком), обвислая затрапезная старушечья кофта, широкая, непонятно какого цвета, юбка и на ногах коротенькие обрезанные валенки. Лицо видно только вполоборота, но в нем и нет ничего примечательного: ни следов былой красоты, ни явно выраженного безобразия – всё как у всех. Это женщина неопределенных лет, можно назвать ее старухой, можно выразиться как-то помягче, но на звание «молодки» (каковым в наше время могут обозначаться женщины лет до пятидесяти) она уже никак не тянет. Может быть, ей пятьдесят пять, а может, и все семьдесят пять. Она рослая, как говорят, «ширококостная», с резкими размашистыми движениями. Идеальный, можно сказать, тип вахтера. Чувствуется, что здесь она на своем месте. Назвать ее «божьем одуванчиком» – дунь и рассыплется – никому не придет в голову. И всё же чувствуется в ней некоторая слабость (*надломленность*, если можно так выразиться), нервность, повышенная эмоциональность.

Наверное, ей пришлось долго привыкать к таким одиночным дежурствам. Хотя, конечно, это всего лишь наше мимолетное впечатление, и, может быть, ее сегодняшняя нервность и встревоженность объясняется какой-нибудь обыденной сиюминутной причиной (предположим, что ее гложет мысль, хватит ли у нее денег заплатить приглашенному на завтра водопроводчику, – да мало ли какие заботы и тревоги могут омрачать душу пожилой малообеспеченной женщины).

И всё-таки в том, как она вступает в полутемный коридор, видна некая неуверенность и настороженность. Свет в коридоре выключен, и только те его части – ведущие вправо и влево, – которые прилежат к лестничной клетке, более или менее освещены, дальше очертания его стен и выходящих в него дверей теряются в постепенно сгущающейся мгле. Вахтерша делает несколько шагов по направлению к невидимому в темноте концу коридора, на несколько мгновений приостанавливается, как бы приглядываясь (прислушиваясь?) к чему-то невидимому нам, и затем из ее уст вырывается негромкий, но ранящий слух, нечленораздельный вскрик: «Ыи-игр-ых!» Она резко поворачивается – лицо ее искажено ужасом – и делает рывок в сторону лестницы. Что бы она там ни увидела, ясно, что речь идет о чем-то экстраординарном и жутком, способном лишить человека разума и воли. Никакие признаки пожара, затопления или взлома учрежденческой кассы не могли бы дать такого эффекта. Похоже, вурдулак прятался вовсе не за мусорными баками.

Но буквально через мгновение картинка существенно меняется. Не сделав и двух шагов, женщина сдерживает свой порыв к бегству и, явно стараясь идти осторожно, медленно спускается по лестнице, выключает свет на лестничной клетке, запирает за собой дверь в вахтерскую (слышно как брякает какая-то щеколда), и через секунду внутри гаснет лампочка.

В здании воцаряется беспроглядная темнота и мертвая тишина.

Глава первая

Детективные страсти

Принимаясь теперь за непосредственное изложение событий, составляющих сюжет этой книги, я должен немного рассказать о предыстории взятого читателем в руки романа.

Сочиняя свой предыдущий детектив – «Пророчица», – я нимало не сомневался, что первый мой опыт в художественной литературе, станет одновременно и последним. Никаких излишних иллюзий относительно своего творческого потенциала у меня не было. Неумный зуд писательства и стремление к самовыражению меня не мучили (а точнее сказать, легко удовлетворялись трепотней с приятелями), и я прекрасно понимал, что осчастливить читающее человечество чем-то, на что способен только я и никто иной, у меня нет ни малейших шансов. Я был уверен (и сейчас в этом не сомневаюсь), что русская литература достаточно богата, чтобы удовлетворить любые читательские потребности, и если мое *литературное наследие* сведется к одному-единственному детективу, никакого заметного ущерба русской прозе это нанести не может. Поэтому, обещая читателям «Пророчицы» закончить свою писательскую карьеру точкой в конце длинного романа, я делал это абсолютно искренне, ни о чем ином и не помышляя. Однако судьба, вовсе не интересуясь моими планами на будущее, уготовала мне иную стезю.

При этом мои *поспешные обеты* были дезавуированы и высмеяны *всевидящей судьбой* довольно ехидным, можно сказать, способом. В конце концов, получилось так, что к опровержению своих слов и к решению взяться за еще один роман я пришел не только вследствие своего пагубного пристрастия к детективам вообще, но и благодаря тому, что сам уже однажды согрешил и поддался соблазну написать детектив. Как говорится, *коготок увяз...*

Читатель, я надеюсь, поймет, что мои слова о *пагубности* детективов и *грешности* их создания не вполне серьезны – это я посмеиваюсь над самим собой и своими собратьями по страстной приверженности к детективному жанру. Но на деле я большого греха в такой страсти не вижу. Конечно, вклад детектива (а я имею в виду только *настоящие*, хорошие детективы) в выполнение главной функции художественной литературы (и искусства вообще) – очеловечивание читателей, – вероятно, весьма скромнен. И, не прочитав за свою жизнь ни одного детектива, можно быть тонким ценителем и знатоком литературы, а главное, пользоваться даваемой ею возможностью подниматься по тем ступенькам, по которым совершалось восхождение человечества от вчерашней недоразвитой обезьяны к цивилизованному представителю *Homo sapiens*. Всё это очевидно. Но у литературы есть и другая важная функция – развлекательная. Как правило, читатель берет в руки художественную книжку не с целью самосовершенствования, а ради того, чтобы развлечься, чтобы пережить отсутствующие в его обыденной жизни эмоции, испытать новые ощущения, стать если не героем, то хотя бы непосредственным свидетелем потрясающих событий или увлекательных приключений. Только те книги, которые способны захватить читателя и отвлечь его на время от забот вялотекущей жизни, имеют право называться художественной литературой, и только они в состоянии повлиять на душу читающего и вызвать появление в ней новых, ранее не испытанных человеческих чувств и мыслей. Здесь не место разбираться в сложных проблемах превращения исходной *развлекательности* в *душевное преображение* читающего – для этого потребовался бы целый трактат, – но уже сказанного вполне достаточно для полной реабилитации детектива. В смысле развлекательности он несколько не уступает всем прочим жанрам, и только от качества читаемого детективного романа или рассказа зависит его эстетическая оценка и возможность его отнесения к истинно художественным творениям.

Исходя из таких (как мне кажется, здравых) воззрений на предмет, я вовсе не стесняюсь своего пристрастия к детективам (благо, сейчас появилось много возможностей для удовлетворения этой страсти) и не считаю грехом написанный когда-то роман – ну, написал и написал – дело житейское. Вы можете считать его никудышним – ваше право, но то, что он –

детектив, в вину мне поставлено быть не может. Однако пора уже вернуться к описанию того, как зарождался этот второй мой роман – с «ходячим трупом», – и вывести на сцену одного из главных его героев.

С этим персонажем начатого мною романа (ну, конечно, с его прототипом) я познакомился в библиотеке. В этом нет ничего удивительного – всю свою жизнь, сколько себя помню, я усердно посещаю библиотеки, и среди моих более или менее близких знакомых вряд ли можно найти кого-нибудь, кто никогда бы не пользовался гостеприимством этих учреждений культуры. Ясно, что с любым из известных мне лиц я вполне мог столкнуться у книжных стеллажей. Менее обыденно то, что поводом для завязавшегося разговора и последующего достаточно близкого знакомства с тем, кого я буду в дальнейшем называть просто Мишей, была наша общая любовь к детективному жанру.

Дело было в середине восьмидесятых, и никто еще не мог и вообразить того книжного изобилия, которое излилось на нас всего лишь через несколько лет. Напротив, времена были самые скудные во всех отношениях, и раздобыть что-нибудь приемлемое из телесной или духовной пищи было совсем непросто. В части же снабжения читателей художественной литературой дело обстояло катастрофически плохо. Даже по сравнению с предыдущими десятилетиями, тоже не баловавшими отечественных любителей литературы, книжный голод стал на порядок более выраженным и достиг, можно сказать, своей максимальной отметки – рядовому читателю, не входящему в какие-то запретные закрома и распределители, практически полностью перекрыли кислород. Читать стало нечего. Издательская политика, с шестьдесят восьмого года озабоченная лишь тем, чтобы в печать не просочилось чего-нибудь «лишнего» и «опасного», усугублялась ответной реакцией на такой цензурный зажим, в результате чего были наглухо законопачены все щели, через которые к читающей публике проникал свежий воздух. Дефицит интересных книг закономерно привел к тому, что они стали обладать не только потребительной, но и меновой ценностью, а следовательно, основная их масса попадала в руки не тех, кто их читал, а тех, кто имел возможность их приобрести. Шкафы, на полках которых красовались нетронутыми «собрания сочинений», «литпамятники» и синенькие томики «большой серии библиотеки поэта», стали восприниматься как столь же наглядное свидетельство зажиточности и жизненного успеха хозяев, что и рядом стоявшие «стенки», заполненные хрустальными вазами, ковры на стенах и пузатый цветной телевизор. Волна престижного потребления, сделавшая книги – наряду с мохеровой пряжей и гречневой крупой (не говоря уже о сотнях других дефицитных благ) – одним из платежных средств бурно идущего подпольного товарообмена, а книжный шкаф – домашней сберкассой, смела с прилавков книжных магазинов всё, что пользовалось хотя бы минимальным спросом. Рядовому покупателю был оставлен выбор между политиздатовскими брошюрами о поисках неокolonизаторов и невзрачными изданиями местных поэтов. Немногим лучше обстояло дело и в библиотеках: длинные ряды полок были заполнены всяческой макулатурой, слегка разбавленной отдельными книжками давно прочитанных классиков. Если ты не готов был часами сидеть в читальном зале – где все же кое-что из желаемого тобой могло оказаться в наличии, – то и большая городская библиотека не давала решения твоих проблем. Надо было как-то выкручиваться и находить нестандартные пути книгоснабжения.

Я пошел самым простым для меня путем, переориентировавшись на чтение, главным образом, книжек, издаваемых в братских социалистических странах и в каких-то количествах проникающих в наши магазины. В областной библиотеке был неплохой иностранный отдел, на полках которого за долгие предшествующие годы скопилось несколько тысяч таких изданий – в основном немецких и польских, – не пользующихся чрезмерным спросом со стороны читателей. Основная масса посетителей этого отдела была заинтересована в учебной литературе и в тех немногочисленных книгах на английском, которые здесь были, оставляя прочие мало кому нужные «книжные сокровища» таким, как я, любопытствующим бездельникам, разыскивающим *чего-нибудь почитать перед сном*. Чтобы читать серьезную прозу на немецком или польском, моего уровня знания этих языков было маловато – понять кое-что удастся, но удовольствия не получаешь, – а вот чтение детективов никаких проблем не создавало. Посему, посещая этот отдел, я обычно покидал его с несколькими детективчиками в руках. К счастью, этот жанр был представлен на полках в достаточном количестве – ряды

польских небольших книжечек из серии «Серебряный ключ» заполняли чуть ли не целый стеллаж, и то же самое можно сказать про гэдээровские карманного формата однотипные томики, в которых печатались разнообразные романчики, идущие у немцев под общим названием «krimi». Сами немцы детективов никогда не писали и не пишут, но среди этой «криминальной литературы» было не так уж и мало переводных детективных романов. Так что для меня возможность пользоваться этими книжками была настоящей отдушиной в пору почти тотального отсутствия новых интересных книг.

С Мишей я повстречался в этом самом иностранном отделе, когда сидящая за стойкой библиотекаря записывала в мой формуляр книжечку Агаты Кристи, – мне в тот раз повезло, и я углядел этот ярко – не по-нашему – оформленный покетбук в стопке книжек, только что сданных читателями. С английским у меня дела обстоят намного хуже, нежели с немецким, который я как-никак учил в школе и в институте в течение многих лет, или с польским, который я, правда, освоил самостоятельно, почти не пользуясь никакими учебниками, но который зато достаточно близок к русскому и не требует таких усилий для понимания. Английского, я, можно сказать, практически не знаю, но чего не сделаешь ради удовольствия почитать Агату Кристи. К тому времени лишь немногие ее вещи были переведены на русский, но их было достаточно, чтобы произвести на любителей детективов неизгладимое впечатление. Побуждаемый сильным желанием познакомиться еще с одной хитроумной загадкой, над которой ломают голову герои Кристи, я очертя голову бросился в пучину с большим трудом – по складам – разбираемого английского языка, и, надо сказать, не утонул в ней на первых же страницах, а мало-помалу научился понимать несложный детективный текст в достаточной степени, чтобы следить за сюжетом и не путаться в тех уликах, что удается обнаружить Пуаро или мисс Марпл. Прочитав пару английских книжек, я почувствовал себя вполне готовым к чтению литературы подобного рода. Главное, на первый план вышли не сложности конструкции английских фраз, а хитросплетения изобретенных Кристи загадок, и следовательно, удовольствия, получаемые в процессе чтения.

Имевшиеся в библиотеке два-три десятка напечатанных за рубежом английских детективов шли, естественно, нарасхват, и я был очень доволен тем, что мне выпала такая удача – еще не читанная книжка Кристи (если не ошибаюсь, это была *The moving finger*) попала наконец в мои руки. И вот тут-то и нарисовался Миша:

– О! Кристи! Повезло вам. Я такой еще не видел, – прокомментировал он мой трофей несколько завистливым тоном.

Надо сказать, что мы с моим будущим героем были к тому времени уже отчасти знакомы, хотя и не обменялись до того ни единым словом. Дело в том, что мы с женой купили тогда годовой абонемент на камерные концерты и старательно – раз в месяц – посещали филармонию. А как же – для того и абонемент, чтобы не было соблазна отложить поход на концерт на какой-нибудь «другой раз». Нет уж – *деньги уже заранее заплочены* – нечего отлынивать, собирайся и иди. Публики на таких концертах относительно немного, и через два-три раза большинство присутствующих начинаешь узнавать в лицо. Вот одним из таких любителей музыки и был Миша, появившийся в зале в сопровождении двух дам приблизительно его же возраста. По-видимому, он так же запомнил мое лицо и обратился ко мне по-свойски, как к кому-то более или менее знакомому. На выходе из библиотеки мы в нескольких фразах обсудили общую любовь к детективам, и к Агате Кристи, в частности, формально представились друг другу, обменялись номерами телефонов, а главное, договорились, что, когда я соберусь сдавать ухваченную мною Кристи, я предварительно сообщу ему об этом, и он постарается прибыть к назначенному сроку в библиотеку, чтобы сразу же взять сдаваемую книжку, покуда ее не успел перехватить кто-нибудь из других читателей.

С этого и началось наше – возникшее на детективной почве – знакомство, продлившееся несколько лет и окончательно угасшее лишь в «перестроечные» времена, когда всё стало быстро и необратимо меняться. Встречались мы с Мишей не слишком часто, но и не забывали друг про друга, перезванивались, и время от времени он – чаще к концу рабочего дня – забегал ко мне в издательство поболтать, обсудить какие-нибудь новости, занести обещанную книжку. Хотя за эти годы было и несколько встреч в домашних условиях – даже с участием жен

– семейные визиты, так сказать, – да и на концертах мы продолжали видеться, но всё же главным образом наше общение происходило в моей издательской комнатухе. Иной раз и подолгу засиживались. Разговоры про то, про сё, шуточки, споры, чай, сигареты, бывало и по стопочке пропускали. Иногда заглядывал кто-то из моих коллег по издательству и тоже включался в наш треп – в общем, обычное интеллигентское времяпровождение тех лет.

Темы наших разговоров были самыми разнообразными. Миша был человек начитанный, живо всем интересующийся, и обсуждать с ним можно было что угодно, однако детективы и связанные с ними вопросы, увлекательные для нас обоих, всплывали в наших разговорах достаточно часто. И здесь я могу уже непосредственно перейти к предыстории начатого романа.

Приблизительно за год или за полтора до нашей встречи в библиотеке я закончил свой первый детективный роман и еще не утратил ощущения удачно завершённого дела: *вот, сделал же, и совсем неплохо получилось, прям как у настоящего писателя*. С Агатой Кристи я себя, конечно, не равнял, но некоторую авторскую гордость испытывал, не без оснований полагая, что на фоне практически еще не существующего *русского детектива* мой роман смотрится совсем неплохо. (Сравнивать его я мог только с повестями Шестакова и Смирнова – Словина я еще тогда не знал, а если что-то из его книжек мне и попадалось, я еще не выделил его из общего потока отечественных «романов про милицию»). Опубликовать свое творение в одном из журналов, не брезгующих криминальными сюжетами, я даже не пытался, хорошо понимая, что на этом пути мне ничего не светит. Если бы даже нашелся такой чудак-редактор, который заинтересовался бы моим романом, то любой милицейский генерал, чья положительная рецензия была необходима для подобного рода публикаций – в тексте же упоминаются работники милиции и сотрудники прокуратуры, – зарубил бы мой нестандартный романчик, пролистав хотя бы первые две-три главы. Образцовыми советскими детективами тогда считались пухлые романы абсолютно бездарного во всех отношениях Юлиана Семенова да повесть Липатова о «деревенском детективе», ближайшим литературным предшественником которого надо считать вовсе не Шерлока Холмса, а скорее уж деда Щукаря. Пишу *тогда считались*, как будто речь идет о чем-то уже давно прошедшем и отвергнутом, но, конечно, любящий такие книги читатель и без меня видит, что это далеко не так. И сегодня, когда на русском можно прочесть множество настоящих детективов, среди которых и те, что создали высокую литературную репутацию детективному жанру, *широкие читательские массы* и мало чем отличающиеся от них литературные критики по-прежнему не имеют ни малейшего представления о детективе и называют этим именем разнообразную низкопробную халтуру.

Однако у меня-то было собственное мнение о детективе и его образцах. И я считал, что моя «Пророчица» соответствует всем главным требованиям, предъявляемым романам этого жанра. Я охотно давал перепечатанную в четырех экземплярах рукопись всем, кто выказывал хотя бы минимальный интерес к литературе такого рода, и к описываемому времени ее прочитало уже человек пятнадцать (а может, и двадцать). Их оценка романа была, в целом, позитивной, и это еще больше укрепляло меня во мнении, что детектив мой отнюдь не плох. Конечно, не всякий читатель рискнет сказать автору в глаза, что его опус – барахло и что читал он его с отвращением и скукой. Не сомневаюсь, что среди моих знакомых есть и воспитанные, вежливые люди, склонные учитывать самолюбие автора и избегать высказываемых вслух резких суждений, но всё же большинства они никак не составляют. Большинство моих приятелей – завзятые критиканы и яростные спорщики, и они скорей с удовольствием ткнут тебя носом во всякий замеченный ими огрех, нежели будут деликатно щадить твои авторские чувства. Так что, если учесть все эти обстоятельства, итоговое мнение читателей о романе можно было считать положительным. Естественно, очень скоро я в ходе наших разговоров о детективах сознался Мише, что сам написал роман, и удовлетворил его горячее желание незамедлительно познакомиться с этим произведением. Сделал я это не без опаски, но с надеждой, что «Пророчица» его не разочарует. Таких, как Миша, знатоков детектива и его – как бы сейчас сказали – «фанатов», среди читавших роман еще не было, а потому его мнение я расценивал как первое суждение квалифицированного – в этом смысле – читателя. Миша меня не подвел: роман ему понравился, и он признал его соответствующим высоким

детективным стандартам. Правда, он высказал и несколько критических замечаний, со справедливостью которых я склонен был согласиться, однако оставил текст безо всяких переделок и поправок. Как написано – так написано, пусть уж так и будет. После всех этих, занявших несколько месяцев, событий на одной из наших очередных посиделок Миша признался мне, что когда-то он тоже вынашивал планы написать детектив и что у него есть сюжет – точнее сказать, случай из жизни, который, конечно, требует определенной доработки и расцвечивания творческой фантазией, но который даже в сыром, необработанном виде можно рассматривать как готовую детективную загадку.

И он сделал мне неожиданное предложение, которое привело в конечном итоге – правда, через много лет – к тому, что вы читаете начало этого романа (я надеюсь, что закончу его, и вы сможете его прочитать).

– Давайте я расскажу вам, – предложил Миша, – как это всё было, попросту, без претензий на литературные красоты и ухищрения, а вы на этом материале напишете настоящий детективный роман. У вас получается. А я все равно ничего не напишу: и способностей к этому я в себе не чувствую, и усидчивости во мне явно недостаточно, чтобы осилить такое дело. А жалко, если такой материал пропадет – такие случаи в криминальной практике, наверное, можно на пальцах пересчитать.

Сама идея приниматься за новый роман была для меня совершенно неприемлема – я и от первого еще не отошёл... нет, этого лакомства я уже наелся досыта... Но возможность услышать подробности интересной детективной истории меня, ясное дело, сильно заинтриговала. Да и сам Миша рвался сообщить мне эти подробности. Поэтому мы решили, что сначала он все по порядку расскажет, а потом мы обсудим, что из этого может последовать. Короче говоря: там видно будет.

Справедливо было сказано, что «человеческую жизнь, с деталями, можно, в среднем, рассказать за два часа...» И, казалось бы, рассказ об одном лишь случае из жизни, пусть даже чрезмерно запутанном, не может занять больше времени. Однако на деле оказалось не так: Миша рассказывал свою историю «о бродячем трупе» в течение трех или четырех вечеров с неизбежными перерывами и объявлениями *продолжение следует*. Конечно, такую не предполагаемую заранее длительность его рассказ приобрел из-за многочисленных отступлений и уклонений от основной линии повествования. Рассказчик постоянно отвлекался на разные не относящиеся к делу, но пришедшие к слову подробности, припоминал всякие интересные и смешные случаи из своей жизни тех – описываемых – лет, давал подробные характеристики лицам, появляющимся в его рассказе, часто забегая вперед и сообщая, что с ними происходило в последующие годы. Большинству этих ответвлений и петель с последующими многократными возвращениями к описываемым событиям, всем этим рассуждениям, характеристикам и воспоминаниям не место в романе – как я опасаясь, он и так будет перегружен моими личными отступлениями от «генеральной линии», – да и основную их массу я просто позабыл за давностью лет... И все же мне кажется, они были не совсем лишними и создавали общую атмосферу жизни в советском НИИ эпохи раннего застоя. Я плохо и лишь извне знаком с обыденной жизнью научных учреждений. Хотя, разумеется, у нее много общего с тем, что происходило во всех прочих советских конторах (в том числе и тех, в которых прошла моя жизнь) – так сказать, всесоюзные «Голубые горы»¹, – но, безусловно, в ней была и своя специфика, так что я могу только надеяться, что смутные воспоминания о Мишиных рассказах, помогут мне избежать грубых ошибок в последующих описаниях.

Дело происходило в начале семидесятых – семьдесят второй или семьдесят третий год – в нашем же городе (который я уже много лет считаю своим), в Институте катализа и электролиза минерального сырья – сокращенно: НИИКИЭМС. Я намеренно дал описываемому НИИ такое,

¹ Замечательный грузинский фильм (1983 года) режиссера Эльдара Шенгелая. Особенно должен быть интересен тем зрителям, кто был уже вполне взрослым в описываемые годы и может сравнивать увиденное на экране со своими собственными воспоминаниями. Вполне реалистичная и в то же время гротескно-смешная картинка из обыденной жизни стандартного советского учреждения. В определенном смысле фильм можно считать предчувствием грядущей «перестройки».

отдающее пародией, наименование: сообщать его истинное название мне не хочется, но и ломать голову над более реалистично звучащим именем я не вижу особого смысла. Основная масса работающих в этом ведомственном научном учреждении занималась чем-то так или иначе связанным с электрохимией: какие-то электроды, растворы, расплавы, изучение которых сулило, по-видимому, огромный народно-хозяйственный эффект. Но ничего я про их занятия не знаю, да и читателю всё это ни к чему – к делу это отношения не имеет. Молодой Миша – он по образованию химик-органик – попал сюда по распределению и уже третий год работал здесь, занимая рядовую должность мэнээса. *Младший научный сотрудник лаборатории нестандартных технологий Михаил Григорьевич Стасюлевич* – так я решил его поименовать (его реальная фамилия была несколько похожа на эту – довольно редко встречающаяся и как-то отсылающая в эпоху Герцена и Огарева).

Своей работой Миша был тогда вполне доволен. Такой молодой, подающий надежды (по его собственным ощущениям) советский ученый, перед которым открываются широкие жизненные перспективы. Вместо того, чтобы заниматься, как большинство из его сокурсников, ежедневными рутинными анализами в лаборатории жиркомбината или, в лучшем случае, вдалбливать балбесам-студентам какую-нибудь «коллоидную химию», он с воодушевлением трудился над интересной ему научной темой и пользовался всеми благами академической свободы: сам планировал свои исследования, сам их выполнял, сам описывал полученные результаты (уже две его статьи – в соавторстве, конечно, – были приняты в печать!), приходил на работу, когда надо, и уходил, когда вздумается – чем не жизнь для энергичного, настроенного на научную карьеру интеллектуала? Правда, с деньгами было туговато – на жиркомбинате платили существенно больше, – но это ведь всё временно. Вот защитит он кандидатскую, и можно будет рассчитывать на ставку стэнээса², что должно разрешить почти все его материальные проблемы. Зато в остальном всё более или менее приемлемо. Начальство не слишком вредное и занятое какими-то своими начальственными делами – ему не до тебя. Не мозоль ему глаза и не приставай с требованиями и просьбами – про тебя и не вспомнят до той поры, когда надо будет сдавать отчеты. В лаборатории, в основном, такая же молодежь. Всё попросту. Шум, разговоры, обсуждение своих и чужих экспериментов, прочитанных статей, шутки, болтовня на разные темы, бесконечные чаепития, перетаскивания с этажа на этаж тяжелых лабораторных столов и еще более тяжелых приборов, обходы соседних лабораторий, в каждой из которых уже есть знакомые, с просьбами отсыпать или отлить нужного реактива, питье чая у соседей... Ну и, конечно, выезды на овощную базу или в прикрепленный колхоз на уборку уходящей под снег морковки, комсомольские и профсоюзные собрания, ленинские зачеты и субботники по уборке территории, стенгазеты и художественная самодеятельность к праздникам – обычная жизнь, как у всех. Работать, конечно, надо. Приходится и опыты ставить, которые могут затянуться до поздней ночи, и в библиотеке сидеть целыми днями, просматривая до полного оупения реферативные журналы, – и много чего надо. Но ты сам решаешь, что, как и когда ты будешь делать, – а это главное. По крайней мере, именно так смотрел Миша на свою жизнь в те годы.

Наверное, нарисованная рассказчиком картинка научных будней выглядит чересчур благостно. Разве возможна какая-либо контора без разного рода интриг, стремлений вырвать у соперников некий лакомый кусок, борьбы амбиций, застарелых личных конфликтов между сотрудниками, перетягивания одеяла на себя, заискивания перед начальством, наущничества и прочих тому подобных свидетельств нашего человеческого несовершенства? Не приходится сомневаться, всё это было и в описываемой рядовой научной конторе – как же без этого. Но, во-первых, все эти не слишком заметные снаружи подспудные течения и водовороты гораздо меньше касаются мэнээсовского уровня и, в основном, расцветают в более высоких слоях институтской иерархии – там, где и участники состязаний уже прошли соответствующий отбор, и ставки в игре намного выше. А во-вторых, нужно учитывать, что в своем рассказе Миша, вероятно, слегка приукрашивал ту свою – так быстро пролетевшую – молодую жизнь. *...Настоящее уныло: все мгновенно, все пройдет; что пройдет, то будет мило*, – как выразился поэт.

² Ст.н.с. – старший научный сотрудник (разъясню, на всякий случай).

Однако, как бы то ни было, фон, на котором разыгралась эта жутковатая криминальная история, был самым обыденным: житейские склоки здесь могли быть и, несомненно, бывали, но подозревать, что дело может дойти до явной уголовщины, никому не пришло бы в голову. И когда после нескольких глухих подземных толчков перед наблюдателями разверзлась, можно сказать, мрачная бездна, все – включая и нашего рассказчика – были просто ошарашены, растеряны и не знали, как им понимать происходящее и о чем им думать.

История эта началась с того, что по всем этажам НИИКИЭМСа прокатился слух: *в институте кого-то убили.*

Глава вторая

Труп выходит на сцену

Слух о произошедшем убийстве был, с одной стороны, совершенно необычным и ошеломляющим: *да ты что? ничего себе!* – именно этим объясняется та исключительная скорость, с которой сенсационная новость распространилась по лабораториям, службам и прочим закуткам большого учреждения. Уже сразу после обеда о случившемся толковали все, кто в этот момент оказался на рабочем месте и мог хотя бы на несколько минут оторваться от дела. (А кто бы не мог? И чем это таким, интересно знать, он был занят?) Но, с другой стороны, сообщение было крайне неопределенным и туманным – в нем не было ни малейшего намека ответ естественно возникающим вопросам: *кто? когда? почему?* Неясно было даже, о чем, собственно, идет речь и как следует понимать переходящее из уст в уста выражение *в институте*.

То ли слово *институт* надо толковать как местоположение, и пресловутое *убийство* произошло в этом самом здании (других принадлежащих НИИКИЭМСу просто не было, если не считать малюсенькой механической мастерской, расположенной где-то на окраине города и к институту имеющей лишь формальное отношение). Однако такое толкование казалось крайне маловероятным: не было никаких признаков, указывающих на реальность столь экстраординарного события. Никто не рассказывал о прикрытых простышкой носилках, на которых эвакуировали покойного, или о злодее, в наручниках выводимом из институтских дверей к стоящему поблизости милиционеру «воронку», никто не видел милиционеров, шастающих по зданию с собакой на поводке или выявляющих отпечатки пальцев и возможные следы крови, не было и речи о допросах потенциальных свидетелей и подозреваемых. Конечно, среди судачащих на эту тему работников института вряд ли кто-то мог бы со знанием дела объяснить, чем должно сопровождаться расследование недавно совершенного убийства, но что-то ведь должно было происходить и, соответственно, быть замеченным окружающими. Однако никто ничего не заметил и об этом не рассказывал. Да и вообще, как можно убить кого бы то ни было в переполненном людьми здании и притом так, чтобы это тут же не стало всем известно?

Тем не менее, и другое толкование слова *институт*, как организации, состоящей из многочисленных сотрудников, приводило к не меньшим трудностям. Во-первых, ни в одном из подразделений института не было замечено «потери бойца». Разумеется, немалое количество людей отсутствовало на обычном месте работы по разнообразным причинам: кто-то был в отпуске, кто-то на больничном, многие проводили свой рабочий день в научно-технической библиотеке (или, по крайней мере, числились там, отлучившись из лаборатории по своим надобностям), посещали по делам разные организации и соседние институты... И ясно, что каждый из них мог погибнуть («Убийство в библиотеке» – это было бы уж совсем в духе Агаты Кристи!) – всё это так. Но чтобы об этом не знали в том маленьком коллективе, где он работал, и получили бы известие о смерти своего коллеги таким окружным путем, через циркулирующий по институту слух – это было бы очень странно. К тому же, во-вторых, – и этот довод особенно убедителен – во всех случаях неожиданной кончины одного из работников в учреждении начинается, может быть, и небольшая, но не терпящая проволочек деятельность. Нужно связаться с родственниками, выписать им материальную помощь на похороны, заказать транспорт, автобусы, оградку и памятник – пусть самый простенький, сварной, со звездочкой на макушке, – организовать при необходимости поминки, решить массу других возникающих вопросов. И всё это надо делать тут же, не откладывая, – покойник не может ждать. Однако ничего подобного не происходило, и ни в профкоме, ни в бухгалтерии ни о каких предстоящих похоронах не знали и никаких указаний на этот счет не получали. А следовательно, не имело смысла говорить о гибели кого-то из сотрудников.

Еще один важный момент, заставляющий усомниться в том, что за высказанным утверждением об убийстве стоит нечто реальное, был связан с неуловимостью происхождения слуха. Каждый мог, конечно, сказать, от кого он узнал про это устрашающее

происшествие, но первоначальный источник, из которого проистекал слух, оставался неизвестным. Как это бывает, *Иван кивал на Петра, а Петр ссылался на Кузьму*, но кто именно та сорока, на чьем хвосте ошеломительная новость прилетела в коридоры НИИКИЭМСа, оставалось тайной. Казалось бы, одного этого обстоятельства должно быть достаточно, чтобы отбросить все пересуды как бабьи бредни, не имеющие ничего общего с реальностью. И к такому выводу склонялись многие, в том числе и сам повествующий об этом Миша.

Так то так. И тем не менее. Несмотря на полное отсутствие связи с реально текущей жизнью, то, что убийство действительно имело место, утверждалось с такой искренней верой и убедительностью, что услышавший эту новость – каким бы скептиком он ни был – передавал ее дальше с той же самой интонацией и убежденностью. Так что все порожденные слухом разговоры и рассуждения основывались на как бы общеизвестном факте, достоверность которого не требует никаких доказательств – да, так было, не нами это установлено, и не нам это опровергать. *Глас народа*, так сказать. А посему и окончательный вывод, к которому пришли институтские умники, чьи суждения определяли, в основном, внутриучрежденческое общественное мнение, гласил что-то вроде: *Пусть рассказы об убийстве невероятны и, возможно, сильно искажены при передаче из уст в уста, но в основе их лежит, по-видимому, действительное происшествие, каким-то образом связанное с Институтом катализа.*

Поскольку в последующие дни ничего достойного внимания не происходило и никакой ясности в обсуждаемом вопросе не появилось, то к концу недели слух затих сам собой и, вероятно, быстро перешел бы на положение очередной «параши» (как сейчас бы сказали), не нашедшей впоследствии ни малейшего подтверждения. Однако – я чуть не забыл сообщить об этом – было всё же одно событие, в фактичности которого трудно было сомневаться и которое, по всей видимости, могло иметь отношение к появлению слуха об убийстве. Информация об этом мелком происшествии происходила от директорской секретарши – дамы средних лет, посвященной, благодаря своему положению, в некоторые не подлежащие широкой огласке институтские дела и делишки. Правда, узнать что-либо непосредственно от нее институтским любопытствующим было бы совсем непросто. Дама она была манерная, с ледяной неприступностью во взоре и голосе, и до досужих разговоров с обычными сотрудниками не снисходила. Исключения делались только для директора с его заместителями, главного бухгалтера, начальника первого отдела, ну и еще для нескольких человек, числящихся на тот момент директорскими фаворитами, часто посещавшими охраняемый секретарем кабинет. И всё же кое с кем из служащих она как-то общалась, и потому через начальницу отдела кадров весь институт вскоре узнал об упомянутом интересном событии. Оказывается, утром в понедельник (то есть еще до всяких слухов – они распространились только во вторник после обеда) в приемной появился некий молодой человек, сообщивший, что он из милиции (хотя был и не в форме), и пожелавший переговорить с директором института. Поскольку академика в тот момент не было на месте, да и сомнительно, чтобы он стал беседовать с каким-то милиционером в ранге ниже полковника, секретарь перенаправила пришедшего на ступеньку ниже – к институтскому замдиректора по АХЧ. (Тут надо сказать, что на деле глава НИИКИЭМСа был в то время только членом-корреспондентом Академии наук, однако надеялся удостоиться высшего звания в относительно недалеком будущем и не возражал, если его уже заранее титуловали «академиком». А потому, с легкой руки откровенных подхалимов, так его обычно и именовали в неформальных разговорах сотрудников – это, кстати, было довольно удобно, поскольку помогало отличать директора от всех прочих внутриинститутских «боссов» и «шефов»). У замдиректора необычный посетитель пробыл недолго, покинув его кабинет минут через десять-пятнадцать. Но что привело его в НИИКИЭМС и о чем шел разговор – хотел ли он проинформировать о чем-то институтское начальство или же, напротив, сам нуждался в какой-либо информации, – осталось тайной. Расспрашивать об этом зама по АХЧ – человека сурового и не стесняющегося в выборе выражений – никто не решился, а сам он на этот счет не высказывался. Так что, когда возникло подозрение, что визит милиционера и возникновение слуха об убийстве могут иметь некую общую подоплеку, ему было суждено

остаться на положении смутного подозрения: никакие факты не свидетельствовали напрямую об истинности таких догадок.

Вспоминая те далекие дни, Миша довольно цветисто выразился, что первые неясные сигналы об определенном неблагополучии, подспудно зреющем в глубине мирно текущей институтской жизни, можно было бы сравнить с теми, не приносящими никаких явных неприятностей подземными толчками и движениями почвы, которые часто предвещают близящееся извержение вулкана.

– Это был предупреждающий стук из преисподней, – не без пафоса дополнил он свою мысль, – стук, всех заинтриговавший и вызвавший интенсивную реакцию, но по существу не распознанный в качестве пророчества о грядущих бедах, а потому – после краткого всплеска интереса – и оставленный в конечном итоге в пренебрежении. Никому тогда не пришло в голову, что настоящие события впереди и что они только подготавливаются перед тем, как обнаружить свое истинное значение.

Услышав это, я, помню, подумал, что рассказчик напрасно недооценивает свою склонность к литературной деятельности и что, если бы Миша самостоятельно взялся за дело и, как говорится, *уперся рогом*, то, вполне возможно, смог бы написать более или менее пристойный роман, не прибегая ни к чьей помощи. Я даже пытался убедить его в этом, но все мои чистосердечные старания ни к чему не привели, и судьба, вознамерившаяся подвести меня к сочинению еще одного детектива, по-прежнему продолжала гнуть свою линию – на то она и судьба, что тут поделаешь.

Ясно, что подобные рассуждения о «пророчествах» и «стуках из преисподней» принадлежат тому Мише, который через десять лет после случившегося рассказывает мне свою жутковатую историю. Когда же она только начиналась, Миша – как и все его коллеги и собеседники – обладал лишь той информацией, о которой я уже рассказал выше. Реальную механику возникновения описанного слуха он узнал лишь через много дней, и я позднее расскажу, как он стал обладателем такой *эксклюзивной информации* (еще одно новомодное словечко, широко распространившееся среди *продвинутой* – вот вам и еще современный перл! – публики).

Однако здесь, заботясь о ясности изложения и пользуясь возможностями романной формы, дарующей автору право свободно перемещаться во времени и пространстве, мы можем не дожидаться, пока наш герой узнает нечто еще ему неизвестное, а сразу рассказать, как оно было на самом деле.

Непосредственным источником слуха об «убийстве в институте» была Анна Леонидовна Бильбасова – персонаж, в некотором отношении еще не знакомый читателю. Впрочем, если я добавлю к имени еще и занимаемую ею должность в НИИКИЭМСе – вахтер, то вряд ли найдется кто-то, не сообразивший сходу, что речь пойдет о той самой «тетеньке» в обвислой кофте и укороченных валенках, которая уже появлялась на самых первых страницах романа.

Понятно, что вахтеры занимают одну из низших ступенек в институтской табели о рангах и редко выдвигаются в центр каких-либо событий – неприметная должность, самое мимолетное общение с другими сотрудниками. Миша до описываемых событий и не помнил о существовании этой самой Бильбасовой. Знать-то он ее – по крайней мере, в лицо – знал, конечно. Хотя эта героиня романа и работала большей частью в ночные смены, но всё же время от времени она дежурила и в дневные часы, а следовательно, Миша должен был проходить мимо нее, здороваться, брать или сдавать ключи – значит какое-то минимальное общение было. Но запоминать ее и иметь о ней хотя бы какое-то определенное мнение, у него не было причин. Одна из тех старорежимных тетенок, которые каждый день сменяют друг друга и мало отличаются между собой. Общение в подобных ситуациях таково, что человек воспринимается не со стороны своей индивидуальности, а как функция – вахтер. Вахтер он и есть вахтер, а что он за человек – ну, мне-то какая разница! Наверное, и Анна Леонидовна (как и прочие ее коллеги по должности) точно так же относилась к Мише: один из той многочисленной молодежи, что постоянно шмыгает туда-сюда мимо вахтерской, – главное, чтоб ключи не забыл сдать.

Я сознательно использую наименование «вахтер», хотя в быту таких работников женского пола обычно именуют «вахтершами». Мне не хотелось бы, чтобы в описаниях этого персонажа

присутствовал оттенок пренебрежения, который слабо, но всё же ощущается в словах *вахтерша, кассирша, лифтерша* и им подобных – женщину на должности *главного бухгалтера* не назовут *бухгалтершей*, не тот градус уважения. Надеюсь, что читатель, как и я сам, говоря о конкретном человеке, склонен оценивать его в зависимости от присущих ему человеческих качеств, а не от занимаемой им должности или социально-экономического статуса, и не считает, что директор института заведомо лучше институтского вахтера и во всех отношениях его превосходит. По-разному может быть. И если обратиться к статистике, то процент отъявленных тупиц и прохвостов среди членов-корреспондентов Академии наук может оказаться не меньше, чем среди вахтеров и кочегаров, – как бы не наоборот. И потом: несмотря на незначительную должность и отсутствие ярких, привлекающих внимание черт в облике Анны Леонидовны – немолодая женщина, сдержанная, отстраненно вежливая и суховатая в общении, не претендующая на центральное место в разговорах и, вероятно, уже лишившаяся большей части присущих нам всем иллюзий о собственной значимости – в нашем сюжете она волею судеб (а если отбросить излишний пафос: волею случая) оказалась выдвинутой на авансцену и играет в сём повествовании одну из центральных ролей. Именно с ее рассказа и началась вся эта история. Пусть в институтском механизме она всего лишь маленький, незаметный винтик, в конструкции нашего романа она – одна из осевых фигур, и пренебрежительное отношение к ней, как к *какой-то вахтерше*, было бы здесь совершенно неуместно.

Как уже было сказано, Анна Леонидовна не отличалась особой общительностью, да к тому же ее график работы не располагал к тесным контактам с другими работниками института. Охотно соглашаясь на суточные дежурства по выходным и на работу в ночные смены, что было на руку составляющему расписание дежурств коменданту, в дневные смены она выходила лишь два-три раза в месяц. И, видимо, поэтому у нее не было близких подруг среди женщин ее возраста, работающих в отделе снабжения, в бухгалтерии или еще где-то. Однако работала она в институте уже достаточно много лет, и кое-какие приятельские связи у нее образовались. Одно – и, по-видимому, главное – из таких знакомств связывало нашу героиню с еще не появлявшейся на этих страницах некой Ниной (Миша даже не пытался вспомнить ее отчество, а фамилии он, скорее всего, и вовсе никогда не знал).

Нина эта, завскладом химреактивов, была заметно моложе Бильбасовой и по характеру резко от нее отличалась. Живая, шумная, в молодости, вероятно, не лишенная женской привлекательности, и до сих пор не совсем забывшая об этом (она-то, может, и забыла, но организм еще кое-что помнил, и временами выдавал реакции, свойственные симпатичным, кокетливым девушкам), она постоянно с кем-то болтала, шушукалась, хихикала, делилась впечатлениями, утешала, наставляла, сочувствовала – такой жизнерадостный, неугомонный, требующий постоянного общения жизненный тип. Как, на первый взгляд, ни странно, но именно она была чуть ли не единственным человеком в институте, кого можно было бы назвать приятельницей Анны Леонидовны. Возможно, речь здесь шла о взаимном притягивании полюсов (*Они сошлись. Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень...*), а может быть, главную роль сыграло то простое обстоятельство, что склад – неизменное место работы Нины – располагался на первом этаже здания, то есть в непосредственной близости от вахтерской. Как бы то ни было, появляясь в рабочее время в институте и уловив подходящий момент, чтобы ненадолго покинуть свой пост, Анна Леонидовна время от времени заглядывала к Нине, где дамы имели возможность минут пятнадцать-двадцать пообщаться за стаканчиком кофе (кофе у Нины подавался в жаропрочных химических стаканах, что, впрочем, было обычной сервировкой в большинстве институтских лабораторий).

Нет ничего удивительного, что пережившая серьезное потрясение и еще не совсем пришедшая в себя пожилая женщина, испытывающая жгучую потребность поделиться с кем-нибудь своими переживаниями, решила доверить мучавший ее сногшибательный секрет своей хорошей знакомой, на сочувствие которой она вполне могла рассчитывать. И хотя очень скоро Анна Леонидовна стала сожалеть о своем поступке и корить себя за несвойственную ей несдержанность, что сделано, то сделано. *Слово не воробей...* Короче говоря, оказавшись к концу рабочего дня в институте – ей что-то надо было выяснить и урегулировать в бухгалтерии, – Анна Леонидовна заглянула на склад к своей товарке (та уже собиралась

закрывать лавочку – не дай бог, кто-нибудь припрется за реактивами и задержит), и, взяв с подружки все мыслимые торжественные обещания, клятвы и подписки о неразглашении, выложила ей свою тайну: в свое прошлое ночное дежурство вахтер обнаружила в коридоре убитого мужчину. *Поскольку рассказывать про это ей было не велено, Нина должна ее понять и ни звуком никому об этом не обмолвиться. Как бы неприятностей не было. Дело жуткое, совершенно непонятное, – что тут такое? кто в этом замешан? бог его разберет – а потому лучше всего молчать и ни во что не вмешиваться. Может, потом всё как-то прояснится, милиция разберется, тогда и говорить будет о чем, а пока...* Нина слушала это всё с открытым, естественно, ртом и округлившимися глазами, ахала, охала, пыталась что-то спрашивать, но поклялась, что будет молчать как рыба. На этом «пресс-конференция» и закончилась. Участвовавшие в ней разошлись по домам, но – как легко домыслить из вышесказанного – это событие привело к незапланированным заранее, однако вполне предсказуемым последствиям.

Когда на следующее утро Нина появилась на своем складе, распирающая ее тайна не давала возможности жить и выполнять привычные обязанности. То, что эта достойная дама уже поделилась с мужем – тем же вечером – доверенной ей новостью, никак не уменьшало жгучего желая рассказать о ней кому-то из «своих». *Ведь муж – это совсем не то, его это и не зацепило вовсе. Ему-то что? не в его автоколонне убили, да там, наверное, такое и случается время от времени. Но у нас в институте! Это тебе не кот начхал.* Нина помаялась некоторое время, выдавая черт знает какие банки и коробки, подписывая – даже не пытаясь вникать в содержание – подсовываемые ей требования и фактуры, но затем, не совладав с собою, отправилась в бухгалтерию и вызвала на randevу свою ближайшую подружку из материальной группы – *зайди ко мне, поговорить надо*, – после чего в своем закутке, заперши складскую дверь и взяв с собеседницы все приличествующие случаю заверения в дискретности и гробовом молчании, выложила ей – хоть и в самых кратких выражениях – мучившую ее новость.

Дальнейшее понятно: события пошли своим естественным чередом. Через какие-то полчаса вырвавшееся из Нининой груди сообщение об *убийстве в институте* полетело по этажам уже в качестве слуха, не имевшего определенного автора. И хотя скорость перемещения в пространстве интересной каждому новости не превышала скорости обычного пешехода, ее распространение шло одновременно по множеству параллельных путей, так что через пару часов все здание было охвачено пересудами, подозрениями, разного рода домыслами и предположениями. Сам механизм возникновения слуха хорошо объясняет и его невнятность, и его анонимность. Чувствовавшие свою вину клятвopеступники, стоявшие в начале генерации слухов, выражались кратко, загадочно и до конца тщательно скрывали и замазывали источники своей осведомленности.

Однако, слух слухом, но что же произошло на деле и лежало в основе всех этих рассказней?

Глава третья

Ночной кошмар

Рассказ Анны Леонидовны о событиях *той ночи* – а рассказывала она о пережитом неоднократно, разным людям, дотошно выпрашивающим у нее о малейших деталях и подробностях происшедшего, – повествовал о некоем явно криминальном происшествии, которое однако выглядело очень странно и плохо укладывалось в привычные для советской милиции представления о стандартных, повторяющихся из года в год преступлениях. Что-то здесь было не так и мешало столкнувшимся с данным случаем лицам занять определенную позицию и предпринять конкретные действия. Передавая основное содержание объяснений потерпевшей (конечно, обнаружившая труп не может быть отнесена к этой категории лиц, но в ее-то рассказе она выступает в качестве *потерпевшей* – неизвестному покойнику она, может быть, и сочувствует, но все же главной жертвой злодеяния оказывается именно *она* – это *ее чуть Кондратий не хватил*), я сразу присовокуплю к ним те немногие, но существенные, сведения, которые были зафиксированы в милицейских рапортах и подобных документах, появившихся как реакция на сообщение об убийстве. (Еще раз обещаю, что в свое время я детально объясню, как Миша получил возможность узнать, что было написано в этих бумагах, явно не предназначенных для посторонних глаз).

Как выяснилось, дело обстояло так. В пятницу вечером Анна Леонидовна заступила на суточное дежурство, которое должно было закончиться вечером в субботу. Всё было, по ее словам, как обычно: без каких-либо бросающихся в глаза отклонений или неожиданностей. Дежурство у нее было по плану и заранее было известно, что работать с вечера пятницы до вечера субботы надо будет именно ей. *У нас график дежурств составляется, – как объясняла она, – загодя на целый месяц, комендант его подпишет, и он у нас в вахтерской лежит, всякий может посмотреть и уточнить, когда дежурит. Могут быть и изменения, конечно, – заболел кто-нибудь, допустим – тебя могут поставить и не в свою смену; если надо подмениться кому-то, то обычно между собой договариваются, но обязательно сообщают коменданту – она должна быть в курсе и дать свое «добро». Но ничего такого не было, всё по плану. Я часто в пятницу дежурю – это как бы мой уже день. Многие не любят, чтобы их в выходные ставили, дети там, внуки, то, сё, а мне всё равно – я ни от кого не завишу.* Сдававшая ей смену дневная дежурная ни о чем Анну Леонидовну не предупреждала и ни о каких ЧП не заикалась – проверили ключи от бухгалтерии и распрощались. И дальше всё было как всегда. В десятом часу ушел последний из работавших в здании, последний из ключей занял свое место на гвоздике, и вахтер, проводив припозднившегося трудягу до уже закрытых входных дверей, выпустила парнишку на улицу, выключила лампочку над подъездом – что ей зря гореть, никто уже до утра не придет – и окончательно заперла двери – на замок и на дополнительный засов.

Дежурство шло так же, как десятки раз до этого. Около одиннадцати наша героиня обошла все четыре этажа, но ничего примечательного – как и следовало ожидать – не обнаружила. Всё было тихо, мирно, спокойно. *Да и что я могла там увидеть, – как бы оправдываясь, растолковывала она спрашивающему, – я ведь ключи не беру и в каждую комнату не заглядываю. От меня этого и не требуется – там, если все ключи собрать, наверное, полведра наберется – до утра обход сделать не успеешь; ну, раз положено по инструкции, мы и обходим. Главное, смотрим, чтобы дыма не было – хоть у нас и есть пожарная сигнализация, но все считают, что она не работает, если что. Вроде бы пожарники сами что-то там подкручивают, а то замучаешься на ложные тревоги выезжать. Ну, мы и обходим – принимаемся, или там звуки какие-нибудь, может, услышишь, но я уже шестой год здесь дежурю – никогда ничего не бывало. Хотя нет – было раз: форточку забыли закрыть и она от ветра хлопала – в коридоре слышно: бах-бах – что такое? – я ключи взяла, дверь открыла – вот оно что! А так-то, что же можно в коридоре увидеть – смотри, не смотри. До этого случая я и не думала ни о чем подобном.*

Вернувшись с обхода и выключив лишний свет на лестничной клетке, вахтер сидела в своей каморке – маленько перекусила, слушала радио, потом читала, еще раз попила чаю – и в третьем часу опять отправилась на обход. И вот тут-то начались неожиданности.

Когда она поднялась на второй этаж и привычно заглянула в постепенно сгущающуюся полутьму уходящего вдаль коридора, ей показалось, будто что-то не так – одна из дальних дверей, похоже, была открыта, чего никак не могло быть. Озадаченная этим странным фактом, она щелкнула выключателем, и, когда через несколько мгновений в этой части коридора вспыхнул ряд потолочных светильников, она убедилась, что была права: последняя в ряду дверь, ближайшая к окну в торце коридора, была настежь распахнута – ее створка торчала поперек коридора, а перед ней в стене отчетливо чернел открытый проем. Что за черт?! Как такое могло произойти? Обнаруженный ею факт был тем более странным, что открытая дверь, как ей было хорошо известно, вела не в одну из комнат второго этажа – те все были закрыты (она на всякий случай дернула, находящуюся рядом с ней дверь бухгалтерии), – а на запасную лестницу. Эта дополнительная лестница – назови ее «пожарной» или «черным ходом» – в обычных условиях использовалась очень редко, и выходящие на нее двери на всех этажах были постоянно закрыты на замок, так что невозможно предположить, что кто-то из сотрудников, уходя, забыл ее запереть, а теперь она сама собой распахнулась.

Встревожившись – но не слишком – Анна Леонидовна направилась к открытой двери, намереваясь выяснить, что же это значит. Ее внимание было в основном направлено на зияющий в стене черный прямоугольник – света на запасной лестнице, естественно, не было, и разглядеть что-либо в глубине было невозможно. Однако, подойдя поближе и находясь метрах в пяти от двери, которая раскрывшись частично заслоняла расположенное в торце коридора окно, она краем глаза заметила, что между окном и стоящей параллельно ему дверной створкой на полу что-то лежит. Еще не успев как следует испугаться, она по инерции сделала несколько шагов вперед, и перед ней открылась ужасная картина: на полу лежал человек.

Распростертый на полу мужчина лежал ничком, вытянувшись в полный рост, головой упираясь в двери. Лежал совершенно неподвижно. Лица его почти совсем не было видно, и одна рука была вытянута вперед, так что кисть ее была на уровне головы, а полусогнутый локоть слегка высывался из-за двери – он-то, вероятно, и бросился первым в глаза обомлевшей Анне Леонидовне, когда она подходила к открытой двери. Самым ужасным было то (и она увидела это сразу же, как только взглянула на лежащее пред ней тело), что из спины убитого торчала ручка ножа. Она ясно видела эту отвесно стоявшую рукоятку, – наборную, из разноцветных пластмассовых колечек, – и у нее не было ни малейших сомнений, что перед нею мертвец – труп кем-то убитого, зарезанного человека.

Остолбенев от увиденного, наша героиня немедля развернулась и на ватных ногах двинулась в сторону освещенной главной лестничной клетки, даже не пытаясь что-нибудь разглядеть в черной тьме за распахнутой дверью. С каждым шагом темп ее движений ускорялся, так что по лестнице она уже почти что бежала, перешагивая через ступеньки, и в свою каморку ворвалась, можно сказать, вихрем. Но, набирая «02», она несколько опомнилась, взяла себя в руки, и ее сообщение снявшему трубку дежурному по городу было достаточно внятными и информативными.

Прослушивая магнитофонную пленку с записью звонка, можно было понять, что говорит взволнованная – перепуганная? – женщина. Фразы были прерывистыми, с удлиненными паузами между словами, но явно выраженных истерических ноток, говорящих о том, что звонящий потерял голову и сам уже не знает, чего требовать, в этом сообщении не было. В основе оно было деловым, по существу, хотя и выраженным с эмоционально приподнятой интонацией, что легко объяснялось ситуацией.

– Это милиция?.. Я вахтер Института катализа... Астраханская 16а... за партшколой, во дворе... приезжайте... здесь... в здании человека убили, приезжайте!.. Откуда же мне знать, кто убил – я никого не видела... Нет... я здесь одна... никого нет кроме меня... и убитого... Приезжайте скорее!

Услышав от дежурного по городу, что звонок принят и группа немедленно выедет, а также его указание ничего не предпринимать и ни к чему не прикасаться (да ей это и в голову не

пришло бы), и положив трубку, Анна Леонидовна с новой волной накотившего ужаса осознала – как она впоследствии рассказывала, – что ее слова *никого нет кроме меня* выражают не столько реалистичную оценку ситуации, сколько ее горячее желание, чтобы так оно и было. Чувствуя себя в своей клетушке, как в западне, она, озираясь по сторонам, осторожно, но с максимально возможной скоростью, перебазировалась к выходу на улицу. К счастью для нее, перед открывавшейся наружу дверью, был предусмотрен небольшой – метра в полтора – вестибюльчик (или «сенцы», «предбанничек», как часто говорят), отделенный от основного коридора еще одной двустворчатой дверью, предназначенной для защиты зимой от уличного холодного воздуха. Быстро сообразив, вахтер замотала ручки внутренней двери снятой с себя шалью и таким способом до некоторой степени обезопасила себя от нападения изнутри здания. Пока нападавшие справлялись бы с поставленной перед ними преградой и старались порвать шаль, что было бы не так просто, она могла отодвинуть засов наружной двери и выскочить на улицу.

Хотя милиция приехала достаточно быстро (дежурный зафиксировал звонок в 2³⁷, а в 3⁰² милицейский уазик уже был у дверей института), эти полчаса показались ожидающей нестерпимо долгими. Достаточно представить себя на ее месте, чтобы согласиться со справедливостью ее слов. Но, впусив приехавших трех милиционеров во главе с командовавшим ими лейтенантом (*две звездочки на погонах* – это-то Анна Леонидовна знала) и показывая им дорогу на место происшествия, она заметно приободрилась – теперь дело в руках милиции, и самые главные страхи уже позади. Даже если бандиты до сих пор в здании и опасность не совсем еще миновала – что там будет дальше? – все же под такой мощной охраной она может особенно не бояться: не сравнить, как она в предбаннике тряслась. Что бы ни случилось, повторения того ужаса быть не должно. Однако полная несостоятельность ее предположений о дальнейшем ходе событий выяснилась буквально через пару минут.

Когда они поднялись на второй этаж и Анна Леонидовна – потолочные светильники с лампами дневного света ярко освещали коридор – показала лейтенанту на дверь: *это там*, она уже в этот момент почувствовала, что картина, виденная ею полчаса назад и до деталей запечатлевшаяся в памяти, теперь несколько изменилась. Дверь по-прежнему была распахнута, и так же чернел выход на запасную лестницу, но локоть убитого, который должен был торчать из-за двери, – ведь теперь она знала, куда нужно смотреть – исчез. *Может, он не совсем умер, раз шевелится*, – мелькнуло у нее в голове. По сути, мысль была вполне разумной, но внутреннее чувство подсказывало ей, что такое объяснение не годится, что дело пошло совсем не так, как можно было ожидать. И действительно: когда они приблизились к закрывающей обзор двери, стало совершенно ясно, что пол в коридоре абсолютно пуст и чист.

Внимательно разглядывающий пол лейтенант обратил на нее свой взор:

– Ну и где? – вопрос прозвучал с недоумевающей и даже с несколько укоризненной интонацией.

– Он тут лежал. За дверью, – только и смогла промолвить Анна Леонидовна.

Лейтенант посмотрел на нее испытующе, чуточку помедлил, но, видимо, уже принял решение:

– Так. Игнатъев! Пойдешь со мной. А ты, – обратился он к другому милиционеру, – стань на площадке на той лестнице и гляди в оба. Оружие приготовьте.

Дело принимало, как видно, нешуточный оборот. На всякий случай вахтер отошла подальше и остановилась, не зная, как ей себя вести и где лучше находиться.

Командир с Игнатьевым включили освещение на площадке и с пистолетами в руках двинулись – Игнатьев впереди, лейтенант за ним – на обследование запасной лестницы. Тревожное ожидание продлилось несколько минут. Впервые попавшая в такой переплет вахтер каждую секунду ожидала шума, топота, криков, а то и пальбы. Но ничего не произошло. Милиционеры вернулись, и лейтенант хмуро резюмировал:

– Ничего. Все двери заперты. Никаких следов, – желая, вероятно, поставить в известность своего оставленного на посту подчиненного, а вовсе не Анну Леонидовну, но она восприняла это сообщение как упрек в свой адрес. Дескать, говорили нам одно, а что мы на самом деле имеем? Думал ли так лейтенант, осталось неизвестным, но его поведение и тон не противоречили подобному предположению.

– Если не через лестницу он исчез, то они могли только вверх подняться, – решила она высказать свое предположение, – вниз-то они не спустились. Я бы их обязательно заметила.

Лейтенант согласился с ней – *сейчас выясним*, – и они отправились к главной лестнице, проверяя по пути, все ли выходящие в коридор двери заперты. На площадке остановились, и Игнатъев был направлен обследовать вторую половину коридора на этом этаже, а оставшиеся ждали его, не теряя из виду лестничные пролеты. Затем таким же манером обследовали третий и четвертый этажи, а в завершение спустились на первый этаж и там проверили всё, что только можно, хотя, как злодеи могли пробраться туда мимо не отрывающей взора от освещенного коридора Анны Леонидовны, было непонятно. И вообще всё было непонятно. Окна первого этажа закрыты основательными решетками, все входные двери заперты, и, каким образом злодеи пробрались в здание, а затем бесследно испарились, объяснить было невозможно. Оказавшаяся в двусмысленном положении вахтер не могла не осознавать, что ее паническое сообщение о трупе, лежащем в институтском коридоре, не подтверждается никакими фактами. *Может, через подвал пролезли, там замок-то пустяковый*, – пришла ей в голову спасительная мысль.

Объяснив лейтенанту суть дела, она взяла с доски вахтерской нужные ключи, и они, оставив Игнатъева на посту у входных дверей, вновь двинулись на запасную лестницу, но в этот раз зашли на нее через двери, ведущие туда из коридора первого этажа. Дверь, как и положено, была закрыта на стандартный врезной замок, и Анна Леонидовна легко открыла ее захваченным из вахтерской ключом. Всё было так, как и должно было быть. За дверью – свет на лестнице продолжал гореть – располагалась просторная площадка, с одной стороны которой была лестница, ведущая на верхние этажи, а с другой находилась двустворчатая дверь, открывавшаяся на улицу и *запертая изнутри* на массивный висячий замок. Лейтенант еще раз осмотрел замок, основательно подергал дверь за ручку – стоит, не шелохнется. Ясно, что ни войти, ни тем более выйти – замкнув за собой висящий внутри замок? – здесь было абсолютно невозможно.

Когда-то, еще задолго до того, как Анна Леонидовна стала дежурить в институте, здесь был главный вход в НИИКИЭМС (тогда он назывался по-другому, ну да какое это имеет значение?), и дверь открывалась на обширный институтский двор. Однако, после того, как рядом построили еще два здания, двор сначала был значительно урезан, а затем и вовсе исчез, и к двери теперь шел короткий проезд, достаточный, чтобы в него заехал грузовик, но и только. В результате этой перестройки центральный вход переместился с торца здания в его среднюю часть, а здешний использовался очень редко: только в тех случаях, когда надо было занести какое-то особо тяжелое и громоздкое оборудование, да при текущих ремонтах через эти двери затаскивали мешки с цементом, бочки с краской, сбитые из корявых горбылей козлы и тому подобные непарадные вещи и выносили строительный мусор. В прочее же время этот черный ход был наглухо заперт, как и двери на всех этажах, выходящие на черную лестницу. Комендант строго следила за тем, чтобы сюда не шастали курящие сотрудники – долго ли до пожара – или какие-нибудь – дело молодое – парочки.

Как сказано, выход на улицу с этой лестницы был абсолютно непроницаем, но, ведя сюда милиционеров, Анна Леонидовна имела-то в виду совсем другой путь. В углу площадки, на которой они стояли, под лестницей, была еще одна дверь, и за ней начинался спуск в подвал. Дверь эта, как, впрочем, и многие из институтских дверей, была снабжена стандартным советским врезным замком, подобрать ключ к которому не составляло большого труда. *Вдруг они вынесли труп через эти двери, а потом вытащили через подвальное окно* – таково было ее предположение, решавшее проблему с исчезновением покойника, несомненно виденного ею и так загадочно испарившегося.

Но, как догадывается проницательный читатель, надежда обнаружить какие-либо факты и улики, подтверждающие правдивость ее сообщения об *убийстве в институте*, оказалась тщетной. Подвал, точнее, та его небольшая часть, в которую можно было попасть с черной лестницы, представлял собой довольно обширное помещение, в котором накапливалась разная рухлядь, ожидавшая своего окончательного списания и утилизации, и хранился разнообразный, не представляющий большой ценности инвентарь. По углам и стенам стояли, лежали и громоздились друг на друга разные железяки и приборы непонятного

предназначения, обломки рассыпающихся столов и стульев, рулоны проржавевшей сетки и тому подобная дрянь. Целый угол был занят внушительным собранием лопат и грабель, которые ждали своего часа до очередного *Всесоюзного коммунистического ленинского субботника*. Рядом громоздились древки с окрашенными в темно-красный цвет фанерками, на которые следовало наклеить портреты *руководителей партии и правительства* и украсить ими праздничную колонну сотрудников института, дружно вышедших на первомайскую или ноябрьскую демонстрацию. Такая вот картинка, не ласкающая взор эстетической законченностью, но вполне обычная для интерьера всяких закутков любого советского учреждения. Однако, отнюдь не это могло заинтересовать пришедших – их внимание было направлено на возможность покинуть здание через этот подвал. Стены, отделяющие рассматриваемое помещение от остальной части подвала, были капитальными – без каких-либо дверей или проемов. Возможность выхода давало только единственное окно, расположенное довольно высоко под потолком и выходившее в сделанное перед ним углубление, позволявшее дневному свету скупо проникать внутрь. (Если кто не знает, такие обложенные кирпичом и обычно закрываемые сверху решетками углубления называют *приемками* – видимо, в старые времена они предназначались для *приема* внутрь угля, дров и других хранящихся в подвале запасов). Лейтенант послал своего подчиненного наверх – осмотреть окно снаружи, – а сам, невнятно чертыхаясь, подтащил под окно лежавший невдалеке железный ящик (*сушильный шкаф, похоже, – подумала Анна Леонидовна*) и, взобравшись на него, внимательно изучил окно, попробовал открыть шпингалеты, подергал за ручку, но, не обнаружив, по-видимому, ничего интересного, быстро спрыгнул на пол.

– Никого здесь вытащить не могли, – заключил он. – Пыль везде. Столетняя.

На этом продолжавшаяся почти час ревизия институтских помещений и закончилась. Возвратившийся милиционер доложил, что никаких следов проникновения через окно он, осмотрев при свете фонарика внутренность ближайшего к торцу приемка и подходы к нему, обнаружить не смог. Крайне маловероятно, чтобы кто-то там недавно лазил. Дополнительно он сообщил, что вход на черную лестницу также и со стороны улицы закрыт на солидный всякий замок (об этом вахтер и без него знала) и что следов взлома не видно.

Лейтенант с одним из своих подчиненных отбыли, а молчаливый (но, похоже, не злобный) Игнатъев оставлен был до утра с напутствием смотреть в оба – *на всякий случай, всё ж таки неясно, что тут такое*. Это, разумеется, порадовало Анну Леонидовну, не представлявшую, как она опять останется одна, – *а вдруг они еще здесь, затаились где-то, и мы их не нашли*. С Игнатьевым страху было много меньше.

Она открыла двери приемной, чтобы оставшийся в институте милиционер мог посидеть там и даже – при желании – полежать на диване. Но Игнатъев лежать, по-видимому, не хотел: она слышала, как он время от времени ходил по коридорам и несколько раз спускался к выходу, чтобы покурить. Сама же она, выключив в вахтерской свет и прикорнув на своей лежанке, в который раз прокручивала в мозгу ту невероятную историю, в какую она оказалась впутанной – ни спать, ни чем-то заняться она была не в состоянии. Задним числом всё ею пережитое представлялось каким-то кошмарным сном. Но ведь она *видела* это собственными глазами: и лежащего мужчину, и нож в его спине...

Она не могла, по ее словам, не сообразить, что простейшим объяснением произошедшего, с точки зрения лейтенанта и его подчиненных – молчавших, но что-то же думающих про себя, – был бы вывод о *ложном вызове*. Дескать, ошалевшая от вынужденного безделья бабка решила скрасить томительно тянущиеся часы таким безобидным (для нее) и бесплатным представлением, для чего и выдумала забойную историю о найденном ею трупе. Как ни дико подобное истолкование ее звонка, но она не могла исключить, что, оказавшись на месте милиционеров, сама была бы склонна придти к подобному выводу. Вывод простой, рациональный и соответствует всем обнаруженным фактам. *Она-то знает, что это неправда, но доказать свою правоту ей нечем. И никакие другие объяснения случившегося ей в голову не приходят. Просто чертовщина какая-то! Не может такого быть в действительности. Мистика и только. Но к мистике – как утверждала Анна Леонидовна – она, в отличие от многих, абсолютно устойчива и не верит ни в бога, ни в чертей, ни в заговоры, ни в Бермудский треугольник, ни в ведьм с вурдулаками... Конечно, думать о*

всяких таких потусторонних ужасах неприятно, и в определенных обстоятельствах по спине может пробежать холодок при мыслях о такой чертовщине – это да, может такое быть. Но принять это в качестве разумного объяснения каких угодно не вмещающихся в голову случаев – нет, к этому она не склонна. Правда, надо признать, что ничего наводящего на мысли о существовании потусторонних сил с ней в жизни и не происходило. И вот тебе на старости лет. Жуть.

Но помимо самого по себе жуткого происшествия ее мучила еще и мысль, что в глазах милиции она может оказаться патологической лгуньей или истеричкой, стремящейся привлечь внимание окружающих к своей персоне. Во время обхода здания лейтенант подробно расспрашивал ее о том, что она видела, слышала, когда и как это происходило, и не заметила ли она еще каких-то деталей. Почему она решила, что лежащий на полу мертв? – ну, ясно, почему – лежит, не шевелится, в спине нож – чего еще думать. Проверяла ли она его пульс? Был ли лежащий холодным или еще теплым? – упаси бог, я к нему и не подходила близко, не то, что касаться... Уверена ли она, что перед ней именно мужчина? Как он выглядел? – обычно выглядел, как все – лица не видно было, но прическу то частью видно – конечно, мужчина – и одет – спецовка темно-синяя или курточка какая – может и комбинезон (толком не разглядела) – штаны такие же синие – кепочка на голове – женщина так вряд ли оденется – разве что специально, под мужчину... Слышала ли она какие-нибудь звуки, голоса, когда звонила по телефону, и после? – ничего вроде бы не слышала – но дотуда далеко – могла и не услышать, если что и было...

Милиционер разговаривал с ней вежливо, уважительно, интонация его вопросов и замечаний была деловой, никаких оттенков раздражения или недоверия в его вопросах не чувствовалось, однако, снова перебирая в уме все детали разговоров, Анна Леонидовна, обратила внимание на то, что среди разнообразных сведений, которые хотел получить лейтенант – о вахтерах, о возможных происшествиях в институте, о том, когда давали зарплату и еще о многих, не связанных непосредственно с происшествием, вещах – были и такие, что касались ее лично. Спрашивающий поинтересовался, в частности, ее здоровьем, осведомился, не принимает ли она какие-нибудь препараты: сердечные или еще что-нибудь (не жалуюсь, обычное здоровье, в пределах, как врачи говорят, возрастной нормы; таблеток не пью – не требуется мне – разве что простуда когда). Между делом расспросил ее, где и с кем она живет (однокомнатная квартира у меня, в трех кварталах отсюда – потому и устроилась в этот институт; живу одна – я давным-давно в разводе, детей нет – сама по себе). Эти и некоторые другие – заданные как бы вскользь и без особого смысла – вопросы она расценила теперь, как желание выяснить, что она за человек и насколько можно доверять ее словам. Сложив все эти «два» и «два» и подытожив всю имеющуюся у нее информацию, она с некоторым испугом осознала, что вывод о том, что она всё от начала и до конца выдумала, напрашивается сам собой. Чем это ей может грозить, она не знала, но ясно, что такое мнение ничего хорошего ей не сулило.

Здесь я должен сделать небольшое отступление и объясниться с проницательным читателем, который, по-видимому, давно уже заметил, что в этой главе я заметно отошел от привычного для меня стиля рассказчика, рассматривающего события с внешней стороны (конечно, если я сам не являюсь участником этих событий), и в значительной степени перешел к описаниям, которые можно считать рассказом с внутренней точки зрения героини. Хотя такое утверждение, прямо упрекающее автора в том, что он вкладывает в душу героини им самим придуманные чувства и мысли, имеет под собой определенное основание, я должен заявить, что ничего существенного не выдумывал и что все мои описания представляют собой пересказ (естественно, опосредованный Мишиным изложением) того, что говорила сама героиня – а говорить ей с теми, кто расследовал это дело, пришлось много и подробно. Я признаю, что в части испытываемых героиней эмоций, ее соображений, предположений и опасений я значительно приукрасил имевшуюся у меня информацию, но с исключительно художественной целью – стараясь увлечь читателя и передать ему ощущение той специфической атмосферы, в которой разыгрывалась история об обнаруженном в институтском коридоре трупе.

В предыдущем своем романе я уже признавался, что слабо разбираюсь в психологии и эмоциях пожилых женщин (не говоря уже о молодых – вовсе мне непонятных). Прошедшее с тех пор десятилетие ничего, по существу, не изменило в данном – прискорбном для всякого пишущего – факте, но с этим я ничего поделаться не могу. Поэтому, описывая, что чувствовала, думала и чего боялась моя героиня, и выходя за пределы того, что она сообщала об этом сама (а мне приходится перешагивать эти пределы, чтобы рассказ не получился слишком сухим и невнятным), я вынужден полагаться на свойственную всем обычным людям общность эмоциональных реакций и, представив себя на месте своего персонажа, описывать, что бы я при этом чувствовал, о чем думал и как бы себя вел. В этом, несомненно, есть значительная доля субъективности и гипотетичности (все мы разные, и многое воспринимаем по-разному, а даже за свои собственные реакции я ручаться не могу – я ведь никогда не был в аналогичных ситуациях, и могу только предполагать, что и как я бы чувствовал, оказавшись в таком положении). Тем не менее, всё это меня – как автора – вовсе не пугает. Ведь пишу я не руководство для психотерапевтов и не инструкцию для сотрудников МЧС, а простейший детектив – роман, не претендующий на реальное описание глубин женской психологии, но всего лишь желающий доставить удовольствие тем читателям, которых истории подобного рода – о *ходячих мертвецах и их загадочных исчезновениях* – могут заинтересовать. Я надеюсь, что рядовой читатель во многом схож со мной и что, попытавшись представить себя и свои чувства в предлагаемых обстоятельствах, он придет приблизительно к тому же, что я стараюсь ему внушить. Даже те читательницы, которым покажется, что мои описания неправдоподобны и неестественны и что женщины в таких случаях испытывают совсем другие чувства и обращают главное внимание на другие – не упомянутые в моем рассказе – аспекты ситуации, даже эти – повторюсь для ясности – читательницы должны признать, что они, так же, как и я, не могут считаться (по части испытываемых эмоций) образцами для всего человеческого рода. А если так, то почему бы нашей героине и не чувствовать того, о чем идет речь в романе, даже если это идет вразрез с тем, как чувствовала бы себя на ее месте та или иная читательница. Всё, на самом деле, может быть. И не стоит быть чрезмерно придирчивым в отношении правдоподобия и реалистичности читаемой книжки – так можно испортить себе всё удовольствие от чтения. Будем надеяться, что со многими этого не произойдет.

Заканчивая эту тему, еще раз заверю, что, если отбросить не влияющие на суть дела психологические завитушки и литературные виньетки, мое изложение событий полностью соответствует собственным рассказам *потерпевшей*, чье содержание было передано в мое авторское распоряжение Мишей, который отлично запомнил все детали описываемого дела и не имел ни малейших оснований вводить меня в заблуждение. Фактически, что рассказывала Анна Леонидовна, то я и описал. Не сомневаюсь, что при необходимости моя верность фактам может быть подтверждена собственноручно подписанными ею *протоколами показаний Бильбасовой А.Л., допрошенной в качестве свидетельницы по уголовному делу № *** об убийстве гр. Мизулина А.П.* (пока что мне придется – в интересах романа – воздержаться от разъяснения читателям, кому принадлежала фамилия, стоящая на обложке этого дела).

Теперь, после необходимого, на мой взгляд, обоснования авторской позиции в столь щекотливом вопросе, мы можем вернуться к прерванному рассказу и в нескольких фразах закончить описание той кошмарной ночи.

Около восьми утра Игнатъев, позвонив по телефону и о чем-то осведомившись, распрощался с так и не уснувшей ни на минуту Анной Леонидовной и отбыл, заверив ее на прощание, что бояться уже нечего и всё будет хорошо, а если ей что-то покажется подозрительным или она вспомнит что-то важное, звонить в милицию и требовать, чтобы ее соединили с лейтенантом Одинцовым из дежурной части. Однако ничего не происходило и не произошло до самого окончания ее смены. Вскоре появились – один за другим – несколько сотрудников, зачем-то пришедших в свои лаборатории в субботу и имевших подписанное замдиректора и хранящееся на вахте разрешение, дающее им *в связи с производственной необходимостью* право на работу в выходные и праздничные дни. Потом заявила техничка с четвертого этажа, которая такого разрешения не имела, но, не сделав *влажную уборку помещений* предыдущим вечером, должна была взяться за это на следующий день. Потом

сама Анна Леонидовна, договорившись с техничкой и ненадолго оставив на нее вахту, сбегала в ближайший магазин за булочками и кусочком сыра к чаю. Затем... короче говоря, дежурство шло как десятки раз до того, и к концу дня наша героиня несколько успокоилась – страхи, сомнения и опасения не исчезли, но чуточку поутихли и уже не так будоражили ее душу. Пришедшей к восьми вечера сменщице она ничего не стала объяснять и, попрощавшись, отправилась прямо домой – не поспав ни часу ночью и измучившись от переживаний, она уже просто с ног валилась.

Я забыл сообщить (и должен сделать это сейчас), что при своем отъезде лейтенант настойчиво рекомендовал ей (можно сказать, прямо запретил) никому даже не заикаться о происходивших ночью событиях – *в интересах следствия*, как он выразился, и *чтобы не вызывать нежелательной паники в коллективе*. С руководством института он сам, дескать, свяжется и берет решение этого вопроса на себя – ей никому ничего докладывать не следует.

Так – тихо и мирно – закончилось это кошмарное дежурство, дав Анне Леонидовне некоторую передышку и время, необходимое, чтобы хоть как-то успокоиться.

Глава четвертая

Недолгий антракт между двумя действиями

Хотя для несчастного вахтера, которой судьба подкинула труп, обладающий мистической способностью пропадать неизвестно куда и неизвестно как (*надо же было*, – говорила она, – *именно в мое дежурство... и за что мне горемычной это... сущее наказание господне*), последующие несколько дней можно было считать передышкой, позволившей несколько прийти в себя и приобрести желаемое душевное равновесие, этого нельзя сказать про других участников нашей истории. Жизнь не прекратила свое течение, и звонок в милицию субботней ночью с последующими за ним событиями, которые привели в действие сложный и обладающий огромной инерцией механизм милицейского расследования, имели своим результатом естественное продолжение, захватившее в свою орбиту многих людей. На страницах этого романа они не появятся, поскольку о них Миша ничего не знал (соответственно, не знаю и я), да, по-видимому, здесь – в художественном произведении – им и нет необходимости появляться, но каждый из этих оставшихся за сценой и неупомянутых лиц не сидел сложа руки в течение следующей недели, и их общими усилиями начала складываться та конструкция, что стала основой для излагаемого сюжета. Реакция органов милиции на поступившее субботней ночью сообщение об убийстве в институте не отличалась особой поспешностью и не сопровождалась резкими телодвижениями, но она, тем не менее, была и развивалась своим обыденным путем. Маховик милицейской машины раскручивался постепенно – не слишком разгоняясь, но и не останавливаясь.

Потратим еще пару фраз, чтобы сразу закончить с Анной Леонидовной, о которой здесь просто нечего писать – ни рассказывающий историю Миша, ни автор романа не знают, чем она занималась в течение этой недели. Наверное, как и у всякого, у нее были какие-то дела по дому, развлечения, пристрастия. Не исключено, что она посещала Театр оперетты или разыскивала по магазинам мелкую дешевую рыбу для кошечки. Возможно, у нее были какие-то другие занятия. Однако, предполагая, что ее времяпровождение за пределами института не имело явной связи с развивающейся интригой нашего романа, описание ее домашних дел и делишек и не должно появляться на этих страницах.

Пишущему эти строки всегда казалось антихудожественным стремление к «очеловечиванию» героев советских милицейских романов – всех этих *майоров Прониных и лейтенантов милиции*. Такая «реалистическая» струя в романах про бандитов, шпионов, погони и перестрелки – призванная превратить картонные фигурки в полнокровные образы литературных героев – на деле, только идет во вред их художественному качеству. Если ты взялся рассказывать захватывающую историю *про загадочную медную пуговицу*, то и держись этой линии – не трать страницу за страницей на то, чтобы описать запутанные взаимоотношения майора с его первой и второй женами и их родственниками, или на умилительную картинку школьного концерта, на котором майор с волнением слушает выступление своей младшей дочери. Для читателя, заинтересовавшегося очередной *медной пуговицей*, все подобные уловки по *утеплению образа героя* и приданию ему человеческой глубины совершенно излишни. С его точки зрения, они обычная «вода», которой оказывается перенасыщено всё повествование, – отожми ее, и от истории ничего не останется. Тот же, кого можно всерьез заинтересовать проблемой родительских взаимоотношений с подростками – и вообще человеческими проблемами, – скорее всего и в руки не возьмет твою паршивую книжонку про *Тайну медной пуговицы*: литература большая и выбор у него богатый.

Автор понимает, что тот, кто будет следовать этому рецепту до логического конца и вычеркивать из текста любые прямо не относящиеся к интриге детали и описания, придет таким путем к кратчайшему изложению главной сюжетной линии – не к захватывающему роману, а в лучшем случае, к его «либретто». К чему-то вроде известных *историй про инспектора Варнике*. Они могут оказаться по-своему любопытными, но литературой здесь и не пахнет. Ясно, что граница, которая отделяет разумное использование как бы «излишних», но придающих убедительность повествованию, деталей и подробностей от разрушающего

общую художественную конструкцию «очеловечивания» героев, очень зыбка, подвижна и ее не удастся провести на основании каких-то формальных критериев – это вопрос авторского чутья и литературного вкуса. Как бы ни был уверен пишущий в своей правоте, никто не может ему гарантировать, что в своих собственных сочинениях он нигде не переходил той границы, что лежит между безупречным детективом и водянистым бесформенным опусом неясной жанровой принадлежности. На такой результат автор может лишь надеяться, и тем не менее, у него нет сомнений в том, что прописанный выше рецепт обладает безусловной ценностью – только следование ему дает шанс на успех.

А потому скажем кратко, что, появившись в институте во второй половине дня в понедельник – именно тогда она поделилась с Ниной своей поразительной новостью, – вахтер чувствовала себя уже гораздо спокойнее. Милиция ее не тревожила, и ни комендант – ее непосредственная начальница, – ни кто-либо еще из начальства ничего ей не говорили и ни о чем не спрашивали. И в бухгалтерии с ней разговаривали как обычно – в институте, похоже, никому не было известно о том происшествии, в которое она оказалась впутанной, или же руководство не придавало ему большого значения. Ее опасения, что жуткая история еще не закончилась и может иметь неприятные для нее последствия, были, по-видимому, чрезмерными, если не вовсе надуманными. На деле всё было тихо, буднично, и ничто не предвещало продолжения кошмаров. Дневных смен на этой неделе у Анны Леонидовны не было, и она не появлялась в институте до следующего суточного дежурства в пятницу, так что даже о фуроре, вызванном в НИИКИЭМСе ее сообщением о найденном трупе, она узнала лишь гораздо позже – когда любые переживания по этому поводу уже утратили для нее всю свою актуальность.

То обстоятельство, что наша героиня оказывается в данной главе за сценой, и мы не знаем, чем она в это время занималась и какие мысли и чувства посещали ее за этот период, вовсе не говорит о том, что на этих страницах она исчезает из числа персонажей текущего повествования. Совсем наоборот. Можно сказать, что упомянутая выше работа милиции, реагирующей на сообщение об убийстве неизвестного лица, была, в значительной мере, связана именно с ее персоной и касалась выяснения некоторых обстоятельств ее личной жизни.

Отдохнув после суточного дежурства и выйдя в понедельник на службу, лейтенант, приехавший ночью в НИИКИЭМС, первым делом отправился с докладом к своему непосредственному начальнику.

В своем изложении событий Миша сыпал именами, званиями и должностями тех, кто по той или иной причине появлялся в его рассказе, – он всё это знал в деталях и мог чуть ли не по дням и часам расписать ход проводившихся следственных мероприятий. Но я-то большую часть этой информации не запомнил – канву могу воспроизвести, но подробности из памяти исчезли – всё-таки больше десяти лет прошло с тех пор. А что еще важнее, я крайне плохо ориентируюсь во всей этой милицейской механике, в ее статике и динамике: кто кому подчиняется, как называются те или иные подразделения городского управления МВД, занимавшиеся описываемым делом, в чем состоит их повседневная работа, как они взаимодействуют между собой – всего этого я не знаю. А если и есть у меня какие-то обрывки сведений об этой специфической области, почерпнутые, главным образом, из тех же книжек про условного *майора Пронина* и его коллег и из сериала «Следствие ведут знатоки», то я никак не могу положиться на верность своих представлений о работе милиции. Посему, чувствуя свою слабость в этих вопросах, я по мере возможности стараюсь избегать излишней конкретности в описаниях этой стороны дела, чтобы не попасть впросак и не уподобляться Ляпис-Трубецкому с его *стремительным домкратом*.

Ведомый этим похвальным, с моей точки зрения, стремлением (*не уверен – не обгоняй и промолчи – за умного сойдешь*) я не стану никак характеризовать того милицейского начальника, к которому направился лейтенант, или давать ему какое-то имя – мне кажется, здесь вполне можно без этого обойтись. По наитию и недолго раздумывая, я назвал вынырнувшего в рассказе лейтенанта *Одинцовым* и мог бы, продолжая взятую линию, ввести в действие *майора Двушкина*, а затем и стоящего над ними *полковника Троицкого*. Однако боюсь, что незатейливый юмор такого рода лишь повредит общей тональности моего рассказа

и может даже оттолкнуть читателя. Да и не важны все такие надуманные подробности для сути дела – какая нам разница, гордился ли начальник своими пышными усами или был лыс, как бильярдный шар? Не в этом же интерес рассказываемой истории!

Докладывая начальству о результатах своей экспедиции в НИИКИЭМС – при сем в кабинете присутствовал еще один из старых и опытных сотрудников отдела, время от времени вставлявший в разговор свои замечания, – лейтенант упирал, главным образом, на несуразность и даже неправдоподобность случая, с которым ему пришлось столкнуться.

– Не знаю даже что в рапорте писать, – жаловался он. – Чепуха какая-то. Есть тут основания для возбуждения дела, нет ли? Как тут решить? Нужен ваш совет. Сам я в большом сомнении. К какому выводу я должен прийти в своем рапорте? Вам решать. Вы начальник – вам и карты в руки. Как скажете, так и напишу.

Однако начальник вовсе не торопился предрешать, к каким выводам и формулировкам следует склоняться при описании происходящего. Кстати надо сказать, что обращенное снизу вверх требование (просьба, пожелание) ясно сформулировать ответ на какой-либо производственный вопрос обычно вызывает у начальства негативную реакцию. Казалось бы, начальники для того и существуют, чтобы в сложных, не предусмотренных инструкциями случаях брать решение на себя и расставлять недостающие точки над *i* – именно в этом должна находить выражение начальственная, то есть управляющая всем процессом, воля. Но на деле подавляющее большинство начальников – в какой бы сфере деятельности они ни функционировали – почти во всех случаях, где требуется занять определенную позицию и задать направление деятельности подчиненным, ведет себя прямо противоположным образом. (Я не имею в виду те ситуации, когда решение затрагивает личные интересы начальника, – это совершенно другой вопрос, требующий отдельного рассмотрения). Типичный начальник всеми силами стремится уклониться от требуемого решения и либо спихнуть его вниз на подчиненных – пусть сами, как сумеют, выкручиваются из создавшегося положения – либо, что еще предпочтительнее, «отпасовать» вопрос куда-нибудь вбок, чтобы над ним ломали головы другой начальник и его подчиненные. Конечно, начальники бывают разными, и вопросы могут не походить один на другой, но как тенденция такое отношение к своим начальственным прерогативам и к праву принимать окончательные решения характерно для практически всех больших контор со сложной иерархической организацией. Стандартным признаком начальствующего оказывается – как они сами считают – право и возможность давать ценные указания общего характера и не нести ответственности за то, как они выполняются. Это верно для всех уровней руководства: от самого низа до самого заоблачного верха, но чем выше пост, занимаемый начальником в иерархической структуре, тем легче ему уклоняться от конкретных решений и отделяться от заседающих снизу обтекаемыми общими фразами. Не сомневаюсь, что и милиция не слишком отличается в этом отношении от всех прочих контор (а если учесть, что ее структура сходна с армейской, то там указанная тенденция должна процветать во всей своей красе).

Надо полагать, что и в нашем случае разговор в начальственном кабинете протекал по общепринятому образцу: лейтенант докладывал, объяснял и жаждал начальственного приговора, разрешающего все его сомнения, а слушающий его не спешил бросить на чашу весов свое решение и снять с плеч лейтенанта тяготящий его груз.

– Главное, непонятно, – втолковывал слушающим лейтенант, – как они, то есть покойный (если нож под лопаткой, то, пожалуй, и в самом деле покойник) и те, кто его зарезал, попали в институт. Я говорю «те», потому что одному человеку вряд ли бы удалось так быстро и аккуратно вытащить труп из института. Окна зарешечены, главный вход закрыт изнутри и под наблюдением сидящей рядом вахтерши, черный ход тоже заперт на висячий замок – причем, подчеркиваю, заперт изнутри. В подвале – еще одна теоретическая возможность проникновения – ни малейших следов. Я не верю, что там кто-то лазил.

– А если они заранее туда вошли, – встрял в лейтенантовы рассуждения присутствовавший в кабинете и до того молчавший милиционер, – зашли еще днем – наверняка там десятки людей туда-сюда проходят – и затаились где-нибудь – пусть на той же черной лестнице. А ночью вышли.

– Да, это могло быть. Я уже об этом думал. Но потом-то куда они делись? У них было всего 15-20 минут, чтобы выбраться, да еще и выволочь с собой труп. И никаких следов не оставили. Каким образом они вылезли? Просто невероятно. Не складывается картинка.

Лейтенант немного помолчал, видимо, ожидая некой реакции со стороны начальника, но не дождавшись ее, продолжил выкладывать свои соображения:

– Проще всего, конечно, считать, что вахтерша всё выдумала. Непонятно зачем, но, может быть, у нее какие-то тараканы в голове. Я об этом сразу подумал, когда объявленного трупа на месте не оказалось. Всё может быть. Но не верится мне в это. Не производит она такого впечатления. Обыкновенная бабка. Вполне здравая. Напуганная, конечно, – не то что бы трясется, но видно: испугана. Рассказывает – что ее ни спроси – толково, по существу, без перехлестов и актерства. Никакой картинности – я уже насмотрелся на разных истеричек-свидетельниц – ничего подобного, ни даже ни намек. И на любые вопросы отвечает сразу, не задумываясь, не путаясь, не прикидывая, что ей лучше сказать. Что, как, когда, где лежал, как был одет, прическа, очень обстоятельно про ручку ножа, что делала после – на всё у нее точный ответ. Полное впечатление, что она действительно всё это видела. Как это проверить, не знаю. Всяко может быть, но пока что я бы считал, что она не врет. Да и с какой бы стати ей – если она не полная сумасшедшая – сочинять такие истории. Где здесь корысть?

– А, может, и вправду сумасшедшая? – подал свою реплику начальник.

– Ну... Может... надо проверить. Но не производит она такого впечатления. Не... не верится в это... Самая обыкновенная старуха, умом, может, и не блещет, но рассуждает здраво – не хуже нас с вами. Это же она нас в подвал повела – сообразила, что надо искать какой-то выход, если все другие исключаются.

Докладывающий помолчал, а потом подошел к делу с другой стороны:

– И еще... Предположим, что убитый всё же был и что в институте были посторонние. Но тогда встает вопрос: чего ради они туда полезли? что им там понадобилось? Не сберкаска, не склад промтоваров – обычная шарашкина контора. Что там можно спереть? Я уже звонил в субботу тамошнему участковому, не знает ли он чего-нибудь об этом институте. Но нет, вроде бы ни о какой уголовщине речи не возникало. Зарплату им выдавали на прошлой неделе, да и сколько там может быть в ихней кассе – не стоит овчинка выделки.

Он опять вернулся к тревожащей его проблеме:

– Так вот как теперь: открывать дело – или нет для этого достаточных оснований? Что писать-то?

Не отвечая на этот прямо поставленный вопрос, начальник всё же взял слово и высказал дельное предположение. Видимо, он был не вполне типичным руководителем и не из тех начальников, которые ни за что не станут ломать голову над разными заковырыстыми производственными затруднениями – для чего же тогда подчиненные.

– А вот как ты думаешь, не могли они через окно уйти? Внизу окна с решетками, но на других-то их нет. Положим, есть труп – зарезали подельника – почему? как? не важно – вахтерша их застукала – они понимают, что вот-вот мы приедем... Не могли они быстро перетащить его в одну из комнат? Ты сам говоришь, что замки там хреновенькие – гвоздем можно открыть, а для знающего человека это и вовсе не замок. Так вот. Перетащили, закрылись изнутри, а потом спустили покойника через окно на землю и сами вылезли. Не могло такого быть?

– В принципе могло... Я, к сожалению, поздно об этом подумал – уже мы уехали оттуда.

– Вот! Не подумал, – начальник с удовлетворением ткнул носом подчиненного в обнаруженную недоработку, – а думать-то в нашей профессии не вредно.

– Но это только в принципе, – попытался хоть как-то защититься лейтенант, – а практически маловероятно, по-моему. Надо же какие-то веревки, чтобы труп спустить, вообще возня... Не сбросили же они труп просто из окна. ...Хотя... – он призадумался, – могли, конечно, и сбросить – риск большой – шуму много – но, может, в такой ситуации и оправданный. Если у них рядом была машина, это имело смысл. ...Но если это так, то работать должны были какие-то отчаюги – с большим стажем – сявки бы на такое не решились. Чего им надо было в этом институте?

Я утром велел Игнатьеву – я его там оставлял на ночь, – чтобы он посмотрел под окнами, нет ли чего. Но никаких явных следов. Асфальт. Сухо.

– А зачем им вообще уносить труп? – еще раз вмешался в разговор заслуженный работник МВД, – какой в нем для них прок? Смотались бы побыстрее сами, да и всех делов.

– Э, не-ет! – с энтузиазмом вскинулся лейтенант. – Тут, по-моему, всё понятно. Во-первых, пока нет трупа, мы не знаем, кого убили. А они вполне могут опасаться, что через его личность мы можем найти дорожку и к ним. И потом: они же соображают, что разговоры об убийстве – еще не факт убийства, и если труп не обнаружен, не будет, скорее всего, и уголовного дела по факту убийства.

– О! Тут ты в самую точку попал. – Начальник увидел подходящий момент для вынесения своей резолюции. – Нет трупа – нет и достаточных оснований для возбуждения дела. Вот в таком ключе и пиши. Требуется, дескать, дополнительная проверка – ну, сам там сформулируешь поаккуратнее. Не будем торопиться. Случай какой-то мутный, а за нами и так куча недоработок числится. Зачем к ним еще и эту хрень добавлять. А ты, конечно, разузнай и проверь всё, что можно. Раз дело не заводим, то придется тебе этим заняться – больше некому.

– Ладно. Я тогда сейчас в этот институт съезжу, поговорю там с директором. А рапорт я вам попозже занесу. – Лейтенант помедлил и уже было встал со стула, но потом, видимо, решил и сел снова. – У меня тут вот еще какое соображение. Хочу вас спросить. ...Вахтерша эта сильно испугана, хотя старается виду не подавать. Это вроде бы понятно. Этого и следовало ожидать. Но у меня такое ощущение, что страх у нее вызван не только тем, что позади – труп нашла, – но и тем, что впереди, так сказать, в будущем. Чего-то, мне показалось, она ожидает и боится этого. Ничего она подобного не говорила, но мне так показалось. И вот я думаю, не могла ли она сама выпустить бандитов и позволить им унести труп? Я не считаю, что она с ними в сговоре – тогда бы она просто не стала нам звонить. Но, вот предположим, она позвонила и заперлась, как сумела, в коридорчике перед выходом – появились двое-трое, тащут покойника и говорят ей: *стой, бабка, не беги, мы тебя всё равно найдем и хоть из-под земли достанем – хочешь жить, выпусти нас и молчи про это – иначе...*

Если так, то понятно, чего она боится: с одной стороны, бандитов, а с другой – нас – понимает, что, если мы про это узнаем, она попадет в сообщники. Как вы думаете, может такое быть?

Но спрашиваемый начальник уже потерял интерес к обсуждению запутанной истории:

– Всякое может быть. Думай, ищи, проверяй. Действуй, короче. ...Всё на этом. Свободен. У меня дела.

На таком оптимистично-энергичном напутствии подчиненному и закончилось это небольшое, но важное для нашей истории милицейское совещание.

В НИИКИЭМСе намеревавшийся поговорить с директором лейтенант был, как читателю уже известно, перенаправлен к заму по АХЧ, должность которого в это время занимал Василий Суренович Хачатрян. Поскольку этот персонаж должен будет еще появиться в нашей истории – по воле судьбы (или, как мы уже решили, по воле случая) и к своему несчастью он оказался в нее крепко впутанным, – стоит сказать о нем несколько слов.

Несмотря на свою фамилию и отчество внешне он мало походил на *лицо*, как бы сейчас сказали, *армянской национальности*. Видимо, шедшая от дедушки или даже прадеда армянская струя была сильно разбавлена в результате смешанных браков его предков. Скорее его можно было принять за украинца, за уроженца, предположим, Одессы или какого-то другого южного города – что-то характерное для южан в его облике всё же проглядывало. Тем более, что и в его выговоре отчетливо слышалось южное, украинское «Г» (почти как «Х»). То же можно сказать и о его манерах и стиле поведения: никакой особенной живости, повышенной эмоциональности, патриархально окрашенной фамильярности по отношению к собеседнику, никаких таких *заходи, дорогой, гостем будешь* или, закотив глаза за спиной прошедшей девушки, *ваах, какая!* То есть никаких примет «кавказского характера», с которыми сибиряки, в основном, знакомы по фильмам с участием Бубы Кикабидзе и Фрунзика Мкртчяна (хотя и в жизни такое иногда встречается) и проявления которых они невольно ожидают от человека с фамилией Хачатрян. Серьезный, солидный дядечка лет пятидесяти, подтянутый, немногословный, не склонный к шуткам и болтовне на посторонние темы, нередко выглядевший как «застегнутый на все пуговицы» чиновник (да, таким он, наверное, и

был). В то же время была в нем определенная резкость, способность высказать в глаза что-то неприятное и даже обидное для человека – критики он не стеснялся и в вату ее не обертывал. Справедливости ради, надо сказать, что в таком стиле он общался не только с теми, кто был ниже его по рангу и положению или как-то зависел от него (в этом никто бы не усмотрел ничего индивидуального – *барин сердится* – чего ж тут удивительного), но и с теми, от кого мог зависеть он сам. Даже академик – в некотором смысле царь и бог в своем институте – вел себя по отношению к этому заму безупречно корректно и уважительно, побаиваясь, вероятно, нарваться на адекватный отпор, хотя с другими своими подчиненными – вплоть до зама по науке (формально, второго человека в институтской иерархии) – мог позволить себе многое, не вполне укладывающееся в рамки служебной этики. Правда, поговаривали, что раньше – когда-то достаточно давно – Хачатрян *шел по партийной линии* и продвинулся в своей карьере достаточно высоко – что-то вроде второго-третьего секретаря райкома партии. Однако потом у него как-то не заладилось, и он *перешел на хозяйственную работу* (видимо, вынужден был перейти – по своей-то воле редко так делают). Именно этим и сохранившимися у него связями в партийных верхах объясняли его независимую позицию по отношению к директору. Но все это были только слухи (и не Мише было судить о степени их достоверности), сам же зам по АХЧ о своей биографии не распространялся и задушевных разговоров ни с кем на работе не вел. Здесь, вероятно, надо также сказать, что начальник он был строгий, даже жесткий, и подчинявшиеся ему АУП и хозяйственные службы его побаивались и перечить ему не рисковали.

Вот к этому Василию Суреновичу и попал лейтенант со своими проблемами – как быстро выяснилось, попал как раз в тот кабинет, куда ему было нужно. О содержании их разговора известно со слов лейтенанта. Его собеседник был не в состоянии к этому что-либо добавить, но даже если бы до этого дошло, вряд ли бы он стал излагать суть дела по-иному. Интересовавшие милицию вопросы касались трех аспектов дела, относительно которых лейтенант пытался прояснить ситуацию. Сообщив вкратце и в несколько расплывчатых выражениях об инциденте, произошедшем в стенах института два дня назад, он попросил охарактеризовать вахтера Бильбасову с точки зрения того, насколько можно доверять ее словам и какова ее репутация в коллективе.

Оправдывая свою характеристику, Хачатрян не стал хвататься за голову, услышав о трупе в институтском коридоре, и не засыпал лейтенанта кучей вопросов об этом загадочном происшествии – принял, так сказать, к сведению и от комментариев воздержался. И на поставленные вопросы высказывался спокойно, уверенно, не задумываясь и не выбирая, по-видимому, выражений. Хотя близко знаком с вахтером зам по АХЧ, естественно, не был, но высказался о ней, как о вполне надежном и заслуживающем доверия работнике: *за все время ни одного прогула, никаких жалоб на нее, ни в каких склоках или конфликтах с комендантом, другими вахтерами не замечена – хотя, как вы понимаете, коллектив, главным образом, женский, и конфликты – пусть не каждый день – но бывают. Вообще, комендант считает ее одной из своих лучших подчиненных. Когда встает вопрос, кому из низового персонала дать премию или наградить почетной грамотой к празднику, Бильбасова почти всегда – одна из кандидатов. Собственно, поэтому я и знаю о ее существовании – так-то я больше с нарушителями трудовой дисциплины имею дело. Что же касается вашей из ряда вон выходящей истории, то здесь мне сказать что-либо трудно – хотя как-то не вяжутся такого рода выдумки с ее общей репутацией, никогда я не слышал о ее каком-то необычном или странном поведении и высказываниях. Впрочем, тут вам, наверное, лучше поговорить с комендантом – она, безусловно, лучше информирована.*

Однако лейтенант от встречи с комендантом отказался и, кстати, попросил, чтобы об их встрече и о «происшествии» (что бы оно ни означало) знало как можно меньше людей – *не стоит создавать почву для нежелательных слухов* – так он выразился.

– Конечно. Понимаю... – заверил его собеседник, – но директору-то мне придется рассказать, иначе... неловко может получиться.

– Это безусловно. Я и сам сначала хотел с ним поговорить, – не стал возражать милиционер и перешел к другой интересующей его стороне дела.

Вопрос о том, не похищено ли что-либо в институте, не обнаружено ли следов взлома или проникновения в какие-то помещения, и – беря шире – какого рода ценности могут быть в этом здании, на что может рассчитывать преступник, предпринимая попытку залезть в институт, Василий Суренович четко разделил на две части. *Про взлом, кражу и тому подобное можно сразу сказать: ничего такого – по крайней мере, явного – не было. Уже прошло два с лишним часа, как все вышли на работу, и если бы что-то случилось, мне бы уже сообщили. А вот что касается ценностей...* Он внимательно посмотрел на лейтенанта и еле заметно улыбнулся. *Тут можно по-разному посмотреть. С одной стороны, в лабораториях немало реактивов, банка которых может стоить и тысячу рублей, тем более оборудование – тут уже счет может идти на десятки тысяч, а то и сотни, если на рубли пересчитать. То есть ценности здесь немалые. Есть чем пожить. С другой же стороны, все это реальной товарной ценности практически не имеет – если не считать, что уксусную кислоту можно использовать для приготовления маринадов. Что бы тут ты не украл, продать ты его не сможешь, никто его у тебя за наличные не купит – никому оно, кроме таких же научных учреждений, не нужно. Если б наши реактивы и приборы принимали бы в комиссионку – тут он улыбнулся более явственно, – пожалуй, давно бы всё растащили.*

Ответ, по-видимому, был признан исчерпывающим (похоже, он только подтвердил то, что спрашивающий и сам заранее знал) и лейтенант перешел к третьей части своего интервью. По его тону чувствовалось, что, обсуждая эту тему, он старается быть максимально деликатным и что он побаивается иронического отношения этого серьезного руководителя (по рангу, наверное, никак не меньше полковника) к его, как он выразился, «шпиономании». Этим уже совсем не модным в семидесятые годы недугом лейтенант, по его словам, вовсе не страдал, но спросить-то всё же надо было.

Проблема была сформулирована несколько расплывчато, но Василий Суренович ухватил ее суть на лету и отвечал, что вопрос, вообще-то говоря, не совсем по адресу. Научной стороны дела он в своей работе практически не касается, деталей проводимых в институте исследований, конечно, не знает и судить о потенциальной конкурентоспособности институтских разработок не берется, но что он был бы крайне удивлен – тут он уже откровенно улыбнулся, – если бы выяснилось, что происходящим в их институте интересуются разведки иностранных государств или какие-то мощные транснациональные корпорации.

Лейтенант, в душе вполне согласный с такой оценкой советской науки, поблагодарил собеседника за ценную для органов дознания информацию, оставил на всякий случай свой телефон – вдруг появятся какие-нибудь дополнительные факты – и на этом откланялся.

Можно сказать, что информации от этого визита он получил немного: всё, что он услышал, практически совпадало с его собственными впечатлениями и оценками. Однако, и такое подтверждение его заранее сложившегося мнения о ситуации тоже чего-нибудь стоило.

Впоследствии – хотя, конечно, не в тот же день – лейтенант получил ответы на свои запросы относительно *гражданки Бильбасовой А.Л.*: ни в психоневрологическом диспансере, ни в его специализированном наркологическом кабинете указанная гражданка на учете не состояла и за лечебной помощью в них не обращалась. Человек, отправленный в районную поликлинику и потребовавший в регистратуре медицинские карточки всех пенсионеров, которые проживали в том же многоквартирном доме, что и заинтересовавшая милицию вахтер, сообщил: карточка Бильбасовой очень тоненькая, за последние несколько лет в ней всего лишь несколько записей – последняя сделана полтора года назад участковым врачом при посещении пациентки на дому – диагноз: грипп. Обращений к невропатологу не отмечено, при осмотрах жалобы на психическое состояние не зарегистрированы.

По информации, полученной лейтенантом уже в недрах своего ведомства, с милицией, органами суда и прокуратуры Бильбасова никогда, по-видимому, не сталкивалась. С жалобами и заявлениями об обнаруженных ею преступлениях, о злоумышленниках, облучающих ее вредными для здоровья лучами, и прочими «телегами» – а в милицию и подобные конторы приходят целые вороха таких писем и заявлений – не обращалась. Во всяком случае, нигде они зафиксированы не были.

За эти дни не было обнаружено и подходящих (по имевшемуся описанию) трупов, то же можно было сказать и о заявленных пропавшими без вести (хотя здесь, конечно, выводы

могли оказаться сомнительными). Не было ничего обращающего на себя внимания и в тех сообщениях, которые поступали от так называемых *агентурных источников* в криминальной среде. То есть сведения о том, что кого-то «пришили», возможно, и были, но с НИИКИЭМСом или другими обстоятельствами дела они никак не сочетались.

Как ни стеснялся лейтенант подозрений в «шпиономании», но, будучи служакой старательным и дотошным, он всё же – через своего начальника – не поленился выяснить у *компетентных органов* и находящегося в их ведении первого отдела НИИКИЭМСа, нет ли в этом институте каких-либо важных производственных секретов. Ответ на это они получили не скоро, но мы можем уже здесь сказать, что гласил он как раз то, что и предполагалось: исследования по секретной тематике в НИИКИЭМС не ведутся, и предполагать интерес зарубежных разведывательных служб к этому учреждению нет оснований.

Таким образом, проделанная в течение недели милицейская работа никакого прояснения относительно того, что же всё-таки произошло в реальности, не принесла. И вопрос: *А был ли мальчик?* (ну, то есть труп) продолжал оставаться открытым до той поры, когда Анне Леонидовне пришел срок выходить на очередное дежурство.

Глава пятая

Второе пришествие марсиан

Когда Миша рассказывал об институте, где он тогда работал и где всё это происходило, он в числе прочих разных мелочей упомянул о книжке Стругацких, которую как-то раз видел на столике в вахтерской (вот, дескать, *вахтеры-то, они тоже разные бывают*). В этой своей зарисовке он больше нажимал на свои чувства: как не решился, по молодости и застенчивости, попросить эту книжку почитать – хотя бы на ночь. Фантастику в шестидесятые годы издавали очень щедро – и зарубежную, и свои авторы поперли как грибы, – но поскольку желающих иметь эти книжки было раз в сто больше, чем появлялось самих книжек, то купить такие издания было практически невозможно, и даже взять их в библиотеке или у знакомых удавалось нечасто. Стругацкие же вообще были в то время на пике своей славы и популярности, а любая их книжка ценилась на вес золота, так что выпрашивать ее у малознакомого человека было крайне неловко – проще, наверное, было бы попросить поделиться бутербродом. Вот Миша и не смог себя пересилить и даже не сделал такой попытки (а вдруг бы дали!), хотя и не совсем понятно, почему через много лет он вспоминал об этом с явным сожалением – книжку-то он, наверняка, с тех пор прочитал. Правда, не исключено, что сожалел он не о книжке, а об утерянной с годами юношеской застенчивости и о том чистом жарком пыле, с которым тогда всё воспринималось. Сейчас уже черта с два удастся испытать подобную радость, какая бы вожделенная книга ни попала в твои руки. Тускнеет всё с возрастом.

Читатель, конечно, уже начал недоумевать, куда это меня понесло. Зачем рассказывать про Мишины и про свои чувства? Но я и сам это уже заметил и прямо перехожу к тому, о чем собирался сказать. В самой первой части романа – надеюсь, некоторые из читающих про это не забыли – я положил такую всплывшую в моей памяти книжечку на вахтерский столик в качестве «приметы эпохи» и «реалистической детали», которая своей обыденностью должна была, по замыслу автора, оттенить мрачную атмосферу пустого, но наполненного воображаемыми призраками здания и сделать ее более убедительной. Сыграла ли данная деталь возлагаемую на нее роль – судить читателю. Но здесь я решил еще раз использовать название книги Стругацких и, чуть-чуть изменив его, поставить в заголовке этой части моего повествования. Пусть «марсиане», как таковые, в данной главе и не появляются, но какую-нибудь аналогию с ее содержанием здесь провести вполне возможно.

Ровно через неделю после описанного происшествия – вечером в пятницу – Анна Леонидовна вновь появилась в НИИКИЭМСе и заступила на очередное дежурство. Хотя она и говорила потом, что какого-либо страха перед предстоящей ночью у нее не было, в этом ей, пожалуй, нельзя полностью доверять. Как ни крути, такие переживания даром для человека не проходят. Некоторая тревожность и неуверенность у нее, наверное, все же были – вряд ли пустые коридоры института воспринимались ею с той же безотчетной уверенностью – *ну, что там можно в них увидеть!* – как и раньше. В то же время рациональный подход к делу мог только подтвердить отсутствие какой-либо неожиданности. Что бы там ни произошло на прошлом ее дежурстве, всё это было уже позади – нельзя же всерьез опасаться повторения чего-то подобного. За всю жизнь с трупом, попавшим в ее поле зрения, она столкнулась впервые, даже разговоров о том, что кого-то поблизости убили, она почти что и не слышала никогда, и предполагать теперь, что такой случай может повториться в какое-то обозримое время, не было ни малейших оснований. *Да и не падает снаряд дважды в одну воронку!* – не бывает такого. Тем более, что из разговора с дежурившей в день и сдававшей ей смену женщиной можно было сделать вывод о полной безоблачности в сфере вахтерской службы. Прошла уже неделя, и никто из дежуривших ночью не сообщал ни о каких – даже малозначительных – происшествиях: ни форточки не хлопали, ни дымом или газом не пахло, не говоря уже о появлении бандитов с ножами. И в институтской жизни ничего особенного не происходило – всё шло заведенным порядком, и даже комендант не находила, к чему бы придраться. И, следовательно, тот из

ряда вон выходящий случай, с которым столкнула ее жизнь (*за грехи наши, видно*, как она сама выражалась), можно было считать лишь отзвуком разразившейся где-то за пределами институтской жизни грозы – здесь только громыхнуло, а настоящая гроза – *слава тебе, господи* – прошла стороной. Всё уже закончилось.

Правда, сменщица поделилась интересной и относительно свежей новостью: *в институте все говорят о каком-то убийстве – даже Софочка наша (комендант) этого не опровергла, хотя посоветовала не трепать зря языком; но кто убил, кого убили, никому не известно – болтают, наверное; так и комендант говорит*. Новость эта, хоть и затронула чувства Анны Леонидовны, но не столько напугала, сколько разозлила. Причем обозлилась она, главным образом, на себя – *черт меня дергал за язык*, но и на Нину тоже – *не стерпела, чтобы не разболтать – верь им после этого*. Но с прошествием времени и некоторым успокоением – ведь ничего плохого не происходит – она уже не ожидала каких-либо неприятностей вследствие появления такого слуха, тем более что ее имя, как выяснилось, никто не упоминает и с *убийством в институте* никак не связывает. *Умнее в следующий раз надо быть*, только и решила наша героиня, бывшая истинным виновником появления слуха, так поразившего локальное сообщество в НИИКИЭМСе. Думала ли она при этом, что *следующий раз*, когда она вновь будет обладать столь же сногшибательной информацией, наступит, вероятно, очень нескоро, осталось неизвестным – в рассказах она об этом умолчала.

Не будем терять времени на то, чтобы более или менее подробно описать начало дежурства Анны Леонидовны в этот день, – я и так уже написал почти две страницы, а все не могу дойти до существа дела. Ничего особенного не происходило, и проще всего считать, что события разворачивались в точности так же, как и в ее предыдущее дежурство, уже описанное выше.

События, заслуживающие нашего описания, начались только после того, как вахтер потопала в полтретьего ночи на обход здания. Тут, наверное, следует заметить, что поднявшись на второй этаж, она сразу включила свет в коридоре. Сама Анна Леонидовна про то, что в это дежурство она при обходах включала свет на всех этажах, говорила мимоходом и как бы не придавая сему обстоятельству особого смысла, но, зная, что в предыдущие дежурства она так не делала и в прошлый раз свет в коридоре зажгла лишь после того, как заметила что-то необычное, можно сделать вывод, что не так уж спокойна и уверена она была во время описываемого здесь дежурства – что бы она про свои ощущения ни рассказывала, поведение ее стало другим. Пережитое давало себя знать, и можно предположить, что она заранее что-то *предчувствовала* (в последующем мы еще вернемся к этому выражению *предчувствие* и стоящему за ним понятию). Так вот. При вспыхнувших лампах она со страхом увидела, что дверь на черную лестницу опять открыта настежь, хотя всего лишь четыре часа назад – при предыдущем обходе – ничего подобного не было.

Но главное было в том, что из-за открытой двери высовывался уже знакомый ей локоть. Несмотря на ошеломляющий эффект открывшейся ей картины, она все же сделала несколько шагов вперед, и с того места, где она оказалась, стало видно ногу лежащего. Ближе она подойти не решилась, так как испытывала, по ее позднейшим словам, не только ужасный, парализовавший ее страх, но и полнейшую растерянность: *я совершенно не могла понять, что это значит, и вообще, что такое со мной происходит, на каком свете я нахожусь* – рассказывала она, берущему у нее показания милиционеру. Лежащий на полу труп (а кто еще мог там лежать?) был точно таким же, какой она уже видела неделю назад. Причем лежал он точно в той же позе, и даже одет был точно так же: в темно-синие брюки и курточку. Ножа она, правда, в этот раз не видела, но не сомневалась, что его рукоятка по-прежнему торчит у него из спины. Всё выглядело ровно так, будто бы труп и не исчезал с этого места, а, став каким-то образом невидимым и не воспринимаемым, так и пролежал здесь неделю (ровно: час в час), после чего опять открылся ее глазам. Картинка совершенно абсурдная и не поддающаяся никакому разумному истолкованию. Впоследствии Анна Леонидовна недаром сравнивала ее с тем, что может привидеться человеку в кошмарном сновидении, логика которого вовсе не поддается расшифровке обыденным здравым смыслом, и потому может испугать еще больше, чем действительные, происходящие в

жизни события. Однако в тот момент у видевшей эту картинку женщины не было никаких сомнений в ее реальности – это был отнюдь не сон. Труп снова материализовался и занял свое исходное положение. Пробил его час, и он вернулся, чтобы снова предстать перед ее глазами.

Я предвижу, что у дочитавших до этого места может возникнуть резкая реакция отторжения текста. *Что за чушь!* – подумает кое-кто из моих читателей (потенциальных, конечно, но сейчас я уже почти не сомневаюсь, что какие-то читатели у романа будут). – *Это уже ни с чем не сообразно. Такого просто быть не может. Заглавие, правда, на это намекает, но ведь во всем должна быть некая мера, и то, что в тексте используется как увлекательная, хлесткая метафора, не может затем подаваться в качестве реального факта. Автора, определенно, занесло куда-то не туда. А если он собирается состряпать нечто вроде фильма ужасов с оживающими трупами и воплями «Душно мне! Душно!» из-под могильной плиты – недаром он уже про вурдулаков заикался на первых страницах, – так не надо представлять свой опус детективом. В настоящем детективе – а это очень строгий, целиком определяемый давно сложившимся канон жанр – никаким ходячим мертвецам, и вообще никакой мистике, места нет. Взятся сочинять детектив – будь добр, придумай всем описываемым событиям некое рациональное – посюстороннее – объяснение. А подсовывать читателю летающие в пространстве трупы и выдавать их за часть реальности... «Вий» – хорошая сказка, но Гоголь ведь и не выдавал ее за детектив.*

Отчасти понимая справедливость и не беспочвенность предъявляемых автору претензий, а также соглашаясь в большинстве пунктов с вышеизложенным взглядом на детектив и на правомерность присутствия в нем «ходячих мертвецов», я должен, тем не менее, твердо заявить: я вовсе ничего не сочиняю (хотя временами и стараюсь украсить повествование своими выдумками ради пущей картинности и с целью усиления художественного эффекта), а всего лишь излагаю давнюю историю, поведанную мне моим хорошим знакомым. Но и Миша ничего существенного не сочинял и не пытался (я в этом полностью уверен) заморочить мне голову сказками про не существовавших в реальности мертвецов – не было у него такого намерения. А Миша – это стоит специально подчеркнуть – был очень хорошо информирован в отношении всех деталей этого своеобразного дела – ведь он самолично и активно участвовал в его расследовании. А потому я призываю усомнившихся читателей набраться терпения и довериться моему рассказу – я не пытаюсь никого обманывать и целиком следую рассказам реальных участников этой реальной истории.

После подобного отражения предполагаемых читательских нападков на автора романа я могу продолжить свой рассказ о втором дежурстве Анны Леонидовны и о «втором пришествии» уже знакомого нам трупа.

Как ни была уверена вахтер в том, что ей привелось увидеть собственными глазами, все же она, вероятно, понимала крайнюю неправдоподобность своего свидетельства. По крайней мере, это можно заподозрить по интонации и по построению фраз, в которых она сообщила о своей – очередной – находке слушающему ее сотруднику милиции. Уже по одной ее формулировке: *он опять здесь... убитый этот... лежит в коридоре на том же месте...* можно заключить, что она подозревала, какую реакцию может вызвать ее сообщение. Однако, что же еще она могла сделать в такой ситуации? Когда я пытаюсь встать на ее место и понять, какое поведение было бы здесь предпочтительным, я не нахожу лучшего ответа, нежели звонок в милицию. Действительно, пусть с этой чертовщиной разбираются профессионалы – а то, ломая над этим голову, можно и вовсе с катушек слететь. При этом нужно учесть, что я размышляю над данной – гипотетической для меня – проблемой, сидя в своей уютной комнате (ну, скажем, в привычной обстановке) за пишущей машинкой, а она, будучи полностью сбитой с толку и до крайности перепуганной, должна была что-то решать, когда устрашающий ее труп лежал этажом выше – то есть в нескольких десятках метров от нее. Надо было принимать решение немедленно – вот она и позвонила.

К счастью, принявший сообщение дежурный милиционер не стал допытываться у нее о подробностях происшествия – видимо, догадываясь, что ничего более внятного все равно не

услышит, – и вскоре милиция была уже на месте. Надо сказать, что возглавлявший выехавшую группу офицер был уже понаслышке знаком со странным случаем, над которым ломал голову лейтенант Одинцов, и следовательно, почти не сомневался в том, с чем они столкнутся после прибытия на место заявленного происшествия. Он уже заранее предвкушал, как он в понедельник откроет им – то есть их начальнику и самому Одинцову – глаза на реальную подоплеку взволновавшего их «загадочного случая исчезновения трупа из полностью закрытого помещения», а потому еще по дороге в институт ухмылялся в свои пышные усы (почему бы и не представить его субъектом с роскошными, как у артиста Каневского, усами – как автор, я вполне могу себе позволить подобную небольшую выдумку). Прибыв в институт, он с удовлетворением удостоверился в своей прозорливости – хотя гордиться верностью своих предсказаний ему особенно не приходилось – с его-то опытом! – тут и любой стажер заранее предсказал бы, чем кончится дело. Трупа, естественно, в коридоре никакого не было, и дверь на лестницу была притворена и даже заперта на замок. Понятно, что на этот раз никто не собирался искать путей, по которым можно было бы вытащить труп, и, пройдясь – для порядку – по пустым коридорам, милиционеры посчитали свой долг выполненным. Всё было ясно и не вызывало ни малейших сомнений. Даже сама Анна Леонидовна, похоже, была не так уж удивлена повторным исчезновением виденного ею трупа. Она не выказывала никаких эмоций, не пыталась что-либо объяснить (да ее никто особо и не спрашивал). Пришибленная всей нелепостью происходящих с нею событий, она явно сникла, как бы сморщилась и в одночасье усохла – *сама себе в зеркале казалась постаревшей на много лет*, – и впала в состояние, которое можно описать как апатию и покорность нещадно бьющей ее судьбе.

За окончанием осмотра здания последовало, вероятно, не вполне обычное, а потому неожиданное продолжение.

В нашем обществе издавна господствует мнение о том, что практически все милиционеры – грубые, бездушные и даже жестокие люди. Чтобы не обмануться в своих ожиданиях, при общении с милицией лучше, дескать, держаться именно такого мнения. В последние же годы такой взгляд на наших «стражей порядка» только ухудшился. Из дня в день пресса сообщает нам о разнообразных – часто поистине жутких – историях, в которых работники милиции выступают вовсе не на стороне справедливости и общественного порядка. Поневоле начинаешь сомневаться в том, что грозит большими опасностями мирному обывателю: встреча ли на узкой дорожке с патентованными бандитами или же с якобы противоположными им по знаку «сотрудниками правоохранительных органов». Некоторые сообщения о борьбе и чуть ли ни о регулярных перестрелках между милиционерами (во всех их разновидностях) и боевиками наркомафии и тому подобных «организованных преступных группировок» заставляют вспомнить о рассказах многочисленных мемуаристов, описывающих *сучью войну*, разразившуюся в послевоенные годы в советских лагерях и сводившуюся к тому, что один клан бандитов («воры») беспощадно расправлялся с другим («суками») и сталкивался с аналогичной ответной реакцией.

Я не собираюсь оспаривать это широко распространенное мнение о милиции и разбираться в его оттенках – надо полагать, возникновение таких представлений о «среднестатистическом милиционере» имеет под собой вполне реальную основу. Всякая организация формирует своих членов в соответствии с выполняемой ими функцией, и попавшие в ряды этой организации (пусть даже чисто случайно, без предварительного отбора) неизбежно изменяются в процессе службы так, чтобы им было проще и удобнее выполнять свою работу – формируется некий профессиональный тип. Если учесть, что цель обсуждаемой нами организации – «давить и не пущать», а методы, ею используемые, были – в основе своей – развиты и отшлифованы еще во времена Ивана Грозного, Петра Первого, Феликса Дзержинского и других выдающихся душегубов, игравших видные роли в нашей отечественной истории, было бы наивно ожидать, что среднестатистический милиционер окажется тонко чувствующим, мягкосердечным и деликатным субъектом, готовым в любую минуту утешить сироту и вытереть вдовьи слезы. Ясно, что реальный портрет должен существенно разниться с этой умильной сказочной картинкой. К тому же, не надо

забывать, что постоянное общение с не самой лучшей частью общества, а часто и вовсе с разным отребьем, и необходимость всегда иметь в виду, что у каждого из нас – обывателей – имеются различного рода дефекты и пороки, которые не принято демонстрировать публично, но которые могут обнаружиться в случаях, требующих вмешательства милиции, – короче говоря, неизбежное для каждого милиционера близкое знакомство с «изнанкой» нашей обыденной жизни, всё это вряд ли может способствовать воспитанию доверчивого и чувствительного к чужой боли профессионала, занятого борьбой с преступностью. Вероятно, не так-то просто вызвать деятельное сочувствие у любого встретившегося на нашем пути человека в милицейской форме: он уже, вероятно, насмотрелся на плачущих вдов и обиженных сирот – всех все равно не утетишь, – да к тому же, некоторые из этих сирот попали в поле его зрения только потому, что воткнули ножик в живот своему приятелю и однокорытнику по недавно покинутому ими детскому дому. Кого тут надо жалеть в такой ситуации? Может быть, порезанного, но не исключено, что и воткнувшего – дело ли рядового милиционера во всём этом разбираться? До этого ли ему?

Всё это так, и *глас народа*, по-видимому, не слишком заблуждается в своих окончательных приговорах. И всё же, нельзя рассматривать людей, несущих службу в милиции, как комки пластилина, которые система может как угодно мять и лепить из них всё, что ей заблагорассудится. Ясно, что все они – индивидуальные субъекты, имеющие свою волю, характер, моральные принципы и впитанные в детстве привычки, а потому, хотя на каждого из них действие указанных профессиональных факторов оказывает свое деформирующее личностное влияние, результаты воздействия могут оказаться совершенно разными. И мы вряд ли ошибемся, если скажем, что среди милиционеров – точно так же, как и среди инженеров, новоиспеченных фермеров, врачей и канцелярских сотрудников *Государственной инспекции по торговле, контролю качества товаров и защите прав потребителей* – наверняка, можно найти как откровенных монстров, так и тех представителей милицейского племени, которые как две капли воды схожи с тем *тонко чувствующим, мягкосердечным и деликатным субъектом*, картинку которого мы совсем недавно признали неправдоподобной и лакирующей действительность. И более того, если внимательно разобраться, в каждом милиционере можно найти что-то человеческое, что-то присущее нам всем (не милиционерам) – как в положительном, так и в отрицательном смысле.

Так вот. После такой преамбулы (призванной, по мнению автора, послужить теоретическим обоснованием правдоподобности описываемых обстоятельств) мы можем вернуться к уже начатому рассказу. Закончив с формальным осмотром помещений, командовавший приехавшими милиционерами усач (теперь ему придется носить усы на протяжении всего романа, если только автору не придет в голову, что он должен их сбрить) предложил опечаленной Анне Леонидовне свозить ее на осмотр к врачу. *Нет-нет, никаких принудительных освидетельствований, об этом и речи быть не может. Просто – вы же сами видите – что-то с вашим... зрением не в порядке. Лучше бы показаться медикам – посоветоваться со специалистами.* Как к этому отнеслась вахтер и что она при этом думала, мы не знаем – она на эту тему не распространялась, – но внешне она никак не выразила своего согласия или несогласия. Со стороны всё выглядело так, как если бы она сама не знала, что ей делать, и готова была подчиниться любой чужой воле, обещающей ей выход из тупика, в котором она оказалась.

Одного из милиционеров оставили на время в вахтерской, а прочие на известном уже читателю узике отправились в приемный покой городской психиатрической больницы. Милицейский командир предварительно вкратце объяснил дежурному врачу суть дела, на что тот вяло согласился: *Ну да, похоже, из нашего контингента. Но без обследования что можно сказать?* Затем настала очередь самой Анны Леонидовны. Врач расспросил пациентку о некоторых обстоятельствах ее жизни, главным из которых было, по-видимому, выяснение того, не лечилась ли она раньше у психиатра. Не был забыт и дежурный вопрос: *Голоса слышите?* – без чего не обходится ни один осмотр специалистов данного профиля. Побеседовав еще немного с односложно отвечающей на его приставания женщиной и попытавшись намеренно грубым тоном и демонстративным недоверием к ее ответам

вызвать какую-нибудь агрессивную реакцию со стороны опрашиваемой, но не добившись от нее ни малейшего всплеска эмоций, врач счел свою миссию законченной. Однако при этом он – вопреки ожиданиям – не отмахнулся от нее и не отправил туда, откуда она пришла, а отнесся к ней с вниманием и предложил устроить ей консультацию у авторитетного специалиста: *У нас клиническая больница, и консультации проводят сотрудники кафедры психиатрии – очень грамотные и опытные врачи. Посмотрят вас и решат, как дальше быть, может, и лечение какое-то порекомендуют* – объяснил он преимущества своего предложения. Анна Леонидовна не выразила особой радости по поводу открывавшейся перед ней возможности попасть на прием к самому профессору или к кому-то из его ближайших сотрудников, но и отказываться не стала – отнеслась, наверное, к этому, как к еще одному полустанку на предстоящем ей крестном пути. Истолковав ее молчание за согласие, психиатр велел ей в понедельник прийти к десяти утра в приемный покой и сослаться на договоренность о консультации, на которую он обещал ее записать. Всё складывалось наилучшим образом и шло, как расписанное по нотам, пациентке не требовалось ничего решать самой и каким-то образом этого добиваться. Возможно, что свою роль сыграло присутствие офицера милиции – немногие из нас решились бы отказать в посильной помощи сотруднику органов, даже если бы он и не просил об этом напрямую. Отрицательное мнение *прочих штатских* о милиции может, как видите, приводить и к положительным эффектам. Однако, рассматривая всю ситуацию в целом, я не вижу ничего невероятного в том, что милиционер мог проникнуться участием к годящейся ему в матери старухе, которая очевидно сходила с ума, но была еще в достаточно здравом рассудке, чтобы быть пришибленной своим открытием и страшиться своего близкого будущего.

Не исключаю, что кто-то из скептически настроенных читателей заподозрит у нашего усача другой мотив, подвигший его на это богоугодное дело: он, дескать, пытался заручиться свидетельством психиатра, чтобы его рассказ о начальнике, попавшем пальцем в небо, и об этом опростоволосившемся Одинцове выглядел более основательным и убедительным. Всё может быть. Но даже в этом случае я не нахожу здесь никакого конфликта мотивов: мог же он стремиться и начальнику нос утереть, и несчастной старухе помочь – и всё это повернуть одновременно, за один присест, почему бы и нет? Читателям, особенно тем, кому знаком роман «Пророчица», наверняка уже известно, что *чужая душа – потемки*, а все наши предположения о том, чем руководствовался усач при поездке в больницу, или что почувствовала потерпевшая, во второй раз столкнувшись с мертвым телом, не многим отличаются от результатов гадания на кофейной гуще. В чем-то мы окажемся близко к правде, а в чем-то попадем в точку, расположенную у противоположного полюса. Ну, так что же?! Ведь и в обыденной жизни наши суждения и оценки обладают сходной степенью достоверности – при желании, такое сходство можно даже посчитать еще одним признаком реалистичности художественного повествования.

Перейдя при последующем описании событий к наиболее краткому стилю изложения – слишком много строк было потрачено перед этим на разного рода отступления и воображаемую полемику с читателями, – скажем, что, вернувшись в свою вахтерскую и проводив тут же уехавших милиционеров, Анна Леонидовна без каких-либо приключений досидела свое дежурство до конца и без всяких объяснений сдала смену. О чем думала и что чувствовала она в эти часы и в последующие сутки, нам не известно. Но ни в каких необычных поступках или высказываниях ее думы – каковы бы они ни были – не проявились. Ее сдержанный характер, видимо, продемонстрировал здесь всю свою силу.

В понедельник с утра она отправилась в больницу (которую попросту называла *сумасшедшим домом*) и попала на консультацию к доценту Старовойтову – уже начинавшему сидеть, но сохранившему чисто младенческую живость и вертлявость и не потерявшему своего специфического, производившего впечатление на многих пациентов, очарования. (Познакомившись с его описанием – в Мишиной, разумеется, передаче – автор, как верный поклонник Ильфа и Петрова, сразу вспомнил одного из их персонажей – Авессалома Изнуренкова: *ах, ах, высокий класс* и так далее). После разговора с пациенткой – более обстоятельного и гораздо более детального, нежели ее беседа с предыдущим психиатром из приемного покоя, – доцент предложил ей лечь к ним на обследование: *не*

надолго, мы с вами как следует разберемся и что-нибудь вам непременно рекомендуем; думаю ничего страшного у вас нет, – обаятельно улыбнулся он мрачно слушающей его старухе, – посмотрим, проверим...

Всё произошло очень быстро и как бы само собой: прямо из врачебного кабинета Анна Леонидовна была препровождена в одно из отделений этого жуткого сумасшедшего дома.

Знающий дело читатель, хорошо осведомленный – а, может быть, и на собственной шкуре, как говорится, испытавший это, – опять же может сказать, что в советскую больницу (и в психиатрическую, и в любую другую) лечь без направления амбулаторного врача и без явных признаков тяжелого заболевания, не будучи привезенным «Скорой помощью» и не имея за собой какой-либо убедительной рекомендации (*сама Софья Ипполитовна просили*), было крайне непросто – желающих лечиться всегда было намного больше, чем свободных коек в больницах. *На обследование... ну надо же...* – иронически заметит этот самый предполагаемый читатель-скептик, и опять же вытащит на свет свою умозрительную гипотезу о том, что большая часть всей этой врачебной предупредительности и гуманной заботы о ничем из себя не представляющей пациентке объясняется очень просто: на консультацию она попала с подачи милиции, и доцент, несомненно, это знал. Ну, может, и так. И что из этого? Стоит ли нам заострять на этом внимание? Ведь прямого отношения к развитию нашего сюжета такое объяснение (даже если оно и в самом деле верно) иметь не может – посему оставим это за скобками и продолжим наш сжатый рассказ о пребывании нашей героини в психиатрической больнице, имея всё же в виду, что оказалась она здесь вовсе не случайно: были для этого достаточно серьезные основания, это всякому ясно.

Сумасшедший дом, рассматриваемый изнутри, выглядел далеко не так страшно, как это кажется большинству, глядящему на него снаружи. С санаторием его, конечно, не сравнишь, но и на классический *Бедлам* вовсе не похоже. Завывающие психи, смиренные рубашки и лечение монотонно капающими на бритое темя каплями воды и тому подобными методами остались в далеком прошлом. Ничего подобного *Палате № 6* или даже той, можно сказать, опереточной картинке, которую нарисовали мои любимые авторы, описывая пребывание в сумасшедшем доме симулянта Берлаги, сейчас в этих заведениях не сыщешь. Не было этого и в семидесятые годы, о которых у нас идет речь. Палата, в которой пришлось пролежать несколько дней Анне Леонидовне, была относительно небольшой, на восемь человек, и лежавшие в ней выглядели и вели себя как самые обычные люди. Ничего явно ненормального в них не замечалось. Такие же тетки и бабки (была и одна совсем молоденькая девушка, покушавшаяся на самоубийство, но счастливо при этом спасенная), как везде. В любой больнице можно встретить и более странных пациентов. С Анной Леонидовной много беседовали: и палатная врачиха и уже знакомый ей доцент, курировавший несколько палат, в том числе и эту, и на обходах к ним время от времени заглядывающий. Ей провели какое-то сложное обследование, при котором на голову надевается шлем с множеством проводов, но, по-видимому, ничего особенного при этом не нашли. Она сдавала на анализы мочу, кровь (из пальца, из вены, еще раз из вены), ее осмотрели терапевт и невропатолог, в особом кабинете она отвечала на множество вопросов, напечатанных на нескольких листах бумаги, и описывала своими словами, что изображено на предъявляемых ей врачом картинках: *собака стащила со стола курицу, а мальчик замахнулся на нее палкой* и так далее. Все что-то записывали и подклеивали разные справки в историю болезни, которая за те четыре дня, что она провела в больнице, заметно располнела и толщиной приблизилась к газете «Неделя». Что в ней было написано, она не знала, но перед выпиской – она настояла на том, чтобы ее выписали не позже вечера четверга: *мне надо, я не могу пропускать дежурства, я же пообещала, люди же на меня надеются* – доцент постарался, по возможности, ее успокоить:

– Конечно, – объяснял он, – галлюцинации, то есть видения ваши, тем более такого устрашающего содержания, свидетельствуют об определенных нарушениях, так что вы должны серьезно отнестись к своему здоровью, но не стоит излишне пессимистически это воспринимать. Пока что я не вижу причин для постановки диагноза тяжелого психического заболевания. Надо полагать, симптомы эти и ваши головокружения – пусть редко, но они всё же у вас бывают, верно? – и ухудшение памяти (на память Анна Леонидовна и не

жаловалась никому) – всё это – следствия нарушений мозгового кровообращения. Сосудики в мозге уже не те – возраст дает себя знать – и ничего удивительного здесь нет: у пожилых людей такие явления – не редкость. У кого-то больше, у кого-то меньше выраженные, и симптоматика разная... Такие яркие галлюцинации не часто встретишь, но тоже бывают – у всех всё по-своему. Главное для вас: выбросить самые мрачные мысли из головы и не считать себя обреченной – скорее всего ничего особенно страшного с вами в ближайшее время не произойдет. Но надо следить за собой – не переутомляться, больше отдыхать – вот работу по ночам, лучше бы оставить – уже не те ваши годы, и надо себя поберечь. Было бы хорошо, если бы вы у нас еще с недельку полежали, а мы бы за вами понаблюдали. Но и с этим большой беды нет: вам надо обратиться в психоневрологический диспансер по месту жительства – нашу выписочку покажете, и вас прикрепят к врачу, будете время от времени его посещать, сообщать, как вы себя чувствуете. Вам какое-нибудь лечение порекомендуют – нет-нет, ничего особенного – что-нибудь общеукрепляющее – витамины обычные в укольчиках, антисклеротические препараты – врач решит, что вам лучше. Ну и не бойтесь. Если бы все наши пациенты были такими, нам бы и делать было нечего.

Оптимистичный врачебный прогноз (может быть, и чересчур оптимистичный, если исходить из реальных обстоятельств) несколько приободрил пациентку – недаром говорят, что у *хорошего врача даже простой разговор с больным приносит тому облегчение*. Не то, чтобы она перестала беспокоиться, но появилась надежда, что будущее не столь беспросветно, как ей показалось вначале. Еще в понедельник она позвонила в институт и попросила, чтобы ее подменили во вторник, когда у нее значилось дневное дежурство. А в пятницу на очередное суточное дежурство она пришла пораньше, чтобы застать на месте коменданта, и после не слишком продолжительного разговора с ней – *плохо себя чувствую, сил уже нет, хорошо, что пенсию платят – как-нибудь управлюсь, здоровье-то важнее всё-таки* – подала заявление о переводе ее на четверть ставки (сущие копейки, конечно, но при её-то восьмидесятирублевой пенсии, тоже не лишние), взяв с начальницы обещание не ставить ей больше ночные дежурства – вот доработает она этот месяц и всё – потом только в день. Комендант, не желая совсем терять самого надежного из своих работников и предполагая, что в дальнейшем решение Бильбасовой может и измениться, слегка потянула с решением, но, видя, что уговоры тут бесполезны, согласилась и тут же подписала заявление, сказав, что сама отдаст его в отдел кадров и доведет дело до конца. Так что в этом отношении всё складывалось по желанию Анны Леонидовны. Даже не пришлось ей сдавать свой больничный лист. Так как она пообещала отработать пропущенное дежурство и в свою очередь подменить замещавшую ее вахтера, выданный ей в больнице бюллетень оказался просто излишним. И это ее, несомненно, порадовало: хотя в графе «диагноз» стояло невинное *обследование*, штамп-то на бланке был психиатрической больницы. Таким документом вовсе не стоило размахивать перед публикой – даже перед комендантом, а хуже всего было то, что он попал бы в отдел кадров и в бухгалтерию – *растрепали бы всё, паршивки, знаем мы их. Однако бог упас, милиция – уже ясно – никому ничего не сообщала, и здесь всё уладилось – можно сказать, что всё осталось шито-крыто*. Так что дежурство начиналось для нашей героини достаточно удачно.

Тут я должен еще раз объяснить с читателями по поводу приводимых мною выше речей доцента Старовойтова – раньше мне не удалось вставить такое объяснение в текст, не нарушая связности изложения, а потому приходится делать это в особом отступлении.

Должен в очередной раз признаться, что этот кусочек моего повествования почти что от начала до конца выдуман мною и, можно сказать, вовсе не опирается на аутентичные показания Анны Леонидовны (а кто, кроме нее, мог бы об этом сообщить?). От своего намерения твердо следовать рассказам участников этой истории и не приплетать к ним никакой существенной отсебятины, ограничиваясь лишь *художественной обработкой* (используем здесь этот привычный оборот) сообщаемых ими сведений (я имею в виду *милицейские усы* и тому подобные невинные подробности), мне пришлось в данном случае отойти, поскольку доцентовы речи дошли до меня в тройном последовательном пересказе – и Миша был уже четвертым человеком, который пытался передать мне то, что слышала пациентка из уст доцента и пересказывала в своей беседе с допрашивающим ее

милиционером. Так как все участники этого «испорченного телефона», включая Мишу, не имели никакого отношения к медицине, то дошедшее до меня было настолько бессвязно и нескладно, что я никак не мог вложить эти слова в уста высококвалифицированного и опытного врача, каким бы экзотическим субъектом он ни был. Говорят, что психиатра не всегда легко отличить от его пациентов. Не стану спорить – *глас народа* и так далее, к тому же мне не хотелось бы, чтобы мои потенциальные читатели заподозрили меня в близком знакомстве со многими психиатрами – читатель волен подозревать, что угодно, но давать ему повод к этому, я не намерен. Так вот. Можно быть разного мнения о психиатрах, как специфической категории врачей, но предполагать, что место доцента может занимать на кафедре человек с ярко выраженной дебильностью было бы абсолютно нереалистично. В целом, смысл передаваемого разговора был в общем-то понятен: *ничего страшного, надо поберегаться, и вполне возможно, что лежать вам здесь и не придется, по крайней мере, в ближайшее время*, – но форма, в которой это было выражено... нет, такое в роман никак не годилось. По сравнению со всеми участниками цепочки, по которой транслировался разговор, я могу считать себя самым грамотным в этой области знаний. Хотя я тоже отнюдь не медик, но с давних пор интересуюсь биологией и медициной, устройством человека и работой его органов, его физиологией и психологией, прочитал на эту тему достаточно много популярных книжек и даже несколько серьезных специальных учебников, а потому взял на себя смелость самостоятельно *сmodellировать*, так сказать, речь врача, обращающегося к своей пациентке. Покопавшись в нескольких книгах и кое-что оттуда используя, я, как уже было сказано, полностью сочинил эту речь, в чем честно сознаюсь и только надеюсь, что истинные специалисты не обнаружат в ней каких-то грубых накладок и ляпсусов. Еще раз повторяю: на такое отступление от своих художественных принципов я решился лишь потому, что у меня не оставалось другого выхода.

Кстати сказать, лейтенанту Одинцову, позвонившему в больницу в конце недели, доцент сообщил приблизительно то же, что и своей пациентке, но в несколько иных выражениях: *данных за эндогенный психоз (то есть за шизофрению или что-то подобное) нет; скорее всего, первые признаки развивающейся сенильной деменции с несколько необычной продуктивной симптоматикой; можно предполагать атеросклероз сосудов головного мозга, но о более точном диагнозе говорить пока не приходится, может быть, потом что-то прояснится – ей рекомендовано стать на учет в психодиспансере, вот пусть они и наблюдают; для вас, вероятно, важнее то, что в данный момент она полностью интеллектуально сохранна, бредовых идей не обнаруживает и для окружающих – сейчас – опасности не представляет, однако полностью доверять ей как свидетельнице, разумеется, не стоит; госпитализация – тем более принудительная – в данное время не показана, пусть наблюдается амбулаторно. Ну вот, пожалуй, и всё. Может у вас какие-то вопросы?* Вопросы у лейтенанта не возникли, так что на том они и распрощались. Наверное, лейтенанту было досадно, что он так обмишулился в оценке свидетельницы. Но с другой стороны, вот и специалист говорит: *интеллектуально полностью сохранна*, значит, бабка рассуждает вполне здраво, пожалуй, и врач ничего бы не заподозрил, если бы был на его месте, – хорошо делать выводы, когда ответ уже ясен. И лейтенант утешил себя старинной мудростью: *не ошибается только тот, кто ничего не делает*. А что еще тут скажешь?

В довершение этой – слегка затянувшейся, хотя и небогатой событиями – главы сообщу еще, что и выпавший из нашего поля зрения усач не был обманут в своих ожиданиях: его рассказ о столь простой разгадке *случая с таинственным исчезновением трупа* вызвал в отделе бурный интерес, и почти всю следующую за данным происшествием неделю сотрудники хихикали в кулуарах, вспоминая *смелую гипотезу* их начальника о *трупе, выброшенном из окна второго этажа*. Не то что бы они были так уж недовольны своим руководителем, но какому подчиненному не было бы приятно узнать, что распекающий их за всякие глупости начальник сам попал в глупую ситуацию и хотя бы в этом спустился на их – подчиненных – уровень? Трудно представить себе любого подчиненного, которому не пришла бы по вкусу такая новость. Одинцову, конечно, было неловко выслушивать шуточки своих коллег над его доверчивостью и близорукостью, но по существу, он был рад,

что дело кончилось таким образом, и особенно тому, что он не стал заводить уголовное дело – *смейтесь, смейтесь, а начальник-то оказался поумнее многих*. Это сколько же было бы канители, и как бы он объяснялся со следователем: такую кучу бумажек написали, открывая дело, а через несколько дней тому пришлось бы сочинять, печатать, подавать на подпись еще больше документов, чтобы закрыть это никчемное дело. А так – нет ничего, и никаких претензий к нему быть не может. А то, что какая-то незнакомая бабка оказалась сумасшедшей, так, ясное дело, *старость не радость* – что тут поделаешь.

Таким образом, к пятнице – через две недели после начала этой истории – всем замешанным в нее персонажам казалось, что она относительно благополучно разрешилась. Непонятные вопросы нашли свое объяснение, никто всерьез не пострадал (переживания вахтера можно было вынести за скобки – ведь не они были причиной ее болезненного состояния), никаких действий по данному поводу предпринимать не требовалось – все проблемы рассосались сами собой.

Однако, как догадывается читатель, ведомый простым соображением – *не может же этим закончиться роман*, – такое общее мнение было всего лишь общей иллюзией: история сия не только не закончилась, но можно сказать, лишь в это время подошла к своему кульминационному пункту.

Глава шестая

Гром среди ясного неба, или Бог любит троицу

Еще третьи петухи не прокричали, как он пришел в третий раз.

Была в основе всей этой истории какая-то навязчивая сказочность, будто слушаешь знакомую с детских лет старую сказку – одну из тех за годы слипшихся в памяти затейливых выдумок про приключения сказочных героев, которые толком и не помнишь в большинстве случаев – то ли это Иван-царевич вступил в спор с Кощеем, то ли Иван крестьянский сын отправился по царскому приказу в какую-то опасную командировку, и неясно, кто ему в этом помогать будет – серый волк? серая утица? или, может, семь Симеонов? Про этих и вовсе ничего вспомнить не удастся – застряло в памяти только их залихватское наименование. Но это и неважно: ощущение сказочности, как таковой, связано не с конкретными героями и ситуациями, в которых они действуют, и даже не с чудесами, возникающими чуть ли не на каждом их шагу (в современной фантастике чудес не меньше), а с общей структурой сказок, с тем, как строится сюжет, как сцепляются между собой мотивы и эпизоды. Понять художественную логику сказки трудно (даже известную работу Проппа, безбожно затасканную и измызганную бесчисленными тупицами, выдающими себя за «структуралистов», можно считать только подступом к этой проблеме), но интуитивно, «на слух», ее своеобразие и отличие от других видов повествования вполне ощутимо. Вот и *троичность* – очень характерный для сказки тройной повтор ситуаций, поступков, заданий, препятствий и других моментов – можно считать одной из важных особенностей жизни в сказочном мире.

Подойдя к *третьему* появлению трупа, я как раз и вспомнил свои ощущения при восприятии Мишиного рассказа о давних событиях, всколыхнувших то мутное научное болотце, каким *должен был быть*, по логике вещей, и каким, наверняка, *был* ихний НИИКИЭМС. (В Мишином изложении он, правда, выглядел живее и занятнее, чем следует из такого определения, но я думаю, что большую часть этой живости надо отнести на счет самого рассказчика – молодого в то время и горящего научным энтузиазмом электрохимика-неофита). Так вот о *троичности*. Когда в Мишином повествовании труп появился третий раз, у меня не было сомнений – хотя я, конечно, не задумывался об этом специально, – что это его последнее появление на сцене. Откуда же я мог это знать? Почему бы такому монстру, повадившемуся, подобно маятнику, то выскакивать на свет божий, то опять прятаться в свое потустороннее укрытие, не появиться и в четвертый раз? в пятый? Он мог бы, появляясь с недельной периодичностью и доведя-таки до сумасшедшего дома одну вахтершу, приняться с той же злобной методичностью за обработку второй. Однако даже в этом случае, я не сомневаюсь, *третий* вахтер должен был бы разоблачить обнаглевшего от безнаказанности мертвяка и рассеять весь этот морок (будь сюжет в моих руках, я бы выбрал на роль *вахтера-победителя демонов тьмы* самого Мишу). Я не вижу иного объяснения своему предвидению – подчеркну, *верному и безошибочному предвидению*, – кроме ссылки на прочитанные в детстве сказки. Именно они впаяли в мое подсознание данный – регулирующий структуру воспринимаемой реальности – принцип: если начались повторы, то следующих один за другим случаев, скорее всего, будет *три*, и на этом серия закончится – четвертый повтор крайне маловероятен.

Под этот зафиксированный в *сказочной логике* стереотип человеческого восприятия можно даже попытаться подвести определенную психологическую базу. Если какое-либо редкое, маловероятное событие повторяется, это бросается в глаза и привлекает внимание – *надо же! смотри-ка что делается!* – но не вызывает предположения о последующем возникновении такого же случая. Серия из двух сходных происшествий не дает основания для экстраполяции на будущее, хотя и запоминается как интересное фактическое совпадение (отсюда, по-видимому, известный *закон парных случаев*). Несколько по-иному должна восприниматься серия из трех подобных друг другу маловероятных событий – они

создают ощущение чего-то, граничащего с откровенным чудом и сулящего радикальную перемену в привычной картине мира, – *это неспроста! никогда так не было и вот опять!* Такие *троичные* серии возбуждают всеобщее внимание, надолго запоминаются и многократно пересказываются в качестве удивительных историй, случившихся в те *давние времена*, когда люди были ближе к источникам чудесного и чудеса встречались много чаще, чем в нашей будничной действительности, не привлекающей внимания потусторонних сил. Благодаря этому *троичность* событий и ситуаций и оказалась крепко-накрепко впаянной в массу сказочных сюжетов, стала одной из бросающихся в глаза особенностей *сказки*, в которой ее безымянные создатели аккумулировали и доводили до совершенства *алгебраической формулы* накапливающийся в течение тысячелетий житейский опыт. При этом аналогичное, сложившееся в народе представление о *троичности* дает о себе знать отнюдь не только в сказках, но и в других продуктах древнего, идущего из тьмы веков постижения реальности, и даже в гораздо более поздних выражениях человеческой мысли – после Чернобыля кто только не вспоминал евангельское: *Третий ангел вострубил, и упала на землю большая звезда...*

На вопрос же: *Почему сказка не взяла, в таком случае, на вооружение еще более чудесные и еще более запоминающиеся серии из четырех однотипных событий?* – можно ответить очень просто: *Потому, что с такими сериями в жизни сталкиваться не приходится.* Даже единичный повтор редкого события, по определению, очень редок. Серия же из трех таких событий случается еще на порядок реже, так что средний человек, как правило, не может похвастаться, что он стал очевидцем чего-то подобного, он только *слышал* о чудесном совпадении от кого-то, кто также не может назвать себя непосредственным очевидцем. Такое происходит столь редко, что целые поколения лишь по слухам и преданиям знают, что такое всё же бывает. Если это так, то возникающие еще на порядок реже серии из четырех редких событий просто не входят в состав народной памяти. Они не рассматриваются, как нечто, происходящее в реальной жизни, и если даже присутствуют в народном сознании, то лишь в качестве уникальных происшествий, относимых за пределы человеческой истории – во *времена царя Гороха*, те мифические времена, *когда звери говорили.*

Я не собираюсь настаивать на верности вышеизложенной версии о происхождении сказочной *троичности*, возможно, у фольклористов есть и более интересные и правдоподобные гипотезы на этот счет. Но о том, что проявившаяся в нашей истории *троичность* появления трупа придает повествованию оттенок страшной сказки (а к реальным эффектам такого восприятия фактов *широкой общественностью* мы еще вернемся) спорить не приходится. *Третьих петухов* я, правда, вернул сам – для красного словца. Хотя с правомерностью их появления в данном месте мне не всё ясно. В одной книжке я нашел, что *первые петухи* кричат после полуночи, в *первом часу* ночи, *вторые* – дают сигнал во *втором часу*, а *третьи* – после *трех часов*. Всякая нечисть теряет свою силу и исчезает после пения *третьих петухов*. Меня бы это вполне устроило, потому что, как мы знаем, вахтер регулярно натыкалась на преследующий ее труп в *третьем часу* ночи, а буквально через полчаса после этого он исчезал. Однако другая книжка сообщает, что *вторые петухи* кричат *до зари*, а *третьи* – когда *заря занимается*. И вот здесь возникают сомнения. Ясно, что зимой и летом время восхода солнца (*зари*), устанавливаемое не по петухам, а по часам, отличается крайне резко, – значит ли это, что время третьего петушиного крика сдвигается от сезона к сезону? Или же они упорно кричат *после трех*, невзирая на и не думающую заниматься *зарю*? А как быть с широтой и вообще с местностью, где проживают петухи, – кричат ли они, строго ориентируясь на сигналы точного времени? или же в каждой местности у них могут быть свои привычки, а *после трех часов* справедливо лишь для средней полосы Европейской России? Неясно. А еще желательно учесть такие тонкости как влияние *поясного* и *декретного* (*зимнего* и *летнего*) времени. Всё это, наверняка, можно разузнать и вычислить, но я решил не обременять себя такими разысканиями и положиться на данные, вычитанные из первой попавшейся мне книги: они меня устраивают и *стоп* на этом. В конце концов, я и приплел-то неслышных в городе *третьих петухов* исключительно

ради красивого оборота, рифмующегося с *третьим* появлением пресловутого покойника. Стоит ли из-за этого такой огород городить?

Потратив пару страниц на *троичность*, *петухов* и прочие авторские фантазии, уводящие в сторону от основного сюжета, я могу теперь уравновесить допущенный загиб тем, что сэкономлю кое-какой объем текста на описании событий, непосредственно связанных с ситуацией, в которой настырный труп третий раз оказывается лежащим в коридоре НИИКИЭМСа.

Кое-то, может быть, уже догадался, что такое описание здесь просто излишне, поскольку оно было перенесено автором в начало романа и составило наиболее важную часть *Экспозиции*, предваряющей само повествование.

Сам я довольно скептически отношусь ко всякого рода хронологическим сбоям и временным перестановкам в детективных текстах: опыт показывает, что писатели-детективщики прибегают к таким штукам (кстати сказать, широко распространенным в других жанрах) чаще всего тогда, когда сюжет, построенный на строго хронологическом порядке событий, начинает угрожающе трещать и разваливаться. Можно сказать, что отступления от хронологии почти всегда появляются в детективах не от хорошей жизни. Поскольку в излагаемом здесь сюжете перенесение одного из кульминационных пунктов в начало романа практически ничего существенного не меняет и никаких явных преимуществ – в художественном отношении – не дает, мне пришлось серьезно задуматься над выбором такого решения. Однако автор всё же пошел на этот рискованный шаг, так как имел для этого особую причину.

По опыту работы над своим первым романом пишущему было ясно, что усвоенный им стиль повествования невольно ведет к появлению разнообразных отступлений, рассуждений и пояснений, которые заметно тормозят динамику развития действия. Сама по себе – вне зависимости от контекста – такая манера изложения не может считаться заведомым дефектом: каждый пишет по-своему, и у разных читателей также могут быть различные взгляды на подобный стиль развертывания сюжета. Я, во всяком случае, стыдиться своего стиля не собираюсь и подделываться под вкусы *читательской массы* не намерен. Тем не менее, зная за собой склонность к неспешному, не стесняющему себя в разнообразных вывертах рассказу, автор должен опасаться, что свойственный ему стиль может и оттолкнуть читателя, настроенного на детектив. Взяв в руки книжку незнакомого ему автора, с завлекательным названием и подзаголовком *Детективный роман*, и быстро уяснив себе, что в первых главах, несмотря на заголовок и щедро рассыпаемые авторские уверения – *ой, что будет, что будет!* – ничего собственно детективного не происходит и никакой неразрешимой загадки не формулируется, даже появившийся было труп через полчаса исчезает, не оставив никаких доказательств своего существования, читатель может и усомниться, что перед ним настоящий детектив. Опытному читателю давно известно, что издательское определение жанра и даже присутствие *ключевых слов* в заглавии вовсе не гарантируют ему желаемого – мало ли какие романчики выходят под аналогичными названиями. Более того, и в «Хаджи-Мурате», и в «Капитанской дочке» предостаточно смертей и трупов – так что ж с того? Он-то надеялся на детектив. Поскольку с «Хаджи-Муратом» сравнивать книжку не приходится, а детективность ее кажется сомнительной, читатель может отложить ее *на потом* или вовсе отбросить, как не соответствующую его интересам.

При этом я вовсе не имею в виду тех «любителей детективов», которые ни в грош не ставят всякие хождения вокруг да около, рассуждения и рассусоливания, все эти дедукции, неразрешимые загадки, над которыми в английском поместье ломают голову яйцеголовый сыщик и его верный друг, и логические противоречия, а ждут от детектива, как они его понимают, в первую очередь пресловутого «экшн». Что-нибудь вроде *приключений крутого парня, бывшего майора спецназа и ветерана афганской войны, случайным образом напавшего на след разветвленной организации, которая была создана еще выходцами из СС, за прошедшие годы опутала своими сетями полмира и которая управляется из единого центра, скрытого в подземных лабиринтах в гранитной толще одной из гималайских вершин, – герой проникает в эти подземелья и вступает в рукопашную*

схватку с главой организации – современным воплощением доктора Мориарти и так далее и тому подобное. Такие *любители* – а их среди читающих детективы подавляющее большинство – видят в истинном детективе лишь третьесортный суррогат предпочитаемого ими авантюрного романа и почти всегда восхищаются теми атрибутами рассказов о сыщиках, которые характерны для самых низкопробных бульварных сочинений. Опасаться пренебрежения со стороны таких читателей у меня нет ни малейших резонов – не для них всё это пишется. Я буду только рад, если такой читатель, по ошибке взявши мой роман в руки, с негодованием его отбросит после кратковременного знакомства с первыми несколькими страницами: и ему, и мне это пойдет только на пользу. Но *своего* потенциального читателя, настроенного именно на *детектив*, мне бы, конечно, терять не хотелось.

А потому я, после раздумий и колебаний, решил предпослать основному тексту небольшой, вырванный из середины повествования кусочек, который мог бы сыграть роль рекламного ролика, возвещающего о скором выходе на экран нового захватывающего фильма. Этот выдержанный в стилистике мрачной сказки (не знаю, удалось ли это, но так было задумано) отрывок должен был послужить анонсом будущего содержания романа и уверить сомневающегося читателя, что перед ним действительно детектив и что жуткие загадочные преступления не заставят себя долго ждать. Если читатель дошел до этих строк, можно считать, что план мой успешно осуществился, и я могу без особой спешки продолжать свое повествование.

Не скрываю, что тональность моей *экспозиции* задана автором и намеренно стилизована под нечто, напоминающее о детских страшилках: *В черной-пречерной комнате на черном-пречерном столе стоит черный-пречерный гроб...* Однако основная часть этой *страшной сказки* придумана вовсе не мной, ее автором надо считать нашу героиню, стоявшую, фигурально выражаясь, у двери в эту самую *черную-пречерную комнату*. Правда, рассказ ее, как уже известно читателю, дошел до меня через несколько передаточных звеньев, так что ту *страшно-сказочную* литературную форму, в которой он оказался в авторском распоряжении и которая подтолкнула к созданию *экспозиции*, можно приписать как первой рассказчице, так и любому из тех, кто участвовал в пересказе. Капитан милиции, опрашивающий ее, по-видимому, может быть выведен из числа подозреваемых – как-то не вяжется его должность с сочинением детских сказок, – но вот Миша вполне мог выступить здесь в роли *литобработчика*, это было бы вполне совместимо с его характером и любовью к эффектно рассказанным историям. Но, как бы то ни было, до меня эта *страшилка* дошла именно в том виде, который мне требовался, и мне практически не пришлось ее перерабатывать – она и так прекрасно совпадала по тону с задуманной вводной частью романа. Автору оставалось только описать мрак и жуть ночного двора, но и здесь вышивание бисером шло по реалистичной канве: когда мы с Мишей обсуждали будущий детектив, он сводил меня на экскурсию в НИИКИЭМС, где у него еще оставались кое-какие приятели и знакомые. Так что некоторые приметы реального городского двора, мрачноватого четырехэтажного институтского здания из красного потемневшего и уже крошившегося кирпича, точно так же как и детали казенного, уже уходящего в прошлое, интерьера этой научной конторы, оказались вплетенными в общий рассказ. Большая часть реалистичных деталей была взята из Мишиных воспоминаний, но кое-что автор видел и собственными глазами.

Надо сказать, что из рассказа Анны Леонидовны о той – третьей – ночи в *экспозицию* попала только часть, непосредственно касающаяся увиденного ею трупа, – для остального там просто не было места. Но большая часть того, что она рассказала, не имела ничего общего со *страшной сказкой* и была выдержана в сугубо реалистических тонах. Хотя не исключаю, что в народном творчестве можно найти подходящую аналогию и этой части ее показаний – что-нибудь вроде *Повести о горе-злосчастии* (*Повесть* эту я не читал и сужу о ней только по ее запоминающемуся названию). Это был бесхитростный рассказ о переживаниях пожилой малообеспеченной женщины, на которую внезапно обрушилась беда. Причем такая беда, с которой непонятно, как бороться, и от которой не убежишь и не спрячешься. Увидев в полутьме коридора лежавшее на полу тело, – лампы она еще не

включала, но и проникающего с площадки света было достаточно, чтобы различить что-то лежащее на полу, – она, по ее словам, ужасно испугалась (*не видно, что лежит, но ясно же, кто это*) и инстинктивно ринулась было бежать, но, не успев сделать еще и шага, осознала страшный смысл своего видения. *До меня дошло, что бежать мне некуда, –* говорила она, *– это же галлюцинация* (она с некоторой запинкой выговорила этот непривычный термин), *куда от нее бежать – от себя не убежишь. Я это слово-то знаю, и раньше встречала его, но не думала, что оно страшное, не про меня же это было написано. Еще когда мне в больнице врач объяснял, я не очень-то в это верила. Вроде он правильно говорит, но как это может быть, за всю жизнь со мной ничего такого не было, да и во всем роду нашем такого не случилось. Но тут я в одну секунду поверила. Как не поверить? Три раза подряд – тут всякий поверил бы. Я пошла, свет выключила, легла и так до утра лежала, не вставая, – последнее мое дежурство – чего уж там? какие там обходы? Всё. С работой покончено. Совсем придется уволиться. Ну да это полбеды, проживу как-нибудь – и на пенсию люди, бывает, живут. Куда денешься? А вот если разума лишишься, вот страх. Я и так уже потерялась: не знаешь, что на самом деле, а что тебе кажется... галлюцинация... А дальше-то что будет? Запрут в больницу – и каюк тебе. Там я слышала, женщины между собой говорили, есть такие психбольницы, куда стариков навсегда кладут, – лечить их уже без толку. Вот где ужас-то. Я ведь одна – за мной приглядывать некому.*

Вот приблизительный смысл того, что она рассказывала о проведенной без сна ночи. Ее нетрудно понять. Если для милиции термин *галлюцинации* означал: *конец всем проблемам*, то для нее он звучал погребальным колоколом: *жизнь кончена, и начинаются мучения, от которых нет никакого спасения.*

Когда на улице стало уже светло, она поднялась, попила, наверное, всё же чаю (невольно вспоминается: *кофе пила и без всякого удовольствия*, но шуточки здесь явно неуместны – не дай бог, оказаться в ее положении), и продолжала сидеть до тех пор, пока около девяти не прозвучал звонок у входной двери. Это пришел зам по АХЧ – он и раньше, бывало, появлялся на работе в выходные дни по каким-то своим делам, хотя надолго обычно не задерживался. Вахтер открыла ему двери, выдала ключи от кабинета, и естественно, ни словом не обмолвилась о своих заботах – не тот уровень, чтобы ей делиться своими страхами и ожидать сочувствия.

Хачатрян поднялся по лестнице, через какой-то промежуток времени слышно было, как хлопнула дверь и всё стихло. Однако, не прошло и десяти минут, как Василий Суренович неожиданно спустился на первый этаж, причем вид у него был несколько непривычный.

– Что тут у вас происходит? – жестко и без предисловий обратился он к невольно привставшей со стула Анне Леонидовне, – Это вы что ли его?

Непродолжительная немая сцена...

После которой наша героиня, совершенно утратившая ориентировку в пространстве и времени и уже не понимавшая, на каком свете она находится, только и смогла спросить севшим от волнения голосом:

– Кого? О ком вы?..

Не тратя лишних слов, замдиректора распахнул двери вахтерской, буквально вытащил Анну Леонидовну за руку из ее клетушки и молча повел наверх. Она послушно шла рядом с ним, хотя и не могла понять, что случилось (*он ничего не объяснил мне, а мне откуда ж знать, я и не высывалась из вахтерки до его прихода – оправдывалась она впоследствии*). Когда они поднялись на второй этаж и свернули в коридор, она – пораженная тем, что ей открылось, – увидела, что дверь на черную лестницу распахнута – в точности, как в ее галлюцинациях, – а рядом с дверью на полу лежит хорошо знакомый ей труп. В этот раз он не прятался и лежал прямо посередине коридора, но в остальном ничем не отличался от накрепко засевшей в ее памяти картинке. Мертвец из ее видений опять вернулся и уходит, судя по всему, больше не собиравшись.

Глава седьмая

Следствие начинается

Первое время ошеломленная увиденным вахтер плохо понимала, что, собственно, происходит. Так и стояла, прижав руки в груди и не произнося ни слова. *Нехорошо мне стало*, – говорила она в объяснение своего поведения, – *голова закружилась и внутри все сдавило, даже не видела уже ничего как следует – поплыло перед глазами*. Возможно, она так и села бы на пол – эффект материализации ее видений был, конечно, шокирующим – это легко себе представить. Однако Василий Суренович подхватил ее под локоток – заметил, видно, что-то – *Плохо вам?* – и отвел в свой кабинет. Там он посадил *потерпевшую* на диванчик, достал из стоявшего в углу маленького холодильника бутылку *Боржоми*, подал пузырящийся стакан Анне Леонидовне. – *Может скорую вызвать? Как вы?* – *Нет*, – мотнула головой та, – *не надо. ...Я сейчас...* В это время снизу донесся через открытую дверь кабинета длинный требовательный звонок, кто-то хотел попасть в институт. Замдиректора жестом остановил пытавшуюся было приподняться женщину, велел ей сидеть или даже прилечь, а дверь он, дескать, сам откроет. После этого забрал у нее опустевший стакан, поставил его на стол и вышел.

– *Чего только про него не говорили*, – делилась она потом впечатлениями от этого эпизода встречи с большим начальником, – *а он вот какой... вежливый, предупредительный... стаканчик у меня взял, чтобы мне, значит, на ноги не вставать – позаботился о старухе. И дверь сам пошел открывать. Оказывается, это милиция приехала*.

Трудно понять, в чем рассказчица усматривала столь разительное противоречие между репутацией замдиректора и его конкретными действиями. Ожидала ли она, что строгий и неприступный – по слухам – начальник будет топтать на нее ногами и распекать за халатность и ненадлежащее выполнение обязанностей дежурного вахтера: *что это еще за трупы валяются неубранными в коридорах охраняемого ею здания?* Вроде бы трудно такое предположить – не в анекдоте же дело происходило. Да она, скорее всего, и сама не вполне осознавала, что ее так поразило в поступках замдиректора. Тут, пожалуй, проявил себя мало замечаемый нами в жизни психологический закон, согласно которому любовь подчиненных чаще всего бывает направлена не на тех начальников, что, казалось бы, должны вызывать теплые чувства у нижестоящих, не на мягких в обращении, терпимых к человеческим слабостям, вежливо и уважительно разговаривающих с «нижними чинами» руководителей. Совсем напротив. Искреннюю любовь подчиненных гораздо проще заслужить начальнику, который не без оснований имеет репутацию капризного самодура или даже лютого зверя, разносящего в пух и прах всякого попавшегося ему на дороге. Стоит такому «зверю» в какой-то ситуации проявить элементарную вежливость и воздержаться от ожидаемых пинков и зуботычин, как полностью зависимый от своего начальника человек чувствует себя польщенным, чуть ли не получившим ни с того, ни с сего награду – и сердце его тает: *вот он какой, а ведь мог бы и бритвой по глазам...*

Как легко догадаться, Хачатрян, прежде чем устроить Анне Леонидовне очередное свидание с трупом, позвонил по «02» и вызвал милицию. Принимавший вызов милиционер, несомненно, слышавший о предыдущих связанных с НИИКИЭМСом перипетиях, отнесся к звонившему крайне недоверчиво, и будь на его месте злополучная вахтер, ясно, чем бы кончилось это дело. Однако, замдиректора сообщил дежурному свою должность и разговаривал столь уверенно и непререкаемо, что тот не решился проигнорировать вызов – почувствовал, видимо, что звонивший из тех, кому перечить небезопасно, по тону это понял – недаром, вероятно, прошли те времена, когда перед Василием Суреновичем вытягивались в струнку директора заводов и прочие – в том числе и милицейские – начальники. *Да. Убит – зарезан. Никаких сомнений: пульса нет, и холодный он уже*. – сообщил Хачатрян в ответ на вопросы дежурного. – *Неизвестно. Убитый – один из наших бывших сотрудников. Да, жду вас*.

Капитан (на этот раз чин приехавшего был много выше) и сопровождавший его милиционер появились, как мы видим, очень быстро. И тут закрутилась уже настоящая следственная карусель. Через полчаса по звонку капитана приехала большая группа сотрудников, среди которых были судмедэксперт, фотограф, технические специалисты, была и так любимая всеми собака-ищейка со своим провожатым. И все занялись своими делами.

Собака, которой дали понюхать кепочку убитого, пометавшись немного по коридору второго этажа, направилась через открытую дверь на черную лестницу (милиционеры там уже побывали, но ничего существенного не обнаружили), спустилась со своим провожатым вниз. Немного покрутилась у выхода во двор, а затем остановилась у дверей, ведущих в коридор первого этажа, когда же ее открыли, умный песик внимательно обнюхал двери склада, других комнат по соседству, но особенно заинтересовался мужским туалетом, расположенным как раз напротив двери, ведущей на черную лестницу. Но в этом заведении ни собаке, ни милиционерам ничего обнаружить не удалось – ни окурков, ни обгорелой спички, ни даже какого-нибудь клочка бумаги или тряпки. Под бдительным оком коменданта институтские технички выполняли свой долг безукоризненно, и везде в НИИКИЭМСе, тем более в «местах общего пользования», соблюдался образцовый порядок. Полы в пятницу были тщательно вымыты с хлоркой, и, возможно, ее резкий, легко ощутимый не только для собачьего обоняния запах окончательно отбил у ищейки желание к дальнейшим поискам. Вожатый отвел ее опять на второй этаж, снова подсунул ей кепку, но она снова, побегав по коридору – на главную лестницу она идти упорно не хотела, – обнюхала зачем-то Хачатряна, разговаривавшего в этот момент с капитаном, заглянула в его кабинет, сунулась носом к так и сидевшей на диванчике вахтеру, после чего, утратив видимый интерес к своей работе, уселась посреди коридора – видимо, считала свое задание выполненным. Вожатый вывел ее – вероятно, больше для проформы – на улицу и обошел с ней здание снаружи, однако она ничем не заинтересовалась и никакого следа не взяла – надо полагать, все возможные следы смыл шедший полночи дождь.

Прочие сотрудники милиции тоже времени даром не теряли. Фотограф щелкал вспышкой, снимая лежащего на полу мужчину в разных ракурсах и с разного расстояния, запечатлевая интерьеры коридоров и черной лестницы и прочие интересовавшие следствие объекты. Судмедэксперт, повозившись с трупом, высказал свое (сугубо предварительное) мнение, что, судя по положению рукоятки ножа, лезвие должно было либо проникнуть в сердце, либо, по крайней мере, поранить сердечную сумку, и следовательно, смерть покойного наступила в кратчайшее время – секунды, может быть, десятки секунд – после нанесенного удара ножом. По-видимому, убийство произошло на том самом месте, где и было обнаружено тело. Ничего говорящего о том, что труп каким-то образом перемещали, найти не удалось. Удар был нанесен грамотно и, вероятнее всего, неожиданно для покойника – никаких следов предшествующей схватки, борьбы врач при предварительном осмотре не обнаружил – ссадин, порезов, свежих кровоподтеков на доступных осмотру частях тела не было. Относительно времени смерти он высказался менее категорично, но не сомневался, что она наступила несколько часов назад – около часу или двух ночи – плюс-минус два часа.

За те, приблизительно, полчаса, которые вахтер провела на диванчике, она несколько пришла в себя. Хотя чувствовала себя еще неважно и где-то *в грудях* еще щемило и давило, а сердце колотилось необычно сильно и часто, к ней опять – по ее словам – вернулась способность к здравым рассуждениям. И главное, что она теперь отчетливо осознала, заключалось как раз в выводе о ее полном душевном здравии и вменяемости. Ни о каких ее галлюцинациях теперь не могло быть и речи. К этому важному для нее пункту она неоднократно возвращалась в своих показаниях, можно даже сказать, что она «зациклилась» на этом: *какие ж галлюцинации? врачи так решили, – «сосудики» говорят – я и поверила им, – а вот десять человек его видят, щупают – не-еет, это не галлюцинации; и не было у меня никогда такого; я ведь и в те разы его видела точно так, как и сейчас, причем же тут галлюцинации; вы же сами видите, так и есть...* и так далее, и опять, в других словах, о том же. Видимо, проведенная в думках о поразившей ее душевной болезни ночь оставила в ее мозгах неизгладимый след, так что первые мысли о происходившем вызвали у нее почти что радость и облегчение – *я здорова, никаких галлюцинаций и кошмарных снов наяву у меня не*

было. Что ж, ее нетрудно понять – такой резкий переход от грозящей ей мрачной трясины безумия к обыденной, пусть не лишенной опасностей, но привычной жизни, должен был обрадовать любого, кто очутился бы в подобной ситуации. И всё же последующее осмысление того, с чем ее столкнула жизнь, должно было заметно поубавить эту радость. Или, может быть, точнее будет сказать, что испытываемая ею радость несла с собой и свою теневую сторону.

Если о галлюцинациях теперь думать не приходилось, то мысли невольно уклонялись в ту сторону, которая могла казаться не менее пугающей, чем ее мнимое душевное расстройство. Как же иначе можно было еще толковать трехкратное появление перед ее глазами того же самого трупа? Как бы абсурдно это ни звучало и как бы подобные мысли ни противоречили окружающей ее обыденной жизни – светлый день, обычная обстановка, множество суетящихся вокруг нормальных людей, – воспоминания о пережитых недавно трех ужасных ночах, вполне могли быть восприняты нашей героиней, как приоткрывшаяся пред ней дверь в inferнальный мир – как жуткий зловещий *вход на черную* (выражаясь высоким штилем) *лестницу бытия*, если воспользоваться намеком на первым бросившийся ей в глаза черный проем открытой двери. Уже говорилось, и читатель, вероятно, это помнит, что Анна Леонидовна решительно отвергала *всякую мистику и чертовщину*. У нас нет особых оснований не доверять ее словам, однако мы вполне можем предположить, что серия следующих одно за другим и не дающих особой передышки странных, не имеющих разумного объяснения событий, в которые она была непосредственно вовлечена, могла – хотя бы частично – поколебать ее *материалистическое мировоззрение*, приличное всем современным людям и усвоенное ею с давних пор.

Принимая во внимание почтенный возраст описываемой здесь женщины, можно, без боязни ошибиться, утверждать, что в детстве она была крещена и со своими родителями или бабушкой посещала церковь, слышала разъяснения родных о загробном мире, о воскресении Христа и других евангельских и библейских чудесах. Если же ее детство проходило в сельской местности, то практически неизбежно, что она была наслышана о леших и домовых, о зловредных мертвецах, не желающих успокоиться в своем последнем пристанище или вырванных из вечного сна человеческими заклинаниями (*волхва словами пробужденных*), о колдунах и ведьмах, русалках (то есть утопленницах) и оборотнях. Не знаю, как сейчас обстоят дела, но еще относительно недавно жизнь в русской деревне предполагала обстоятельное знакомство с такими, существовавшими в течение многих тысячелетий поверьями. Пусть даже люди, рассказывающие такие *былички*, и не верили полностью в их содержание, но оно и не отвергалось ими как нечто абсолютно невероятное. Слышанное от других передавалось как рассказы о событиях, действительно имевших когда-то место, – пусть и отдаленных во времени и пространстве. *Люди говорят*, а следовательно, как-то так оно и было, – а как же иначе, *дыма без огня не бывает*.

Впоследствии пионерское детство, школьное воспитание, долгие годы жизни в городской среде, практически безрелигиозной и даже гордящейся своими современными взглядами и свободой от дедовских предрассудков, привели, по-видимому, к появлению у Анны Леонидовны ее *материалистического мировоззрения*. Трудно сомневаться, что, говоря о своем неприятии суеверий, она вовсе не кривила душой – да и зачем ей было обманывать следователя в этом смысле? Она и в самом деле не верила в блуждающих мертвецов, и все же – как мы еще увидим позже – нечто в ее позиции по отношению ко всякого рода *чудесам* явно переменялось, произошел некий трудно уловимый сдвиг. Люди вообще устроены далеко не так рационально, как это им самим кажется. Не редко человек и не верит в нечто, и с жаром опровергает возможность чего-то подобного, отдающего потусторонним миром, но такая осознанная позиция вовсе не исключает того, что *несуществующее*, по его мнению, *потустороннее* подспудно страшит его и может сильно влиять на его действительное поведение. Тех читателей, которые со мной в этом не согласятся, я бы попросил сказать, многие ли из числа их знакомых, да и они сами, согласились бы посидеть в одиночестве часок ночью на кладбище? А ведь чего, казалось бы, бояться? *Мертвые-то*, как известно, *не кусаются*. Так вот. Что-то подобное можно предположить и по поводу противоречивых чувств нашей героини: может, она по привычке еще и *не верила* в блуждающих мертвецов, но уже *начинала их бояться*.

Но об этом еще будет разговор в дальнейших главах, а пока что вернемся в институтский коридор, в котором началось следствие по делу об убийстве неизвестного.

Хотя я и назвал убитого «неизвестным», но так имело смысл говорить только в самом начале следствия, а на деле идентификация личности покойного была произведена очень быстро – в тот же самый день. Уже в разговоре с дежурным по городу Хачатрян сказал, что убит «бывший работник НИИКИЭМСа». Естественно, то же самое он сообщил и приехавшему капитану, но, к сожалению, не смог назвать фамилию опознанного им человека – в лицо опознал, но никаких его данных не помнил. Когда после осмотра врача вахтера попросили выйти в коридор и внимательно посмотреть на убитого, она уже твердо держалась на ногах и без видимых колебаний подошла к труп – уже взяла себя в руки, надо полагать. Несколько секунд она внимательно разглядывала лежащего и затем уверенно заявила: *Да, мне он знаком – электромонтер наш, Саша его все зовут. ...Звали. Но его уже давно не видно было, может, он и не работает больше в институте.* Из дальнейших расспросов выяснилось, что фамилии его она не помнит, да, скорее всего, и не знала никогда, знакомство их было крайне поверхностное – *ключи как-то брал, спрашивал, нет ли заявок на его работу, вот и всё, – другие вахтеры звали его Сашей, а фамилию она и не спрашивала – зачем ей.* Вопрос о личности покойника опять на некоторое время завис в воздухе, но разрешение его не представляло особых трудностей. Замдиректора сам вызвался пригласить начальника отдела кадров, которая, конечно, сможет дать исчерпывающие сведения о работниках института, в том числе и о бывших. Он позвонил кадровичке домой и попросил ее ненадолго приехать в НИИКИЭМС: *У нас тут... гм... определенное ЧП произошло... нет-нет, вам не о чем беспокоиться, к вам оно отношения не имеет... но требуется ваша помощь.* После этого капитан отправил одну из ожидавших у входа машин за начальницей по кадрам, и через каких-то полчаса она уже отпирала свой кабинет. Вид у нее был при этом – как легко себе представить – весьма бледный, поскольку анонсированное Хачатряном *определенное ЧП* предстало перед ней в виде трупа, ожидавшего ее для опознания.

Но прежде, чем продолжить эту линию и рассказать, кем же был покойный, я должен ненадолго прерваться и вернуться назад – к стоявшей в коридоре Анне Леонидовне. То, что она сообщила капитану после того, как внимательно осмотрела труп, имеет важное значение для нашего сюжета, и не стоит откладывать эти сведения *на потом* или информировать о них читателя скороговоркой, как будто речь идет о малозначительных деталях.

Похоже, сбивой с толку старухе самой не терпелось выложить расследующим известную ей правду, но она, тем не менее, сдерживала себя и не проявляла неуместной для ее должности и положения инициативы. Однако, как только капитан, покончив со своими указаниями подчиненным, спросил у нее – несколько неуверенным тоном:

– Скажите... вы ведь говорили, что и раньше видели здесь труп... Так вот... был ли он похож на тот, что вы видите сейчас?

Потерпевшая, ни секунды не раздумывая, выпалила:

– Точно тот же самый. Всё в точности. Лежал он, правда, не здесь, а вон там... – она махнула рукой в сторону открытой двери, – но всё остальное в точности. И спецовочка та же самая, и кепка... – она несколько запнулась, потому что кепку после манипуляций с собакой положили на ноги покойного, – она на голове была надета... но это же вы ее переложили, верно? А кепка та же самая. Я внимательно сейчас осмотрела – всё то же. Я лица тогда не видела – это я сейчас говорю: Саша-электрик, а тогда-то мне не видно было. Но остальное: точь-в-точь. Какие же галлюцинации? Вот и рука так же согнута. Будто он приподняться хотел – оперся, значит, на руку. ...Я ведь тогда локоть его увидела. И вот – смотрите – нож. Вот у него ручка какая – из колечек. Мне тогда еще в глаза бросилось: последнее колечко – розовое. Вот! Видите?

Она ткнула пальцем в сторону ручки ножа и посмотрела в лицо капитану – видит ли он? – после чего, немного помолчав, добавила:

– Нет. Всё точно. Это он тогда был.

– Кто *он*? – не понял капитан.

– Ну он, – кивнула Анна Леонидовна в сторону трупа, – Саша... электрик... Ну, может, двойник какой его... не знаю я, как сказать...

Нетрудно догадаться, что последнее замечание было вызвано, по-видимому, реакцией милиционера на ее предыдущую фразу. Говорившая внезапно осознала, что капитану совершенно чужда мысль о трупе, который мог лежать в этом коридоре две недели назад и только теперь решил здесь окончательно обосноваться. Спыхватившись, она уяснила себе, что ее слова звучат так, как будто бы она сама – рассказчица – может верить в такую мистическую чушь, – отсюда, надо думать, и ее невнятный лепет про убиваемых один за другим двойников.

Теперь, подчеркнув тот важный факт, что внешний вид трупа полностью совпадал с тем описанием, которое дала вахтер еще две недели назад (и было отражено в рапорте лейтенанта), мы можем вернуться к выяснению того, кем он был при жизни.

Мельком взглянув на покойного и машинально перекрестившаяся при этом начальник отдела кадров сразу же признала в нем бывшего работника института.

– Электрик наш. Уволен полтора года назад. Мизулин Александр Петрович, – мигом вытащила она из своей натренированной памяти необходимые сведения. А затем, порывшись в своих шкафах, вытащила тоненькую папочку-скоросшиватель – «Личное дело».

– Так... Записывайте. Мизулин – ну, это я уже говорила. Тридцать шестого года рождения, русский, беспартийный. Работал у нас чуть больше года и уволен по собственному желанию в феврале прошлого года. Записей о взысканиях или поощрениях за время работы в институте нет. Военнообязанный, младший сержант запаса. Разведен, выплачивал алименты на оставшуюся с женой дочку. Проживал по адресу: Артиллерийский проезд, дом 3, кв. 14. Всё. Остальное тут вам, наверное, не интересно – его заявления, характеристики, инструктаж по технике безопасности и так далее.

После этого рапорта, захлопнув папочку и протянув ее капитану, она перешла к неофициальной, так сказать, части. По ее словам, работал Мизулин нормально, претензий к нему не было, толковый, квалифицированный – *он с образованием: закончил ремесленное училище, к нам пришел электриком пятого разряда*, – но имел свойственную многим нашим соотечественникам *одну, но пагубную страсть...* Алкоголиком в медицинском смысле назвать его было нельзя (по крайней мере, кадровица, ничего про его лечение и диагнозы не слышала), но окружающим видно было, что почти весь круг жизненных интересов этого индивида замыкается на «выпить», «добавить», «посидеть с друзьями», «поправиться» и так далее. *Пьяница он был, чего там... и сам особенно не скрывал*, – резюмировала рассказывающая свою характеристику, – *оттого, верно, и с женой разошелся*. На работе его пьянство вроде бы не сказывалось, но после того, как он был несколько раз замечен в рабочее время не то в легком подпитии, не то в состоянии тяжкого похмелья, было решено с ним расстаться. – *У нас видите ли оборудование сложное, энергоемкое, даже своя подстанция потребовалась, высокие напряжения... долго ли до аварии или несчастного случая... кому ж охота из-за пьяницы своей головой рисковать. Вот и Василий Суренович подтвердят – с ним вопрос обсуждался...* Присутствовавший при разговоре замдиректора молча кивнул головой, но от своих комментариев воздержался – он вообще был очень немногословен в общении с милиционерами и, сделав вызов, никакой собственной инициативы не проявлял. Возможно, был озабочен и прикидывал, чем вся эта история может грозить НИИКИЭМСу и ему лично.

Из дальнейшего рассказа начальницы по кадрам следовало, что она пригласила Мизулина и, объявив о решении высокого начальства, предложила ему написать заявление «по собственному желанию» – *чтобы не портить ему трудовую книжку*. Тот несколько поупирался и пытался заверить своего непосредственного начальника, что он, дескать, *всё осознал и что...* Но главный инженер остался непреклонен: решение уже принято и согласовано. Действительно, зачем ему было брать на себя эту головную боль – электриков что ли мало? Может, он с кем-то уже и переговорил заранее. Прощтрафившемуся работяге не оставалось ничего другого, кроме как уволиться. *Но ушел он по-мирному, без скандала. Так ведь и с ним поступили по-человечески, ни выговора, ничего... характеристику дали положительную... Не было у него причины обижаться – сам же виноват был.*

Выслушавши такую пространную справку об интересующем его кадре и удостоверившись через милицию, что Мизулин прописан по прежнему адресу, командовавший следствием капитан с кем-то переговорил, в результате чего на квартиру убитого выехала отдельная

группа с заданием выяснить всё, что только можно, о жертве преступления и поискать каких-нибудь улики, могущих пролить свет на мотивы убийства и выявить подозреваемых.

Пока капитан разговаривал с тем, с другим, с третьим, приехавшие с ним сотрудники тоже времени даром не теряли. Труп через некоторое время увезли на специально приехавшей машине, и с ней уехал и судмедэксперт, пообещавший капитану не тянуть со вскрытием и оперативно информировать о его результатах. Специалист по дактилоскопии – предварительно сняв отпечатки пальцев покойника – обсыпал своим порошком всё, что только можно: дверные ручки, косяки, выключатели на всех этажах, краны в туалете и тому подобные поверхности, на которых можно было ожидать выявления искомым следов. Но значимых результатов эта деятельность не дала – то есть кое-какие отпечатки обнаружены были и фотограф их заснял, но ни один из них, по мнению дактилоскописта, не принадлежал покойному. Напрашивался вывод, что в здании он действовал в перчатках, либо был убит сразу после того, как оказался в институте, и еще ни к чему не успел прикоснуться. Маловероятно, конечно, но кто его знает, как было на самом деле. Кстати сказать, перчатки также обнаружены не были – карманы убитого были абсолютно пусты, и если бы не свидетельства Хачатряна и Анны Леонидовны – а ведь это было чисто случайным обстоятельством – следствию бы, наверное, пришлось еще долго разбираться, кем был убитый.

Прервусь на минуту и объяснюсь с читателем: я уже в который раз употребил слово «следствие», хотя я сильно сомневаюсь, уместно ли оно в данном контексте и не вернее ли было бы использовать здесь термин «дознание». После не слишком внимательного чтения книжек про советскую милицию или после просмотра фильмов такого рода (вроде «Следствие ведут знатоки») складывается впечатление, что вступающие в схватку с преступниками следователь и его ближайшие соратники непосредственно участвуют во всех перипетиях и фазах этой борьбы. Они выезжают на место происшествия, фиксируют оставленные злодеями следы, проводят обыски и аресты, разыскивают устроенные бандитами и расхитителями тайники с золотишком, бриллиантами и долларами, сами на служебных «Волгах» гонятся за убегающими жуликами, участвуют в перестрелках на пустынных этажах недостроенных зданий и сами же защелкивают наручники на запястьях бандитов, уже смирившихся со своим проигрышем и отбросивших оружие. Однако, по-видимому, всё это – лишь художественная условность, а на деле следователи почти ничем из этого перечня не занимаются. Для этого существуют специальные органы дознания и розыска (и, вероятно, еще какие-то неизвестные мне милицейские структуры). Следователь, насколько я понял, работает почти исключительно с уже готовыми документами: протоколами осмотров, опросов свидетелей, обысков, изъятий, результатами проведенных специалистами экспертиз и тому подобное. Он может проводить допросы и очные ставки, беседовать с потерпевшими и представителями общественности, принимать разного рода заявления и ходатайства, но главная его задача – организация и координация деятельности разнообразных участников предварительного следствия, в число которых входят и органы дознания. Следователь должен сводить воедино все полученные в ходе следствия материалы, систематизировать их и затем подготовить на их основе передаваемое в суд обвинительное заключение (или же обосновать принимаемое им решение о прекращении уголовного дела). Гоняться на визжащих тормозами автомобилях за удирающими бандитами ему, скорее всего, и не приходится – это, если понадобится, делают совсем другие люди.

В недрах юридических служб *органы дознания* и *органы следствия* четко отграничены друг от друга, а их полномочия и обязанности определяются разными законами и внутренними нормативными документами. Несмотря на то, что они совместно делают общее дело, это разные организации (у каждой – свое начальство), вступающие в сложные взаимоотношения, в которых непросто разобраться человеку со стороны. Конечно, почти то же самое можно сказать и о различных подразделениях и структурах, входящих в состав любой крупной организации, где множество людей занимается каким-то общим для всех делом: что-то они строят, производят, изучают, планируют и так далее. Так, например, Миша долго пытался мне втолковать, как соотносятся между собой дирекция стандартного НИИ, его Ученый совет и функционирующий при нем же «защитный» Ученый совет, в котором

сотрудники защищают кандидатские и докторские диссертации. С одной стороны, не думаю, чтобы это было так уж сложно и непостижимо для всех тех, кто сам в жизни с подобным не сталкивался, а с другой... я быстро махнул на все эти сложности рукой – зачем мне всё это?

Что-то похожее произошло и с моим «исследованием» вопроса об *органах дознания и органах следствия*. Я честно листал и местами даже усердно штудировал имеющийся у меня «Справочник следователя». Эта приобретенная мною пару лет назад в букинистическом магазине толстая книга с грифом «Для служебного пользования» на титульном листе, изданная приблизительно в описываемые годы в ограниченном числе пронумерованных экземпляров (у попавшего в мои руки номер тщательно замазан черными чернилами), безусловно, содержит массу разнообразной информации, в том числе и по заинтересовавшему меня вопросу. Тем не менее, как я ее не мусолил, мне – хоть я и не считаю себя экстраординарно тупым и неспособным ни в чем разобраться – так и не удалось удовлетворительно понять, где проходит ясно определенная граница между *дознанием и следствием*. Что-то я, конечно, усвоил, но четкого представления у меня так и не сложилось. Вероятно, профессионалы усваивают такое представление в ходе своей практической деятельности, а потому и способны читать эту книжку совсем другими глазами. Тут нет ничего удивительного: попробуйте получить ясное представление о том, *как обметывать петли на швейной машинке с применением специального приспособления*, пользуясь только соответствующей инструкцией, но не подходя к машинке и имея лишь смутное понятие о том, зачем надо *обметывать* какие-то не встречающиеся в вашей жизни *петли*. Короче говоря, я и в данном случае решил махнуть рукой и не разбираться с этими сложностями, полагая, что большинству читателей – таких же, как и я, профанов – совершенно неважно, назову ли я что-то *следствием* или *дознанием*, – следить за сюжетом им это помешать не может. Если же вдруг среди читателей этого романа окажутся люди, профессионально связанные с данной сферой деятельности, то я могу только надеяться, что после моего чистосердечного признания и, так сказать, после моей *явки с повинной*, они проявят снисходительность не только к автору, но и к читаемому ими тексту.

Теперь, загодя покаявшись и тем облегчив свою душу, я могу вернуться к оставленным на полпути дактилоскопическим исследованиям. Чтобы предполагать, что некий из обнаруженных отпечатков пальцев был оставлен кем-то из неизвестных злоумышленников, потребовалось бы исключить их принадлежность кому-то из сотрудников института, то есть подвергнуть почти триста человек этой малоприятной процедуре, на что ушло бы, вероятно, несколько дней, да потом еще месяц разбираться с полученными отпечатками. Ясно, что заниматься этим никто не стал бы. Тем более, что трудно было предполагать такую неосторожность со стороны опытных преступников. Если уж убитый был, по всей видимости, в перчатках, то чего же ожидать от того, кто с ним расправился. Но, тем не менее, усердный милицейский специалист решил «откатать пальчики» хотя бы у тех, кто был под рукой, и подверг этой процедуре Анну Леонидовну и кадровицу, которая на свою беду успела по приезду в институт посетить дамский туалет и могла оставить там свои отпечатки. Действительно, отпечаток большого пальца вахтера был обнаружен на фаянсовой груше сливного бачка в мужском туалете – на дежурствах, когда людей в здании не было, она обычно пользовалась услугами именно этого заведения, чтобы лишний раз не подниматься на второй этаж, где располагался туалет, предназначенный для дам. Учитывая особый интерес собаки к заведению на первом этаже, можно сказать, что усердие дактилоскописта было не совсем излишним – благодаря ему один из наиболее подозрительных свежих отпечатков можно было вычеркнуть из списка, как очевидно не принадлежащий искомому убийце. Но в целом, конечно, результаты данного направления поисков можно было считать нулевыми – что, собственно, было с большой вероятностью предсказуемо заранее. Трудно было ожидать, что преступники, сумевшие так аккуратно замести свои следы – ведь так и не было понятно, как они попали в институт и как из него выбрались, – оставили бы при этом свои «визитные карточки».

Приблизительно тот же результат дали и поиски следов на чисто вымытых вечером в пятницу полах – их просто не было, если не считать еле заметных грязных отпечатков башмаков Хачатряна. Подошвы полуботинок, в которые был обут покойник, были

относительно чистыми, из чего следовало, что либо он появился в институте до того, как пошел дождь (это было около десяти вечера), либо, проникнув в здание, он тщательно протер свою обувь. То же самое можно было утверждать и о том (тех?), кто нанес ему смертельный удар, – об этом свидетельствовало полное отсутствие следов.

На этот раз – в отличие от первой попытки расследования, предпринятой лейтенантом Одинцовым со товарищи (во второй раз *усач* ничего и не искал – всё было ясно и так), – милиция не ограничилась обходом коридоров пустого здания, а методично осмотрела почти все его помещения и закоулки. Подчиненные приехавшего капитана сами брали нужные им ключи и проверяли комнату за комнатой. Правда, еще не ушедший в это время замдиректора дал свое формальное согласие на такую процедуру, но, похоже, не оказавшись его здесь, милиционеров это обстоятельство не остановило бы. Особый интерес вызывало у капитана и его помощников помещение бухгалтерии. С санкции Хачатряна – как он выразился, *под мою личную ответственность* – запечатанный патрончик с ключом от бухгалтерской двери был открыт, и милиционеры, взяв с собой в качестве понятых кадровицу и вахтера, внимательно осмотрели все три смежные комнаты, занимаемые бухгалтерией, выгороженную в ней клетушку кассы с занимавшим половину ее площади сейфом, но ни малейших признаков того, что кто-то там орудовал прошедшей ночью, найдено не было. Из всего большого здания не обследованными остались только склад химреактивов на первом этаже (ключ от него уже известная читателю Нина всегда забирала с собой, ссылаясь на тяготеющую над ней ответственность за хранимые там материальные ценности), комната первого отдела (ключ был только у его начальника) на втором этаже и находившаяся рядом с ней маленькая клетушка с копировальным аппаратом (ключ хранился в первом отделе).

Не попала милиция также и в главную часть подвала, вход в которую был не с черной лестницы, а из коридора первого этажа в другом конце здания. По разъяснению замдиректора, там размещалось сложное, энергоемкое оборудование для исследований, энергетическое хозяйство, газовые, электрические и прочие коммуникации, небольшой специально оборудованный склад для хранения летучих и легковоспламеняемых жидкостей, то есть это была наиболее опасная в аварийном смысле часть здания. А потому посторонние туда не допускались. Массивная ведущая в подвал дверь запиралась на сложный внутренний замок, ключи от которого были только у двух человек, и в дополнение к этому была снабжена еще и кодовым замком, чей шифр регулярно менялся. Даже опытному взломщику попасть в эту часть подвала было бы непросто.

Все прочее – не исключая кабинета «академика» – было осмотрено. Милиционеры не поленились даже открыть люк, ведущий с площадки главной лестницы на чердак, чтобы удостовериться, что преступники не воспользовались этим путем. Поглядев на висячий замок, запирающий люк изнутри, этого можно было и не делать, однако основополагающий принцип *что тут думать, работать надо* победил и в этом случае. Люк был открыт, и проверяющие убедились в том, что слой пыли, покрывавший здесь все поверхности, был никем не тронут в течение, по крайней мере, нескольких месяцев, если не лет.

Пока капитановы соратники занимались всеми этими поисками, осмотрами и проверками, сам он, расположившись в предоставленном ему кабинете замдиректора, беседовал со свидетелями. Беседа с Хачатряном, обнаружившим труп и опознавшим его, продолжалась относительно недолго, и, поприсутствовав при вскрытии бухгалтерии, Василий Суренович ушел, пообещав, что в понедельник будет на работе – *так что, если что надо будет, обращайтесь – во всем поможем и поспособствуем*, – заверил он капитана на прощание. Разговор с начальником отдела кадров и вовсе свелся лишь к оформлению ее участия в опознании и передачи милиции личного дела Мизулина. Однако кадровица после этого не ушла, а, сославшись на какие-то дела – *раз уж я здесь оказалась, то надо этим воспользоваться*, – чем-то занялась в своем кабинете. Временами было слышно, как там тарахтит пишущая машинка. Что у нее были за дела, осталось неизвестным, но закрадывается естественное подозрение, что ей просто хотелось узнать, чем все кончится, и она боялась пропустить какие-нибудь интересные события.

Понятно, что больше всего внимания капитан уделил показаниям главной свидетельницы – вахтера, участие которой в этой странной истории началось задолго до обнаружения трупа

убитого Мизулина. Анна Леонидовна обстоятельно рассказывала о своих злоключениях, капитан внимательно слушал, задавал уточняющие вопросы, умело направлял свидетельницу на интересующие его подробности, давая ей, однако, возможность поделиться своими ощущениями, опасениями и страхами. Беседа затянулась надолго, так что показания свидетельницы, записанные сидящим за соседним столом помощником капитана, заняли несколько листов бумаги, которые Анна Леонидовна подписала не читая, – *если бы я их еще и читать стала, просидели бы до конца моего дежурства*, – рассказывала она впоследствии. И так их разговор закончился почти в четыре часа. Почти всё, о чем рассказывалось в предыдущих главах с ее слов, было достаточно полно отражено в данных ею в этот день показаниях.

Правда, в первом часу, когда закончившие свои дела сотрудники милиции сообщили об этом капитану, он отпустил их и сам засобирался на обед, предупредив свидетельницу, что их беседа еще не окончена. – *Отдохните пока, а через часок мы вернемся и без спешки всё закончим*.

Воспользовавшись такой передышкой, вахтер пригласила начальницу по кадрам попить вместе чаю и перекусить. Та не стала отказываться и, пока вахтер вскипятила чайник, успела сбегать в ближайший хлебный, вернувшись с печеньем и сдобными плюшками. За чаем с вахтерскими бутербродами и принесенными кадровицей сладостями Анна Леонидовна поведала ей свою горестную историю. Ох, не зря проницательная кадровая начальник не ушла домой! Если она на что-то подобное надеялась, то ее предвидение сбылось на все сто процентов. Рассказ *потерпевшей* с достаточной полнотой выражал уже известное нам содержание. Правда, Анна Леонидовна, по понятным причинам, умолчала о своем пребывании в психиатрической больнице, но поскольку в ее рассказе неизбежно прозвучало слово *галлюцинации*, ей пришлось кратко упомянуть о том, что она была на консультации у врача, специалиста по заболеваниям нервной системы. Кадровица слушала, открывши рот, ахала, охала в патетических местах, и можно было спокойно биться об заклад, утверждая, что в понедельник весь НИИКИЭМС будет жужжать о неслыханных загадочных происшествиях. Конечно, обнаруженный в коридоре труп и сам по себе являлся сенсацией, но в таком антураже эта новость просто не могла не вызвать настоящий ажиотаж у сотрудников института.

Когда появился отобедавший капитан со своим помощником, совершенно потрясенная услышанным кадровица быстро распрощалась и ушла. А вахтер, так и не получившая, можно сказать, никакой передышки – весь этот час она опять пересказывала ту же историю – еще больше полутора часов беседовала с капитаном. Лишь после ухода милиционеров она смогла прилечь и вздохнуть с видимым облегчением – этот жутко утомительный для нее и насыщенный переживаниями день, кажется, закончился. И закончился он, вроде бы, относительно благополучно – по крайней мере, безумие угрожало ей теперь не больше, чем любому другому из нормальных людей, и можно было не опасаться очередного появления привязавшегося к ней трупа. Что бы за этим не стояло, он, похоже, задачу свою выполнил и теперь должен был успокоиться навечно. Самое страшное было позади.

Вот с такими, приблизительно, мыслями Анна Леонидовна встретила пришедшую ей на смену товарку. Предупредив ту о ключе от бухгалтерии и очень кратко сообщив ей о событиях, произошедших утром, – снова повторять всю, уже затверженную наизусть, историю у нее не было ни сил, ни желания – она сослалась на сильную усталость и, попрощавшись с обомлевшей от услышанного сменщицей, отправилась домой – спать, спать и спать – силы ее были уже окончательно исчерпаны.

Мы же с теми читателями, которые не уснули на середине этой затянувшейся главы, можем, вульгарно выражаясь, *подбить бабки* и попытаться понять, что же оказалось в распоряжении милиционеров, расследующих эту странную историю, в конце напряженного рабочего дня. На первый взгляд, итог их работы мало отличался от того обескураживающего вывода, к которому пришел лейтенант Одинцов, первым столкнувшийся с историей о бесследно исчезнувшем трупе. Действительно. Как преступники проникли в НИИКИМС? с какой целью они пошли на это? почему один из проникших был убит именно здесь? что? более подходящего места не нашлось? как при всех запертых входах и выходах злодеи

исчезли, не оставив никаких следов? Ни на один из этих вопросов, над которыми ломал голову Одинцов, ответа так и не появилось, хотя следственная группа тщательно обыскала и прочесала все здание от подвала и до чердака.

Всё это так. Но в одном отношении ситуация радикально изменилась. Во-первых, был обнаружен труп с ножом в спине – неопровержимый признак совершенного тяжкого преступления. И, во-вторых, было установлено, кого именно убили, а следовательно, появилась надежда через жертву нащупать еще неизвестный, но, несомненно, существующий путь к тому, кто его убил. Ведь что-то должно было их связывать. Это указывало главное направление дальнейшего расследования и давало надежду на его успешное завершение.

Глава восьмая

Продолжение следует

Поскольку в начале предыдущей главы стояло: *следствие начинается*, естественно было бы закончить ее привычной фразой: *продолжение следует*. Для симметрии, так сказать. Однако, немного поразмышляв, автор устоял перед таким соблазном (редкий случай, кстати сказать; тяга к внешним эффектам и разного рода *литературным красотам* обычно побеждает стремление автора к строгому изложению фактов) и решил приберечь это словосочетание для новой главы. Здесь оно оказывается как раз к месту и адекватно выражает ее содержание, так как в этой главе будет продолжен рассказ о том, кем был несчастный Мизулин А.П., чей труп так настойчиво старался обратить на себя внимание органов правопорядка и, в конце концов, своего добился. Правда, желаемый эффект был достигнут только с третьей попытки, но, вероятно, дело было в неверном выборе пути к желаемой цели. Начни покойник сразу с появления на пути замдиректора по АХЧ, и, нет сомнений, он смог бы сэкономить массу излишних усилий. Да и милиции такой его ход значительно облегчил бы жизнь. Но, чего не было, того не было, и нам в рассказе надо исходить из того, как оно было на самом деле. Да и от советов много лет назад погибшему человеку, лучше было бы воздержаться. Автор сообразил это почти сразу же, как только закончил свой ернический пассаж, но... как уж написалось, так пусть и будет. Мне не хочется слишком уж тщательно ретушировать облик автора этого романа – как мне кажется, ничего особо порочащего в сем самопроизвольно возникающем автопортрете не проглядывает, и это хорошо, но и слишком приукрашивать его нет никакого желания. Человек как человек, не вызывающий отвращения, но и не лишенный обыденных недостатков и свойственных ему слабостей, – я надеюсь, читатели поймут и оценят старание автора не появляться перед ними в сценическом гриме и на котурнах, а быть таким же, как и они сами в своей повседневной жизни. На этом и покончим с очередным авторским излиянием.

Отправленная по указанному капитаном адресу группа, состоящая из двух сотрудников милиции и получившая задание осмотреть жилище покойного и опросить его соседей, в ту же субботу после обеда уже стояла перед домом, в котором, по сведениям паспортного стола, должен был проживать заинтересовавший милицию гражданин. Ключей у них не было, и они, закурив, некоторое время размышляли, искать ли им какого-нибудь местного домоуправа или же прямо направляться в квартиру. Дом, перед которым они остановились, выглядел не слишком эффектно – грязно-желтое, с обвалившейся местами штукатуркой, уныло-казенное трехэтажное строение, возведенное, судя по всему, хозспособом не то в поздние сороковые, не то даже в тридцатые годы. Пейзаж отчасти скрашивали несколько посаженных вдоль дороги кленов и узенькие грядочки-газончики у стены дома, где летом, видимо, росли цветы. Да и явных признаков неухоженности, разрухи и запущенности заметно не было – так, обычная для рабочих районов нашего города картинка: стандартный дом, построенный поблизости находящимся заводом для своих работников, и живут в нем обычные рабочие люди – не начальство, конечно, но и не какая-нибудь рвань и пьянь – таким квартиру здесь не дадут. Справа и слева стояли еще два точно таких же дома – близнецы-братья, появившиеся на свет практически одновременно. Эта невзрачная, но еще крепкая с виду троица составляла, собственно говоря, большую часть этого самого *Артиллерийского проезда*.

Когда Миша в своем рассказе огласил название сей улочки, я попенял ему на то, что мрачноватый по колориту сюжет с мертвецами не располагает всё же к подобным всплескам фантазии – может, для сатирического романа это бы и сгодилось, но в детективно-криминальной истории звучит как-то не в тон. Но рассказчик заверил меня, что здесь нет ни капли выдумки – название, действительно, необычное, и потому Миша его точно запомнил. Наверное, так оно и было – во всяком случае, разоблачать его с картой города в руках я не стал. Вообще-то в нашем городе – относительно молодом и на девяносто процентов построенном уже в советское время – улицы носят какие-то типичные по духу, официальные и не привлекающие особенного внимания названия: *Ломоносова, Комсомольская, проспект*

Кирова, в крайнем случае, *имени XIII партсъезда* (ясно, что название улица получила в 34-ом году) или *Весенний проезд* (а эта построена не раньше 57-го и не позже 64-го). Никаких *Бармалеевых улиц* у нас, в отличие от Ленинграда, быть не может (если, конечно, *товарищ Бармалеев* не был знаменитым красным партизаном, ухитрившимся героически погибнуть или умереть собственной смертью до тридцатых годов). Наверное, даже в нынешнем Питере такой улицы уже нет – или снесли при реконструкции, или давно переименовали в *Клары Цеткин*, положим, или *Хо Ши Мина* (хотя, черт его знает, может, сейчас ей и вернули старое название, как *Тверской*, например). Собственно говоря, почти то же самое можно сказать и о любом советском городе. Таково общее правило, которому следуют чиновники, дающие улицам имена. Исключения из него очень редки. ...Но бывают. Я сам был крайне изумлен, когда узнал, что в нашем городе есть *2-ая Рентгеновская улица*. Раз есть *2-ая*, то, несомненно, должна быть и *1-ая Рентгеновская* и даже не исключено наличие у них третьей тезки. Можно только гадать, благодаря чьему капризу они получили свои столь выбивающиеся из ряда имена, и почему вторую не назвали *Радиологической* или, допустим, *Марию Кюри*. Все же не так бы в глаза бросалось. Всякий, встретивший в художественной книжке название *2-ая Рентгеновская*, скажет, что это – отнюдь не красящая текст авторская придурь, и что таких улиц не бывает и быть не может. А вот поди ж ты! Выходит, фантазия чиновников превосходит в некоторых случаях литературные выкрутасы – и вообще: какую бы нелепицу ты не придумал, в жизни, почти наверняка, это уже случалось. Хоть и не стоит делать из этого вывода, что какую угодно нелепую свою выдумку можно совать в текст – реализму это, дескать, не противоречит, – но здесь я решил оставить запомненное Мишей название улочки (мне оно тоже врезалось в память). Раз оно так было в жизни, пусть оно так будет и в романе – никому это повредить не может. Те люди, которые жили тогда по соседству с Мизулиным (его фамилию я, конечно, изменил), давно уже там, ясно, не живут – да я про них ничего писать и не собираюсь.

Вернемся же теперь к милиционерам, оставленным нами у подъезда уже описанного дома, – мы дали им достаточно времени, чтобы без спешки перекурить, – пора им приниматься за выполнение своего задания. Поскольку они сразу направились во второй подъезд, ясно, что было принято решение идти кратчайшим путем – напрямиком в квартиру. Подъезд чистый – видно, что метут, моют. Запах, правда, специфический – характерный для старых домов – то ли трубы в них какие подтекают, то ли деревянные перекрытия истлевают мало-помалу, может, и грибок их подтачивает и свой вклад дает, а, может, и само долгое проживание множества людей приводит с годами к появлению такого запаха (*миазмы скапливаются*, так сказать). Но милиционеров запахом не проймешь – и не с таким сталкивались. Да и мы с читателем (из тех, что постарше) вряд ли бы обратили внимание на такие пустяки – обычное дело; в новых домах и похлеще может вонять. Одно время (где-то близко к описываемым годам) в многоэтажных зданиях на площадках ставили ведра с крышками и с надписью «Для пищевых отходов» – чья-то, видимо, инициатива была еще до всякой *Продовольственной программы*: соберем всяческие очистки и помои, свинок накормим, наконец, досыта, вот и мяса на прилавках прибавится. Жирели свинки от этих пищевых отходов или, наоборот, ускоренно дохли, автору неизвестно, но вонь, стоявшая в подъездах, еще не совсем выветрилась из его памяти (может, и в подъездах еще чувствуется, если принюхаться). А ведь не обращали на это особого внимания – жили себе, не тужили – привычка.

Квартира на втором этаже. Позвонили. Может, кто и есть: неизвестно же, с кем он мог жить, а, может, и коммуналка – соседи могут быть дома. Действительно, почти сразу же дверь отворилась. Невысокая, сухонькая старушка – открыла, не боясь, не спрашивая через дверь *Кто там?* но, открывши, стоит, ждет: что скажут, чего пришедшим надо.

– Здравствуйте. Мизулины здесь проживают?

– Александр что ли? Здесь. Но его сейчас нету дома. Попозже, к вечеру приходите. Появится поди.

– А вы, простите, кем ему приходиться?

– Я-то? Да никем не прихожусь. Я тоже здесь живу – соседи мы с ним.

– Ага. Понятно. Мы из милиции, хотели бы поговорить с вами. Позволите пройти?

Пришедшие были в штатском, не в милицейской форме, и разговаривавший с мизулинской соседкой старший из милиционеров вытащил приготовленное удостоверение, развернул его, показывая. Но та на документ и не взглянула. Задумалась на секунду, прежде чем ответить, и отозвалась без видимого удивления, но и без явного злорадства в тоне:

– Так... Допрыгался, значит... Ну, что же, проходите, если надо.

Старуха включила в прихожей свет и отступила вглубь квартиры, пропуская пришедших.

– Вы раздевайтесь, если разговор долгий. Вешайте здесь свои одежды-то, – она махнула рукой в сторону вешалки. – Да что он натворил-то? Или, может, что случилось с ним?

– Да. Разденемся, пожалуй. У вас тепло – затопили что ли уже?

Старшой явно не хотел сообщать до поры до времени о смерти бабкиного соседа – не надо настраивать опрашиваемых на определенный лад и задавать им, так сказать, тональность их свидетельств. Уже само появление милиции заставляет их предполагать наличие какого-то криминала, связываемого с личностью того, о ком спрашивают. Но пусть подозревают, что угодно. Главное, чтобы не были уверены заранее, чего от них ожидает спрашивающий, какая информация ему требуется.

Соседка поняла, видимо, что толку она здесь не добьется, и больше к этому вопросу не возвращалась.

Представившись и выяснив, что встречавшую их хозяйку зовут «Порфирьевной» – *а чего тут неудобного? все так зовут – по другому и не скажут... я привыкла... разве вам для отчета какого: Глафира Порфирьевна – я, Преснякова – фамилия...* – старшой перешел к сути дела и, узнав, что объект их интереса ушел из дома вчера около восьми вечера и с тех пор не появлялся, подергал за ручку указанной ему двери и спросил, не оставял ли ушедший ключа.

– Нет. Такого у нас и в заводе нет. Я сама по себе живу и его делами не интересуюсь, – жестко отрезала хозяйка. – В мою комнату пойдете. Или вот на кухне, если желаете.

– Нет, так нет. Тогда мы сами справимся. Андрей, займись, – он ткнул своему напарнику на мизулинскую дверь, – а мы пока с Глафирой Порфирьевной поговорим.

Однако не успели они как следует разместиться на табуретках у стола, стоявшего ближе к окну довольно большой – по меркам жителей типовых пятиэтажек – кухни, и начать предполагаемую беседу, как шустрый Андрей заглянул в дверь и объявил, что дело сделано.

– Ага. Хорошо... Тогда, Глафира Порфирьевна – милиционер продолжал держаться официального тона – пойдете, наверное, в комнату Мизулина. Там и посмотрим всё, что нам интересно, и с вами побеседуем. Да и за сержантом нашим, – тут говорящий слегка ухмыльнулся, – приглядим: вдруг он что-нибудь прихватит нечаянно.

Дошла ли до Порфирьевны немудреная милицейская шутка или она всерьез восприняла сказанное, осталось неясным, но никаких реплик и улыбок от нее не последовало – встала и молча пошла за старшим. Опять же неясно, знала ли соседка о таком документе, как *ордер на обыск*, или же вместе с подавляющим большинством наших граждан считала, что, если дело тебя лично не касается, то и нечего забивать себе подобными вещами голову, – милиции это надо, вот пусть она со всеми нужными документами и разбирается. Впрочем, я и сам не знаю, как решаются такие вопросы после чьей-то скоропостижной смерти: теряет ли покойный свое право на неприкосновенность жилища, и представители государственной власти могут распоряжаться его бывшей собственностью по своему усмотрению, или эти права переходят к наследникам умершего? Да и стоит ли нам детально разбираться? Надо полагать, милиция знает, как поступать в таких случаях, и несет ответственность за свои действия.

Комната электрика, так неожиданно покинувшего этот мир – вряд ли он, уходя вечером из дома, подозревал, что никогда больше сюда не вернется, – наверняка, была именно такой, какую можно было ожидать: спартанская обстановка, ничего лишнего – типичное спальное место много и регулярно пьющего одинокого работяги, не придающего никакого значения всем этим «домашним уютам». Но и ничего, свидетельствующего о том, что хозяин комнаты уже начинает терять человеческий облик. Никакого явного свинства, всё, как у всех, так что я могу не стараться, выдумывая, где что стояло и как выглядело – для нашего рассказа это совершенно не важно.

Пока молчаливый Андрей перетряхал небогатое барахлишко убитого – *смотри письма, фотографии, документы все подряд... сам знаешь... может, ценности какие...* – старший

выведал у Порфирьевны много любопытных сведений. Сначала скупно отвечавшая на вопросы: *не знаю я ничего о нем, мы с ним и не видимся почти* – она постепенно разговорилась и выдала все известные ей тайны. Возможно, свою роль сыграло и сделанное в нужный момент признание беседующего с ней милиционера: *пырнули его ножом, в тяжелом состоянии, неизвестно даже выживет ли*. Нарисованная соседкой картинка сводилась, приблизительно, к следующему.

Появился Мизулин в квартире около четырех лет назад – переехал по обмену после развода с женой. Парень он был, по словам соседки, *не вредный*, даже добродушный, но... пьяница. Чуть ли не каждый день выпивши. Комната большая, жены нет – начались пьянки: компания, шум, гам, песни, шляются по квартире. Любящей тишину и порядок Порфирьевне это сильно не понравилось: *Я ему раз сказала, другой, третий – да, да, всё понял – а пройдет неделя-другая, опять то же самое. Тогда я уже всерьез его предупредила: не прекратится это безобразие – вылетит он с жилплощади, как миленький – я и к участковому пойду, и в партком, и куда еще понадобится... Выставила его компанию пару раз – шум, скандал – озлобился, конечно, – я, говорит, такой же хозяин – да меня этим не проймешь, я до пенсии бригадиром на мелькомбинате была, знаю, как с такими ребятами управляться – коли надо, так я и сама могу послать куда подальше*. После нескольких открытых стычек соседи почти перестали друг с другом общаться, но эффект *дипломатических демаршей* Порфирьевны был в целом положительным: шумные пьянки с большим количеством участников практически прекратились и, по-видимому, переместились на какие-то другие площадки. – *Если придут – двое-трое – в комнату его нырк, и ни на кухню, ни куда не шастают – если загалдят громко, я постучу в стенку – притихнут. Понял, стало быть*.

Такое состояние *вооруженного нейтралитета*, изредка осложняемое недолгими *пограничными конфликтами*, позволяло поддерживать стабильность и более или менее *мирное сосуществование*. А худой мир, как известно, все же лучше тотальной войны. Так тянулось год за годом, и соседи по квартире уже привыкли как можно реже пересекаться друг с другом, ограничивая общение минимально возможным уровнем.

Однако, – и это было самое интересное из того, что сообщила соседка, – вся эта вялотекущая склока на почве хронического мизулинского пьянства была уже, можно сказать, в прошлом, и жизнь в квартире в последнее время сильно переменилась.

Где-то с месяц назад, по словам Порфирьевны, ее сосед внезапно и резко бросил пить, так что она была почти уверена, что с этого времени он не выпил ни грамма горячительных напитков. На Порфирьевну это произвело впечатление истинного чуда: *Если бы он лечиться стал или что... а чтобы так, по собственной воле* – делилась она своими соображениями со слушающим ее милиционером – *такого и не бывает вовсе. Я уж этих пьяниц навиделась, слышала про них, знаю, чего от них можно ожидать. А тут такая перемена... Но ясно, что не пьет – он же всё время на моих глазах*. Мизулин, приходя с работы, почти безвылазно сидел дома, посещения друзей тоже прекратились (*дак, если он не пьет, так что им здесь делать?*), он стал готовить себе по вечерам кое-какую еду, что-то варил, жарил, чего раньше за ним практически не наблюдалось (*да и денег-то у него обычно на нормальные продукты, поди, не было*), судя по всему, поправился на несколько килограммов и вообще стал выглядеть свежее и бодрее (*вот: без водки-то и здоровье улучшилось, всего-то месяц прошел*).

Порфирьевна сначала никак не могла понять, что это случилось с ее соседом, что его подвигло на столь решительный шаг – ясно же было, что такое длительное воздержание давалось ему вовсе нелегко. В то же время он вовсе не выглядел замученным и подавленным и, похоже, оптимистически смотрел в свое будущее, ожидая от него чего-то значительного и хорошего – видно, не предполагал человек, чем для него это закончится. О его взглядах на будущее Порфирьевна судила по его собственному заявлению: через какое-то время после обозначившейся перемены соседка решила и напрямик спросила Мизулина, верно ли, что он совсем бросил пить. (Раньше такое обращение было бы просто невозможно, но теперь они стали чаще разговаривать друг с другом, и общий тон разговоров был вполне дружелюбным). Сосед отнюдь не окрысился на то, что бабка сует свой нос, куда ее не просят, а вежливо

подтвердил, что теперь не потребляет ничего спиртного и в ближайшем будущем намерен не сходить с этого курса.

– А дальше видно будет, – сказал он, улыбаясь и как будто даже гордясь теми горизонтами, которые открывались перед ним в этом «дальше».

Порфирьевна что-то промекала в ответ – так сказать, выразила свое одобрение соседскому решению, но одновременно и обозначила свое недоумение – с чего бы так?

– А что ж мне всегда такую жизнь вести? Здесь, в этих условиях? Могут ведь быть и другие варианты. У меня еще время есть впереди... Попробуем, посмотрим... А тогда и решим: пить – не пить? как пить? что пить?

– Верно я говорю? – закончил он свое неожиданное признание, видимо, почувствовав, что слишком уж приоткрывает свои подспудные соображения и планы.

У меня еще время есть впереди... – значит, на что-то надеялся, чего-то ждал, рисовал себе какие-то розовые дали. Ничего-то не может знать человек о своей судьбе, и сворачивая за угол, никак не может угадать, что его на самом деле ожидает за этим поворотом. Так что всякое мыслимое предвосхищение будущего – пусть даже ближайшего – стоит, по примеру нашего классика, снабжать непременно примечанием: *ебж* – если буду жив.

Несмотря на весьма расплывчатый ответ Мизулина о причинах столь разительного поворота в его привычках и поведении, Порфирьевна не так уж долго оставалась в недоумении относительно наблюдаемого ею «чуда». Вскоре у нее появились рациональные соображения, постепенно оформившиеся в подтверждаемую солидными фактами *гипотезу*, которой она и поделилась с внимательно слушавшим ее милиционером.

– Женщина у него появилась. Вот что я вам скажу. От нее всё и идет, – рассказывала она с некоторым воодушевлением, вполне понятным, если учесть, что весь процесс постижения истины – от возникновения первых догадок к формулированию рабочей гипотезы, и затем к выяснению фундаментального свидетельства, блестяще подтверждающего высказанное предположение, – был пройден ею самостоятельно и практически до конца: никаких сомнений у нее больше не оставалось.

Суть соседкиного рассказа сводилась к тому, что буквально через день после ее разговора с Мизулиным у нее появилось некоторое объяснение его *чудесного преобразования*. Вернувшись домой поздно вечером – а она два раза в неделю ходила в заводской клуб на спевки самодеятельного хора («не шей ты мне, матушка, красный сарафан...», «наших рек разлил, что моря весной; до чего ж красив ты, мой край родной...») и тому подобные образцы «народного» творчества) – Порфирьевна с удивлением обнаружила, что сосед брал ее чайные чашки: *они у меня на кухне в шкафчике стоят – две красивые чашки – с розами – и блюда такие же. А у Сашки-то сроду чашек не было – да и зачем они ему? Ему стаканы-то и сподручнее, для водки-то в самый раз. А здесь по-другому понадобилось. Он, конечно, чашки-блюда помыл, на место поставил, но я-то вижу – не так стоят, да и в одной еще вода не высохла. Ага, думаю, гостью принимал, пока меня не было. Да не какую попало – его лахудрам и стакан бы сгодился – не-ет! Тут дама приходила – вот он и расстарался.*

С этим выводом самодеятельная сыщица связала и мизулинские вечерние вылазки из дому. Хотя тот, приходя с работы, теперь перестал ежедневно уматывать куда-то в свою компанию (раньше он мог и вовсе не придти ночевать), но все же несколько раз за этот месяц он часу в седьмом-восьмом вечера куда-то уходил (*куда на ночь-то глядя? уже темно об эту пору...*) и возвращался очень поздно – может быть, и под утро: возвращений его Порфирьевна не слышала и ничего об этом сказать не могла. Но – в чем она была точно уверена – наутро он был трезв как стеклышко. Вот ведь что удивительно. Точно так же он ушел и вечером предыдущей пятницы – за день до описываемого разговора с милицией, но, как мы знаем, утром он домой не вернулся.

Всё вместе взятое, по мнению наблюдательной мизулинской соседки, могло иметь лишь одно объяснение: у ее соседа появилась *зазноба*. Не подружка на час, а серьезная женщина, с которой Мизулин связывал какие-то далеко идущие планы: возможно, собирался снова жениться и тем самым резко изменить свою жизнь. Только так можно было истолковать его туманные намеки и – самое главное – его твердое решение покончить с пьянством.

Развивая эту *плодотворную гипотезу*, Порфирьевна сделала и дальнейший шаг в своих рассуждениях. Ход ее мыслей был прямолинеен и довольно убедителен:

Ладно, Сашка связался с серьезной положительной женщиной (надо же нашлась такая – обратила на него свое внимание, на пьяницу-то; но тут дело темное – *любовь*, как говорится, *зла...*), они собираются соединиться – вступить в брак (он, по крайней мере, сильно на это надеется, и готов ради этого на любые подвиги – бросил пить, не шуточное ведь дело). Пусть всё так. Но куда он шастает по ночам? Зачем? У него же своя комната – приведи кого хочешь, хоть вовсе живите вместе. Нет, здесь им что-то не подходит. А если и появляется она здесь, то лишь тайком – когда Порфирьевны дома заведомо нет. А чего таиться-то? Кто бы им помешал?

А ясно чего тайну разводят! Замужем она – вот и всё объяснение. Понятно, что пока окончательного решения еще нет, муж и догадываться ни о чем не должен. Тут и раздумывать не над чем. Потому и от Порфирьевны таятся – чтоб слухи не пошли, мало ли как дело обернется. Да и при разводе (а ей ведь сперва развестись надо будет) много лучше будет, если обвинить ее будет не в чем, и всё будет шито-крыто. Ей поди при разводе с мужем много чего делить придется – неспроста Сашка надеется на какую-то новую, обеспеченную жизнь. Ишь как высказался: *условия* он собирается улучшить, *эти условия* его уже не удовлетворяют.

Меня, как автора, просто восхищает логика этой старушеницы: двух обнаруженных ею вымытых чашек оказалось для нее достаточно, чтобы выковать прочную цепочку выводов и даже сделать вполне правдоподобное предположение о личности никогда ею не виденной *зазнобы*. Рассуждала она приблизительно так: *Она* – обеспеченная дама (ясно, не девчонка), с запросами и претензиями (Сашка по сравнению с ней – шантрапа и голь перекатная; то-то он с этими чашками суетился – пытается марку держать!), и при этом ее статус не связан с мужем; кто бы тот ни был, не он ее делает обеспеченной и уважаемой – иначе на что бы Сашка рассчитывал после ее развода. Должно быть, она – откуда-то из торговли, и не рядовая продавщица, а может, заведомом или даже директор магазина (занимающая какой-то пост врачиха? или завпроизводством в ресторане? что-нибудь в этом роде), то есть человек, чего-то серьезного в жизни достигший и имеющий собственный вес. Раз она сама по себе – *кто-то*, значит и возраст у нее соответствующий: за тридцать, а-то и под сорок – где-то к Сашкиным годам приближается. Если так всё разложить по полочкам, картинка получается вполне складная, ничто в ней не противоречит наблюдаемым фактам.

А в довершение всего рассуждения Порфирьевны о существовании – пока что, на этом уровне ее знаний, только *гипотетическом* – некой женщины, пресловутой *дамы*, близкое знакомство с которой и стало причиной мизулинского преобразования (а вероятнее всего, и подстерегавшей его катастрофы), получили блистательное подтверждение. Как поведала рассказчица внимательному слушавшему милиционеру, несколько дней назад, вернувшись с очередной *спевки*, она сразу учуяла необычный запах – в их маленькой прихожей явственно пахло женскими духами (*я этот запах знаю, «Может быть» называется – не наши духи, заграничные – у нас все девки за ними гонялись*). Включив свет, она обнаружила – на тумбочке под вешалкой – беленький обшитый кружевом платочек (*я его и не тронула, но что тут думать – ясно, дамский платок; у него-то поди и мужских-то платков в заводе нет*). Никаким иным образом, кроме как визитом *дамы*, объяснить это было бы невозможно. А стало быть с этого момента гипотеза о реальном существовании таинственной *зазнобы* перешла в разряд доказанных фактами свидетельств.

Однако – и Порфирьевна, к ее чести, этого не скрыла в своем рассказе – прямо сразу же возникла неувязка, объяснения которой найти не удалось. Когда – минут через десять-пятнадцать – *наша героиня* (пусть ее роль только эпизодическая, но и она – значимый персонаж романа, да и рассказ ее занял почти целую главу) снова вышла в коридор, платка там уже не оказалось. Понятно, что обнаруживший свою оплошность сосед забрал его, хотя и с явным опозданием – факт дамского визита к нему уже был зафиксирован (а затем, добавим, и внесен в милицейский протокол). Окрыленная своим сбывшимся предвидением Порфирьевна решила ковать железо пока горячо и продолжить выяснение личности мизулинской посетительницы. Вновь одевшись, она вышла из подъезда и подошла к небольшой компании, состоявшей из трех бабок, давно уже – еще до ее ухода на *спевку* – оккупировавших скамейку

перед домом и досидевших, по своему обыкновению, до самого позднего вечера. Пора ежевечерних телесериалов в те времена еще не наступила (да и, как мне кажется, не у всех еще тогда были телевизоры), а чем-то надо же было им занимать свободное время. Присев с ними рядом (*я на минуточку, воздухом с вами подышу – да мы и сами уже сейчас пойдем, пора уж по домам*) и перекинувшись с завсегдатаями скамейки несколькими ничего не значащими фразами, охваченная азартом успешного расследования сыщица осведомилась у явно обладавших нужной ей информацией соседок: видели ли они, что за дамочка приходила к хорошо известному им Сашке – относительно недавно она должна была покинуть подъезд. Но тут ее ждал совершенно не предполагаемый облом. Бабки дружно заверили ее, что к ее Сашке никто подобный не приходил: какие-то люди, конечно, ходили туда и сюда, но никаких дамочек (то есть особ женского пола, уже вступивших в брачный возраст и еще, по-видимому, не успевших утратить способность к деторождению) здесь за последние пару часов не наблюдалось. Если, разумеется, не принимать в расчет Варьку с третьего этажа, которая недавно пошла домой с детской коляской и со своим старшим, плетущимся за матерью.

Порфирьевна постаралась скрыть от собеседниц свое разочарование и крайнее удивление, но в душе была сильно раздосадована. Все ее построения, обладающие, на ее взгляд, неоспоримой логичностью, а после находки платка так даже и очевидной наглядностью, наткнулись на непредвиденное препятствие. Понятно, что проще всего было бы объяснить возникшее противоречие в фактах тем, что заболтавшиеся кумушки просто не обратили внимания на приходившую и покидавшую подъезд дамочку. Вероятно, милиционеры (хоть всё заранее знающий *усач*, а хоть даже и склонный к сомнениям и больше доверяющий свидетелям лейтенант Одинцов) вполне удовлетворились бы таким простейшим предположением – не видели, потому что заговорились и не придали значения, – но Порфирьевну, опирающуюся на свой многолетний житейский опыт, такое неправдоподобное объяснение устроить никак не могло. Что-то во всей истории, взятой в целом, было явно не так, и ставшие ей известными факты определенно не хотели стыковаться друг с другом. Чтобы свести как-то концы с концами, оставалось предположить, что искомая дамочка проживает в том же самом подъезде, и для визита к Мизулину, ей не требуется выходить на улицу. Но и этот путь рассуждений вел к полному абсурду: наша сыщица прекрасно знала, что никто из живущих в их подъезде ни в малейшей степени не походит на нарисованный ею портрет Сашкиной зазнобы. (Мне представляется, что была еще одна возможность объяснения наблюдаемых фактов: вычисляемая дамочка могла не жить в их подъезде, но навещать кого-то из здесь живущих, так что в тот момент, когда Порфирьевна расспрашивала о ней соседок, она могла, уйдя от Мизулина, сидеть в квартире своей подруги, сестры или любого другого, близко знакомого ей жителя описываемого дома. Однако сама рассказчица такую – пусть, судя по всему, и небольшую – вероятность не принимала, надо полагать, во внимание и в своем рассказе даже не упомянула). Таким образом, если подвести окончательный итог рассказу мизулинской соседки, можно сказать, что она по-прежнему считала главной причиной резких перемен в поведении бывшего пьяницы появившуюся в его жизни женщину, но кем была эта пресловутая дамочка и как ей удавалось не попадаться никому на глаза, оставалось для Порфирьевны неразрешимой загадкой.

На этом, я думаю, и следует закончить данную главу: главное, о чем поведала милиции соседка покойного электрика и на чем основывались будущие рассуждения настоящих сыщиков, уже мною изложено, а если какие-то детали и были упущены, то их можно будет добавить и позже, когда в этом появится необходимость.

Глава девятая

Генеральский сын

Наконец-то я добрался до главы, в которой смогу представить читателям еще одного из главных героев нашего романа, до сих пор не появлявшегося на этих страницах, а заодно открыто рассказать о том, по поводу чего мне уже не раз приходилось отделяться туманными обещаниями будущих исчерпывающих разъяснений. Буквально через несколько абзацев всякий читающий роман сможет убедиться, что поразительная осведомленность Миши (а, следовательно, и моя, как автора) о самых мелких деталях этой запутанной криминальной истории и даже о содержании милицейских протоколов вовсе не результат нашей с ним безудержной фантазии, а имеет под собой вполне прозаическую основу, не нуждающуюся в каких-то выдумках и довольно строго ограничивающую пределы допустимых в художественном произведении поэтических вольностей.

С новым персонажем нашего романа – а по существу, со своим старым знакомым – Миша столкнулся в вестибюле института, как раз рядом с уже хорошо известной читателю камеркой вахтера.

Миша подошел туда с простейшей целью: выяснить, забрали ли уже ключ от 317-ой комнаты, где он работал вместе с другими сотрудниками лаборатории, или же ему надо взять этот ключ и расписаться в особом журнале, фиксирующем – помимо прочего – и время, когда сотрудники НИИКИЭМСа появляются на рабочем месте, и когда его покидают. Хотя время уже подходило к двенадцати часам (а рабочий день в институте начинался строго в девять ноль-ноль), Миша не мог быть на сто процентов уверен, что хоть один из троих его сослуживцев, работающих в этой комнате, его опередил и уже взял ключ – могло быть по-всякому. Чаще всего ключ отсутствовал, поскольку обычно Миша появлялся на работе отнюдь не в первых рядах. Даже на фоне царящего в таких учреждениях довольно пренебрежительного отношения к производственной дисциплине *не имевший ученой степени мэнаэс Стасюлевич М.Г.* выделялся своей вольностью и даже несколько бравировал тем, что посещал отведенное ему присутственное место не «по часам», отсиживая свои сорок часов в неделю «от звонка до звонка», а по собственному расписанию, которое сам и определял. (А если честно, то не особенно о нем и беспокоился – лишь изредка коря себя за то, что дело идет слишком медленно, и давая себе зарок – «с понедельника», «с первого числа» и т.п. – интенсифицировать свои трудовые усилия). Оправдывая себя и свою излишнюю безалаберность в отношении этих самых «трудовых усилий», он подводил под принятую им линию поведения принципиальную базу и понятие «ненормированного рабочего дня» (своеобразно толкуемое научными сотрудниками) объявлял одной из фундаментальных академических свобод.

Я вам не бухгалтер, – вот его твердая позиция, которую он не только неоднократно декларировал в лабораторных разговорах за чайным столом (при этом в чайных чашках могли быть и иные напитки), но и – по возможности – практиковал в реальной жизни. *Если я дома до поздней ночи могу читать научные статьи или исписывать груды бумаги, рассчитывая какой-то процесс, и это считается нормальным, то и в институт я могу приходить, когда считаю нужным, и никакая тетенька из отдела кадров или из министерства не должна мне в этом смысле ничего указывать – я не хуже ее знаю, как мне планировать свою работу.* Как бы ни относилось его непосредственное начальство к подобным декларациям, до поры до времени Мише (да и прочим) это сходило с рук, и на все его вольности смотрели сквозь пальцы. Хотя, возникни у того же завлаба необходимость приструнить не угодившего ему чем-то сотрудника, в его руках был бы уже готовый набор Мишиных прегрешений против производственной дисциплины: хочешь – объявляй ему порицание перед строем, а хочешь – так и вовсе увольняй его с завтрашнего дня. КЗОТу³ это

³ Разъясню, на всякий случай, эту хорошо знакомую старшему поколению аббревиатуру – вдруг кому-то из молодых читателей (буде такие у романа появятся) она неизвестна.

противоречить не будет. Да и сам Миша понимал, что принципы принципами, а реальное поведение не может базироваться только на них, надо принимать во внимание и текущее соотношение сил и прочие обстоятельства, а потому вполне мирился с тем, что, проводя свою принципиальную линию, приходится кое-где и пригнуться, а в некоторых случаях не стоит упрямо лезть на рожон – толку от этого все равно не много.

В то время, когда Миша мне об этом рассказывал, он уже довольно иронически относился к своей младенческой прямолинейности и своим тогдашним декларациям. Однако кое-что из прежних настроений и взглядов в нем оставалось. Так он, посмеиваясь, но и с некоторым горделивым оттенком, поведал мне историю из тех времен, повествующую о его лобовом столкновении с местными блюстителями трудовой дисциплины, так сказать о заочном конфликте с ними, закончившемся полной Мишиной победой – если не нокаутом, то уж точно по очкам.

В момент одного из периодических весенне-осенних обострений борьбы с нарушителями дисциплины – лентяями и прогульщиками – дирекция НИИКИЭМСа решила устроить рейд по их выявлению – поименно – и последующее их гласное осуждение, чтобы и им самим, и прочим неповадно было опаздывать на работу или еще как-то сокращать свой рабочий день. Возможно в институт пришло очередное строгое указание не снижать накала упомянутой борьбы (плод творчества какой-то из тех самых «тетенок» – неважно в штанах она была или в юбке – ее половая принадлежность в данном контексте несущественна, главное – это роль, которую она играет, роль приживалки, не имеющей определенных занятий и беспрестанно озабоченной необходимостью напоминать о себе начальству, доказывая свою полезность и незаменимость и, тем самым, оправдывая получаемую зарплату). Однако возможно и сам «академик», раздосадованный своими сотрудниками, помимо всего прочего бездельничавшими и не радующими своего директора россыпями научных достижений, которые могли бы приблизить момент его производства в высшее

КЗОТ – *Кодекс законов о труде* – тоненькая книжечка, в которой были прописаны разные правила, в согласии с которыми должны были строиться взаимоотношения между где-то работающим советским человеком и его работодателем (т.е. советским государством в лице его различных форм и ответвлений). Нельзя сказать, что эти правила сильно мешали начальникам поступать как им заблагорассудится в отношении своих подчиненных. Ничего подобного не предполагалось, и каждый начальник – если возымел бы такое желание – мог любого из своих работников хоть с кашей съесть или, по крайней мере, сделать невыносимым его дальнейшее пребывание в стенах данной конторы (неважно, шла ли речь о патронном заводе или о детском саде). Все – и начальники, и подчиненные – это знали и вели себя соответственно. Однако КЗОТ и стоящий за ним закон (суд, прокуратура и т.д.) требовали любую расправу с подчиненными оформлять в согласии с рядом условий, прописанных в этой книжечке. А посему произвол начальства и административный раж преданных своему руководству этих самых «тетенок» несколько умерялись необходимостью, прежде чем получить желаемый эффект (съесть с кашей), выполнить ряд предписываемых КЗОТом действий и соблюсти указанные в нем условия. Именно эти дополнительные хлопоты и требующие некоторого времени излишние обороты административного механизма до определенной степени тормозили начальственную прыткость и – до поры до времени – предохраняли фрондирующих сотрудников (вроде нашего Миши) и разного рода нерадивых работников (вроде выше описанного пьяницы Мизулина) от перепадов настроения их начальников и от угрозы мгновенного испепеления на месте. Кроме того, все эти составляющие КЗОТ предписания и правила давали благоприятную возможность для вмешательства в процесс управления всякого рода сил, стоящих как бы в стороне от него, но вовсе не собирающихся оставаться безучастными. При определенном стечении обстоятельств свою палку в сторону с места и наезжающее на работника колесо могло вставить, например, партбюро (и стоящий за ним райком партии), не желающие упустить благоприятный повод и указать много возмнившему о себе начальнику, кто на самом деле в доме хозяин. Так что иной раз (пусть и весьма редко) по поводу какого-нибудь никому не интересного *Миши* могли возникнуть нешуточные баталии, в которые могли втянуться и министерства, и прокуратура, и обком партии, и местный отдел ВЦСПС (уж не буду расшифровывать и эту аббревиатуру – кому интересно, пусть справляется в энциклопедии), и еще бог знает кто. Экономя силы и опасаясь подобных осложнений, начальники несколько умеряли свой пыл и выбирали более гибкую линию поведения, а разного рода *Миши* и *Сашки* пользовались образующимися при этом щелями и зазорами в существующей жесткой административной системе управления.

академическое звание, повелел устроить своим ленивым «людишкам» показательную Варфоломеевскую ночь. Об истинных причинах, вызвавших эту экстраординарную экзекуцию (известная Мише новейшая история НИИКИЭМСа не сохранила сведений о других подобных мероприятиях, а на Мишиной памяти оно было единственным и более не повторялось), ничего более сказать нельзя. Но как бы то ни было, такое решение было принято, и на его основании сформирована специальная проверочная бригада. В нее включили несколько человек (для коллегиальности и предотвращения возможных злоупотреблений на почве личных симпатий или бытовых конфликтов). В число проверяющих попали: сотрудница отдела кадров, всем известный пронира из комитета комсомола, инженер по технике безопасности и охране труда (вот и ему какое-никакое дело нашлось – что само по себе неплохо), еще кто-то. Мероприятие готовилось в строжайшей тайне, и подавляющее большинство рядовых сотрудников о нем не подозревало, так что, когда проверяющие в назначенный день заняли свои места у вахтерской (а другого пути проникнуть в институт не существовало), появление ниикиэмсовцев на рабочих местах шло в обычной манере: к девяти часам (время «Ч») большая часть ключей еще висела на своих гвоздиках, а исчезнувшие относились, главным образом, к помещениям первого и второго этажей, где размещались технические службы и сотрудники АУПа⁴, – те самые «бухгалтеры», о которых так свысока отзывался Миша, и прочие приравненные к ним лица, – вынужденные под бдительным присмотром своего начальства приходить на работу строго по часам.

Ровно в девять проверяющие – кто с удовольствием (большинство ауповцев раздражалось при мысли об *этих ученых*, свободно порхающих туда-сюда как птички, в то время как они, просиживающие свои восемь часов «от сих до сих», даже в соседний магазин отлучиться не могут, не испросив на то специального позволения), а кто и со смущением (неловко и нехорошо всё же вылавливать и «закладывать» своего же брата-мэнэсса, а тем более почтенного завлаба), но повинувшись высшей воле, – приступили к своим обязанностям, записывая, кто опоздал на пять минут, кто на восемь, а кто и на полчаса. К четверти одиннадцатого рейд посчитали завершенным: почти все ключи были разобраны, а списки опоздавших были весьма пространными. Так что, когда ничего не подозревавший Миша появился – по своему обыкновению – в двенадцатом часу в лаборатории, он застал своих сослуживцев за увлеченным обсуждением результатов недавно закончившейся проверки и опасливыми предположениями о тех неприятностях, которые она может принести в недалеком будущем. (Сразу надо сказать, что опасения их были напрасны: никаких оргвыводов из этой проверки не последовало, и ее результаты были положены под сукно. Вероятно, как ни плохо думало начальство о дисциплине подчиненных ему *этих ученых*, но и оно было ошарашено гигантским числом тех, кого собиралось записать в графу «злостные нарушители» и примерно наказать). Приход неспешно притопавшего на работу Миши был встречен завистливыми возгласами попавших в черные списки неудачников, а сам «лентяй и прогульщик» чувствовал себя триумфатором: матч со злобной администрацией он выиграл с разгромным счетом «Два – ноль» – и принципам своим он не изменил, и из расставленных на него сетей благополучно ускользнул – помогло игравшее на его стороне *провидение*. Отзвук этой маленькой окрашенной в юмористические тона победы был отчетливо слышен в его рассказе даже через десять с лишним лет после прошедших событий.

Чувствую, что пришло время – в который раз – объяснить с читателем по поводу моих пространных отступлений от основного сюжета. Не отрицая того, что, вероятно, главной их причиной надо считать неистребимую (граничащую с графоманией) склонность автора отдаваться на волю своей сиюминутной прихоти и – *без руля и без ветрил* – плавать по *воздушному океану* самостоятельно складывающегося повествования, всё же надо сказать, что налицо присутствует (и до определенной степени управляет содержанием и длительностью таких проведенных в свободном плавании отрывков) и вполне осознанное стремление автора время от времени напоминать читающему, что создающие основу

⁴ Объясню и это, привычное тогда сокращение.

АУП – административно-управленческий персонал.

сюжета жутковато-мистические происшествия – все *эти пируэты мертвого тела во времени и пространстве* – происходили не в каком-то грозном сказочно-фантастическом мире, где могут фигурировать безжалостные *марсиане*, монструозный гений зла *профессор Мориарти* или же не менее ужасный, желтолицый и раскосый, злодей *Фу Манчу*, а на нудновато обыденном фоне нашей недавней жизни со всей ее советско-конторской и житейско-бытовой тяготиной. Автор, по крайней мере, надеется, что ему удастся более или менее адекватно передать то ощущение резкого контраста двух сфер жизни, обычно не пересекающихся в литературе, но в действительности, по воле случая, оказавшихся в близком соседстве. То трудно определимое, но яркое ощущение, которое пишущий эти строки испытал, слушая Мишин рассказ, и которое наложило специфический отпечаток на всю эту историю.

Возвращаясь к пришедшему на работу и стоящему перед окном вахтерской Мише и продолжая прерванный рассказ, скажу, что пока он всматривался и пытался установить, висит ли на гвоздике нужный ему ключик (*ага! ключ уже забрали, можно идти наверх*), краем глаза он заметил спускающегося по лестнице мужчину и в тот же миг услышал его удивленный возглас:

– О, Стас! Здорово!

Миша обернулся и, хоть не в ту же секунду, но почти сразу узнал в приближающемся к нему мужичке своего бывшего одноклассника, с которым виделся последний раз вскоре после окончания школы и за последующие восемь лет, пожалуй, больше и не встречался.

– Кока, ты? Вот так номер! Здорово! А как это тебя к нам занесло? Ты же ведь, вроде, собирался по юридической...

– Ну да! Ну да! – быстро перебил его этот самый *Кока* и, взяв Мишу за рукав, потянул его в сторону от вахтерской. – Давай отойдем чуток. Что мы тут будем на проходе... людям мешаем, и вообще...

Странноватое имя для молодого советского человека – *Кока*. Что-то такое дореволюционно-литературное, великокняжеское или гвардейское, напоминающее о какой-то «золотой молодежи», которая устраивала кутежи у «Яра» и ездила на тройках к цыганам. Или по ассоциации наводящее на мысли об уже отшумевших к тому времени столичных «стилягах» (в провинции тоже, по-видимому, были – в начале шестидесятых – некие единичные представители этого племени, но здесь они были малозаметны и никакой погоды не делали). Однако тот, кого Миша назвал *Кокой*, вовсе не походил ни на *стилягу* (знакового большинства по журналу «Крокодил»), ни – тем более – на гвардейского поручика царских времен. Никакого набриолиненного кока на голове (который, по слухам, должен быть непременно атрибутом *стиляга* и который мог бы объяснить происхождение Кокиного имени) или хотя бы каких-то особенных бачек или вычурного перстня на руке – ничего такого, бросающегося в глаза и выделяющего из серой толпы совслужащих. Ничего примечательного. Обыкновенная аккуратная прическа, тугие чисто выбритые щеки (мордастенький такой!); средний рост, в фигуре ничего похожего на гвардейскую статность – скорее уж намечается склонность к округлости и полноте; обыкновенный, хотя и очень приличный, костюмчик с белой рубашкой и строгим темно-синим галстуком... Стандартный советский молодой человек, мало чем отличающийся от Миши и его коллег приблизительно того же возраста.

Правда, была в нем и особенная черта, выделяющая этого Коку из массы его сверстников, – не соответствующая возрасту солидность. Почему-то казалось, что если представить Коку на одном из собраний, проводимых в НИИКИЭМСе достаточно регулярно по разным казенным поводам, например, по случаю *принятия коллективных обязательств в социалистическом соревновании*, то сидеть он будет не в задних рядах – подальше от начальственных глаз, – где обычно пристраивались сам Миша и его болтливые приятели, а на более заметном месте: в первых рядах, а то и за столом на сцене – среди выбранных в президиум. Что-то в облике сего – только что заявившего о своем участии в сюжете – героя придавало ему значительный и претендующий на определенные полномочия вид. И дело было не в костюме с галстуком – в те времена, подобный наряд был обыденным и привычным для любого советского учреждения, и служил, можно сказать, униформой для всякого работника, получившего определенное образование и не имеющего на рабочем месте дела, связанного с гаечными

ключами, паклей и машинным маслом. Кокина солидность создавалась не его манерой одеваться или, например, снисходительным тоном в разговорах с формально равными ему собеседниками, нет, дело было в неких ускользающих от прямого взгляда и трудно уловимых нюансах. Что-то Кока знал про себя такое, не соответствующее его возрасту и придававшее вес каждому сказанному им слову. Несмотря на молодость, он чувствовал себя значительной фигурой, мнение которой всякому приходится принимать в расчет, и его внутреннее самоощущение невольно передавалось тем, кому приходилось с ним общаться. Однако Миша сначала ничего особенного и не заметил, а обратил внимание на Кокину внушительность только позже, когда ему было уже ясно, откуда она берется.

Так всё-таки, почему *Кока*? Откуда у молодого нашего парня такое экзотическое имечко? Конечно, подобная проблема вряд ли может захватить воображение любителя детективных загадок – с проблемой «запертой комнаты» ее не сравнишь, – тем не менее, налицо некая странность и несообразность, которая выбивается из ряда привычных жизненных фактов. Более того: в вышесказанном есть уже и основа для того, чтобы разобраться с этой нехитрой загадкой. Надо только подойти к ней с правильного конца и начать не с таинственного *Коки*, а с уже неплохо известного нам *Стаса*. Ясно, что *Стас* – это сокращенный *Стасюлевич*, ничего другого здесь и предположить нельзя. А где даются такие клички, производные от фамилий? Понятное дело, в школе. И тогда остается мало сомнений, что и *Стас*, и *Кока* – это такие же школьные словечки как *физра*, *училка* или *продленка*. Заранее зная ответ на свою детскую «загадку», скажу, что здесь мы попали в самую точку: как *Миша Стасюлевич* еще в младших классах привык отзывать на коротенькое *Стас* и избавился от него лишь после поступления в институт, так и его одноклассник *Костя Коровин* поневоле стал сначала *Коровой* (а как же иначе?), классе в шестом ненадолго превратился в менее обидного *Кокорю*, а затем – и уже до окончания школы – за ним закрепилось звучное, хотя и несколько выпендренное (чего он вроде бы и не заслуживал) имя *Кока*.

Теперь я могу распротиться с раздражающим меня *Кокой* и в дальнейшем именовать этого занимающего много страниц героя его настоящим именем – *Константин Коровин*, *Костя* (хотя в реальных разговорах и *Стас* и *Кока* еще изредка мелькали, но нам с читателем эти пережитки детской глупости совершенно неинтересны, и мы можем про них забыть).

Отведя ничего толком не понимавшего Мишу за угол коридора, откуда вахтерская уже не просматривалась, его старый знакомый кратко выспросил, дружелюбно улыбаясь и выказав неподдельную радость от неожиданной встречи, работает ли тот в институте, кем, в каком отделе, как ему тут живется и вообще: *как жизнь, старик? давно с тобой не виделась...* Миша даже был отчасти тронут таким интересом к своей персоне. Хотя и его это событие не оставило совершенно равнодушным, но такого теплого отношения к себе он со стороны Кости не ожидал. Конечно, одноклассники и всё такое, но, как ни крути, близкими приятелями они с Костей в школе вовсе не были, тот держался наособицу и в кружок самых близких Мишиных друзей не входил. В то время они Костю не особенно и замечали, да и тот, похоже, не стремился водиться с ними. Довольно прохладные были отношения, но и без каких-либо ссор или явной неприязни. Откровенно говоря, он, пожалуй, ни разу и не вспоминал про Костю за прошедшие годы. С другой стороны, столько лет вместе проучились, разные совместные воспоминания, и масса общих знакомых к тому же – интересно же, что да как, кого видел, что говорят о... Надо бы посидеть, потрепаться, чаю попить...

– Так ты-то как сюда залетел? – Миша вернулся к своему оставшемуся не отвеченным вопросу, – у тебя здесь кто-то из знакомых работает? Или по делу приходил? Знаешь что, пошли к нам в лабораторию – там у нас нормально, посидим, поговорим.

Однако его собеседник приглашение решительно отверг, хотя и не без видимого сожаления:

– Нет, Миша! С удовольствием бы, но не могу. Тороплюсь – меня тут машина ждет и дел невпроворот – не получается... Понимаешь, такие обстоятельства... Ты верно сказал, я действительно юридический окончил, работаю в милиции, и сюда, в ваш институт, я по делу приходил. И, скорее всего, еще не раз приду.

– А-а-а. Вот оно что! – Миша моментально сообразил, о чем идет речь. – Это ты про Мизулина, электрика нашего говоришь?

– Верно. Этим самым делом я и занимаюсь. Но... – Костя опять улыбнулся, однако на этот раз по-иному: *прости, дескать, брат, но...* – Идти мне надо. А поговорить, конечно... обязательно поговорим. Давай сделаем так: приходи ко мне сегодня домой. До пяти я сильно занят, а после шести приходи. Ты как сегодня? Сможешь вечером прийти? – и, получив от слегка растерявшегося Миши утвердительный ответ, продолжил: – Всё. Жду тебя в шесть или попозже – как сможешь, так и приходи. Я живу один, квартира отдельная. Посидим, поболтаем, всё обсудим. Да и дело у меня к тебе есть. Серьезное. Тебе ведь, я помню, сильно нравились рассказы про Шерлока Холмса. Так ведь?

– Чего?! – опешил Миша. – Нравились. Да и сейчас нравятся. О чем ты?

– Ну, вот видишь. Всё правильно. Приходи. – ничего не стал объяснять ему говорящий загадками собеседник. – Вот адрес. – Костя достал из кармана блокнотик, черкнул три слова и, вырвав листочек, протянул его Мише. – Всё. Буду ждать.

Он сунул приятелю руку, крепко пожал протянутую ему в ответ, и, уже сделав, вроде бы, движение в сторону выходной двери, добавил, слегка замаявшись и не выпуская Мишиной руки:

– Только знаешь что? Не говори пока никому, что мы с тобой знакомы. Вообще про меня не упоминай. Я тебе потом всё объясню. Вечером.

После этой странной и, можно сказать, намекающей на какую-то тайну фразы Костя улыбнулся широкой улыбкой на прощание и бодрым шагом отправился к выходу, не оборачиваясь и как бы даже забыв про весь только что состоявшийся разговор.

Миша остался на месте с блокнотным листочком в руках и несколько секунд стоял в нерешительности. Вся эта непредвиденная встреча и разговор с полузабытым одноклассником развернулись так стремительно – с появления Кости у вахтерской до прощания с ним прошло не больше трех-четырёх минут, – что у Миши просто не было времени осмыслить происходящее и задать те вопросы, которые возникали самым естественным образом и ответы на которые могли бы существенно прояснить ситуацию. К тому же неожиданно встреченный Костя вёл себя так напористо и так бесповоротно взял на себя инициативу в разговоре, что Мише (который и сам был достаточно бойкий паренек, непривычный к тому, чтобы кто-то доминировал над ним, а он покорно следовал туда, куда его ведут) пришлось смириться и не противиться Костиному напору – *ну, не спорить же было с ним? И некогда было, да и невежливо бы это выглядело.*

Однако теперь, когда поезд уже ушел, Миша был не уверен, что вёл себя наилучшим образом. *Получается, что я обещал ему прийти; молча, но согласился, – без удовольствия размышлял он про себя, – А надо ли мне это? И чего он так в меня вцепился? Зачем я ему? Да и не похоже это на Коку, ничего подобного я за ним не замечал. И эти его обмолвки: ну при чем тут Шерлок Холмс? Какое-то серьезное дело... какие у нас с ним дела могут быть? И почему молчать про знакомство? Чёрти что! Загадки, намеки... В шпионов что ли он не наигрался – работает в милиции, вот и строит из себя тайного агента... Не ходит что ли?*

Тем не менее, Миша и сам уже знал, что пойдет – заброшенный Костей крючок уже крепко застрял в нутре нашего героя: просто так от него не освободишься. Царапнувшее его загадочное Костино поведение и брошенные вскользь его намеки не прошли бесследно – не тот был у Миши характер, чтобы не попытаться узнать, о чем всё-таки шла речь и что эти намеки означали. А самое главное: Костя занимался мизулинским делом – разве можно было упустить случай хоть что-нибудь выяснить?

Надо здесь сказать, что описанная встреча у подножья институтской лестницы произошла во вторник – то есть через пару дней после того, как был обнаружен пресловутый труп. А за день до событий данной главы – в понедельник – весь НИИКИЭМС жужжал как потревоженный улей. Узнавшая всю подноготную кадровица, несмотря на свою профессиональную привычку держать язык за зубами, в этом случае не стерпела и выложила услышанную ею историю своим институтским приятельницам (присовокупив свои собственные переживания в субботний день и начиная рассказ об этом с неожиданного звонка Хачатряна). А дальше эта невероятная *сага о ходячем мертвецe* с удивительной скоростью распространилась по всем закоулкам институтского здания. По пути в

повествование вплетались и некоторые дополнительные *пряды*: рассуждения сотрудников о главной героине Бильбасовой, на рассказе которой и зиждилась эта повесть, о Мизулине, с которым в свое время был знаком кое-кто из техотдела, внесла свою лепту и Нина-кладовщица, у которой теперь не было оснований скрывать от общественности, кто первый в институте узнал об этом потрясающем деле. Высказывались разнообразные соображения, предположения, догадки и всё это сплеталось в запутанный клубок, начинающий уже терять какую-либо связь с обыденной логикой и здравым смыслом. Уже трудно было понять, где здесь исходная версия, основанная на рассказе вахтерши, – и сама по себе абсурдная и откровенно невероятная – а где присоединившиеся к ней домыслы тех, кто сам в событиях не участвовал, но старался, в меру своих способностей и склонностей, как-то их расшифровать и объяснить.

Именно в таком, уже дополнительно запутанном виде, Миша впервые услышал известную читателю историю, когда заявился в понедельник на работу. Нет сомнений, он был ужасно заинтригован услышанным – а кто бы не был заинтригован? весь НИИКИЭМС, забыв про текущие дела, только об этом и говорил. Как Миша мне рассказывал, *голова* у него *просто пошла кругом*⁵: с одной стороны, совершеннейшая бессмыслица, какие-то дикие бабьи бредни, но с другой – труп-то Мизулина налицо, его-то куда деть невозможно.

И вот это-то обстоятельство, брошенное на чашу весов – *идти / не идти* – определило Мишину судьбу.

– Пойду, – решил он. – Чего-нибудь да узнаю.

Сунув листок с адресом в карман, он поплелся на третий этаж, в свою 317-ю комнату.

⁵ Это его собственное выражение, автор не берет на себя ответственность за этот оборот; он даже не уверен, что в русском языке есть такое устойчивое словосочетание, а искать его по словарям у него нет желания – хотите проверить, ищите его сами.

Глава десятая

Холмс и Ватсон: распределение ролей

Прежде чем приступить к описанию событий, последовавших за столь незначительной, на взгляд стороннего наблюдателя, встречей двух одноклассников, я перечитал уже законченную мною предыдущую главу и с прискорбием убедился, что проштрафился (в который раз!) и должен опять просить снисхождения у читателей. В композиции этого отрывка я вижу два грубых ляпсуса. Один бросается в глаза уже в самом начале: глава названа *Генеральский сын*, а тот, кто прочитал ее до конца, знает, что ни о каком генерале, тем более о его домочадцах, в главе нет ни малейшего упоминания. Положим, расшифровать это название нетрудно: раз она выводит на сцену нового героя (да еще сказано, что персонаж этот займет важное место в сюжете), можно почти не сомневаться, что, подыскивая название, автор имел в виду этого самого героя – Костю Коровина. Предположение это абсолютно верно, и, тем не менее, отсутствие пусть краткого, но явно выраженного указания на то обстоятельство, что Костя происходит из семьи генерала (скоро мы увидим, что это не совсем так), приходится считать nepозволительной оплошностью автора.

На второй аналогичный дефект текста читатель, еще не ощущая этого, натывается опять же в самом начале: привыкнув доверять автору, он принимает за чистую монету утверждение *Буквально через несколько абзацев всякий читающий роман сможет и т.д.* и спокойно ждет, когда ему всё будет разъяснено. Однако, перелистывая страницу за страницей и дойдя до конца главы, он с досадой замечает, что был введен в заблуждение: автор сгоряча пообещал, а затем, вероятно, и забыл свое обещание. Конечно, опытный читатель легко догадается, что указанная Мишина (и авторская) осведомленность о деталях этого странного дела объясняется его знакомством с Костей, то есть с тем, кто официально расследовал убийство несчастного электрика. Всё так, и никакой особой таинственности эта авторская оговорка тексту не добавляет. Однако, как ни крути, читательские догадки и прозрения – это одно, а отчетливо выговоренное объяснение (во исполнение данного обещания) – это всё же нечто иное. И ни на кого я свою вину за эти огрехи переложить не могу. Честно сознаюсь: приступая к главе, я намеревался всё это по порядку изложить и потому дал ей соответствующее название. Но по мере развертывания текста (а написан он был не за один день) я и забыл, с чего там всё начиналось. А когда спохватился, последняя строчка этой главы была уже напечатана.

По-хорошему, разумеется, следовало бы переписать этот кусок (возможно, даже не один раз – автору же известно, как поступали классики, добивавшиеся безупречного звучания и кристальной ясности). Но войдите и в мое положение: только вытер пот со лба и вздохнул с облегчением – *слава тебе, Господи! дотянул до последней фразы* – и, можно сказать, тут же обнаружил, что очевидные ляпы налицо, и всё надо начинать сначала. Не всякий на это решится. И боюсь, я не из числа тех, кто способен отважиться на подобный шаг. Честно признаюсь: я не Лев Толстой, и на лавры его не претендую. (Да читателю и не требуются мои чистосердечные признания, он и так это прекрасно видит). А посему, я почти полностью уверен, что, сколько раз не переписывай эти главы, вряд ли мне удастся существенно улучшить свой роман. Ну, может быть, он станет чуть-чуть поаккуратнее, если я уберу эти и подобные дефекты, но общий-то его литературный уровень останется прежним. Читатель, скорее всего, и не заметит моих стараний, как не замечает их, читая этот текст, – а я ведь и его писал со всем возможным для меня тщанием. Если же говорить о конкретных обнаруженных мною огрехах, то не сомневаюсь, что уберу я их, читатели найдут (каждый со своей точки зрения) десятки других оплошностей, не позволяющих назвать мой роман безупречным в литературном отношении. Наверное, и самого Толстого критики донимали своими придирками и претензиями, чего уж про меня говорить. Кроме того, моя *Софья Андреевна* не согласится перепечатывать исправленные автором страницы не то что двадцать раз, но и однократной перепечатки от нее не дождешься. Я ее никогда об этом не просил, но в ответе на подобную просьбу не сомневаюсь. Хотя читает она выходящие из-под моей машинки

главы, вроде бы, с удовольствием, даже похваливает время от времени и поторапливает: *пиши поскорее, интересно же, что там дальше будет*. Однако этим ее участие в создании романа и ограничивается. Да и понятно: у нее своих забот хватает. Нанять машинистку у меня возможности нет. Но не самому же мне снова садиться за машинку – у меня и так спина начинает ныть, стоит мне посидеть за ней часок-другой. Так и скрючиться недолго: *обострение пояснично-крестцового радикулита вследствие бескомпромиссного отношения к литературному творчеству*. Нет уж, дорогие читатели! Довольствуйтесь тем, что есть. Хотите – читайте, не обращая излишнего внимания на авторские просчеты и недоделки, а не можете с ними смириться – отложите мой роман в сторону и почитайте что-нибудь из классики или кого-то из современных писателей: Фазиля Искандера, например, или Татьяну Толстую – хорошие писатели, не мне чета.

Ну, всё. Осталось только очередной раз извиниться за уклонение от сюжета, и можно будет переходить к делу. Вообще, получается как-то даже смешно: сначала автор долго извиняется за допущенные им промахи, затем кается в том, что его извинения заняли слишком много места, затем он, наверное, с множеством ужимок и реверансов попытается объяснить, почему у него так получается, и оправдаться в этом, затем он вспомнит... и...

А всё это время герои – Миша и Костя, – о которых, собственно, и должна идти речь в этой главе, так и остаются за сценой: автор не дает им шанса завладеть вниманием читателей. Просто не детектив, а «Тристрам Шенди» какой-то!

Если вы думаете, что я не замечаю нелепости таких ситуаций и того, что они входят в противоречие с понятием «остросюжетный жанр», как часто именуют детектив, то вы меня, как автора, и недооцениваете, и – одновременно – переоцениваете. Всё я отлично вижу, я такой же квалифицированный читатель, как и некоторые из вас, и рад бы сделать свой роман более динамичным, избавив его от длиннот, но получается у меня так, как получается.

Скользкое это дело – сочинительство. И нельзя сказать, что я об этом не знал, когда брался за сей роман. Знал. Всё же кой-какой опыт у меня в этом смысле был. Я долго упирался, прежде чем вновь вступил на эту дорожку. Сначала я был твердо уверен, что делать этого не стану: слишком еще свежи были воспоминания о «муках творчества», связанных с появлением на свет моего первого романа. Так что, когда мы с Мишей обсуждали перипетии его *детективной деятельности* в молодые годы, для меня это было лишь забавой – интересной игрой в сочинение детектива. Ничего я, на самом деле, писать не собирался. Но с годами ощущение того, что у меня в руках уже есть детективный сюжет, причем достаточно подробно разработанный, со всякими придуманными когда-то деталями и нетривиальными поворотами, само стало подталкивать к мысли перенести эту уже частично сочиненную историю на бумагу. Зацепило, значит, меня это занятие – есть в нем и приятные моменты: ничего не было, а вот они – герои романа – уже и появились, задвигались, заговорили, вступили в некие, не существовавшие до сих пор, взаимоотношения. Возник какой-то новый мирок, пусть условный, пусть даже кособокий и не слишком старающийся скрыть свою искусственную природу, но по-своему живой и способный кого-то заинтересовать. И ты, автор, не просто присутствуешь при его рождении, но участвуешь в этом процессе, от тебя, от твоих эмоций, соображений, изобретательности многое зависит. Занятое это дело. Я еще в молодости заметил, что главное удовольствие от какой-нибудь праздничной стенгазеты – с ее частушками, шаржами, эпиграммами и прочими плодами молодежного юмора – получают не те, что читают ее со смехом и поглядыванием друг на друга – *ловко тебя прохватили!* – а те, кто ее сочинял. И удовольствие это связано с самим процессом сочинения: только что был чистый лист бумаги, а теперь – смотри что! блеск!

Вот на такую приманку и ловится будущий автор, намеревающийся сочинить детектив. Кажется, что при готовом сюжете это не должно создавать больших сложностей – не «Даму с собачкой» же ты задумал – бери и переноси уже придуманные коллизии на бумагу. Тем более, что ты уже однажды справился как-никак с подобной задачей и знаешь, в общих чертах, как это делается. Однако реально получается иначе. Ты знаешь, что ты собираешься написать и печатаешь первые несколько слов, но одно словечко цепляется за другое, следующее требует некоторого пояснения и расширения фразы, это в свою очередь тянет за собой новые, не предусмотренные тобой детали... И через некоторое время видишь, что к

тому, о чем ты намеревался рассказать, ты еще фактически и не приступал, а страница или две уже заполнены какими-то посторонними рассуждениями, причем нельзя сказать, что они явно лишние, – нет, всё вроде бы здесь на месте, и вычеркнуть эти страницы рука не поднимается. Если внимательнее присмотреться к подобным фактам, то понимаешь, что такую своеобразную механику, которая вклинивается в твои планы и часто тормозит развитие действия, нельзя полностью списать на недисциплинированность твоего воображения и подверженность его хаотическим импульсам, идущим откуда-то из глубин авторского сознания. У меня ощущение, что это далеко не так. Конечно, талантливый автор да и просто опытный ремесленник-литератор умеют справляться с этим неизвестно откуда берущимся напором, уводящим тебя с намеченного пути. Но всегда ли это идет на пользу всему сочинению? Наверное, бывает по-разному.

У меня по ходу дела появилось явственное ощущение того, что главная причина такой «непослушности» возникающего мало-помалу текста связана не столько с его автором, сколько с ним самим – с текстом как таковым. Я давно это смутно предчувствовал, а сейчас, можно сказать, уверен в этом. Создаваемый текст обладает внутренней собственной волей и, как ты его ни «взнуздывай», стараясь повернуть в нужную тебе сторону, он упрямо «гнет свою линию». У текста есть своя инерция и его нельзя просто взять и развернуть, куда тебе вздумается. Скорее всего, такая попытка только нарушит внутреннюю структуру твоего сочинения, оно потеряет свою органичность и целостность и превратится в конгломерат твоих выдумок, позволяющий придать ему какую угодно форму и приляпать к нему любой требующийся тебе кусок – хоть злодея Фу Манчу, порочность которого превосходит любые читательские ожидания, хоть парторга, своим мудрым советом спасающего председателя колхоза от недооценки своевременной заготовки грубых кормов. Редактор требует введения в текст руководящей роли партии – выводи на сцену парторга, если же он надеется поднять тиражи за счет любимой массовым читателем «клубнички» – смело добавляй пару глав из жизни *валютной проститутки* – этаким осовремененной Зои Монроз: ни парторг, ни проститутка, ни даже оба эти персонажа *в одном флаконе* повредить твоему роману не смогут. Ему ничто вообще не сможет повредить, но и спасти его уже ничто не сможет. Как упомянутая Зоя Монроз не помогла роману Алексея Толстого, однако нельзя и сказать, что она его испортила.

В начале своего первого романа я написал, что первая фраза в значительной мере предопределяет стиль, а отчасти и содержание всего произведения. И это, действительно, так. Это даже неизбежно. Сцепляясь друг с другом, сочетаясь в фразы и абзацы, любые слова, пришедшие тебе в голову, создают какой-то настрой, тон, рождают какие-то смутные ассоциации. Они тянут за собой другие слова, так или иначе связанные с ними по смыслу, по звучанию, по эмоциональной окраске, просто потому, что в речи они часто встречаются рядом. Но точно по тем же причинам уже появившиеся в тексте фразы «отталкивают» какие-то слова и обороты, мешают их появлению там, где они вполне могли бы стоять, если бы предыдущие кусочки текста были другими. В повествовании появляется некий ритм, та или иная динамика, особая интонация. Но то же самое происходит и на более высоком структурном уровне: каждое описание, диалог, темп изложения, чередование глав каким-то определенным образом меняют внутреннее строение текста, и тем самым прокладывают путь следующим его частям. Возникают, как выражаются музыковеды, определенные «темы» и «мотивы», которые развиваются, затихают, уступают место другим или, напротив, выдвигаются на центральное место, но которые не могут быть ни с того ни с сего оборваны или произвольно заменены другими. Эта неосознаваемая, но ощущаемая автором (и читателем) подспудная жизнь текста оказывает на повествование не меньшее влияние, чем рассказываемая история или характеры персонажей. Настоящий, талантливый писатель не только тонко чувствует эти подводные течения, но и умеет, пользуясь их изгибами и поворотами, находить такую равнодействующую этих разнообразных сил, которая позволяет его лодочке плыть в намеченном направлении – не теряя из виду ту цель, которую он себе осознанно ставит.

Не пытаюсь равнять себя с «настоящими писателями» (свое отличие от уважаемых мною представителей этого племени я достаточно отчетливо ощущаю), но, взявшись за сочинение опуса, претендующего на принадлежность к *художественной литературе* (а иначе, какой же

это *детектив?*), я должен стараться идти тем же путем, что и авторы, обладающие истинным литературным талантом. А это значит, что мне приходится – как только что было сказано – считаться с требованиями и пожеланиями возникающего текста (по моей, вроде бы, воле возникающего, но уже с самого начала имеющего собственный характер и свои наклонности). Я не могу «тащить» свое повествование, куда мне вздумается и с той скоростью, которая устраивает мое желание побыстрее, и ни на что не отвлекаясь, рассказать запланированную историю. Попытка такого рода почти наверняка перечеркнет любые мои старания написать *детективный роман* – что бы не получилось в результате, *романом* такой текст не назовешь, даже если удастся довести его до конца, и он не развалится окончательно, еще не дойдя и до середины задуманного сюжета. Чтобы стать более или менее приличным *романом*, повествование должно развиваться органично и естественно, в соответствии с уже сложившейся структурой. И чем дальше идет это развитие, тем больше инерция уже возникшей и упрочившейся манеры, тем настоятельнее требования текста, которым должно удовлетворять его продолжение.

Взяв в начале своего первого романа определенную ноту и задавши тем самым тональность, выдерживаемую на протяжении всего рассказа, я и здесь, вновь обратившись к сочинительству, не удосужился ее чем-то заменить (да мне и трудно было бы это сделать – колея была уже достаточно глубокой), а посему вынужден придерживаться той же манеры повествования. Я, конечно, побаиваюсь, что длинноты, постоянные уклонения в сторону и прочие издержки такого – теперь уже диктуемого текстом – стиля изложения детективного сюжета могут существенно превысить ту несомненную выгоду, которую дает рассказ, не входящий в противоречие с требованиями самого текста, но ничего изменить уже не в силах. Вероятно, одна из составляющих литературного дарования и состоит в умении так исподволь управлять движением рассказа, чтобы, отдаваясь на волю свободно разворачивающегося текста, избегать поджидающих на этом пути подводных камней. Увы, но это мне, похоже, не дано, и я, уже связанный по рукам и ногам – и своим же текстом, и необходимостью довести до конца заданные сюжетом линии, – могу надеяться только на то, что *Бог милостив и кривая вывезет* туда, куда бы мне хотелось. Семя, из которого растет этот текст, было в свое время мной посеяно, и качество будущего плода практически предопределено – я уже не могу оказать на него почти никакого влияния. И если – вопреки моим надеждам – *его капустою раздует, а лавром он не расцветет*⁶, то отыскать виновника такого печального исхода будет несложно. Я и сейчас знаю, и знал с самого начала, что риск подобного финала для меня весьма велик, так что остается только надеяться на удачу и молить Бога, чтобы *меня миновала чаша сия* – стать автором *плохого детективного романа*.

Ну вот. Выговорился – облегчил душу! И теперь, когда эти – трудно давшиеся мне – страницы с авторской исповедью уже написаны, я могу перевести дух и продолжить свой незатейливый рассказ. Рассказ о том, давным-давно прошедшем, вторнике тысяча девятьсот семьдесят какого-то года, когда Костя Коровин (боюсь, читатель уже подзабыл, кто это такой) пригласил случайно встреченного им Мишу вечерком к себе домой для приватной дружеской беседы.

Хотя дом, адрес которого был получен от Кости, находился в центре, в нескольких кварталах от Мишиного института, Миша несколько выждал и появился на пороге Костиной квартиры только минут в двадцать седьмого. Немного опоздал он вполне намеренно: *пусть не думает, что я так уж рвусь с ним пообщаться*, – решил наш герой, слегка озадаченный явным желанием своего почти забытого одноклассника встретиться и обстоятельно поговорить. Как-то это плохо вязалось с весьма прохладными отношениями, существовавшими между ними на протяжении всех школьных лет. С другой стороны, появляться у Кости еще позже было ему тоже не с руки, поскольку засиживаться допоздна он не собирался – часов в восемь желательно было бы уже распрощаться. Дело в том, что сам Миша жил довольно далеко от центральной части города, а количество автобусов и прочего транспорта после этого времени заметно уменьшалось. *А зачем полупустые машины гонять,*

⁶ Для тех, кто не вспомнит, откуда эти строчки, ссылочка: это из эпиграммы Баратынского «Глупцы не чужды вдохновенья...»

когда основной поток едущих с работы уже схлынул? – лозунг «Экономика должна быть экономной» появился, насколько я помню, позднее, но дух этой сентенции руководил действиями властей предрежащих по отношению к подвластным на протяжении всех доступных моему наблюдению десятилетий. Посему всякий, не успевший вовремя уехать, должен был считаться с неизбежным риском надолго застрять на остановке, ожидая идущего в нужную сторону автобуса. *Посижу часок, поболтаем, может, чего узнаю про эту историю с убийством, и быстро сметаюсь*, – такой был план действий будущего Шерлока Холмса, еще не подозревавшего о том, что ему предстоит выступить в этой роли.

Встретив Мишу и проводив его в комнату, хозяин усадил его на диван и ненадолго вышел на кухню – приготовить чай.

– Угостить мне тебя не чем, ты уж извини – я дома почти никогда и не ужинаю, некогда мне что-то готовить и не умею я этого – столовой обхожусь или могу к родителям наведаться. И водки я сегодня не припас. Думаю, лучше нам без нее сегодня обойтись – надо нам с тобой на трезвую голову кое-что обсудить. Могу чаю с сушками предложить – ты как на это смотришь? Чай хороший – индийский. Достал недавно несколько пачек.

Получив Мишино согласие на чай с сушками, Костя покинул гостя, и тот с любопытством оглядел квартиру, подошел к полкам с книгами, но ничего интересного для себя не обнаружил – книжек было немного, главным образом, разные юридические учебники, – выглянул в окно, выходящее в ничем не примечательный двор с видом на детскую песочницу и на кусты, растущие между двумя стандартными домами, после чего опять уселся на диван.

Ничего особо примечательного в Костиной квартире не было. Обычная однокомнатная «хрущевка» (опять же выражение, ставшее обыденным лишь несколько позже, когда разница между таким жильем и «полногабаритными» квартирами стала ощущаться как принципиальная) в рядовой панельной пятиэтажке. Правда, чистенькая, аккуратно отремонтированная, но без всякого шика. И в интерьере ничего задерживающего на себе взгляд – всё такое же, как и у большинства Мишиных знакомых. (Не стану распространяться обо всех этих бытовых подробностях, поскольку ни малейшего отношения к делу они не имеют; кто жил тогда, и без меня их легко представит, а прочие обойдутся и без них). Однако осматривал Миша этот невзрачный интерьер не без зависти – сам он жил с родителями и младшей сестрой, еще не кончившей школу, в подобной же – хотя и двухкомнатной – квартире, и никакой реальной возможности стать в обозримые годы хозяином отдельной жилплощади перед ним не рисовалось (в очереди на квартиру даже семейные люди стояли в НИИКИЭМСе и по десять, и по пятнадцать лет). Поэтому, когда Костя через пару минут появился с горкой насыпанных в тарелку мелких сушек и с чайником, а затем принес с кухни и прочие принадлежности чайной церемонии, первым Мишиным вопросом было:

– Так ты один здесь живешь?

– Ну да. Вот уже скоро год, как переехал сюда от родителей.

Надо сказать, что по тем временам наличие у молодого – двадцать с чем-то лет – парня собственной отдельной квартиры было явлением неординарным. И сейчас-то подобных счастливицков немного, а тогда их, пожалуй, можно было по пальцам пересчитать даже в таком большом городе, как наш. Строительство жилья уже шло довольно активно, появлялись новые микрорайоны, но все же типичной картиной было скорее проживание в «коммуналке» вместе с чужими людьми (а соседом твоим мог оказаться кто угодно, и надо было как-то с ним ладить) или в квартире, в которой жило два (а то и три) поколения одной семьи по несколько человек в каждой комнате. Поэтому Костя чувствовал необходимость объяснить, каким образом он попал в число таких немногочисленных «баловней судьбы», и рассказал, что квартиру он получил, можно сказать, в наследство. Его прописали здесь, на жилплощади оставшейся в одиночестве бабушки – матери Костиной мамы. Сама же бабушка вскоре переселилась в райцентр совсем недалеко от Краснодара, где ей купили домик и где давно жила со своей семьей другая бабушкина дочь. Операция обошлась Костиным родителям недешево, зато все остались довольны результатами, а Костя получил неожиданный щедрый подарок судьбы. Рассказал я об этих – неважных для сюжета – деталях, чтобы у читателей,

знакомых с реалиями той жизни, не осталось впечатления, что автор безудержно фантазирует, не считаясь ни с какими требованиями правдоподобия⁷.

Некоторое время, попивая чаек (действительно, выше всяческих похвал – Мише не часто выпадало с таким сталкиваться) и хрустя окаменевшими в Костином шкафчике сушками, вновь обретшие друг друга бывшие одноклассники обсуждали разные (прямо скажем, не особенно интересные для них, а для нас и вовсе не имеющие смысла) проблемы. Этаким светским разговор о том, о сем: делились сведениями об однокашниках, с которыми относительно недавно встречались, о своих родителях, выяснили в двух фразах семейное положение друг друга – оба были не женаты и не имели намерений такого рода на ближайшее будущее, – затронули какие-то еще темы. Костя подробно выспросил, где его собеседник работает, что за коллектив и каково Мишино положение в нем, задал несколько вопросов о НИИКИЭМСе вообще (что да как, какова обстановка, что за начальники и так далее), но мы можем все эти детали опустить, поскольку в большинстве своем они уже известны читателям. Однако то, что хозяин рассказал о себе – в ответ на Мишины расспросы и по собственной инициативе, – имеет непосредственное отношение к нашему сюжету и должно быть здесь изложено, хотя бы в общих чертах.

И сначала надо рассказать то, что Мише было известно еще со школьных времен. Отец Кости работал в милиции и уже в те годы занимал там какую-то достаточно высокую должность. Был ли он, действительно, генералом, Миша точно сказать не мог: не исключено, что он был всего лишь полковником, но никак не меньше, потому что на работу его возила закрепленная за ним служебная «Волга», и Миша сам пару раз видел, как она заезжала за Костей, чтобы его забрать из школы и куда-то там отвезти. Так что чин у Костиного папаши, надо полагать, был немалым, тем более, что за прошедшие с тех пор годы он вполне мог дослужиться до генерал-майора. Прояснить его реальный статус было непросто, так как Костя крайне неохотно высказывался о нем и особенно избегал говорить о его службе в милиции. Вероятно, ему не хотелось, чтобы окружающие считали, что все его успехи легко объясняются, главным образом, тем, что ему посчастливилось родиться в семье высокопоставленного милицейского функционера. Тогда, в начале семидесятых, подобные «рабочие династии» были еще далеко не в моде, и отношение к таким «папенькиным сынкам» было полупрезрительное. Даже каким отделом в областной милиции командовал Коровин-старший – а он явно чем-то командовал, – осталось скрыто густым туманом, Мише удалось только понять, что его работа связана с какими-то финансовыми проблемами. То ли он был экономистом по образованию и руководил финансами областного УВД, то ли, напротив, будучи юристом, специализировался на экономических преступлениях – во всяком случае, речь шла о каких-то сметах, балансах, ассигнованиях на капстроительство и прочих не интересующих Мишу (да и нас) материях. Но главное было ясно: Костиным прямым начальником он не был. Тем не менее, история Костиной милицейской карьеры – краткой, но достаточно успешной – свидетельствовала, что, по-видимому, без папиной мощной поддержки дело не обошлось, и своими заботами этот самый «генерал - не генерал» сына не оставлял.

Уже то, что Костя пошел по родительской протоптанной дорожке и поступил на юридический факультет, попав туда с первого же захода, наводило на определенные подозрения. В школе Костя никакими дарованиями, равно как и прилежанием, не отличался,

⁷ Надо, вероятно, заметить, что детектив (как жанр) традиционно тяготеет к сугубо «реалистическому» описанию той обстановки, в которой разворачивается его действие. То есть описываемая им «жизнь» и его действующие лица не должны расходиться с обыденными знаниями, которыми располагает рядовой читатель. Экзотика, нестандартные характеры и ситуации могут вноситься в литературный мир детектива лишь небольшими, строго дозированными порциями, так, чтобы читающий мог легко их заметить на фоне привычной ему картинки.

Кто-то (не могу сейчас вспомнить, кто именно) сказал по этому поводу, что будущие историки будут знакомиться с подробностями жизни в двадцатом веке не по знаменитым романам этой эпохи, а по скромным, мало примечательным, с литературной точки зрения, и, в сущности, банальным детективным романчикам. Именно в них с наибольшей точностью фиксируются конкретные приметы времени.

успехи его в учении были мизерными, и все годы он числился в рядах туповатых троечников – из класса в класс переходил регулярно, но и только. Принимая это во внимание, его успешное поступление в вуз, в котором он, кстати сказать, проучился без явных проблем и вовремя получил желаемый диплом, могло быть легко истолковано, как эффект пущенных в дело папиных связей и влияния. Но, конечно, это не более чем предположение: юридическое и экономическое образование в те годы не славилось большой популярностью, и медалисты с отличниками не становились в очередь в приемную комиссию юрфака. Так что в институт Костя мог попасть и без чьей-либо помощи. Однако если приглядеться к дальнейшей жизненной стезе попавшего в нашу историю генеральского сына, то смутные подозрения могут только усилиться. Правда, после института он по распределению был направлен в один из райотделов милиции в нашем же городе, что особой протекции, вроде бы, не предполагает. И всё же он, в отличие от многих других не был направлен ни в один из районных центров нашей области, и не поехал в какой-нибудь Тайшет или Березники. (Есть такой городишко на Северном Урале, который хоть и именуется в энциклопедии *крупным промышленным центром*, но, можно не сомневаться, представляет собой типичное отечественное захолустье, заселенное полууголовным элементом, сосланным туда «на химию», завербованными по оргнабору вчерашними колхозниками со всех концов Союза и вот такими направленными туда по распределению выпускниками разных вузов. Трудно представить себе кого-то, переехавшего туда по зову души. Оттуда и вырваться-то практически невозможно, особенно служивому человеку). Так что, если отцовская мощная рука здесь не при чем, то Косте просто повезло, и он вытащил в жизненной лотерее один из счастливых билетиков.

В своем райотделе Костя, по его словам, занимался оперативной работой. Не знаю толком, что это такое, но, судя по контексту, он кого-то ловил, выслеживал, оформлял задержания и выемки, арестовывал, опрашивал свидетелей... Много он об этом этапе своей карьеры не распространялся, и видно было, что приятных воспоминаний об этом времени у него не осталось. *Гоняли как савраса*. – так он сформулировал свои впечатления. – *Пожрать некогда было. А дела-то всё пустяковые*. Однако прослужил он на этом месте недолго, не прошло даже года, как судьба подкинула ему неожиданный подарок. При очередной реорганизации вышестоящие начальники решили, что необходимо усилить следственный отдел областного УВД, и обязали подчиненные им структуры направить в этот отдел определенное количество квалифицированных сотрудников. То, что местное руководство рекомендовало для этой цели именно Костю, нет, как мне кажется, ничего удивительного. Кого из своих подчиненных обычно выбирает начальник, если требуется отправить кого-то на сторону? Ясно, что чаще выбор падает на того, кто этому начальнику не особенно и нужен или даже чем-то ему мешает. Вот Костя таким и оказался: только что пришедший в отдел, неопытный, еще мало что понимающий в непростом сыском деле и, следовательно, еще не способный тянуть воз в полную силу, но, с формальной точки зрения, молодой, высококвалифицированный (с высшим образованием, чем не каждый может похвастать) и перспективный сотрудник – прекрасная кандидатура для перевода в вышестоящую организацию. Тут нет никакого резона разыскивать следы закулисного отцовского влияния, и без него всё произошло по обычному шаблону. Но если посмотреть на это дело сверху, с точки зрения руководителя областного следственного отдела, то оно выглядит совершенно противоположным образом. Ему-то зачем такой молодой, неопытный, еще ничем себя не проявивший подчиненный? Никакого усиления и укрепления от него ожидать не приходится – его еще учить да учить. И вот здесь-то папочка, наверное, и бросил свой авторитет и влияние на чашу весов, склонившуюся в сторону одобрения Костиного перевода в областное УВД. Без него Косте, вероятно, долго бы еще пришлось добиваться вознесения в такие заоблачные – по сравнению с райотделом – милицейские сферы. Разумеется, ничего подобного Костя не рассказывал и даже не намекал на такую подоплеку событий – с какой бы стати он стал этим делиться. Всё это – не более чем Мишины измышления и теоретические реконструкции того, как было на самом деле. Однако, я думаю, что в своих предположениях он был недалек от истины – выглядели они достаточно правдоподобно.

Когда все общие темы для светской беседы были исчерпаны (а минут через сорок с ними было покончено) и разговор мало-помалу стал завядать, Миша, не решаясь спросить в лоб про интересующее его убийство и не дождавшись, что разговор сам собой свернет на эту тему, поерзал на стуле и заявил:

– Знаешь, мне уже скоро идти надо будет, а ты что-то говорил... будто дело какое? Что за дело?

И вот тут-то, с этого самого момента, и началась фактически та история, почти половину которой, забегаая вперед, я уже изложил в предыдущих главах. Настоящее расследование этого дела, в котором Мише довелось принимать активное участие – а, по его мнению, так даже и сыграть в нем решающую роль (не будем осуждать нашего героя за горделивое самовозвеличивание: как бы то ни было, у него были основания чувствовать себя главным действующим лицом в раскрытии этого запутанного криминального казуса), – Мишино расследование, повторюсь, началось именно с этого вечера. До встречи с одноклассником Миша знал о перипетиях данного дела не больше своих коллег, с энтузиазмом пересказывающих друг другу то, что дошло до них из рассказов начальницы отдела кадров. Но мы-то о том, что происходило в предшествующие три недели, знаем гораздо больше. (Под кратким «мы» я подразумеваю и себя, и Мишу, и читателя, который, повинувшись желанию узнать, *что же дальше*, уже дошел в своем безудержном поглощении романа до этой главы). Однако большую часть того, о чем Миша рассказывал мне через десять с лишним лет после разыгравшихся событий, он узнал лишь после встречи с Костей и после этого разговора с ним во вторник вечером – на четвертый день после смерти Мизулина.

Ненадолго отвлекусь и поясню – к слову пришлось, – почему я назвал этот роман «Он приходит по пятницам». Ну, кто такой *он* и что значит *приходит*, не должно, как мне кажется, вызывать у читателя каких-либо вопросов. Но почему *по пятницам*? Ведь, строго говоря, *явление покойного Мизулина* каждый раз происходило в ночь с пятницы на субботу – *после двенадцати часов*. И, вероятно, точнее было бы говорить о его появлении по субботам. Наверное, так. Однако такой оборот, упоминаящий именно *пятницы*, я придумал не сам – я лишь пошел вслед за теми, кто непосредственно имел дело с описываемым случаем. С легкой руки вахтера Бильбасовой (она-то брала суточные дежурства *по пятницам*) все кто рассказывал об этом *исключительном явлении природы* (ну, не природы – не знаю чего!) – и Миша, и Костя, и те, кто опрашивал *потерпевшую* ранее, – описывали эти события, как происходившие в ту или иную *пятницу* (разумеется, в разговорах описывали, а не в официальных протоколах). Я не стал спорить с их способом выражения – думаю, что такая привязка события, происходящего ночью, к предыдущему дню, имеет под собой определенную основу и по-своему не менее правильна, чем официальное исчисление времени. Дело в том, что, несмотря на повсеместно принятое соглашение отсчитывать новый календарный день с двенадцати часов ночи, с ним успешно конкурирует в нашем сознании и другой – бытовой – способ членить непрерывно текущее время: в обыденном понимании новый день начинается с рассветом, а не в полночь. Мы встаем утром с постели, и с этого-то и начинается для нас новый день, а ночь, соответственно, отходит к уже прошедшему дню. Если придерживаться такой – привычной большинству из нас – логики, вполне резонно говорить о *его* появлении *по пятницам*. Q.E.D.⁸

Так вот. Возвращаясь к Мише, *открывшему*, фигурально выражаясь, *рот* после того, как он услышал, что именно предлагал ему пригласивший его в гости Костя Коровин – бывший неприметный троечник, а ныне сотрудник следственного отдела областного УВД.

– Ну, давай о деле, – слегка помявшись, согласился Костя. – Действительно, чего кругами ходить. Я, собственно, и позвал тебя не только, чтобы поболтать о том, о сём... Я хочу предложить тебе сотрудничество в деле, которое я сейчас веду... ну, ты знаешь, дело об убийстве в вашем институте.

⁸ Quod erat demonstrandum – что и требовалось доказать (*лат.*).

Воспользуюсь этим редко встречающимся в художественных текстах выражением, чтобы лишний раз продемонстрировать свою образованность и начитанность. Вдруг некоторые читатели их еще не заметили и не оценили.

И не дав сказать ни слова растерявшемуся от неожиданности и пытавшемуся что-то ответить Мише, продолжил:

– Погоди. Я тебе кое-что сначала расскажу. Есть кое-какие обстоятельства и сложности, о которых ты должен знать. Если мы договоримся, я тебе, конечно, много чего расскажу, но сейчас вкратце, в двух словах, надо объяснить, что и как.

После такой многообещающей преамбулы Костя изложил – надо сказать, изложил кратко, толково и ясно – свое понимание ситуации и причины, побудившие его предложить Мише столь нетривиальное сотрудничество. Тут надо подчеркнуть, что предложил он его не своему закадычному другу или давнему приятелю (не знаю, были ли у Кости такие друзья), а именно Мише, с которым его связывало хотя и семилетнее (с пятого класса), но, в сущности, весьма поверхностное – можно сказать, шапочное – знакомство. И в данном случае туповатый (вроде бы) Коровин не ошибся: Миша оказался надежным компаньоном и, вероятно, самым лучшим из возможных кандидатов на эту роль.

По словам Кости, дело, которое ему было поручено расследовать – мизулинское дело, – было вовсе не простым. Каверзное было дело, как оценивал его Костя, неизвестно что сулившее следователю. При этом оно было первым делом, которое Коровин должен был вести самостоятельно.

– Я, видишь ли, в отделе до сих пор числюсь в новичках, – объяснял он. – Да, по правде сказать, так оно и есть. У нас большинство – сыщики с большим стажем, с опытом, они зубы съели на всяких запутанных делах. Мне с ними равняться не приходится. Я всё время работаю с кем-нибудь из старших, в пристяжных хожу. Мне хоть и давали на самостоятельное ведение кое-какие эпизоды, но это не то – и в этих случаях я был под присмотром тех, кто руководил расследованием в целом. А здесь всё решать придется самому, и ответственность вся на мне. Но я ведь понимаю, почему именно это дело мне дали. Мутное это дело, противное. Дело не в убийстве. Конечно, особо тяжкое преступление и прочее... Но у нас эти убийства десятками за год проходят. Тут другое...

По Костиным соображениям выходило, что дело об убийстве электрика, с одной стороны, не сулило ничего хорошего: неправильное дело, не укладывающееся ни в какой известный шаблон: ни в учебниках про такие не написано, ни в практике с такими случаями никто не сталкивается. *Убийство в научном институте... глубокой ночью... непонятно как и зачем туда пробравшегося Мизулина (заметь, не известного милиции и уже не раз отсидевшего рецидивиста, а обычного работяги-пьяницы)... в пустом здании... Что? Почему? Какой во всем этом смысл? Ничего не ясно. Если отбросить всю эту чепуху с возвращением трупа, то непонятно, за что тут можно уцепиться, за какую ниточку можно потянуть, чтобы распутать клубок. Да и ниточек-то никаких не видно.* Исходя из такой диспозиции, Костя считал, что шансы на успешное раскрытие этого преступления невелики, а если взглянуть чуть более пессимистически, дело выглядит как стопроцентный «висяк» – то есть дело будет прекращено вследствие невозможности найти виновных и таким неоконченным уйдет в архив. Перспектива неприятная для любого следователя. С другой стороны, необычность этого дела опасна еще и тем, что оно с самого начала попало в поле зрения высокого милицейского руководства. Оно еще и открыто не было (да, собственно, и преступление-то еще не произошло), а о нем уже ходили разные – в основном, анекдотические – слухи. Теперь же оно воспринимается не просто как анекдот, а как *скверный анекдот*. (Здесь Миша заметил в своем рассказе, что, судя по выражению, Костя читал Достоевского; поверить в это было нелегко, но кто его знает). Начальство, конечно, об этом казусе не забудет и регулярно станет осведомляться, как продвигается расследование. А что на такие вопросы ответишь?

Сочетание этих обстоятельств приводит к лежащему на поверхности выводу: никто за мизулинское дело браться не захочет. Кому нужны такие – далеко не радужные – перспективы? Потому-то – Костя тут не сомневался – выбор и пал на него: *нашли крайнего*, так сказать. Руководитель отдела, по-видимому, рассудил, что в данном случае желательнее загодя *подстелить соломки*. Если, как можно ожидать, расследование забуксует, то в объяснение можно будет привести объективные трудности и неопытность молодого следователя. Не бог весть какое оправдание, но хоть что-то. При этом Костя не видел возможности как-то уклониться от неприятного задания: например, внезапно заболеть или еще как-нибудь (*или*

задействовать папино влияние, не без ехидства добавил про себя Миша). Если даже это и удалось бы, лучшим выходом из положения такое решение не назовешь. Ему – молодому и неопытному – поручили сложное и – в случае успеха – громкое, неординарное дело, а он вильнет в сторону. Вряд ли в ближайшем будущем ему выпадет еще один такой случай, придется так и ходить на вторых ролях. А здесь, если повезет, можно сходу добиться известности и определенного авторитета – избавиться от приклеенных к нему эпитетов: *молодой, неопытный*. В этом смысле одиозность дела и даже его мутность и бессмысленность могут пойти на пользу. Нет, Костя твердо был настроен из кожи вылезть, но довести дело до суда.

По ходу этого достаточно длительного Костиного монолога Миша пару раз пытался вставить какие-то замечания, но хозяин отвечал на них односложно, – видимо, не обращая на них ни малейшего внимания, – и продолжал разъяснять свою позицию. Покончив с общим взглядом на ситуацию, он перешел к непосредственному обоснованию своего намерения вовлечь в дело подвернувшегося ему Мишу.

– Я что подумал, когда мы с тобой встретились? – начал Костя с некоторым воодушевлением в голосе, особенно заметным на фоне предшествующей минорной интонации, с которой он описывал ситуацию с предстоящим ему расследованием. – Думаю, вот как раз тот человек, с которым стоило бы всё обсудить: и голова светлая, – тут говорящий, явно, хотел польстить собеседнику, даже как-то чересчур прямолинейно; однако, не совсем и безосновательно – у Миши в школе была репутация самого головастого в точных науках, – и в институте свой, значит должен быть в курсе всяческих событий и взаимоотношений, в которых мне и за месяц не разобраться. Прямо, думаю, на ловца и зверь бежит. Жаль, что невозможно это – а неплохо было бы поговорить, посоветоваться, обсудить со всех сторон. Ты пойми, такие сложные вопросы трудно обдумывать в одиночку. Мы чаще в группе работаем, там это само собой получается. А здесь мне, выходит, и поговорить не с кем. У нас, вообще-то, неплохие есть мужики – старшие товарищи, как говорится, – но тут, боюсь, не станут они вникать в мои трудности. Я тебе уже объяснял, никому не хочется ввязываться в гиблое дело, вот и постараются остаться в стороне... Есть, конечно, начальник, у которого можно проконсультироваться, спросить совета – я думаю, он не станет меня отшивать. Но, во-первых, начальник – слишком занятой человек, ему некогда с тобой рассусоливать, да к нему и не побежишь с каждой мелочью. А во-вторых, есть здесь и еще одно обстоятельство – немаловажный для меня, честно сказать, *аспект проблемы*: дело поручено мне, и не хочу я втягивать в это своего босса. Ясно же, что, если ничего хорошего не выйдет, вину он на себя не возьмет – ну разве что признается в неправильном выборе исполнителя: дескать, напрасно он на меня понадеялся. А вот, если всё же что-то удастся сделать, то тут уж, без сомнений, принимать поздравления будет он – ну как же: его советы и непосредственное руководство *молодым и неопытным* позволили раскрыть это беспрецедентное дело в кратчайший срок. Он про свой неопределимый вклад в дело не умолчит. Я тебе больше скажу, он сам будет верить, что дело раскрыто только благодаря его сыщицкому таланту и гигантскому профессиональному опыту. А мне зачем такой расклад? Нет, к начальнику я советоваться не пойду, разве что в случае самой крайней нужды. И даже, если он сам меня вызовет, а это так и будет – докладывать ему о ходе следствия придется, конечно, – то лишнего ему говорить и просить о советах я не стану. В итоге: ситуация такова, что обсуждать это дело мне не с кем.

Костя на несколько секунд прервался, и Миша успел только вставить:

– Так, что ты мне-то...

Но тут же прерванный Костей замолк и закрыл рот.

– Так вот. Я тебе и предлагаю: соглашайся на роль Ватсона. Если, конечно, тебе это интересно. Я тебя введу в курс дела и будем с тобой – только мы, с глазу на глаз – обсуждать все детали и возникающие по ходу вопросы, разбирать возможные версии и так далее. При этом тебе еще выпадает роль консультанта и эксперта по внутриинститутским вопросам и техническим проблемам, если таковые появятся. Сразу скажу: восхищаться моими аналитическими способностями совершенно необязательно. Я не Шерлок Холмс. И не для того я тебя хочу привлечь к делу. Скорее наоборот, от тебя потребуется повышенная критичность и

выявление ошибок в рассуждениях, выводах и оценках. Ну и, по возможности, твои собственные соображения по разным поводам.

Сейчас ты мне ничего не отвечай – ты должен спокойно всё обдумать. Дело, которое я тебе предлагаю, серьезное и нельзя его воспринимать как увлекательную игру в сыщиков-разбойников. Упаси тебя бог от такого отношения. Ввязавшись в расследование убийства, ты уже не сможешь выйти, когда тебе это надоест – так джентльмены не поступают, сам понимаешь. А ведь Холмс и Ватсон – джентльмены. Ты ж не станешь этого отрицать?

При этом неожиданном для слушающего вопросе Костя вдруг широко улыбнулся, вероятно, первый раз за всё время их разговора. Он, вообще, был как-то не склонен к шутливости и – в отличие от привычного для молодежных компаний тех лет юмористического уклона с шуточками, непрерывными остротами и дружным смехом по любому поводу – большей частью держался серьезного делового тона (не исключая, что это – черта, характерная для многих, имеющих юридическое образование), отчего нередко казался окружающим сухарем и занудой. Тем не менее, как мы видим, он вовсе не был лишен своеобразного чувства юмора.

Однако, не успел Миша рассмеяться в ответ на эту немудреную, но смешную своей неожиданностью шутку, как Костя опять посерьезнел и заговорил уже почти что угрожающим тоном:

– Я тебя должен кроме того предупредить, если ты сам еще не догадался, что дело это – то, что я тебе предлагаю, – связано с некоторым риском. Риском и для тебя тоже. Я имею в виду не опасность со стороны «разбойников» – она, если и существует, то риска здесь почти что и нет. Если не будешь болтать направо-налево, никто и не догадается, что ты можешь иметь какое-то отношение ко всей этой истории.

Опасность здесь в другом. Думаю, ты понимаешь, что я не имею права рассказывать тебе что-либо о ходе проводимого расследования. Такую откровенность вполне можно рассматривать, как выдачу тайны следствия постороннему лицу, не облеченному доверием следственных органов. А это уже должностное преступление. Если это выйдет на явь, мне грозят серьезные неприятности – боюсь, что меня просто выкинут со службы, вряд ли дело кончится только выговором. А если кому-то понадобится эту историю раскрутить, то можно и под суд попасть – всё зависит, как это дело подать и в каком свете выставить. Но это мой риск. И если я на него иду, то только потому, что сильно надеюсь на наше плодотворное сотрудничество. Кто не рискует, тот не пьет шампанского – так, вроде бы, говорят?

С тобой, разумеется, дело обстоит намного спокойнее. Ты никаких законов преступать не будешь и ничего тебе в этом случае инкриминировать невозможно. Но если меня начнут тягать, то, боюсь, и тебя как-нибудь притянут. По партийной, допустим, линии... Ты член партии? Нет? Ну, по комсомольской. Уж комсомолец-то ты точно? – Миша мотнул головой. – Ну вот. Вообще, найдут, как тебя прижать. Диссертацию притормозят или еще как... Ты и сам понимаешь – захотят, долго повод искать не будут.

Я уверен, что ничего этого не произойдет. Но принимать в расчет такую возможность надо. Главное, ясное дело, держать язык за зубами. Никому и никогда ни слова о наших разговорах и о том, что ты от меня узнаешь. Даже, сразу скажу, если у нас ничего не получится, и дело до суда не дойдет, то ты должен будешь молчать о нем до скончания века. Если найдем, кого ищем, то тогда с этим будет проще – на суде, я уверен, пол-института вашего будет присутствовать: несколько человек в качестве свидетелей по делу, а многие просто из любопытства. Ну, это рано еще обсуждать – мы еще и не договорились. Но поставить тебя в известность я должен, чтобы ты решал осознанно, учитывал все обстоятельства. И еще – но это уже последнее, о чем нужно сказать, – для надежности не стоит нам афишировать наше знакомство. Ты еще никому не успел об этом сказать? Вот и прекрасно, – продолжил он, получив утвердительный ответ, – надеюсь, никто не обратил на нас внимание, когда мы с тобой в вестибюле разговаривали – по-моему, и не проходил мимо никто. И дальше давай не будем в институте общаться, поздоровались и прошли друг мимо друга. По крайней мере, пока. Через несколько дней будет проще: я сейчас буду со многими вашими сотрудниками беседовать, познакомлюсь с кем удастся, чтобы иметь представление о тех, кто там у вас

работает. Тогда наши контакты – опять же, если мы договоримся, – не будут так бросаться в глаза.

Вот так. Всё, что я хотел тебе сказать, сказал. Сейчас ничего мне не говори. Я тебя, наверное, малость напугал (так я и собирался), но – очень на это надеюсь, – возможно, что и заинтересовал тебя своим предложением. Учти, что случай для тебя уникальный, – он опять улыбнулся, – больше предложений побывать в шкуре сыщика у тебя не будет. Подумай как следует, всё взвесь, только ни с кем не советуйся, сам решай. Мы договорились, что никто про эти наши разговоры никогда не узнает, – я договор выполняю, и от тебя того же жду. Игра должна быть честной и всё должно строиться на взаимном доверии. Идет?

Костя протянул руку ставшему тоже очень серьезным Мише, и они рукопожатием – весьма торжественным, как запомнилось одной из *высоких договаривающихся сторон*, – скрепили свой договор.

– Готово. Первая часть нашей договоренности – о безусловной тайне и честной игре – вступила в силу. А про главное наше соглашение... Давай, завтра приходи в это же время... нет, лучше в пять, чтобы тебе не торопиться. Сможешь? Ладно. Буду ждать. Пока что думай. Если ты завтра откажешься, я это спокойно, без упреков приму и никогда об этом больше не вспомню – останемся просто знакомыми, как раньше, и только. Если же скажешь «да», тогда всё и обсудим. А теперь... ты уж не посчитай меня невежливым, что я тебя выпроваживаю, но сейчас нам лучше попрощаться – чтобы не вести никаких лишних разговоров. Сначала ты должен решить: «да» или «нет».

– Какие обиды – всё понятно. Да мне и идти уже пора. До завтра тогда.

На этом будущие партнеры по сыску и расстались.

Миша поехал домой и всю дорогу перебирал в уме все детали состоявшегося разговора. Что он, в конце концов, решил, читателю уже и так ясно – будь по-другому, не было бы никакого романа. Костя остался дома, но о чем он думал и чем занимался, автору неизвестно.

На том можно было бы и закончить и так уже затянувшуюся главу, но я хочу добавить сюда еще несколько замечаний о распределении ролей в нашем романе. Из описанного, казалось бы, ясно, что Костя – Холмс (разумеется, лишь бледный аналог знаменитого героя Конан Дойля, вовсе на него не похожий, но здесь-то речь идет лишь о функции, выполняемой им в сюжете), а Миша – Ватсон. В определенном смысле так оно и было: Костя играл ведущую роль в описываемом расследовании, а Миша стал рассказчиком, благодаря которому читатель и знакомится со всеми имеющими отношение к делу событиями. Но в нашем романе расстановка сил далеко не так кристально ясна и определена, как в цикле рассказов о Великом сыщике, послужившем нам прототипом для выяснения того, кто из персонажей играет ту или иную роль в рассказываемой истории. Кроме того, у Конан Дойля имеется три ключевых – в этом смысле – персонажа: Холмс, Ватсон и Лестрейд. В нашем же романе таких героев, участвующих в поиске преступников, только двое – все же остальные, причастные к этому занятию (вроде лейтенанта Одинцова), – лишь эпизодические фигуры, не претендующие на большое значение. Соответственно, в романе распределение ролей оказалось смещенным. Чтобы не забегать вперед, скажу только, не прибегая ни к какой аргументации, что Костя в нашем сюжете функционально совмещает роли как Шерлока Холмса, так и Лестрейда (и не только потому, что их объединяет принадлежность к полиции или милиции), а Миша, будучи функциональным аналогом Ватсона, в определенных случаях берет на себя роль Великого сыщика, то есть Шерлока Холмса. Что это именно так, читатель, я надеюсь, убедится в дальнейшем.

Глава одиннадцатая

Следствие набирает обороты

Придя, как уже было сказано, к решению принять Костино предложение и ввязаться в эту захватывающую авантюру, Миша крайне смутно представлял себе, что из этого последует и в чем – конкретно – будет выражаться его участие в деле. *Ну ладно, Ватсон... Так Ватсон, можно сказать, ничего и не делал в то время, когда Холмс занимался своими расследованиями. Это он потом описывал происходившее на его глазах и разъясненное Великим сыщиком – описывал постфактум, иногда через многие годы после случившегося. А в чем выражалась его непосредственная помощь Холмсу? Ничего и не вспомнишь... Разве что пару раз, захватив свой армейский револьвер, он сопровождал друга на какую-нибудь опасную вылазку. Но было бы глупо предполагать, что Костя ожидает от него чего-то подобного.* Миша даже хихикнул себе под нос, представив, как Костя выдает ему вороненый шпалер (пушку, машинку, вольну – как еще говорят?) и осведомляется, умеет ли его соратник стрелять из пистолета.

В связи с этой мыслью Миша вспомнил свой единичный опыт стрельбы на лагерных военных сборах, которыми завершалось обучение на военной кафедре и после которых ему и его сокурсникам присвоили звание младшего лейтенанта запаса. Опыт был скорее обескураживающим. Держать в руках оружие *будущим офицерам Советской армии* довелось за эти сборы один только раз: во время итогового зачета по стрельбе – до этого к опасным предметам их не допускали (вероятно, неспроста, а на основании многолетнего печального опыта). В стрельбе из винтовки Миша выступил очень даже неплохо, выбив тремя выстрелами 28 очков (из 30 возможных) – можно было и гордиться результатом: такое мало кому удалось. Поэтому, взяв – впервые в жизни – в руки пистолет Макарова, он, бодро и не задумываясь, выпалил три раза подряд по мишени, находившейся совсем, казалось бы, рядом – в двадцати пяти метрах от его позиции. *Бах-бах-бах* – однако на мишени не появилось ни одной новой дырки. Рука при каждом выстреле дергалась, и, по-видимому, даже в здоровенный деревянный щит, на котором была наклеена бумажная мишень, попасть ему не удалось. *Обидно вспоминать. А теперь трудно сказать, каким должен быть честный ответ на вопрос: Умеешь ли ты стрелять? Стрелять-то, вроде бы, умею, но вот попасть в цель еще не научился.* Тут Миша отмахнулся от этих глупых – детских каких-то – лезущих в голову мыслей. Было совершенно ясно, что выдавать пистолет и подталкивать соратника к схватке с преступниками никак не могло входить в Костины планы.

«Стреляйте, Ватсон, стреляйте!» – всплыл в памяти занятный эпизод из далекого детства, из тех полузабытых лет, когда Миша только-только начинал знакомиться с приключениями Великого сыщика и его друга. Жил он тогда с родителями в общежитии: длинный из конца в конец большого многоэтажного здания коридор с рядами дверей справа и слева. *Общежитием* это жилье было только по названию. Только за двумя-тремя дверьми этого коридора жили одинокие молодые люди, получившие свое койко-место наряду с другими своими соседями по комнате. Во всех прочих отсеках обитали семейные пары, значительная часть которых уже успела обзавестись детьми, – вероятно, как раз наличие в семье детей было одним из важных обстоятельств при решении вопроса, давать ли такому-то комнату в этом общежитии. Каждый вечер описанный коридор просто кишел детьми. Высыпавшие из своих комнаток одновременно двадцать, а то и больше малолетних жильцов обоего пола и разного возраста – от самых старших, к которым относились и Миша со своим закадычным и неразлучным другом Сашкой Писаховым, до тех, которые только что начали ходить, – играли и развлекались как умели. Собирались в кучки и что-то запальчиво обсуждали, с воплями бегали друг за другом, пинались и плевались, баюкали кукол, секретничали, пересмеиваясь и подмигивая, гоняли по коридору на трехколесных велосипедах, уворачивались от то и дело распахивавшихся в коридор дверей, боролись, обнимались, дразнились... Естественно, вся эта возня сопровождалась непрерывными криками, топотом, шумом, гамом, смехом и плачем, визгом, победными кликами. Вдруг,

заметив высунувшуюся из-за ящика крысу (а крыс в здании было не меньше, чем людей), дети – все как один – спешно вооружались палками и дружно гнали испуганного зверя, перебегавшего от одного ящика к другому, причем охота эта сопровождалась такими истощными воплями, что часть заинтересовавшихся родителей высовывалась-таки из дверей, чтобы выяснить, что там их отпрыски затеяли. И так было из вечера в вечер, за редкими исключениями. Как выдерживали подобную пытку и не сходили с ума жившие в этом бедламе взрослые, сегодня уже плохо понятно. Миша, по крайней мере, сам недоумевал, почему их бесконечные вопли и мельтешение под ногами у взрослых сносились теми безропотно и не пресекались самым суровым образом. Сам он такого уже бы вынести не смог, но предыдущее поколение, недавно прошедшее через войну и прочие радости той эпохи, относилось к неизбежной детсадовской возне и галдежу с завидным смирением.

Так вот. Врезавшаяся в память картинка из той «общежитской» жизни. Мише было лет десять, и в тот день они с уже упомянутым Сашкой сидели на полу в Мишиной комнате и тихонечко играли: лепили пластилиновых солдатиков и их вооружение. Комната была довольно большая – метров двадцать, – так что от окна, около которого они устроились, до расположенной напротив двери в коридор было метра четыре. Они были одни, и тишину в комнате нарушало лишь их дружное сопение и редкие обращенные друг к другу замечания. Взрослые где-то отсутствовали, в коридоре тоже было пусто и тихо в это послеобеденное время, когда взрослые еще не пришли с работы, а дети либо играли на улице, либо находились в школе (если учились со второй смены) или в детском саду. Вдруг эту благостную тишину и спокойствие нарушил какой-то посторонний звук – приятели одновременно насторожились и замерли. Дело в том, что звук был хотя и негромким, но явно тревожным и даже угрожающим; что-то вроде еле слышного – но от этого не менее страшного – завывания какого-то зверя или сказочного чудовища. *Слышал? Что это?* Они посидели с минуту, затаив дыхание и прислушиваясь, но звук больше не повторялся. Тихо. Слышно как тикает будильник, но и только. Ребята вернулись к своим занятиям и уже стали забывать о пережитой тревоге, как – через несколько минут – жуткое завывание повторилось и даже стало чуть громче и отчетливее. Теперь они были уверены, что звук им не почудился и что идет он от ведущей в коридор двери. Там, в коридоре кто-то, несомненно, был, и этот *кто-то*, оставаясь неизвестным и даже загадочным, явно не располагал к более близкому знакомству с ним. Кем бы он ни был, его завывание вызывало бегущие по позвоночнику мурашки – жуткий голосок был у того, кто выл под их дверью.

Рассказывая мне эту давнюю историю, Миша сам удивлялся своей (и Сашкиной) отчаянной смелости в описываемой ситуации. Хотя ни за собой, ни за своим приятелем он выдающейся храбрости не замечал – бывало и трусили, излишне, может быть, осторожничали в чем-то; всякое бывало, – но их поведение в этом случае явно свидетельствует об их детской безрассудности и – как ни крути – о несомненной отваге. Обнаружив, что за дверью какая-то жуть, они не полезли под одну из многих, занимавших большую часть комнаты кроватей, зажмурившись и заткнув пальцами уши, чтобы не видеть и не слышать этого неизвестного чудовища, а, не раздумывая и не сговариваясь, направились прямо навстречу опасности. При втором завывании они вскочили на ноги, оборотились к двери – *там!* – и на цыпочках подкрались к выходу в коридор. Прислушались – тихо. Осторожно приоткрыли дверь и в образовавшуюся щель выглянули поочередно в коридор: в той его части, которая была видна из-за приоткрытой двери, никого не было. *Пусто?* – прошептал Сашка. Миша кивнул и вновь потянулся выглянуть, чуть пошире отворив дверь. И в этот момент зверюга опять завыл. На сей раз чуть погромче, а главное, где-то совсем рядом. Смелычаки дернулись – чисто инстинктивно, потому что бежать-то было некуда. Но тут Миша понял, откуда идет звук: *Радио!* Как раз над дверью, на стене висел репродуктор – черный картонный круг с металлическим ободком и небольшой коробочкой внизу с регулятором громкости⁹. Миша

⁹ Описываю эту давнюю деталь из быта тех лет по собственным воспоминаниям и боюсь, что могу ошибиться. Где именно и как был расположен этот регулятор громкости, я уже точно вспомнить не могу. Такие простейшие репродукторы уже и в годы Мишиного детства почти вышли из обихода, а теперь такой и в музеях не найти.

вывернул его на полную мощь, и кто-то во весь голос вскричал над ошеломленными приятелями: *Стреляйте, Ватсон, стреляйте!* – бах... бах... бабах... оглушительные выстрелы, и затем: *...Это был огромный мастиф...*

Сашка! – завопил Миша еще громче, чем озвучивавший Холмса актер, – *Это же «Собака Баскервилей»!* Как же мы...? Эх! – Но было, конечно, уже поздно: радио он включил уже в самом конце передачи. Им удалось прослушать только несколько минут из радиоспектакля – основную его часть они уже прозевали, не подозревая, что пока они возились со своими солдатыками, по радио – вот же оно, подошел бы и включил – передавали именно эту вожделенную для них историю про Шерлока Холмса. Громкость радио была приглушена практически до отказа, так что все звуки были не слышны, и только самые громкие завывания пресловутой собаки пробивались через репродуктор и достигали ребяческого слуха. Досада приятелей была неопишуемой – *ну надо же было такому случиться; что ж мы такие неудачливые!* И даже через много-много лет, рассказывая мне эту занятую историю, Миша все еще активно переживал ту детскую досаду и разочарование – *ведь счастье было так возможно!* – слышалось в тоне его рассказа. Дело в том, объяснял он мне, что незадолго до описанного случая – за год, наверное, до этого – в Мишины руки попала пухлая книжка Конан Дойля с «Рассказами о Шерлоке Холмсе» (отец принес на время, взяв у кого-то на работе). Книга эта произвела на Мишу неизгладимое впечатление, прочитал ее и Сашка (у них тогда всё было общее), вполне естественно, им хотелось продлить это редкостное удовольствие и прочитать другие рассказы о приключениях великого сыщика и его друга Ватсона. Однако, до появления «огоньковского» восьмитомника было еще очень далеко (да и возможность познакомиться с ним Миша получил только в уже совсем взрослые годы), а из доступных на тот момент рассказов про Холмса друзьям оставалась неизвестной лишь «Собака Баскервилей». Откуда-то Мише стало известно о ее существовании, но добыть ее было негде. В те годы вышло несколько однотипных изданий (под редакцией и с предисловием Чуковского), но в одном из них место «Собаки» заняла «Маракотова бездна» – тоже интересная повесть, но с приключениями Холмса и Ватсона отнюдь не сравнимая. Как назло, именно это издание и попало в руки нашим приятелям, а желанная «Собака» еще пару лет оставалась недосягаемой. Прошла она мимо друзей и в виде неслышанного радиоспектакля. Правда, когда, наконец, Миша дорвался до страстно желаемой повести (Сашка к тому времени переехал на другой конец города и с Мишей они больше не встречались – жизнь развела), он не испытал, как это нередко случается, ни малейшего разочарования – «Собака» оказалась достойной его мечтаний. Повесть эта, действительно, шедевр детективного жанра и несомненная вершина всего конан-дойлевского цикла рассказов о великом сыщике. Ее вполне можно назвать квинтэссенцией всего цикла – кто ее читал, может уверенно говорить, что с Шерлоком Холмсом он знаком. Здесь есть всё, что создало этому герою его всемирную славу.

Закончив этот довольно большой пассаж, который кому-то из читателей может показаться очередным лирико-биографическим отступлением от генеральной детективной линии, я должен сказать, что вовсе не собираюсь за него оправдываться. Уверяю всех заподозривших меня в еще одной уступке авторской склонности то и дело уходить в сторону, подчиняясь мимолетному капризу и увлекшись какой-либо, не относящейся к делу темой, в данном случае ни о каких отступлениях не может быть и речи. Весь этот кусок текста прямо работает на детективный сюжет, а именно, служит психологическим обоснованием Мишиного решения принять предложенное ему участие в расследовании загадочного преступления. Отказаться от этого он не мог, несмотря ни на какие сложности и невзирая даже на неприятности, возможно, грозящие ему в будущем. И действительно, как такой поклонник детективного жанра и тот, кто даже через четверть века после случившегося продолжал переживать детскую досаду на упущенную возможность познакомиться с «Собаккой Баскервилей», мог бы пройти мимо представившегося ему случая самому окунуться в атмосферу настоящего детектива? Это было бы психологически невероятно. То, что для другого было бы единственно разумным шагом и проявлением обыденного здравого смысла – и в самом деле, зачем добровольно связываться с какой-то криминальной историей, от участия в которой нельзя ожидать ни малейшей выгоды? – для Миши было бы безрассудной глупостью и трусливым бегством, перечеркивающими существенную часть его предыдущей жизни. Чтобы остаться

верным своему искреннему увлечению, он просто обязан был согласиться стать Костиным соратником. У него не было выбора – если он хотел остаться самим собой, он не мог предать кумиров своей детской любви.

Несмотря на то, что все Мишины мысли были заняты предстоящей вечерней встречей, текущая жизнь шла своим чередом и подкидывала новые темы для размышлений. Не прошло и двух часов с момента появления нашего героя на рабочем месте – а в этот раз он постарался оказаться на нем пораньше (надо было успеть разделаться с запланированным экспериментом до пяти часов), – как до него докатился новый сногшибательный слух: у Хачатряна инсульт и он лежит в больнице. Состояние его, как сообщила позвонившая утром в приемную супруга замдиректора, крайне тяжелое, в сознание он еще не приходил, и чем дело кончится, еще не ясно – врачи высказываются уклончиво, но советуют не терять надежды на благоприятный исход. Что они имеют в виду, опять же туманно: то ли тот простейший вариант, что пациент сможет выжить, то ли всё же речь идет о том, что ему удастся избежать участи беспомощного инвалида. Правда, было почти несомненно, что в любом случае сотрудникам НИИКИЭМСа в ближайшем будущем предстоит познакомиться с новым замдиректора. Такое простейшее предвидение, естественно, добавило смятения и усилило толки по поводу случившегося – особенно среди тех, прямо подчинявшихся Хачатряну ауповцев, которых это непосредственно затрагивало. Конечно, на фоне только что поставившего всех на уши и еще не сошедшего с повестки дня убийства электрика сообщение о внезапной болезни замдиректора не произвело того впечатления, которым сопровождалось бы подобное событие, случившись в более спокойной обстановке. Однако, рассматриваемая сама по себе эта новость была достаточно экстраординарной, чтобы надолго занять умы тех, кто не упускал случая детально обсудить, истолковать и разложить по полочкам любое явление, по какой-то причине попавшее в центр общественного внимания, а таких любителей поговорить и поумствовать в институте было с избытком. В обычных условиях к ним можно было бы причислить и самого Мишу – он, как и многие из его приятелей и знакомых, редко уклонялся от участия в подобных – иногда и бурно протекавших – дискуссиях. Хотя, зная за собой эту склонность, герой нашего романа неоднократно приходил к выводу, что болтать надо бы поменьше – удовлетворение от этих разговоров получаешь нечасто, а времени они съедают очень много, – но темперамент и привычка ввязываться во всякий спор брали свое.

На этот раз, однако, Миша в обсуждение не встречал – решил, что теперь ему надо помалкивать, чтобы ненароком не ляпнуть что-нибудь лишнее. Благо, срочная работа давала ему хороший повод держаться в стороне от обычной трепотни, оживлявшейся всякий раз, когда кто-то из знакомых заглядывал в их комнату. Но слушать, что обсуждали его коллеги, он, разумеется, слушал. В течение дня до их третьего этажа мало-помалу доходили подробности события, взволновавшего замкнутый ниикиэмсовский мирок. Как и следовало ожидать, главными источниками информации были работники со второго – административного – этажа, а уже оттуда слухи и комментарии растекались по всему институту. Стало известно, что Хачатрян почувствовал себя плохо еще днем во вторник, на работе. По-видимому, у него развился гипертонический криз и он, поставив в известность кого-то из своих подчиненных и секретаршу директора, уехал домой. Выглядел замдиректора при этом не лучшим образом – красное лицо, какой-то востроенный вид, сам на себя не похож – но от предложения вызвать «Скорую помощь» решительно отказался: дескать, и так отлежится. Чувствовал он себя, вероятно, совсем скверно, потому что не стал дожидаться, когда его «Волга» вернется из банка, и уехал на единственном имевшемся в наличии «уазике», что явно нарушало неписанные институтские обычаи. До дома он добрался самостоятельно, но там – это уже по рассказам жены – пришлось всё же вызвать «скорую». Давление – а оно, действительно, было очень высоким – ему сбили, посоветовали вызвать назавтра врача и несколько дней посидеть на больничном – от направления в больницу Василий Суренович решительно отказался. Казалось, на этот раз всё обошлось, и не исключено, что на следующий день пациент появился бы в своем кабинете, как всегда подтянутый, деловой и не дающий никаких поводов для сочувствия – никогда он не жаловался на здоровье (не его это был стиль), и до этого случая никто в институте даже не предполагал, что их строгий начальник уже много лет страдает далеко зашедшей гипертонической болезнью. Однако в этот – памятный для Миши – вторник

дело пошло по-другому: поздно вечером – уже почти в полночь – больному внезапно стало совсем худо, и в больницу он был доставлен в бессознательном состоянии.

Слушал все эти «сводки с места событий» Миша не без любопытства, но не слишком, надо сказать, это всё его задевало, да и мысли его – как мы знаем – были заняты совершенно другой проблемой. Скорее всего, я бы никогда и не узнал об этом печальном, но не связанном прямо с нашей историей инциденте – зачем бы Миша стал мне об этом рассказывать? – да и узнав об инсульте замдиректора, я, наверное, не стал бы вставлять в роман все эти не имеющие отношения к делу подробности институтской жизни. И был бы прав, сэкономив страничку-другую и так чрезмерно разрастающегося вопреки моим планам текста. ...Если бы не один аспект «истории болезни Хачатряна В.С., поступившего с диагнозом...» (жив ли он еще, и что с ним в дальнейшем стало – Миша и сам не знал).

Где-то ближе к вечеру – Миша уже заканчивал свои дела и собирался по-быстрому смотаться – очередные дошедшие снизу известия придали делу неожиданный оборот, так что внезапная болезнь зама по АХЧ стала связываться с произошедшим в институте убийством. Причем, что интересно, мысль о связи между этими совершенно разнородными событиями пришла в голову вовсе не Мише, а кому-то из стоявших на более ранней ступеньке распространения слуха. Во всяком случае, это предположение уже содержалось в рассказе знакомого из соседней лаборатории, зашедшего в их комнату, чтобы поделиться с приятелями интересными новостями. Мише это показалось настолько важным, что он, забыв про свое решение «молчать как рыба», принял некоторое участие в обсуждении свежего слуха и задал парочку уточняющих вопросов. Правда, никаких гипотез, объясняющих странную связь между болезнью Хачатряна и недавним убийством в институтском коридоре, Миша не предлагал, что было для него не совсем обычно – в других ситуациях он бы сходу выдвинул какое-нибудь оригинальное соображение и построил на нем целую теоретическую конструкцию. Но здесь он предпочел помалкивать и слушать, что выдумывают другие.

Суть эпизода, который так привлек Мишино внимание, стала известна со слов секретарши директора. Дама она была, как уже говорилось, с гонором и при других обстоятельствах вряд ли бы стала делиться увиденным и услышанным с другими сотрудниками института. И всё же в этом случае она не смогла промолчать – видимо, сама мысль о том, что она стала единственной обладательницей столь ценной информации о причинах, которые привели зама по АХЧ к печальному исходу, вынудила ее на время умерить свою гордыню и поделиться своими познаниями с рядовыми ниикиэмсовцами. Как бы то ни было, ее рассказ о небольшом, но знаменательном событии, предшествовавшем болезни замдиректора и – как предполагалось – вызвавшим у него скачок давления, вынырнул из бухгалтерии и распространился по всему институту.

Как рассказывалось, пресловутый замдиректора уже с утра был настроен о чем-то переговорить с академиком и, как только тот появился в институте (это было около одиннадцати часов), немедленно зашел к нему в кабинет. О чем шел разговор, секретарша слышать через двойную дверь, отделявшую кабинет от приемной, не могла и только задним числом предположила, что речь шла о какой-то конфликтной ситуации и что разговор шел на повышенных тонах. Ни о каких предположениях речь бы и не зашла, если бы в одиннадцать часов ниикиэмсовская *Серна Михайловна*¹⁰, слегка приоткрыв дверь, не заглянула в кабинет, чтобы напомнить своему шефу, что пришел проректор мединститута, заранее договаривавшийся с академиком о встрече на этот час. За несколько секунд, на которые дверь оставалась открытой, ей удалось услышать только одну фразу: *я из-за ваших друзей в*

¹⁰ Если кто не помнит, так звали секретаршу директора «Геркулеса» из романа Ильфа и Петрова. Такой псевдоним Миша дал не названной им по имени секретарше из ниикиэмсовской приемной, однако, чтобы не вводить читателей в заблуждение, специально скажу, что рассказчик ни единым словом не намекал на то, что между их академиком и его секретаршей существовали те же отношения, что и между героями «Золотого теленка».

В этом своем сочинении я, как мне кажется, еще ни разу не цитировал книжек, оставивших столь глубокий след в душах нашего поколения. Пусть же здесь останется хотя бы мимолетное упоминание об эпизодической, но выпукло представленной и запоминающейся фигуре из знаменитого романа.

тюрьму садиться не собираюсь. Произнесший ее Хачатрян стоял к двери спиной, и лица его секретарша не видела, но по тону и по положению собеседников – оба стояли на ногах – опытная и тонко разбирающаяся в оттенках взаимоотношений начальников с подчиненными свидетельница этого разговора сделала безошибочный вывод: *спорят о чем-то.* В ответ на сообщение о пришедшем посетителе директор попросил ее извиниться за задержку:

– Пусть подождет минутку. Мы сейчас закончим.

Собственно говоря, на этом весь инцидент и закончился. Ничего из ряда вон выходящего за этим не последовало. Правда, пришлый проректор был, наверное, недоволен столь неучтивым приемом со стороны почти равного ему по рангу начальника, и за те пять или семь минут, прошедшие до того, как Хачатрян покинул директорский кабинет, он дважды демонстративно взглядывал на часы. Но это и всё. По лицу вышедшего нельзя было предположить, что он только что выдержал серьезный разговор с вышестоящим начальником, – никакой особой взволнованности, раздражения или гнева: ничего указывающего на произошедшую баталию (если таковая, действительно, имела место). Да и не следовало этого ожидать от замдиректора, не склонного обнаруживать свои чувства и всегда умеющего держать себя в руках. Скорее, последствия произошедшего разговора можно было бы усмотреть в несколько необычном поведении академика – похоже, у него появились некие срочные дела. Наскоро разделавшись с мединститутским коллегой и даже не велел приготовить и подать кофе, чего следовало ожидать в соответствии с принятым в институте этикетом, – слава богу, хотя бы проводил посетителя до дверей и преувеличенно сердечно с ним распрощался, – глава НИИКИЭМСа распорядился соединить его с одним из отделов министерства, после чего дал задание секретарше заказать ему на вечер билеты в Москву и созвониться с ведомственной гостиницей. Заявил пытавшемуся побеседовать с ним завлабу, что ему некогда, и отложил обсуждение всех проблем на неопределенное «потом». Вызвал завкадрами и велел подготовить приказ о своей командировке в министерство на десять дней, оставив «на хозяйстве» зама по АХЧ, и сразу подписал еще чистый подготовленный для этого бланк. Секретарше дал указание переадресовывать всех желающих с ним свидеться Хачатряну и заму по науке, с которым он недолго о чем-то переговорил, после чего вызвал машину и распрощался, так что не прошло и полутора часов с момента, когда секретарша не вовремя заглянула в кабинет шефа и услышала нечто не предназначавшееся для ее ушей, как глава НИИКИЭМСа надолго отбыл из вверенного ему учреждения (покинув одновременно и страницы нашего романа – насколько я могу сейчас сообразить, больше ему здесь появляться незачем).

Строго говоря, ничего особенного и привлекающего всеобщее внимание не произошло. Ну, решил академик отправиться в Москву, хотя до того никто не слышал о его будущем отъезде, – мало ли какие могли у него появиться соображения и какие вопросы он собирался решать в столичных «коридорах власти». На то он и директор, чтобы не отдавать никому отчета в своих планах и изменять их в любой момент по своему усмотрению. И если бы не последовавший за этим инсульт у зама по АХЧ, вряд ли кто-то придал бы значение его спору с академиком (предполагая, что спор, действительно, был) и даже случайно подслушанной фразе. Надо полагать, что подобные споры происходили и до того, но никакого обсуждения не вызывали – даже на втором этаже, в непосредственной близости к начальственным кабинетам, что же говорить о Мише и его коллегах, обитающих в удаленной от центров власти 317-ой комнате. Им-то что до этого? Не заболел Хачатрян, и никто бы не узнал обо всех этих мелких подробностях, и уж точно, никому бы не пришло в голову связать такую ерунду с загадочным, потрясшим публику убийством в институте. Однако последовавший за разговором в директорском кабинете гипертонический криз у одного из участников, приведший его на грань жизни и смерти, как бы удостоверил серьезность конфликта между академиком и его замом, а прозвучавшее слово *тюрьма* направило на мысль о том, что за таким конфликтом и стычкой институтских руководителей кроется какая-то *криминальная* история. Такая цепочка умозаключений: *разговор – спор – болезнь замдиректора – слово «тюрьма» – криминал – связь с убийством*, была чрезвычайно шаткой и искусственной. Нетрудно было подвергнуть ее сомнению и свести к нулю – что и было тут же проделано институтскими умниками, – но в ней была и притягательная простота: каждой мелочи нашлось

в ней правдоподобное место, а отсюда и тот интерес, который вызвал этот слух. На Мишу, во всяком случае, он произвел заметное впечатление. *Может, и чепуха все эти глубокомысленные рассуждения и притягивания за уши, но что-то в этом есть*, – решил он уже на пути к дому своего будущего коллеги по сыску, берущего на себя роль Шерлока Холмса. – *Надо будет рассказать Косте, может, он чего знает. И как следует обдумать это. Вдруг Хачатрян не случайно появился в институт в субботу – мало ли как могло быть?*

Когда Миша оказался в Костиной квартире, то первое, что он сказал:

– Да. Я согласен.

Еще стоя в малюсенькой узкой прихожей, новоиспеченные компаньоны, широко улыбаясь и крепко сжимая друг другу руки, окончательно закрепили свой договор – *ударили*, так сказать, *по рукам*. Их совместное *следствие по делу о ходячем трупе* началось и стало раскручиваться со всё нарастающей скоростью.

В этот раз Миша задержался допоздна и ушел только в одиннадцатом часу. И всё это время новоявленные советские *Холмс и Ватсон* сидели за столом и обсуждали то, что было им известно к тому времени. Отвлекаться на какие-то не относящиеся к делу темы им было не только некогда, но и вовсе не приходило в голову. Правда, Костя – надо отдать ему должное как хозяину – основательно приготовился к приходу гостя и смог накормить его незатейливым, но вполне сносным ужином, а уж замечательного индийского чая они выпили за вечер почти два полных чайника (большинство, наверное, еще помнит те стандартные эмалированные советские чайники, которые вмещали, пожалуй, литра три воды и которым в ту пору почти и не было альтернативы). Но чай чаем, а их разговоры по делу практически не прерывались на протяжении всех этих пяти часов, так что домой Миша отправился основательно вымотанный.

Как и собирался, он достаточно подробно изложил своему *Холмсу* самые свежие институтские слухи об инсульте, поразившем замдиректора, и о предшествовавшем ему споре в кабинете академика. Костя слышал об этом впервые, поскольку в этот день даже не заезжал в их институт – почти весь день он провел в местном отделении «Рослифттехмонтажа», где последнее время работал погибший Мизулин, беседовал с разными людьми и пытался нащупать какие-нибудь ниточки, связывавшие покойного с кем-то, еще неизвестным следствию, но, возможно, обладавшим важной информацией.

Сразу скажу, чтобы к этому не возвращаться, ничего существенного ему выяснить не удалось. Единственное, что дружно отмечали все, работавшие вместе с Мизулиным, это его разительная перемена за последний месяц: *просто другим человеком стал; он и не распространялся особо, но видно же, что не пьет он... совсем не пьет, завязал*. Конечно, факт этот был уже известен из рассказа мизулинской соседки, но важно, что он подтверждался и другими независимыми свидетельствами. Однако пояснить такую перемену в человеке, у которого выпивка была главным интересом в жизни в течение многих лет, никто не мог или не хотел делиться своими знаниями с милицией.

Так вот, Костя с интересом выслушал Мишино *донесение с поля боя*, но был не склонен придавать ему особого значения, а связь между болезнью Хачатряна и убийством в институте и вовсе отверг, как надуманную и ничем не подтверждаемую.

– Вот вы все прицепились к словам *в тюрьму садиться*, – постарался он разъяснить свою позицию Мише, – а что они фактически значат? Да ничего, скорее всего. Так, оборот речи. Все же руководители понимают, что посадить можно любого из них – и на вполне законном основании. Вот возьми и назначь сейчас серьезную ревизию – не только по бумажкам, а по существу – хоть вашего института, хоть этого «Рослифттехмонтажа», да хоть любой конторы – и дай задание накопать столько, чтобы кого-то можно было отдать под суд, и я тебе гарантирую, накопают выше крыши. И в вашем институте, и где угодно. Тут тебе и фиктивные шоферские путевые листы, и закрытые наряды на ремонт того и сего, премии за внедрение новой техники, списание бензина, оборудования, материалов, спирта. Вы ведь пьете казенный спирт? Ну вот, два ведра в месяц, говоришь, списываете на лабораторию. Процентом двадцать идет на выпивку и растаскивание по домам, еще треть – как минимум – на оплату услуг: остановленному на улице шоферу за то, чтобы привез вам какой-нибудь груз, сантехнику, стеклодуву, инженеру со стороны, который чинит ваши приборы, и так далее и тому подобное.

Каждый случай вроде бы пустяковый – что такое двести граммов спирта? – но если посчитать за год, то завлаба вашего можно уже закатать за хищение собственности в крупных размерах, а вы все пойдете с ним поделщиками¹¹. Может завлаб, испугавшись ответственности, прекратить такие «хищения»? Никак не может – иначе вся работа застопорится. А на уровне директора размеры таких хищений и махинаций на порядок больше. И все это понимают. Вот так-то. Без постоянного нарушения законов, правил, инструкций нельзя ни работать, ни руководить работающими. Не хочешь ничего преступать, не берись за руководство, а если руководишь, не забывай, что тебя можно в любой момент посадить на скамью подсудимых, была бы на это политическая воля. Я тебе больше скажу: у нас в милиции точно та же картина – еще и хлеще, чем в вашем задрипаном институте. Прости уж, что я так выразился: у вас все-таки тихое болотце, а у нас всё гораздо острее и рисковее. А потому, обсуждая почти любой сложный производственный вопрос, можно сказать, что я, дескать, не желаю в тюрьму садиться – использовать такой довод как аргумент в споре. А вы говорите: криминал. Ну да, в определенном смысле, криминал, но к убийству-то как это пришьешь?

Слушая Костину уничтожающую критику, Миша не мог с ней не согласиться: *да, всё так, нельзя же каждое оброненное в споре и вырванное из контекста слово считать уликой – мало ли что оно могло значить*. Более того, когда он рассказывал о недавних происшествиях в НИИКИЭМСе и невольно пытался подвести хоть какую-нибудь базу под заинтриговавшую его цепочку выводов, гипотетически связывавшую спор в кабинете с убийством Мизулина, он сам уже чувствовал исключительную хлипкость такой конструкции и ее очевидную неубедительность. *В самом деле, дружки академика, занимающиеся преступной деятельностью и зачем-то убивающие несчастного электрика (он-то как в эту компанию затесался?), и тут же замдиректора, не желающий вступать в эту историю, но вынужденный их покрывать под давлением своего начальника – просто чушь какая-то. Ни в какие ворота не лезет!*

Однако обсуждение принесенного Мишей в клюве слуха и связанных с ним предположений заняло у наших сыщиков лишь очень небольшую часть того первого вечера, в который началось их тайное – и параллельное с официальным – следствие. Большую же часть времени занял Костин подробный рассказ о всех материалах, составляющих порученное ему уголовное дело. При этом он не ограничивался лишь подшитыми к делу бумажками (рапортами, протоколами, ответами на запросы и так далее), а пересказывал и то, что ему успели сообщить все, до того принимавшие какое-то участие в распутывании этой истории, начиная от лейтенанта Одинцова и прочих уже известных читателю персонажей. Знакомя своего соратника с уже известными милиции фактами, Костя одновременно пытался и упорядочить имеющиеся сведения, как-то логически связать их и ранжировать как по степени достоверности, так и по потенциальной ценности для будущего расследования. Ясно, что такой подход к изложению материала невольно требовал внесения в чисто фактическую канву определенных допущений и гипотез – без них вся информация превратилась бы в грудку

¹¹ Это, по-видимому, было одним из отработанных приемов «подвести под монастырь» человека, чем-то мешавшего другим видным и влиятельным особам. Большинство таких случаев, естественно, не выходило на поверхность: упряма ставили перед выбором «или/или», и тому, чтобы не сесть на скамью подсудимых, приходилось делать то, что от него требовали. Но так бывало не всегда. Я помню попавшую в газеты историю с «голубой кровью» (это было в 80-е годы, и некоторые читатели, вероятно, о ней слышали). Изобретатель нового кровезаменяющего препарата перешел дорогу высокопоставленным лицам – нам сейчас совершенно неважно, кто там был прав в этих «научных» спорах: главное, был конфликт интересов. В качестве простейшего способа обуздать зарвавшегося изобретателя было использовано обвинение его в хищении казенного спирта. Взяв за основу цену водки в магазинах, ему легко насчитали растрату, превышающую десять тысяч рублей. А это уже «хищение социалистической собственности в особо крупных размерах» – статья, грозящая высшей мерой наказания. Устрашенный маячащей перед ним позорной участью нарушитель чьих-то сановных интересов покончил с собой. Работу лаборатории прикрыли, а была ли эта «голубая кровь» таким уж чудодейственным средством, решать будут, наверное, наши потомки в следующем веке. Да и в этом ли была суть дела?

разрозненных, ни о чем конкретном не свидетельствующих фактов. Миша, по мере сил, тоже высказывал кое-какие соображения, но на этот раз больше, конечно, слушал, чем участвовал в обсуждении.

Я не собираюсь сейчас детально передавать Костину интерпретацию описанных событий. Основное читателю уже известно – конечно, уже в Мишиной интерпретации, – а конкретные предположения и догадки, которые были высказаны Костей в том разговоре и имели определенное значение для понимания хода мыслей наших сыщиков, у нас еще есть возможность изложить в последующих главах. Здесь же мне остается только сказать, что на пути домой изрядно утомленный Миша – голова у него просто вспухла от обилия свалившейся на него информации, – перебирая детали услышанного, все больше утверждался в мысли о том, что при тщательном рассмотрении вся эта история представляется еще более загадочной, нежели тогда, когда он услышал ее в первый раз от своих коллег по институту. Даже *бабыми бреднями* ее не объяснишь.

Глава двенадцатая

Первые радости и очередные утраты

На следующий день после этого запоминающегося вечера, так резко изменившего всё направление Мишиных мыслей и его планов на ближайшее будущее, наш герой решил несколько расслабиться и выспаться наконец-то, а на работу пойти попозже – часам к двум, а то и к трём. Как уже говорилось, при обычном для него и его коллег-мэнэсов графике работы, он мог бы и вовсе пропустить денёк. Никто бы на это и внимания не обратил. Экспериментов на этот день он не планировал – да и какие теперь эксперименты? Не до них. Подождут. С подопытными кроликами или морскими свинками они, слава богу, дела не имели, а реактивы как лежали в банках, так и будут лежать хоть месяц, дожидаясь своей очереди. Да и вообще, работа, как известно, не волк...

Но всё же в институт надо было пойти. Во-первых, желательно кое-что сделать – собственно говоря, надо было обсчитать и записать в рабочий журнал результаты, полученные во вчерашнем опыте, пока все его моменты были свежи в памяти и не надо ломать голову, какая цифра, наспех записанная на листочке бумаги, что значит. А во-вторых... Конечно, главная причина, заставившая Мишу тащиться на работу, была вовсе не в этом, а в договоренности встретиться там с Костей. В ходе их вечернего обсуждения тот выразил желание более детально разобраться с лестницей черного хода (причем новоиспеченный *Ватсон* должен был ему в этом ассистировать) и предложил, не откладывая эту задачу на потом, встретиться на следующий день в полседьмого – когда большинство сотрудников уже ушло с работы. Миша, правда, довольно скептически отнесся к этой идее, что тут же открыто и высказал (его *Холмс* сам ведь требовал критического отношения к своим выводам и гипотезам): *в чем там разбираться-то? Уже на три раза там всё осмотрено. Ваши же сотрудники разбирались.* Но Костя стоял на своём, хотя и не мог толком объяснить, что он собирается там увидеть. *Не нравится мне это,* – только и смог он заявить в ответ на Мишины сомнения. – *Всё, вроде бы, закрыто-запечатано, мышь не проберется, а бандиты туда-сюда шастают без всяких препятствий. Хочу своими глазами посмотреть, пощупать, обнюхать – как это так может быть?*

– А почему ты именно к этой лестнице цепляешься? – продолжал упираться Миша.

– Ну, а где еще они могли пролазить? На окнах решетки. Я не верю, что они через второй этаж лазили – теоретически это, может быть, и осуществимо, но на деле надо совсем дураком быть, чтобы такой путь выбрать. А здесь не дураки действовали.

– Пусть... А через главный вход?

– Э, нет! Через парадный подъезд им ходу нет. Здесь без ведома вахтера им ничего не светит. Она непременно должна быть с ними в сговоре.

– Так... Ладно, об ее участии в шайке говорить нет смысла. Тут я согласен, иначе к чему эти вызовы милиции и вся эта канитель, но... – Миша был не из тех, кто в споре быстро сдается, сраженный каким-то неопровержимым фактом. – Почему не предположить, что ваш лейтенант был прав и что бандюги запугали вахтершу и вынесли труп через главный вход? А после этого ей уже и деваться было некуда – что скажут, то и сделает.

Тут Миша сгордил явную чушь, и Костя этим моментально воспользовался. Похоже, что как спорщик он мало чем уступал своему партнеру в сообразительности и изворотливости. *И почему мы его тупицей в школе считали,* – сам же недоумевал потом мой рассказчик. – *Шустрый такой парень оказался. Вполне мог бы и в нашей компании прижиться.*

Думаю – это я уже сейчас думаю, – что главное Костино отличие от Миши и его приятелей – начитанных болтунов и остряков – было в развитой прагматичности будущего юриста и сотрудника следственного отдела. Есть такие ребята, которые уже со школы понимают, что умение быстро решать геометрические задачи и, вообще, принадлежность к числу *лучших учеников в классе* никакой особой пользы человеку принести не могут. А посему, *стоит ли копыта драть?* Исходя из этой – здоровой, в общем и целом, – мысли (иногда я даже жалею, что она не пришла мне в голову гораздо раньше, – хотя главное тут, наверное, в складе

характера), юные прагматики и не пытаются конкурировать с лучшими учениками (особенно, если не питают какого-то пристрастия к одному из изучаемых предметов) и учатся спустя рукава: лишь бы не нарваться на опасность остаться на второй год. А при взгляде со стороны (то есть в глазах своих одноклассников и учителей), они – независимо от их реальных способностей и уровня интеллекта – практически не отличаются от тех истинных тупиц, которые и при всем старании не могут толком усвоить курс школьных наук. Как учился Костя в институте, мы не знаем, но можем предположить, что и там он следовал уже испытанной линии поведения: лавров не стяжал, но экзамены исправно сдавал, да кое-что, наверное, и воспринял из изучаемых учебных дисциплин. А обнаруживать свои – не такие уж и малые, как выясняется, – способности он считал необходимым лишь тогда, когда в его руках оказалось *настоящее дело*, чьи результаты могли серьезно повлиять на его дальнейшую судьбу.

Однако вернемся к той дискуссии, которую вели наши герои.

– Какой еще труп они вынесли? – мигом среагировал Костя. – Это Одинцов мог такое предполагать – будем даже считать, что не без оснований. Но мы-то знаем, что никакого трупа не было. Или ты иначе считаешь?

– Ну да, ну да, – смешался Миша, – тут я глупость сказал...

Он немного помедлил, сконфуженный своей оплошностью, но, тем не менее, не сдался окончательно, а попытался зайти с другого конца:

– Кстати говоря, тебе не кажется, что главное во всей этой истории – как раз этот самый труп: то он возникает, то исчезает... Пусть всё остальное тоже непонятно – кто? как? с какой целью? – но всё прочее, по крайней мере, не противоречит законам физики, а это ведь ни в какие ворота. Не правильнее ли было бы с этого несуразного факта и начинать? Если бы мы в нем разобрались, то вполне вероятно, и всё остальное стало бы намного понятнее. Как, Холмс, считаешь? Надо ведь искать противоречие, за которое можно зацепиться, – такую вот несуразность – а через него и вся картинка должна проясниться.

– Да. Это ты верно говоришь.

Костя ненадолго приостановился – видимо, стараясь поточнее сформулировать то, что собирался сказать, – и продолжил уже начатую мысль:

– Тут я с тобой полностью согласен. Главная изюминка – этот самый «ходячий труп». Именно он ставит всех в тупик, и благодаря ему это – рядовое, в общем-то, – убийство вызвало столько разговоров и обратило на себя внимание высокого начальства. Так-то чего в нем примечательного? Ну, зарезали какого-то алкаша-электрика – то-то делов? Обстоятельства таковы, что сходу ясно, не по пьянке пырнули, и, по всей видимости, за этим какая-то более или менее серьезная криминальная история. Скорее всего, какие-то *деловые* в это замешаны. *Замочили*, так сказать, подельника за какие-то грехи. Но и только. Непонятно, кто убил, за что и как он это проделал. Ну, так это и в большинстве подобных дел неизвестно. С этой стороны, всё как всегда.

Миша внимательно слушал рассуждения своего *Холмса*, и как-то уже потерял желание дальше спорить, а Костя продолжал излагать свои соображения:

– Вся загвоздка в этом трупе и его мистических перемещениях. Если бы не он, не над чем было бы голову излишне ломать, хотя и без него здесь достаточно невыясненных обстоятельств. Но, подчеркну, обыденных обстоятельств: таких, с которыми может столкнуться любое следствие. Не такой бестолковщины, как мы имеем с чертовым трупом. ...Я вовсе не хотел обидеть покойного, – поправился он, заметив, что его собеседник слегка поморщился, – просто неудачно выразился. Какой бы он ни был при жизни, пусть с ним уже там, на небесах, разбираются. *Aut bene...* Забыл, как там дальше...

(*Aut nihil*, – закончил про себя Миша, подумав в очередной раз, – *смотри-ка, юридическое образование... по-латыни шпарит*).

– Так вот. Я тоже считаю, что центральный пункт в этом деле – по крайней мере, в том, что нам про него известно, – это многократные появления «трупа» (что там на самом деле появлялось, мы можем только гадать, но выглядело *это* как труп, который, в конечном итоге, и был обнаружен). Можно сказать, что эти появления/исчезновения и есть самая *загадочная* деталь во всём деле. И ты, по-моему, совершенно прав в том, что, если бы нам удалось эту загадку разгадать и понять, кто, каким образом и, главное, зачем придумал и осуществил всю

эту чертовщину, мы бы сделали большой шаг вперед – может быть, и решающий шаг в раскрытии дела.

Всё это так. Я и сам, конечно, уже об этом думал. Но все такие рассуждения – бесспорные, по-моему, – взгляд лишь с одной стороны. А с другой... Вот смотри, как я рассуждаю, – и попробуй придраться. Не надо придирки в вату оборачивать, формулируй прямо в лоб. Не миндальничай, не бойся меня обидеть. Я, если и обидчив, то в меру... в деловых вопросах, я имею в виду. – Костя ухмыльнулся, но прерываться не стал. – Я веду к тому, что найти ответ на эту – очень важную, как мы условились, – загадку мы сейчас не в силах. Не вижу никаких зацепок, отталкиваясь от которых, мы могли бы что-то сделать, что-то узнать, выяснить, что могло бы натолкнуть нас на желаемое решение...

Проще простого было бы объяснить всю загадочность тем, что вахтерша банально врёт (сочиняет, галлюцинирует – не важно!), и никаких появлений/исчезновений не было. Правда, тогда пришлось бы обосновать: зачем? в чем здесь ее корысть? Но это дело второстепенное, а главное, при таком объяснении бóльшая часть загадочности исчезает сама собой. Всё становится намного проще, так что такой путь рассуждений выглядит наиболее перспективным, если не очевидным. И всё бы хорошо, но этот путь – а ведь на него, в конечном итоге, свернули те, кто начинал заниматься этим делом, – пройден уже до логического, можно сказать, конца. Всё замечательно объяснилось, и диагноз уже бабке поставили, порадовались, что дело не стали открывать, и... опа-на, приехали! Опять он появился. И тут уже налицо факт, который никакими выдумками не объяснишь, – самый реальный труп, со всеми вытекающими подробностями. Значит надо начинать всю канитель сначала. Теперь ясно, что в первые разы труп был ненатуральный (Мизулин, чтобы ты не сомневался, до последнего дня исправно ходил на работу – меня в этом десять, по меньшей мере, человек заверили в ихнем «Лифтмонтаже», да и соседка утверждала, если помнишь, что он только в восьмом часу в пятницу покинул их квартиру – жив, значит, был) и только потом этот «псевдо-труп» *натурализовался* – и проделал это убедительнейшим образом. Так что мы *теперь* должны об этом думать? Единственное, что можно предположить: кто-то (скорее всего, сам Мизулин) дважды выступал в виде будущего трупа и затем, не дожидаясь аплодисментов, стремительно исчезал со сцены. Такой вот остроумный розыгрыш. Чувь какая-то! Зачем весь этот маскарад? Чего они хотели добиться таким образом? Я не понимаю. И главное, не вижу, с какого бока можно к этой чепухе подъехать, чтобы хоть что-то понять. Если у тебя есть какие-то мысли, выкладывай. Но погоди чуть-чуть, я сначала закончу свои рассуждения – я уже к выводу перехожу.

Итак. Центральную загадку мы разгадать не в состоянии. Однако, как ни крути, все эти идиотские розыгрыши не могут быть сутью дела. Не ради них вся эта история затевалась. Где-то здесь должен скрываться некий существенный интерес. И я почти не сомневаюсь, что речь должна идти о каких-то крупных суммах. Судя по ловкости, с какой это было проделано, занимались этим отнюдь не актеры-любители, желающие позабавить публику, а вполне серьезные люди – дилетантами их глупо было бы считать, ведь ни малейших следов не оставили. Тут, правда, несколько смущает, что такие профессионалы озаботились столь дешевым антуражем с этим бегающим туда-сюда трупом. Как-то не похоже на солидных бандюг – они обычно идут прямо к цели, не отвлекаясь на сценические эффекты. Но, так как нам не известно, зачем это было затеяно, приходится согласиться с тем, что есть. Зачем-то они всё это проделали. А сама суть ясна: за этой непрозрачной для нас завесой скрыта истинная – существенная – цель всей операции. Мы ее не знаем, но она непременно должна быть.

Так вот: если мы не можем разгадать озадачившую нас загадку, но уверены, что не в ней суть дела, следует отодвинуть ее в сторону (пусть, только на время), вынести, так сказать, ее за скобки, и попытаться как-то продвинуться в понимании истинной сути этого дела. Я вижу сейчас только два пути для этого: у нас две ниточки, за которые мы можем ухватиться.

Первая – это личность убитого. Кое-что мы о нем узнали, и, согласись, довольно интересные факты – я, в первую очередь, имею в виду разительную перемену в его поведении. Причем, заметь, совпадающую, по существу, с первыми проявлениями этого дела. Приблизительно за месяц – ну, чуть побольше – до убийства он внезапно бросил пить, а за две недели до его смерти впервые появился труп. Вряд ли это случайное совпадение.

Предположим, его экстраординарное решение «завязать» с алкоголем и какие-то радужные планы на будущее объясняются тем, что он перед этим как-то снюхался с теми, кто его потом и пришел. Соседка, правда, объясняет эти факты – и довольно убедительно аргументирует – встречей с некой *зазнобой*, но не менее правдоподобно и то, что бандюги напели ему о предполагаемых несметных барышах, а появление пресловутой *дамочки* вытекает уже из этих его ожиданий. К сожалению, дальше этого дело что-то не идет, как мы ни старались. Даже в его бывшей алкогольной компании по месту жительства разузнать ничего не удалось: ни про *дамочку*, ни про что-то другое никто ничего не знает. А может, если кому и известно про его контакты с *деловыми*, то нам он, конечно, побоится рассказывать. Есть и еще одна версия, связанная с поведением Мизулина, но она настолько смутная и маловероятная, что нет даже смысла ее сейчас обсуждать. Я тебе потом как-нибудь о ней расскажу – ерунда, скорее всего.

И вторая ниточка. Пусть эта загадка и не сравнится с главной, но всё же и она не проста. Я о том: как бандюги обеспечили себе постоянный доступ в институт? К тому же у этой проблемы должно быть определенное *вещественное* решение. Его можно найти и зафиксировать: если доступ был, то, почти наверняка, он таким и остался. Зачем им его уничтожать? Вот поэтому я и хочу тщательно обследовать ваш черный ход, хотя и не представляю, что там можно обнаружить. Вроде бы, всё уже осмотрено на два раза специалистами – ты это верно говоришь. Но что-то ведь должно быть – что еще за чудеса такие?

Вот теперь всё. А ты что скажешь?

Закончив свою длинную речь, Костя-Холмс предложил Мише пока подумать, а сам отправился на кухню, чтобы подогреть чайник и заварить очередную порцию благородного напитка (надеюсь, что хотя бы кто-то из будущих моих читателей вспомнит, насколько ценился в начале семидесятых в нашей непривилегированной интеллигентской – не московской, конечно, – среде «чай со слоном» Иркутской чаеразвесочной фабрики; хороший был чай – пожалуй, и с нынешними «Дильмахом» или «Липтоном» мог бы потягаться).

Что Миша тогда думал, он и сам не помнил, но когда свежезаваренный крепкий чай был разлит по фаянсовым кружкам и приятели некоторое время похрустели неизменными сухарями, он тоже сумел добавить к впечатлившим его рассуждениям Холмса свою лепту – нельзя сказать, что совсем уж незначительную.

Тут, вероятно, стоит вставить, что их разговоры мало походили на беседы главных героев «Приключений Шерлока Холмса». Насколько я могу вспомнить, Холмс вовсе не имел обыкновения до развязки делиться с товарищем своими соображениями по поводу расследуемого им дела, и, уж тем более, не склонен был ожидать от того каких-либо советов или призывать к острой критике собственных отрывочных высказываний о перипетиях тех загадочных происшествий, которыми они совместно занимались. Во всех случаях Ватсон был лишь заинтересованным зрителем, о чем я не преминул напомнить его современному *alter ego*, когда он рассказывал о своих многочасовых обсуждениях дела с Костей. Однако, рассмотрев этот вопрос более детально, мы с рассказчиком пришли к выводу, что такое впечатление складывается из рассказов Ватсона, а о том, как оно было на самом деле, можно иметь разные мнения. Не исключено, что описываемая в рассказах особая скрытность Холмса – не более, чем литературный прием, позволяющий автору рассказов Ватсону сохранять неослабевающий интерес читателей до самой развязки. И в действительности (литературной, разумеется, действительности) Ватсону приходилось и выслушивать догадки своего друга, и подавать ему какие-то – пусть даже не слишком удачные – советы, и даже в некоторых случаях оспаривать его гипотезы. Всяко могло быть, но для создания увлекательных рассказов эта сторона расследований оказалась малопригодной, почему и не вошла в окончательный текст «записок о Великом сыщике». Можно предположить, что Ватсон сознательно умалил свою роль в описываемых расследованиях, чтобы оттенить и возвеличить гений своего друга и его блистательные успехи.

– Я что хочу сказать, – начал Миша, решительно отодвинув свою опустевшую чайную посудину (бокалы у Кости были чуть ли не пол-литровые, и гость уже доверху был налит чаем, хоть и успел до того посетить известное место уединения), – всё, что ты говорил, звучит очень убедительно. Не вижу, к чему тут можно придраться и что из тобой сказанного можно было бы аргументировано оспорить. Сомневаться можно, конечно, в чем угодно, но всё выглядит

совершенно правдоподобно и обоснованно. Я даже вынужден согласиться с тобой, что определенный смысл в осмотре черного хода – еще раз! – всё-таки есть, пусть я и не понимаю, что и где там искать. Но мне вот что пришло в голову. Ты вот сказал: *маскарад* – ну, когда говорил о первых появлениях этого «труп» в кавычках (пусть не трупа, но как его еще назовешь?) – и действительно, если вдуматься, вся эта лабуда выглядит как специально организованный спектакль. Страсти-мордасти – и в результате: пшик. Ничего нет, и никаких следов не осталось. Зачем это всё было затеяно, я тоже ничего сказать не могу. Вроде бы, абсолютно бессмысленная инсценировка.

Но, может быть, стоит поискать ответ на вопрос: *для кого предназначался такой маскарад*? Для вахтерши? Чем она вызвала к себе такое внимание? Она ничего не замечала, никакой особой бдительности не проявляла, и не заметила бы, закрой они дверь на черную лестницу, – закрыл и сиди там, не высовывайся. Ан нет – специально привлекли ее внимание. С какой-то целью? Где тут логика? Чем им могла помешать вахтерша? Чего они ожидали от своей демонстрации? Что она перепугается и уволится? Лично *она* им мешала? Ведь ясно: если она откажется дежурить по ночам, то ее место займет кто-то другой. Можно, пожалуй, понять, почему труп появлялся только в ее дежурства – дело тут, скорее всего, в том, что именно она регулярно дежурила по пятницам. А пятница, безусловно, особый день, и если бы я регулярно зачем-то тайно навещался в институт, для своих посещений, конечно, выбрал бы как раз пятницу. По субботам у нас вообще редко кто появляется в лабораториях – тем более это можно сказать об АУПе со второго этажа и прочем обслуживающем персонале – но кроме того, если у кого-то появляется нужда в длительных экспериментах, которые невозможно прервать и приходится продолжать и ночью, то крайне маловероятно, что такой опыт спланируют на пятницу – какая необходимость портить себе уик-энд – мало таких желающих. И поэтому ночь с пятницы на субботу – самое удобное время для всяких темных делишек, так мне, во всяком случае, кажется. Никого в институте в это время не застанешь, за исключением вахтера, разумеется. Ну и что из этого следует? Зачем пугать эту – конкретную – бабку, если ее, как бы там ни было, заменят на точно такую же? Никаких разумных причин для этого я не вижу.

Но это всё – преамбула. Я, собственно, хотел привести доводы, ставящие под сомнение предположение о том, что *маскарад* предназначался для демонстрации этой вахтерше, что именно она была главной зрительницей. А что если – мне как раз *это* пришло в голову... что если, основным зрителем – ну, не зрителем, конечно, слушателем... эх, черт! не могу слово найти – короче говоря, основным *воспринимающим субъектом* этого спектакля предполагалась милиция? Что через непосредственного – случайного, в конечном итоге, – зрителя, то есть через эту самую бабку, они намеревались донести содержание своего представления до сведения милиции? Правда, зачем им это понадобилось, у меня опять же никакой разумной идеи нет. Но тем не менее... Бабка сама по себе никакого интереса для них не представляет. Ни помочь, ни помешать в их делах она не может – она даже и не подозревает об их существовании и, если бы они сами не высунулись, она бы и продолжала оставаться в неведении. Какой резон втягивать ее в эту игру, если никакой роли для нее не предусмотрено? Другое дело – милиция. Если они что-то затевали, а тем более, если главный режиссер, знал, что дело кончится появлением реального трупа, то милиция неизбежно должна стать одним из главных действующих лиц, и, зная это, они заблаговременно затевают свою загадочную игру с этим – существенно важным для них – лицом. Если они хотели своим маскарадом что-то внушить, то внушить именно милиции. В этом хоть какой-то гипотетический смысл появляется. Как ты считаешь?

Костя выслушал все измышления своего Ватсона очень внимательно и даже был, похоже, удивлен (по мнению автора смелой идеи о *милиции как воспринимающем субъекте бандитского спектакля*) неожиданным поворотом мысли, предложенным его партнером.

– Любопытная гипотеза. Стоит над ней подумать. Но пока что сказать мне нечего – слишком уж нетривиально, сходу не сообразишь. Потом еще вернемся к ней.

После этого они договорились о встрече на завтра и еще какое-то время рассуждали на другие темы – точнее, Костя продолжил излагать известные ему подробности дела, а Миша слушал и старался всё запомнить, не упуская ни малейшей детали.

Как я уже говорил в начале этой главы, в четверг Миша заявился в свою 317-ю комнату лишь к обеду и начал свой рабочий день с того, что, не теряя времени даром, отправился в соседнюю – самую большую в их лаборатории – комнату, где обычно толкся народ и где за большим «чайным» столом уже сидели два его коллеги по триста семнадцатой и еще человек пять из их же лаборатории. Наш герой и при обычных-то обстоятельствах редко уклонялся от участия в таких посиделках и общем трепе о том, о сём, а сейчас он и вовсе считал своим долгом быть в курсе всего происходящего в институте и приложить все усилия, чтобы не пропустить какую-нибудь существенную информацию. Вся сложность его задачи была в том, что требовалось тщательно следить за собой и, не вызывая подозрений, более или менее активно участвовать в разговорах, однако при этом одновременно «помалкивать», чтобы нечаянно не выдать своей специфической осведомленности о деталях дела, которое в эти дни было в НИИКИЭМСе главной темой всех пересудов, фантастических гипотез и неизвестно откуда берущихся слухов. Даже обсуждение внешнеполитических проблем и наводившие на Мишу скуку разговоры о футбольных матчах отошли в это время на какие-то третьестепенные позиции. Необходимость, слушая чьи-то глупости, подавлять в себе желание их немедленно оспорить и выдвинуть какую-нибудь свою интерпретацию, блистающую остроумием и убедительностью, сильно напрягало Мишу – уж очень противоречило это его характеру, – но он крепился, понимая, что, ввязавшись в спор, может ненароком и проболтаться. К сожалению, те полтора часа, которые он, неустанно борясь с собой, провел в компании своих «гоняющих чай» коллег, не принесли ему заметного улова. Ничего нового и достойного размышления он не узнал, за исключением, правда, одной довольно забавной детальки.

Но об этом лучше как-нибудь потом. Эта небольшая (и даже можно сказать, малозначительная) история может и подождать. Отложу ее до одной из следующих глав, чтобы не отвлекаться от хронологии происходящих событий.

Миша быстро покончил со своими немногочисленными неотложными делами и разобрал еще целую грудку накопившихся бумажек – надо же было чем-то заняться и обосновать свою задержку после окончания официального рабочего дня, а так хоть что-то полезное сделал – навел относительный порядок в своих записях. Когда ровно в полседьмого он, как был в толстом рабочем халате, спустился и вышел на улицу, институтские коридоры были пусты и подавляющее большинство ключей от комнат уже заняли свои места на гвоздиках в вахтерской. Судя по всему, людей в здании института, как это и предполагалось планом партнеров по сыску, оставалось совсем немного. Погода, как и обычно в это время года, не радовала душу: хотя еще и не холодно – всё же до настоящей зимы, по крайней мере, месяц, а повезет, так и дольше, – но сыро, пасмурно, тоскливо. Хочется залезть под ватное одеяло и не высовываться. Тем не менее, наш Ватсон, хоть и был в отличие от своего предшественника, привыкшего к лондонским дождям и туманам (вот где, наверное, погода – жуть!), типичным русским человеком, который, по словам Тургенева, *по первобытному сильно зависит от погоды*¹², чувствовал вовсе не уныние и расслабленность, а напротив, некоторый как бы душевный подъем, и с удовольствием вдыхал промозглый сырой воздух. Ну, как же! Дело ведь начинается! Настоящее увлекательное и сулящее необычные переживания дело. Правда, несмотря на такое бодрое, можно даже сказать, радужное настроение и непонятно на чем основанный оптимизм в отношении будущих результатов предпринимаемого дела, Миша довольно скептически оценивал шансы на успех конкретной сегодняшней операции. *Вряд ли мы что-нибудь найдем на этой чёртовой черной лестнице. Что там можно найти? Смотри, не смотри...* Написавши эту фразу, я вспомнил аналогичное выражение, промелькнувшее в рассказе злополучной потерпевшей Бильбасовой: *что же можно в коридоре увидеть – смотри, не смотри*. И подумал, что между двумя этими выражениями существует не только формальное сходство. Ну, да читатель скоро обнаружит это и сам.

Завернув за угол институтского здания, шагающий бодрым шагом наш сыщик-неофит с удивлением обнаружил, что уже подошедший к дверям черного хода и дожидавшийся его Костя появился на месте встречи не один: с ним был какой-то тощеватый высокий парень в

¹² Цитирую по памяти, поскольку не сумел найти, откуда эта запомнившаяся мне фраза.

болоньевом плаще и при галстук. Со знакомства с этим откуда-то вынырнувшим субъектом и началась встреча. Поздоровавшись, Костя представил пришедшего с ним типа:

– Вот, Михаил, знакомься: это Олег. Наш молодой коллега. Будет вместе со мной заниматься делом Мизулина. А это, – он обернулся к парню, – Михаил Григорьевич – научный сотрудник (он тоном выделил эпитет *научный*) НИИКИЭМСа. Он любезно согласился быть нашим консультантом и гидом по разным закоулкам сего института.

– Может, обойдемся как-нибудь без отчества? К чему это? Михаил – он кивнул новому знакомому, – рад познакомиться.

К Мише сроду никто не обращался как к *Михаилу Григорьевичу*. Ну, разве что в отделе кадров или на общеинститутском семинаре, где придерживались умеренно официозного тона. А так – в лаборатории и, вообще, в подавляющем большинстве контактов между собой – и сам Миша и прочие, за исключением завлабов и нескольких уже далеко зашедших за сорокалетний рубеж сослуживцев, были *Мишами, Катями, Славами, Вовами, Танями* и так далее. Это не то, что на втором этаже, где какая-нибудь ничего не значащая сопля норovit представляться *Натальей Анатольевной*¹³.

Покончив с формальностями, Костя, не рассусоливая понапрасну, взялся за дело:

– Давай, – обратился он к Олегу, – сейчас к вахтерше – я тебя с ней познакомил уже. Возьмешь у нее три ключа: раз, – он загнул палец, – ключ от этого замка, – он мотнул головой в сторону двери, у которой они стояли, – два – от замка на этой же двери, но внутреннего, и три – ключ от двери на черную лестницу с первого этажа. Запомнил? Давай, по-шуструму. И быстро назад. Чего нам тянуть.

Пока посланец отсутствовал, Костя в двух словах обрисовал его появление и роль.

– Стажера ко мне прикрепили. Он только что в областное управление оформился – может, и у нас будет работать. Пока не ясно. Толка от него, наверное, не много, но... Во-первых, повышение статуса – подчиненный у меня появился. Это говорит, что начальник придает делу определенное значение – теперь им уже *группа* занимается. А во-вторых, пусть... Найду я чем его занять, бумажки, по крайней мере, будет теперь за меня писать. ...*Под моим мудрым руководством*. Хе-хе. И вот что: он о твоей роли не знает и знать ничего не должен. О нашем прежнем знакомстве ни слова. Да ты и сам понимаешь. Попросил я тебя помочь – ты помог. И всё.

Тут появился и Олег с ключами. Костя выбрал нужный и шагнул к этой самой – широкой, двустворчатой – двери, посредине которой болтался на внушительных толстых петлях не менее внушительный висячий замок. Вставив ключ в скважину, наш сыщик (хоть и Холмс, конечно, но на деле-то *наш*, советского разлива, следовательно) недолго повозился с ним, силясь повернуть, но вскоре бросил это бесполезное занятие.

Как, на первый взгляд, ни удивительно, но, наткнувшись на невозможность открыть замок, Костя – совершенно очевидно – был очень доволен.

– Вот оно как! Замок сменили. Так-так.

Подтверждается его подозрение, что этим путем лазили, – сообразил Миша. – Вроде бы, и в самом деле. Но что это дает? Изнутри ведь еще один замок.

Костя тем временем отдал Олегу бесполезный ключ с бирочкой на кольце и, выудив из кармана какую-то кривую изогнутую пластинку, стал ковырять ею в замочной скважине. Процесс этот занял у него несколько минут, но, в конечном итоге, несложный, в сущности, механизм поддался его стараниям, и дужка разомкнулась. *Та-ак!* – удовлетворенно крикнул взломщик в погонах (видимо, он не был полностью уверен, что сможет показать присутствующим зрителям класс взлома висячих замков), выдернул замок из петель и... застыл от неожиданности.

¹³ Интересно, что эту взятую, вероятно, с потолка *Наталью Анатольевну* я не сам сочинил, а запомнил из давнего Мишиного рассказа. Непонятно, откуда вытащил ее рассказчик, чтобы заполнить пустое место в своем обличении советских чинуш, но мне-то она – тут нет ни малейших сомнений – врезалась в память из-за присутствующей в ее имени внутренней рифмы: *Наталья Анатольевна*. Я надеюсь, некоторые из читателей не забыли еще столь памятной мне *тети Моти* из предыдущего романа.

Не менее ошеломлен был и Миша. (Про третьего участника сей операции ничего сказать нельзя: может, Олег и не понимал сути дела, а потому и не ожидал ничего иного). Однако два наших главных героя стояли несколько секунд, как громом пораженные.

Как только петли были освобождены от продетой в них дужки замка, обе створки двери зашевелились и – под собственным весом – с легким скрипом медленно отворились наружу, едва не задев успевшего увернуться Костю и почти нараспашку открыв вход в здание института. На одной из створок покачивался на своих петлях не менее увесистый внутренний замок. Картинка, появления которой взломщики никак не могли ожидать.

Первым на столь ошеломляющий поворот событий отреагировал опять же Костя:

– Вот тебе и... *Юрьев день!*

Не исключено, что выразился он и намного крепче. Он временами позволял себе распространенные непарламентские, но достаточно ходовые в речи советских руководителей обороты и конструкции. Да и Миша нельзя сказать, чтобы их полностью избегал. Школьные привычки, конечно, давно уже ушли в прошлое, однако в чисто мужской среде такие вольности за большой грех не считались. Однако на этих страницах я не буду скрупулезно воспроизводить все эти перлы мужской *экспрессивной лексики* в стремлении к *правде жизни* и бескомпромиссному *реализму*. Нынешняя мода на мат со сцены и печатных страниц производит на меня отталкивающее впечатление. Ничего хорошего в этом нет, и напечатанные типографским шрифтом матерки ни на йоту не усиливают экспрессию описаний, а лишь унижают как пишущих, так и читающих. Что же касается пресловутого *реализма*, то здесь, мне кажется, надо брать пример с классиков. Обыденные цензурные ограничения вовсе не мешали им реалистически передавать речь хоть крестьян, хоть командующих солдатскими ротами поручиков, а хоть и золоторотцев или обитателей «мертвого дома». Нам бы их уровень реализма.

Но я немного отвлекся. Вернемся к так поразившему сыщиков открытию (не только ведь двери *открылись*, но и глаза у них *открылись* на мучившую их проблему). Когда они вблизи рассмотрели переделанные бандюгами запоры, то выяснилось, что всё было сделано очень просто – даже примитивно, – но рационально и аккуратно. Создавший эту остроумную конструкцию неизвестный умелец, как-то ухитрился проникнуть на черную лестницу и снял внутренний замок (вероятно, воспользовавшись при этом тем же способом, что и Костя). Затем, дождавшись сумерек и подойдя с улицы, он проделал ту же операцию повторно и открыл двери. После чего он аккуратно, отверточкой, открутил шурупы, снял со створок торчащие внутрь петли, сложил их вместе, положив между ними заранее заготовленную прокладку (ее ролью было создавать иллюзию независимого крепления каждой петли), так же аккуратно прикрутил этот «сэндвич» к одной створке двери и повесил на эти «как бы петли» старый, но теперь уже выполняющий чисто декоративную функцию, внутренний замок. Дело было сделано. Снаружи жулики повесили принесенный с собою похожий замок, к которому у них, естественно, были ключи.

Таким, вообще-то говоря нехитрым, манером они (*неустановленные лица, подозреваемые в убийстве Мизулина А.Р. и других преступлениях*), потратив однажды полчаса времени, обеспечили себе беспрепятственный, не требующий никаких усилий и остающийся совершенно незаметным для всех прочих доступ на черную лестницу, а оттуда и на все этажи института (подобрать ключи к дверям, выходящим в коридор, для мастера не составляло ни малейшего труда).

Разобравшись с устройством всей этой бутафории – а что там было разбираться? – с первого взгляда всё было ясно, – руководитель бригады сыщиков обратил внимание своих соратников на дверной порог:

– Смотрите сюда. Не зря они с этой механикой возились – пользовались этой дверью неоднократно, ходили туда-сюда, а, может, и выносили что-то. Причем всё это относительно недавно. Я у коменданта уже спрашивал – последний раз открывали эту дверь приблизительно в конце мая, что-то заносили тяжелое. А вообще ее открывают раза два-три в год, не чаще. А здесь... видите: по углам у косяков пыль, чуть ли не в пол-пальца толщиной, а посередине – чисто. Пользовались, значит. Та-ак... Ну, собственно говоря, смотреть нам здесь

больше не на что. С главным мы разобрались, а надеяться, что они нам еще какие-то следы оставили, нет, по-моему, оснований. Культурно работали, без огрехов.

Хотя Костя старался говорить спокойно, и явных горделивых ноток в его речи не проскальзывало, но – нет сомнений – душу его переполняли триумфальные чувства. И было от чего – одна из важных и весьма заковыристых загадок была успешно разрешена. И это меньше, чем за неделю расследования. Есть чем гордиться. А кроме того, в их руках теперь было вещественное доказательство преступной деятельности неизвестных злоумышленников, прямо говорящее о том, что убийство было не единичным эпизодом, а только конечным звеном в цепи неких противоправных действий, включавших специальную подготовку и продолжавшихся неопределенно долгое время – может быть, и начиная с июня этого года. Ясно ведь, что ради одно-двухкратного проникновения в институт никто бы такие городушки городить не стал. Всё это было рассчитано на неоднократный и свободный доступ в НИИКИЭМС.

– Ну, я думаю, на сегодня всё. Как ты считаешь, Олег? – Тот молча пожал плечами, не возражая, дескать. – Ладно. Тогда так. Ты сейчас иди сдавай ключи и на сегодня свободен. Вахтеру только ничего не объясняй – незачем ей это знать, а то весь институт будет нашу находку обмусоливать. А завтра с утра в управлении увидимся. Я, наверное, чуть попозже приду – к криминалистам заскочу, пусть сюда кого-нибудь пришлют, зафотографируют всё, посмотрят опытными глазами, ну и дверь приведут в порядок. Ты со всеми материалами дела познакомился? Не полностью, говоришь? Вот и разбирайся, не тяни, должен всё назубок знать. А там решим, что дальше. Двигай. А тебе, Михаил, спасибо за помощь.

– Да не за что, – промямлил Миша, понимая, что и это «спасибо» предназначено для ушей еще не ушедшего Олега, – я и не помог вам ничем.

– Это не важно. Будем считать, что ты выполнил роль понятого. Подпишешь потом протокол – подтвердишь, что это не мы с Олегом всю здешнюю механику соорудили.

Во время описанных разговоров они уже были на улице, и, закрыв двери, Костя опять стал ковыряться в замке. Закрывать его оказалось не проще, чем открыть, но, в конце концов, и эта задача была выполнена. После того, как стажер, наконец, отчалил, Костя уже откровенно и радостно – во весь рот – улыбнулся:

– Неплохо мы сегодня поработали – прямо тебе скажу: я и сам не ожидал такого результата. Ты ведь сейчас домой? Не будем сегодня ничего обсуждать – отложим это, надо всё обдумать. По отдельности обмозгуем, а потом и обсудим. Да и устал я, признаться. Ты иди одевайся, а я тебя на автобусной остановке подожду – не стоит здесь бестолку маячить. Давай.

Буквально через десять минут Михаил был уже на автобусной остановке, где Ватсона дожидался его Холмс, только что подтвердивший свое право на это высокое звание. Что ни говори, но это именно он настоял на необходимости осмотреть черный ход. Пусть ему помогла не столько логика, сколько опыт, интуиция или что-то еще, неподдающееся строгим формулировкам – да какая, в сущности, разница, что им двигало? – но результат-то налицо. Однако поговорить – хотя бы кратко – сыщикам не удалось: тут же подошел Мишин автобус, и им пришлось быстро распрощаться. Действительно, не ждаты же следующего еще полчаса, а то и час. *Завтра. Всё завтра обговорим*, как сказал Костя уже вдогонку ринувшемуся на штурм автобусных дверей приятелю. *Завтра так завтра*, – думал Миша, удачно протиснувшись в самую середину салона, где было всё же не так тесно, как у дверей, и на душе у него – несмотря на скомканное прощание – было радостно, – *удачно всё начинается, а дальше еще интереснее пойдет. И в самом деле, не успел он включиться в расследование, и сразу такой неожиданный успех – явный шаг вперед. Ведь проблема казалась просто неразрешимой, и все попытки ее решить, хотя бы только теоретически, требовали каких-то немыслимых умственных вывертов, которые вряд ли могли соответствовать реальности. А всё оказалось так просто и даже банально.*

Было бы некорректно утверждать, что Мишины надежды на завтра и на блистательные успехи наших Холмса и Ватсона были лишь несбыточными иллюзиями. В детективе такого не бывает, не может детективный роман кончаться крахом описываемого в нем расследования. Не будет этого и в нашем романе – успех сыщицкого тандема заранее предопределен выбранным жанром. Но приходится, чуть-чуть забегаая вперед, сказать, что еще неведомое

персонажам романа *завтра* принесло им не столько очередные успехи, сколько массу до тех пор не существовавших проблем.

Утром в пятницу ни с того, ни с сего – скоростижно – и прямо на своем рабочем месте скончалась уже знакомая читателю кладовщица Нина.

Глава тринадцатая

Гадание на кофейной гуще

Приступая после очередного отлынивания и откладывания *на завтра (Morgen, morgen, nur nicht heute. Sagen alle¹⁴...* как меня учили в школе, *да только всё не впрок*) к продолжению своего «творческого процесса» и начиная новую главу о событиях, происходивших в одну из пятниц того, далекого уже, года, я обнаружил, что глава эта – тринадцатая. Не то, чтобы я был чрезмерно суеверен, но верь ты или не верь, а сознание невольно отмечает сочетание, которому людская молва приписывает склонность приносить всякие несчастья и неудачи: *тринадцатое* и *пятница*. Тревожно как-то на душе становится – не сулит ли это случайное совпадение некую еще не предугадываемую мною пакость и не напорюсь ли я в этой главе на какие-нибудь невидимые с поверхности литературные рифы? Сумею ли выплыть и благополучно довести свой роман до желаемого конца? Пока что мне удавалось, считаю, выдерживать тот уровень, который я для себя обозначил, так что предыдущими главами я более или менее доволен. Что-то получилось удачнее, что-то послабее, но в целом, на мой взгляд: приемлемо. Не равняю себя – повторяюсь – с настоящими писателями, пределы своих возможностей я достаточно отчетливо сознаю, но роман мой получается отнюдь не похожим, слава богу, ни на «Деревенский детектив», ни на «Печальный детектив», ни на прочих собратьев Вайнеров, и это я тоже отчетливо вижу – чего уж тут излишне скромничать. Получается вовсе не плохо – в своем роде, конечно. Не надо меня с Петрушевской или с Пьецухом сравнивать, я в те заповедные для меня дебри и не рвусь – мне бы со своими проблемами справиться. Однако на обдуманно выбранном для себя детективном направлении я стараюсь быть наравне с лучшими. И поскольку написанный до сих пор текст меня, в общих чертах, устраивает, хотелось бы, конечно, на таком же уровне довести его до финала – дотянуть, так сказать, на остатках горячего до завершающей точки. Пусть на бреющем полете... главное, чтобы без аварий. Я потому, наверное, так и завибрировал, замельтешил, что желанный конец повествования, если и не близок еще, то уже замаячил где-то на горизонте. Обидно ведь было бы, исписав такую грудку бумаги, оказаться с обломками на руках.

Ну да, Бог милостив... Приступаю к изложению событий той самой *пятницы*.

...Тут как назло еще и *смерть* примешивается – не к добру это всё.

Ладно...

Как говорится, *авось да небось...*

Нина – завскладом химреактивов – умерла, как уже было сказано, в пятницу до обеда. Когда именно, точно никто не знал: около десяти часов ее видели живой и невредимой, а в пол-двенадцатого ее приятельница, заглянувшая в склад перекурить и поточить ляды, обнаружила ее – уже без сознания – на полу у стола, за которым она обычно и сидела, оформляя всякие там требования и накладные, кофейничая, обедая тем, что принесла из дому, ну и так далее. Вроде бы, она еще дышала, но пока вызвали «скорую помощь», пока та приехала – всё было кончено. Приехавшая врачиха не стала даже ничего делать и велела звонить в милицию: дальше, дескать, это уже их сфера компетенции – они и тело заберут.

Миша, пришедший на работу в первом часу, видел, разумеется, стоявший около института милицейский «уазик», но не обратил на него особого внимания – это уже стало обыденным явлением. Мимо вахты он прошел, не задерживаясь, – их ключа там, конечно, уже не было, так что о смерти кладовщицы он узнал, только добравшись до своего рабочего места. И попал, естественно, в самый разгар обсуждения печальной новости. Может показаться, что такого

¹⁴ На всякий случай, для тех, кто не учил немецкий язык, сегодня уже практически полностью исчезнувший из школьной программы:

Morgen! Morgen! Nur nicht heute!

Sagen alle faule Leute.

То есть, по-русски: *Завтра! Завтра! Только не сегодня! Говорят все никчемные люди.*

рода события – как они ни прискорбны и как они чувствительно ни задевают всякого, напоминая о бренности всего живого, – не могут всё же вызвать слишком бурной реакции в трудовом коллективе. Если в организации несколько сот сотрудников, то, понятно, кто-то из них может и умереть – статистика. Более того, такие события *должны* время от времени случаться в любой достаточно большой организации. Однако, оценивая реакцию в институте на смерть Нины, надо принять во внимание и конкретные обстоятельства, этому событию сопутствовавшие. Во-первых, неожиданность и, можно сказать, стремительность превращения смешливой, разговорчивой, экспансивной Нины в *тело*, которое *заберут*. Всё же смерть нечасто разит как молния. Обычно человек сначала долго болеет, неоднократно лежит в больнице, сохнет и вянет, и лишь потом наступает печальный финал. Да и происходит это, почти всегда за пределами его работы, после того, как он, перейдя на инвалидность, уволится, попрощавшись с утешающими его сослуживцами. И когда до них дойдет весть о его кончине, они воспримут ее как прискорбный, но легко предугадываемый результат долгой болезни. Здесь же всё совершилось враз и с пугающей наглядностью. Во-вторых, Нина была хорошо известна в институте. Несмотря на ее в общем-то незначительную должность – что такое завскладом химреактивов? так, что-то вроде лаборантки, – вряд ли в НИИКИЭМСе был хоть один человек, который не знал, кто такая Нина, и так или иначе с ней бы не общался. По своей известности она вполне могла бы потягаться с уже знакомым нам Хачатряном, чья болезнь вызвала столько разговоров, да хоть и с самим академиком. Конечно, директор – фигура, невольно обращающая на себя внимание, и трудно представить себе сотрудника института, не знающего о его существовании. С другой стороны, количество ниикиэмсовцев более или менее регулярно болтавших, хихикавших с Ниной, кофейничавших с нею и отпускаявших ей немудреные комплименты во много раз превышало число тех, кого академик когда-либо удостоил хотя бы самого незначительного разговора. Можно смело утверждать, что благодаря своей общительности и тому месту в структуре института, которое она занимала, новопреставленная была одной из самых популярных личностей в их конторе. Никому не надо было объяснять, кто она такая и о ком идет речь. И в третьих, – на этом и покончим, чтобы не углубляться в малозначительные детали, – главная причина того, что смерть одного из рядовых сотрудников произвела на институтский коллектив столь шокирующее впечатление, заключалась всё же в том, что это была уже третья смерть в течение одной недели.

Разумеется, нельзя было сказать, что Василий Суренович уже умер. Может, он и до сих пор еще жив – Миша толком ничего не мог сказать о его судьбе – на работе он больше не появлялся – а потому: *с глаз долой и из памяти вон*. Но в рассуждениях о случившемся с ним институтские витии были почему-то настроены крайне пессимистично: скорей всего, дескать, дни его сочтены, а если выживет, то не исключено, может потом и пожалеть, что не посчастливилось умереть, не приходя в сознание, – лучше, дескать, уж так, чем потом мучиться, ведя существование беспомощного полутрупа. Мне кажется, что они перегибали палку. Конечно, тяжелый обширный инсульт – не повод для оптимизма, но всё же по-разному бывает, и не так уж редки случаи, что, пережив, как раньше говорили, «апоплексический удар», люди в дальнейшем ведут вполне сносное – человеческое – существование. И на солнышке загорают, и прогуливаются под ручку с женой (пусть и ногу при этом подволакивают – что уж тут такого?), газеты читают, смотрят по телевизору «Сельский час» (а сейчас, наверное, какое-нибудь «Пятое колесо» или программу Евровидения), в шахматы играют, с внуками возятся – мало ли чем может заняться человек с ограниченными возможностями. Однако в тот момент настрой в институте был таков, что замдиректора, хоть еще – фигурально выражаясь – не похоронили, но уже, в сущности, вычеркнули из списка живых. Если смерть мало кому известного Мизулина была воспринята большинством как загадочное экзотическое происшествие, не слишком и связанное с НИИКИЭМСом, то в свете последующих событий она уже воспринималась как некий грозный знак небес, намеревающихся разверзнуться над их тихой заводью. Чем уж они вызвали сей гнев свыше, было неясно, но удары судьбы, постигшие одного за другим двух столь заметных в институте личностей, воспринимались как первые симптомы мора, ниспосланного этими самыми небесами на ничем не приметную контору, в которой им всем довелось работать. Такие смутные предчувствия навевали мысль, что тремя смертями дело может и не ограничиться, и склоняли к тому, чтобы тревожно и

недоверчиво вглядываться в ближайшее будущее. Никем не высказываемая, но ощущаемая в речах тревога только усугублялась тем, что было совершенно неясно, чем был вызван этот *гнев небес*. Конечно, грехи у них были – чего тут таить. И у НИИКИЭМСа в целом (как научного учреждения и его трудового коллектива), и у каждого сотрудника как отдельной личности. Но почему именно на них пал выбор небес? Ведь контор, подобных злосчастному НИИКИЭМСу (и, вероятно, не менее отягощенных грехами), огромное количество: всех этих НИИ, КБ, проектных институтов, всяких там неизвестно чем занимающихся СКБ «Салют» и ОКБ «Горизонт», не говоря уже о прочих (сугубо секретных) «почтовых ящиках». В одном нашем городе таких учреждений – чертова уйма. А попали под раздачу именно они – в чем дело?

Думаю (мне кажется, я и Мише это говорил), что в значительной мере такую насыщающую воздух тревожность можно объяснить отсутствием видимой причинной связи между тремя всколыхнувшими НИИКИЭМС происшествиями. Хотя insult Хачатряна некоторые и пытались связать со спором в директорском кабинете, а его, в свою очередь, с убийством электрика, но это ведь так – досужие разговоры, а в действительности-то – пшик один. Если бы из гибели Мизулина каким-то образом следовало происшедшее в дальнейшем, то все эти события воспринимались бы как один трагический инцидент – пусть крайне редкий в обыденных условиях, но всего лишь один. Однако никакой рациональной связи между тремя обсуждаемыми – и, подчеркну, тоже весьма редкими – событиями усмотреть было невозможно. Отсюда и впечатление трех снарядов попавших – на протяжении очень короткого времени – в одну воронку. Как будто некие недоступные нашему разуму *высшие силы* приняли решение и теперь лупят прямой наводкой – с очень точным прицелом – по недоумевающим и с понятной тревогой ожидающим следующего взрыва ниикиэмсовцам.

Вероятно, уже в это время кому-то пришла в голову явно высосанная из пальца идея, что несчастья в их институте регулярно выпадают на пятницу. Надо полагать, что, поскольку замдиректора по АХЧ расшибло во вторник, и он в эту закономерность явно не вписывался, автор сей идеи исходил, главным образом, из периодичности появления трупа электрика – тот-то трехкратно выставлял себя на обозрение по пятницам, – притянув сюда и смерть Нины в очередную пятницу. Широкого распространения такое утверждение, ввиду его очевидной надуманности и шаткости, не получило, и всплеск его популярности был еще впереди. Доминировало ощущение сожаления и некоторой растерянности: образ жизнерадостной, добродушной, так и брызжущей здоровьем и жизненной энергией хохотушки Нины никак не вязался с той картинкой, которую многим пришлось увидеть собственными глазами на складе химреактивов, обыденные декорации которого тоже плохо совмещались с наличием мертвого тела. Так что, видимо, почти каждого точила неприятная мысль и ныло под сердцем: *предполагаем жить, и глядь – как раз умрем...* Ну или что-нибудь еще в этом духе: о краткости нашего существования и его крайней ненадежности¹⁵. Правда, многие высказывались, что Нина в последние дни была сама на себя не похожа – в мрачном настроении, молчаливая и даже не улыбающаяся. Что-то ее беспокоило, угнетало, или, может быть, она была сильно раздражена чем-то. Своими бедами она ни с кем не поделилась (что тоже было на нее не похоже), но общее впечатление осталось у многих, кто с ней на этой неделе общался. Может, она уже предчувствовала грозящую ей судьбу (высказывалось и такое мнение) или ощущала надвигающуюся болезнь. Ей бы, наверное, следовало вовремя обратиться к врачам – глядишь, и не дошло бы до такого... Как бы то ни было, а упущенного не воротишь, и жалость к несчастной Нине и ко всем человеческим существам, вынужденным мириться со своим жалким уделом, на какое-то время затопила все четыре этажа

¹⁵ Тут можно было бы предположить, что на ум ниикиэмсовцам приходили скорее слова Воланда, пророчившие неожиданную смерть Берлиоза: *Человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен*. Но насколько я могу вспомнить, в начале семидесятых роман Булгакова еще не пользовался такой популярностью, которую он приобрел впоследствии. Его, конечно, читали и временами цитировали, однако восхищались им в основном завзятые любители русской литературы, а широкая публика еще не взяла его на свое вооружение, и в ее культурном арсенале он в то время еще не числился.

институтского здания. Что ощущали те, чье рабочее место было в подвале, Миша не знал, но, вероятно, и у них преобладали те же ощущения, что и у всех прочих сотрудников НИИКИЭМСа.

Столь экстраординарное событие напрочь вытеснило из разговоров все предыдущие разглагольствования о «блуждающем трупе», и ничего нового по теме ведущегося расследования Мише узнать не довелось, а свою сногшибательную новость (как сейчас бы сказали, «хит») о замках на двери черного хода, он, конечно, обнародовать не мог. Молчал, крепко сжав зубы и прикусив язык. Да и как-то поблекло это их открытие на фоне трагической смерти человека. Не «человека вообще» – как это было, например, в случае гибели Мизулина, которого Миша до той поры и знать не знал, – а знакомой, даже симпатичной, вчера еще живой, цветущей женщины. Мишу, как и большинство тех, с кем он разговаривал, сообщение о ее смерти несколько вывело из равновесия и отчасти смазало его бодрый, оптимистический настрой.

Никаких серьезных дел наш герой на этот день не планировал, и, взяв в институтской библиотеке несколько ждущих его внимания реферативных журналов, он просидел эти несколько часов за своим рабочим столом, усердно перенося заинтересовавшие его данные на уже распространенные тогда особые карточки, имевшие по краям двойные ряды перфорации, дающие возможность их сортировки с помощью обычных вязальных спиц (правда, сам он этой возможностью не пользовался и не знал никого, кто бы это реально делал). Всё это было бы в порядке вещей, но главная проблема, мучившая Мишу, оставалась не решенной. Накануне, при поспешном расставании, и пребывая в состоянии некоторой эйфории от только что совершенного открытия, наши Холмс и Ватсон забыли договориться о следующей встрече, и теперь Миша не знал, как ему связаться со своим соратником (куда ему звонить, он не знал, – тоже их недосмотр) и стоит ли ему в шесть часов идти к Косте домой. К счастью, второй участник сыщицкого тандема тоже обеспокоился отсутствием связи между ними и в начале пятого сам посетил их триста семнадцатую комнату. Заглянув в дверь, Костя поздоровался с теми, кто был внутри, – кивнул и Мише, как уже знакомому человеку (конспиратор, что тут скажешь), – и осведомился, *нет ли у них начальника отдела снабжения?* – *Мне сказали, что он в вашу лабораторию пошел,* – пояснил он свой вопрос. Получив отрицательный ответ и заверение, что снабженец здесь и не появлялся, Костя исчез, а Миша, выйдя через пару минут в коридор, увидел поджидавшего его Холмса на лестничной площадке.

– Спускайся в туалет – я сейчас подойду, – выдал Костя сквозь зубы, стараясь всем видом дать понять, что задерживаться около него Мише не следует, и на этом их разговор и закончился.

Продолжился он лишь после того, как спустившийся на первый этаж Миша дождался в туалете (там, по счастью, в этот момент никого не было) появившегося вскоре приятеля.

– Здорово. – Не стал терять драгоценного времени Костя. – Тут такое дело...

На всякий случай он открыл в умывальнике воду и вытащил из кармана расческу, после чего продолжил:

– Дознание по поводу смерти этой вашей кладовщицы – знаешь ведь об этом? – поручили мне. Присоединили, так сказать, к мизулинскому делу. Само по себе это даже неплохо – неудобно, когда в одном месте работают две разные группы, – наткаться друг на друга приходится. Но хлопот, конечно, прибавится. Я уже заглядывал в экспертизу – медики предполагают отравление. Что-то им там не понравилось: у рвотных масс какой-то цвет не такой (ее вырвало перед смертью), еще какие-то признаки... Вскрытие они обещали сегодня же сделать, чтобы не тянуть с похоронами, но анализы будут готовы не раньше понедельника. Если выяснится, что здесь самоубийство, то, понятно, дел мне заметно прибавится. Ну да как-нибудь справлюсь, вот и стажера загружу по полной... Но сегодня нам встречаться нет смысла – я и не знаю еще, когда дома появлюсь. А вот завтра... Давай, приходи пораньше: часам к двум – к трем. Сможешь? Тогда и поговорим как следует. Надо нам дальнейший план обсудить. Идет?

На том и порешили.

До того момента, когда в субботу в начале третьего он оказался на пороге Костиной квартиры, Миша успел на сто ладов обмозговать всю имеющуюся у него к тому времени информацию и построить кучу разнообразных гипотез, не исключая и тех, в которых смерть кладовщицы и так, и сяк связывалась с убийством Мизулина. О сути своих домыслов, соображений и вытекающих отсюда умозаключений он в своем рассказе распространяться не стал, пренебрежительно охарактеризовав их как *завиральные* и сославшись на то, что он их толком уже и не помнит. Однако он прямо заявил, что появился у Кости весь переполненный различными идеями, и беда была не в том, что они были сумасбродными – тогда они казались ему вовсе не такими уж неправдоподобными, – а в том, что каждое предположение тянуло в какую-то свою сторону, и нашему Ватсону (вовсе не собиравшемуся отдавать всю инициативу самозванному Холмсу) никак не удавалось сложить их в целостную и непротиворечивую конструкцию.

Рассказчик не забыл подчеркнуть и тот факт, что в своих построениях он явно пытался притянуть внезапную смерть Нины к предшествующим событиям, и, обсудив этот ход его мыслей, мы с ним пришли к совместному выводу, что такое направление его домыслов обусловлено, в конечном итоге, чтением детективов. Наверное, в реальной жизни гораздо проще и разумней предполагать, что в обстоятельствах, аналогичных тому, что происходило в НИИКИЭМСе, обнаруженный в коридоре труп и внезапная смерть завкладом никак между собой не связаны, и что мы имеем дело со случайным наложением друг на друга двух независимых событий. Однако совсем не так обстоит дело в детективах. В этом специфическом жанре появление двух, следующих друг за другом смертных случаев, связанных временем и местом – да и просто включением в сюжет одного и того же романа, – не может оказаться результатом банального совпадения событий. Столкнувшись в детективе с чем-то подобным, читатель резонно предполагает, что некая связь между двумя описанными кончинами должна быть, пусть она до поры до времени и остается ему неизвестной. Если же вдруг по завершении романа окажется, что никакого объяснения, связывающего ее с основным сюжетом, вторая смерть не получила, а появление ее в тексте обусловлено лишь волей автора, читатель будет считать, что он столкнулся с нарушением одной из неписанных конвенций, свойственных детективному жанру, и это, естественно, резко снизит его оценку прочитанного. Введение такого – не вписывающегося в художественную логику детективного романа – эпизода будет восприниматься как неприличная уловка со стороны автора, желающего сбить читателей с толку и заморочить им голову, а потому в хорошем детективном романе таких совпадений и не встретишь.

Конечно, выстраивая свои гипотезы, Миша вовсе не пытался сочинить пригодный для детектива сюжет. Однако мы (и сам Миша, и я, да, пожалуй, и читающий эти строки) имеем дело – почти исключительно – лишь с теми преступлениями, о которых мы читаем в детективах. В нашей обыденной жизни они – слава богу! – достаточно редки, тем более такие ужасные, как предумышленное убийство. И понятно, что, столкнувшись с чем-то подобным в жизни, Миша невольно продолжал мыслить и рассуждать в привычной для него (да и для всякого обывателя, далекого от криминальной изнанки жизни) – детективной по сути – системе координат. Не удивительно, что он – не осознавая этого – пытался вписать всякое из ряда вон выходящее событие в общий сюжет, центром которого было убийство несчастного электрика¹⁶. Но, как мы увидим чуть позднее, к подобному ходу мыслей склонился и Костя, который, казалось бы, должен был мыслить более прагматично и приземленно – в духе своей профессии. Ведь даже в детективах полицейские (а к ним вполне можно приравнять и наших

¹⁶ Тем, кому эпитет «несчастный» покажется неуместным в данной ситуации – ведь, надо полагать, погибший, свернув на кривую дорожку, в значительной мере сам был виноват в случившемся – я могу только сказать, что, какова бы ни была его вина, вряд ли расплата за содеянное вполне ей соответствует, так что он вовсе не заслуживает простого человеческого сочувствия. То, что мы о нем узнали, не дает оснований считать его таким уж выродком или потерявшим всякую человечность монстром, по отношению к которому было бы справедливо сказать: *Собаке – собачья и смерть!* Судя по всему, это был слабый, запутавшийся в жизни человек, шаг за шагом скатившийся к своему печальному финалу.

милиционеров) следуют простейшим и не требующим ни малейшего воображения умозаключениям¹⁷. Конечно, в детективах их узкие и сугубо тривиальные предположения заводят в тупик, но в реальной-то жизни, похоже, именно такая примитивная логика и оправдывается в большинстве случаев.

Свое длительное обсуждение накопившейся к этому моменту информации соратники по сыску начали с результатов обследования черного хода. И это вполне понятно. (На столе, конечно, моментально появился традиционный чай с сушками и овсяным печеньем, купленным Мишей по пути. От предложения сварить пельмени гость отказался, но впоследствии и они дождались своей очереди). Высказываясь по поводу позавчерашнего успеха их расследования, Ватсон не скупился на выражение своего восхищения проницательностью Холмса. И даже через десять лет после этого, описывая мне давний разговор, он продолжал удивляться тому, как наглядно продемонстрировал его компаньон свой талант следователя. *Мне ведь и в голову не приходило, что там можно что-то важное найти*, – говорил он не без некоторой зависти, но честно отдавая должное заслугам приятеля. Костя, по его словам, хоть и не отвергал лавровый венок победителя и, вероятно, даже гордился тем впечатлением, которое он произвел на своего Ватсона, тем не менее, не соглашался с тем, что полученный эффектный результат можно объяснить его проницательностью.

– Я вовсе не предполагал ничего подобного тому, что там оказалось, – втолковывал герой дня Мише. – Я надо сказать вообще ничего не предполагал. И рассуждал очень просто: мы видим, что никакого разумного способа проникнуть в здание у преступников не было – все возможные пути перекрыты. Но ведь они как-то проникли внутрь и так же спокойно выходили наружу. Значит какой-то вход-выход есть. Как там Шерлок Холмс говорил: если отброшены все невозможные варианты, то остается единственный – и он верен, каким бы

¹⁷ Не могу справиться с соблазном привести одну запомнившуюся с молодости цитату из «Записок о Шерлоке Холмсе» – очень уж она здесь к месту:

«– В жизни не встречал более запутанной истории. Не найти никаких концов. Сегодня я возился с ней весь день. [слова Лестрейда].

– И, по-видимому, она вас порядочно промочила, – сказал Холмс, дотрагиваясь до рукава гороховой куртки.

– Да, я обшаривал дно Серпантайна [пруд в Гайд-Парке, в Лондоне].

– Что? Зачем это вам понадобилось?

– Чтобы найти тело леди Сент-Саймон.

Шерлок Холмс откинулся на спинку кресла и весело расхохотался.

...Лестрейд бросил сердитый взгляд на моего друга.

– Как видно, вы уже разобрались в этом деле? – насмешливо спросил он.

– Мне только что рассказали о нем, но мое мнение уже сложилось.

– Неужели! Так вы считаете, что Серпантайн не играет тут никакой роли?

– Полагаю, что никакой.

– В таком случае, я очень прошу вас объяснить мне, каким образом мы могли найти в нем вот это.

Он открыл саквояж и выбросил на пол шелковое подвенечное платье, пару белых атласных башмачков и веночек с вуалью — все это грязное и совершенно мокрое.

– Извольте! – сказал Лестрейд, кладя на эту кучу новенькое обручальное кольцо. – Раскусите-ка этот орешек, мистер Холмс!

– Вот оно что! – сказал Холмс, выпуская сизые кольца дыма. – И все эти вещи вы выудили в пруду?

– Нет. Они плавали у самого берега, их нашел сторож парка. Родственники леди Сент-Саймон опознали и платье и все остальное. По-моему, если там была одежда, то где-нибудь поблизости найдется и тело.

– Если исходить из этой остроумной теории, тело каждого человека должно быть найдено рядом с его платяным шкафом».

Рассказ «Знатный холостяк» в переводе Д.Лившица (Конан Дойл А. Записки о Шерлоке Холмсе. М., 1956, с. 213-214).

Почему-то в последующих перепечатках ехидная шутка Холмса исчезла из текста этого перевода, хотя в английском оригинале она имеется.

невероятным он ни казался. Значит надо искать этот невидимый нам вход-выход. А где ж его искать, кроме как со стороны черной лестницы. А уж что мы там нашли, мне и в голову прийти не могло. Тем более, что это найденное окажется таким простым.

Миша, надо сказать, оценил деликатность приятеля, использовавшего в своей речи оборот *мы нашли* и тем самым разделившего свой успех на всех участников операции. И я тоже считаю, что такая позиция, занятая Костей при подведении итогов, дорогого стоит, и свойственна далеко не всем Холмсам (равно как и Ватсонам). Вот – тоже ведь милиционер, как и все те, человеческих качеств которых мы уже как-то касались, – а ведь грубым, бесчувственным держимордой его не назовешь. Тут тебе и какая-никакая, а всё же пронизательность – эффект-то налицо, чем его ни объясняй, – тут тебе и деликатность. И где же тут можно усмотреть пресловутую профессиональную деформацию личности? Правда, следует признать, что Костя в те годы был еще очень молодым милиционером. Каким он стал в дальнейшем, нам знать не дано, может, и действительно, очерствел и окостенел со временем, но почему бы ему и спустя годы не сохранить в душе те самые черты, которые тогда склонили Мишу уважительно взглянуть на своего – ранее вовсе не замечаемого – одноклассника.

Хочу еще отметить, что в своем изложении их разговоров рассказчик, описывая хитроумие и одновременно простоту бандитского «изобретения» (а как еще иначе назвать такую переделку запоров), употребил выражение: *лучшее – враг хорошего*. До того я не то что бы не понимал смысла этого присловья, но плохо представлял себе, чему оно может соответствовать в реальности. Обычно ведь его употребляют в смысле: *хватит, дескать, корячиться, и так сойдет*. Предостерегают, так сказать, от излишнего рвения. Однако наглядных примеров явного отрицательного результата такого рвения мне как-то не попадалось. И вот здесь, слушая Мишу, я воочию убедился в правоте пословицы. Ну, – поточнее сформулирую – пусть, в возможности такой правоты при некоторых обстоятельствах.

Действительно, чего добивался тот, кто решил навесить на дверь дополнительный внутренний висячий замок (ясно, что наружный замок существовал и до того)? Нет сомнений, он хотел повысить надежность запоров на редко используемой и находящейся вне постоянного контроля двери. И, вроде бы, он своей цели достиг: дверь стала заперта надежнее, а следовательно, и *лучше*, чем это было при наличии одного наружного замка. Было *хорошо*, а стало еще *лучше*. Ни войти, ни выйти, пользуясь только этой дверью, стало невозможно. Тот, кто попытался бы это сделать, даже имея ключи к обоим замкам, в любом случае, должен был пройти через другие двери. Если же они были ему недоступны, задача становилась совершенно неразрешимой. Куда уж надежнее? Но на деле, вышло наоборот: такая конструкция из двух замков позволила жуликам беспрепятственно пользоваться черным ходом, сохранив полную видимость его гарантированной неприступности. *Лучшее*, таким образом, не только не упрочило надежность запоров, но и полностью устранило эффективность того простого, однако в общем-то *хорошего* запора, который существовал до попытки его *улучшить*.

Толстой в «Войне и мире» мимоходом заметил, что глубокий смысл народной поговорки не в ее собственном содержании – оно либо банально, либо спорно (и почти для каждой поговорки можно найти другую, в которой утверждается прямо противоположное), – а в метком ее употреблении. Эти *народные изречения*, – по его словам, – *кажутся столь незначительными, взятые отдельно, и... получают вдруг значение глубокой мудрости, когда они сказаны кстати*. Глубина и верность толстовского взгляда на поговорки стала ясна мне именно в тот момент, когда Миша ввернул в свой рассказ это самое присловье про *лучшее* и *хорошее*. Употребленное моим собеседником как нельзя кстати, оно выявило самую суть описываемой ситуации, послужило, так сказать, *ярлычком*, указывающим на главную ее черту, и тем самым определило место описываемого случая среди прочих жизненных явлений. Говоря вообще, поговорка – не утверждение о реальности. *Куй железо, пока горячо* или *Поспешишь – людей насмешишь* – ну, что это за суждения? какой в них смысл? Но, сказанные вовремя, они становятся знаком ситуации, ее наименованием и, соответственно, выражают взгляд говорящего на конкретный случай. Если наименование адекватно

рассматриваемой реальности, именно его мы и воспринимаем, как меткое, кстати сказанное народное слово.

Я здесь, конечно, ушел в сторону от рассказываемой истории, но не мог удержаться, чтобы не высказаться по поводу великого писателя. Мнение о том, что Толстой при всей своей гениальности и несравненной мощи литературного таланта в качестве мыслителя ничего особенного из себя не представляет, стало, можно сказать, общепринятым. И дело здесь не столько в непререкаемом авторитете *вождя пролетарской революции*, пренебрежительно оценившего мыслительные способности своего идейного противника, сколько в общеинтеллигентском отношении *русской мыслящей публики к ретроградным тенденциям* в творчестве Толстого. Писатель он, конечно, замечательный – но ведь он, наверное, и Дарвина по достоинству не оценил, что же говорить о его высказываниях о *микробах*, о какой-то особой *мудрости* всех этих *Ерошек, Лукашек и Каратаевых*, о его взглядах на *современное искусство*, да и вообще на *прогрессивное развитие человеческого общества*. Ясно же, что во всех этих случаях он *заблуждался, недопонимал, мыслил путано и противоречиво, шел на поводу отсталой крестьянской массы, разделяя с нею ее предрассудки*, и вообще, частенько говорил очевидные глупости. Как ни относиться к Ленину, но с этим-то его диагнозом – пусть только в общем и целом – приходится согласиться. *Не может современный образованный человек считать Льва Толстого глубоким мыслителем*. Боюсь, что многие из моих возможных читателей склонны будут подписаться под таким выводом.

Но я с ним категорически не согласен. И, собственно, поэтому решился на подобное – мало подходящее для романа – отступление. Не думаю, что я так уж сильно рискую уронить свою литературную репутацию в глазах читателей – в своем предыдущем романе я отваживался и не на такие еще отступления. Чего уж мне теперь бояться?

По-моему, Толстой был умнейшим и проницательнейшим человеком, способным увидеть – в их истинном свете – множество проблем, ускользающих от внимания обычного человека или предстающих перед ним в нерасчлененном, запутанном и недоступном для понимания обличьи. Вовсе не обязательно во всем соглашаться с Толстым, но нужно хотя бы отчетливо осознавать тот уровень, на котором мыслил этот самый *бестолковый путаник*, и, уже исходя из этого, пытаться разобраться с его высказываниями по тому или иному поводу. Надо, по крайней мере, сдерживать себя, соразмеряя свою критику с истинным величием мыслей Толстого, и не поддаваться соблазну объяснять всё, с чем мы не соглашаемся и что нам непонятно, общеизвестной недалекостью толстовского ума. Он где-то сказал: *Если ты ещё не дошёл до понимания того, что две очевидные истины могут противоречить одна другой, ты ещё не начинал мыслить*¹⁸. Чем эта сентенция слабее гегелевских *раздвоения единого и тождества противоположностей*? Не говоря уже о том, что ее глубина и ясность выражения намного превосходят всё когда-либо сказанное кем-то из тех патентованных *русских мыслителей*, кто снисходительно извинял Толстому слабость его мышления за его заслуги в художественном творчестве.

Разумеется, Толстой вовсе не нуждается в защите со стороны всяких там *провинциальных любомудров и сочинителей детективных романов*. Он и сам за себя может постоять. Но дело здесь не в Толстом, а в моем желании хоть как-то поучаствовать в благом деле и внести свои три копейки в исправление перекосов общественного сознания. Захотелось мне – вот я и высказался. А вы уж теперь сами, как вам угодно, оценивайте мое высказывание и его уместность в тексте детектива. Никто не в состоянии лишить такого права читателей – в том числе и вас.

Что же касается наших сыщиков, то их разговор, начавшийся с обсуждения переделанных запоров черного хода, довольно быстро перешел на другие темы. Тут надо сказать, что по указанию Кости двери на следующий же день были возвращены в исходное состояние, а замки заменены, но обнаружить на месте какие-либо улики техэкспертам не удалось, жулики работали аккуратно и никаких следов не оставили. А посему единственный – но, тем не менее, весьма существенный – вывод, к которому смогли прийти сыщики, гласил: преступники – кто бы они ни были – неоднократно посещали институт (в «неурочное», если так можно

¹⁸ Цитирую по памяти и могу несколько исказить цитату, но ручаюсь за верную передачу ее смысла.

выразиться, время) и с самого начала (то есть, надо полагать, задолго до убийства электрика) были озабочены тем, чтобы обеспечить себе свободный вход и выход. В противном случае не было бы ни малейшего смысла возиться со всеми этими техническими городушками. Но что они делали в институте и ради чего старались создать для себя постоянный хорошо замаскированный лаз в здание, оставалось неизвестным. Ни одной хотя бы как-то обоснованной гипотезы на этот счет ни тот, ни другой из соратников по сыску предложить не смогли. Эта ниточка расследования не то чтобы оборвалась, но куда она может вести, было абсолютно неясно.

Таким образом, всё внимание сыщицкой пары поневоле переключилось на событие, о котором они мало еще что могли знать, но которое неожиданно стало частью их – и без того запутанного – расследования. При этом Миша не успел даже заикнуться о своих завиральных, как он сам выразился, идеях, связывающих смерть завскладом с предыдущими происшествиями. Костя взял инициативу на себя и – совершенно неожиданно для приятеля – повел разговор в том же самом направлении. По его словам, ситуация складывалась так, что данное ему поручение разобраться с внезапной смертью кладовщицы может оказаться не случайным довеском, который ввиду его незначительности спихнули на первого попавшегося под руку сотрудника, а реальной частью расследования, ведущегося по делу о смерти Мизулина. Пока предполагалось, что смерть Нины была вызвана естественными причинами, никаких хлопот с этим делом не ожидалось: надо было только забрать акт судебно-медицинской экспертизы, опросить двух-трех свидетелей и написать несколько бумажек.

– Тут и следователь никакой не требовался, – разъяснял Костя, – обычное формальное дознание по случаю внезапной смерти – этим райотделы занимаются. Мне и столкнули эту бодягу только потому, что я уже здесь был, – чтобы никого другого не привлекать. Но медики считают, что это отравление, – я им звонил вчера, уже после вскрытия. Они, конечно, как всегда, ни черта прямо не говорят, но предупредили, чтобы я был готов к такому заключению. Значит, почти на сто процентов уверены. Во вторник, а, может, и в понедельник к вечеру, обещали сделать анализы. И вот теперь смотри: если, действительно, отравление, то это – совсем другой колленкор. Значит, либо самоубийство, либо того хлеще – убийство. И так, и так: надо заводить уголовное дело и разбираться. Нутром чувствую: хлопот тут будет выше крыши. Правда, если выяснится, что причины ее смерти к институту и к этому электрику отношения не имеют, я буду требовать, чтобы дело передали кому-то другому, – думаю, отказа мне не будет. Но это *когда выяснится*, а кто выяснять-то будет? Мне и придется с этим возиться. Теперь уж поздно отнекиваться и уваливать – наши начальники страсть не любят, когда им подкидывают какие-то проблемы. Ты с ними столкнулся – ты и разгребай, а к начальству иди с готовым решением.

Ладно. Это всё еще впереди – видно будет, что делать. Пока что давай разберем самый сложный вариант. Он хоть и наиболее запутанный и трудоемкий, но – черт его знает! – может, в нем и плюсы какие-то обнаружатся. Будем исходить из того, что между смертью кладовщицы и убийством нашего подопечного Мизулина есть какая-то достаточно тесная связь. Может такое быть? Теоретически – не исключено. А в реальности – кто ж это может сказать?

На этом исполняющий обязанности Холмса (и, мне кажется, неплохо с этим справляющийся) Костя вспомнил о своих обязанностях хозяина и, прервав свой монолог, отправился на кухню, чтобы снять с плитки закипевший чайник. Миша же к этому моменту сам уже был близок к точке кипения: ну, как же! его идеи, – его, можно сказать, досужие выдумки, которых он и сам слегка стеснялся, – оказывались при таком повороте дел вынесенными в самый центр их расследования. *Видно, не такие уж они и завиральные*, – воодушевился он Костиным отношением к делу, – *есть тут, над чем голову поломать*. Молодому человеку – и Миша здесь вряд ли был исключением – всегда очень важно, как он выглядит со стороны: пуще всего он боится показаться глупым, смешным или попавшим впросак. Такого рода опасения *упасть в глазах окружающих* как раз и могут приводить к самым глупым, нелепым, а то и гадким, поступкам. И дело здесь, как мне кажется, не столько в окружающих (на них-то нам часто и вовсе, в сущности, наплевать), сколько в опасениях оказаться не соответствующим своему – нередко, по молодости, излишне завышенному –

образу «я». Свойственная молодым людям неуверенность в адекватности собственного представления о себе и подвигает нас шарахаться от горделивого самоуверения к ощущению себя ничтожным глупцом и неудачником. Мы и боимся-то увидеть себя не таким, как хочется, при взгляде на себя со стороны – как бы с точки зрения этих самых *окружающих*.

Когда я приятельствовал с Мишей и когда слушал его рассказы об этой загадочной истории, он вовсе не казался мне чрезмерно тщеславным, самовлюбленно выпячивающим свои реальные или мнимые достоинства субъектом. Ничего подобного я за ним не замечал. Не думаю, что он как-то заметно отличался в этом отношении от большинства знакомых мне людей. Скорее наоборот, он в своих рассказах, как мне казалось, старался не преувеличивать свою роль в происходившем и трезво оценивал свои былые подвиги и озарения. Нормальный он был человек, и я с симпатией вспоминаю наши с ним разговоры. Но здесь-то речь идет не об индивидуальной черте Мишиного характера, а о возрастном – присущем многим – свойстве. Так что вполне возможно, что десятью годами раньше он мог и всерьез переживать, *не упадет ли он в грязь лицом*, поделившись с Костей переполнявшими его *смелыми гипотезами*, убедительно обосновать которые он был, конечно, не в состоянии, и не посмеется ли приятель над его вымученными детскими измышлениями. При этом надо учесть, что приятель этот за последние дни сильно вырос в Мишиных глазах и вовсе уже не производил впечатления туповатого троечника. Теперь они стояли как бы вровень в интеллектуальном отношении, и Миша уже не мог пренебрегать мнением своего собеседника.

У меня нет возможности подробно и близко к действительности передать, о чем они рассуждали в этот день. Миша и сам уже плохо помнил все детали. Разговор был долгий, они то и дело перескакивали с одного на другое, а часто и вовсе отклонялись от основных тем. Обычный разговор за чайным столом, пересказывать который нет ни малейшего смысла, если ты не умеешь во всех этих походя сказанных фразах, оговорках и умолчаниях передавать характеры собеседников, их сиюминутные настроения, невысказанные (а может, и неосознаваемые) желания и мотивы. Мне, как вы понимаете, и мечтать о подобных вещах не приходится, и, если я, по-чеховски, вставлю в разговор какую-нибудь *жарищу в этой самой Африке*, толку всё равно не будет. Да и не нужны читателю детектива все эти психологические нюансы – не того он жаждет от истрепанных захватывающих романов.

И всё же, главное в том, что все соображения наших Холмса и Ватсона, их предположения, *смелые гипотезы* и *остроумные догадки* впоследствии были ими радикально изменены, переосмыслены, в значительной части просто отброшены, и картинка, к которой они пришли уже через несколько дней, резко отличалась от наброска, получившегося в результате субботнего *мозгового штурма*. В тот момент они фактически – и Миша должен был с этим согласиться – воодушевленно сочиняли детективный роман. Из тех минимальных обрывков информации, которые им были в это время доступны, они пытались слепить – почти что на пустом месте – хоть какую-нибудь более или менее правдоподобную конструкцию.

Общее направление их мыслей определялось смертью Нины и их стремлением связать это событие с общей – несомненно, криминальной – ситуацией, сложившейся к этому моменту в НИИКИЭМСе. Первую скрипку в их разговоре играл Костя, пытавшийся что-то сформулировать и сделать из этого определенные гипотетические выводы, в то время как Миша, плохо выполнявший роль оппонента (он не столько спорил, сколько с энтузиазмом подхватывал мысли своего соратника), был тогда истинным Ватсоном, восторгаясь открывавшимися перед ними перспективами, поддерживая выдвинутые Холмсом гипотезы, уточняя их и подкидывая свои завиральные идейки. Сыщики сошлись на том, что как убийство кладовщицы, так и ее самоубийство (а других вариантов при диагнозе «отравление» и быть не могло – не несчастный же случай предполагать!) могут оказаться связанными с гибелью Мизулина. Если предполагать убийство, то главным подозреваемым приходится, по словам Кости, считать мужа покойницы.

– В английских детективах, – продолжал он неспешно развивать эту линию, – такой вывод принимается как аксиома: речь идет о деньгах, которыми владеет жертва и которые в случае ее смерти должны достаться супругу. Но у нас-то ничего подобного нет. Ну, точнее: у нас с этим можно столкнуться, но очень уж редко. Какое богатство может быть у кладовщицы? А

если этот мотив отбросить, то зачем мужу ее убивать? Пусть она ему осточертела, и ему не терпится от нее избавиться – так разведись с ней, и всех делов. К чему все эти хлопоты с отравлением? Риск попасться и сесть на долгий срок? Нет совершенно никакого резона мужу на это решаться. Однако, можно на это посмотреть и по-другому. Не исключено, что у мужа окажется и рациональный мотив. Предположим, что муж собирается развязаться с надоевшей супругой и жениться на другой: молодой и более привлекательной. Но эта кандидатка на роль будущей жены живет в квартире родителей – своей жилплощади у нее нет. И что же им светит в случае его развода с прежней женой? Что он получит при размене их однокомнатной хрущевки? Максимум: комнатуху на подселении, да еще и в чёрти каком районе. Кого-то, конечно, это не остановит: с милым, как известно, рай и в шалаше. Но далеко не все будут этим довольны. Зато, если жена вдруг исчезнет с дороги, то он замечательно устроится со своей зазубой в той же самой квартире, в центре. Вот тебе и мотив! Наш, так сказать, социалистический вариант оставшегося от жены богатства. И подобные ситуации далеко не такая уж редкость. Хотя на столь *радикальное решение квартирного вопроса* отваживаются, слава богу, немногие. Но и сбрасывать со счетов эту возможность не стоит.

Как излагает, змей, – думал, слушая эти речи, Миша, – всё у него продумано, разложено по полочкам. Вот тебе и туповатый троечник! Это, наверно, не он, а мы дураками были – никого кроме себя не замечали.

Обосновав возможную роль мужа в коварном отравлении Нины (и поразив приятеля складностью своих речей), Костя круто повернул и двинулся в противоположном направлении. Он считал, что им следует считаться с такой возможностью, но нет смысла долго разбираться с этой версией. *Я, конечно, – объяснял он, – дам задание оперативникам прощупать мужа – когда получу акт экспертизы с заключением об отравлении (обоснование же нужно) – пусть поговорят с соседями, родственниками, знакомыми: выяснят, что у них за отношения были в семье – это, как водится – рутинные, собственно говоря, мероприятия. Но, если они что-то надывают, я с чистой совестью развяжусь с этим делом. Пусть заводят отдельное уголовное дело, назначают следователя – нас это уже беспокоить не должно. Ведь к институту это уже отношения иметь не будет – вот пусть там и разбираются по месту жительства. Им и карты в руки.* Гораздо важнее был для них другой вариант, который им придется разрабатывать, если подозрения в отношении Нининого мужа не найдут под собой серьезной почвы.

Рассуждая опять же теоретически – а приятели не уставали повторять и напоминать друг другу о заведомой гипотетичности своих построений, – можно было предположить, что две последовавшие одна за другой смерти в НИИКИЭМСе причинно связаны каким-то – еще им неизвестным – образом. И здесь намечались две разнонаправленные линии: *сюжетные линии* (если уж держаться мнения, что они под видом планов расследования упоенно сочиняли детективы – Миша, по крайней мере, не отрицал, что его *досушие измышления* не слишком далеко уходили от этого; правда, приложимо ли то же определение к гипотезам, излагаемым Костей, осталось неизвестным).

Во-первых, следовало иметь в виду, что Нина могла быть как-то впутана в ту же самую криминальную аферу, в которой участвовал Мизулин, и что она пала жертвой тех же оставшихся за кулисами уголовников, которые зарезали электрика. И тот, и другая сыграли, так сказать, свои роли, после чего их предусмотрительно удалили со сцены – да еще при этом главари сэкономили часть доходов, не поделившись ими с втянутыми в дело «статистами». В пользу такой трактовки говорили два мелких и не слишком убедительных факта. О первом Костя уже говорил приятелю раньше, а в этот раз только напомнил о том, что самодельный нож, которым был убит Мизулин, был выточен из обычного напильника, имеющего в сечении форму плоского ромба, и имел наборную ручку из разноцветных плексигласовых колечек. Костя как профессионал утверждал, что именно такие ножи распространены в тех ИТЛ («лагерях», «зонах»), где зэки имеют на своих местах работы доступ к слесарному инструменту и точильным станкам, так что появление в деле подобного ножа можно считать характерным признаком, указывающим на кого-то, уже побывавшего за решеткой. *Мода у них, видишь ли, такая, – пояснил он своему не имеющему специальной криминалистической подготовки Ватсону, – в магазине ножа из хорошей стали не купишь, а напильники по необходимости*

делают из хорошего закаленного металла. Тут Миша, хоть и не спорил с авторитетным в подобных вопросах Холмсом, но внёс свою существенную поправку и заявил, что не раз видел точно такие ножи с наборной ручкой у самых обыкновенных рабочих. Так что мода эта, хоть и появилась в специфической среде, теперь, вероятно, распространилась достаточно широко, и основывать на такой улике далеко идущие выводы было бы опасно. Сыщики сошлись на том, что как пренебрегать данным фактом, так и переоценивать его значение не стоит. Так, мелкий камешек в общую мозаику.

Другое привлекшее их внимание обстоятельство, косвенно указывающее на участие кладовщицы в темных делишках, заключалось в резкой смене ее настроения сразу же после того, как она узнала о смерти Мизулина. И, естественно, привел этот довод Миша, с затаенным удовольствием поведавший соратнику о тех разговорах, которые велись на этот счет в институте. Надо сказать, что и Холмс отнесся к услышанному со всей серьезностью. Как ни интерпретируй эту внезапную перемену привычного поведения кладовщицы, но самого факта ничто отменить не могло – слишком уж многие заметили, что *Нина всю неделю была сама не своя*: что-то не давало ей покоя и лишало былой жизнерадостности. Если отбросить внешние причины (вроде крупной ссоры с мужем), то естественно предположить, что ей стало невыносимо страшно при мысли о предстоящей расплате за висевшие на ее совести грехи. Даже если она до того и не знала, что их бывший электрик (а с ним она, несомненно, была знакома) участвует в делах той же шайки, что и она сама, ей нетрудно было сложить два и два, чтобы придти к выводу о грозящей ей опасности. С одной стороны, тот, кто оказался способен зарезать своего подельника, мог аналогично поступить и по отношению к ней (вдруг он побоится, что Нина может его выдать), а с другой – следствие по поводу убийства могло вытащить на свет и стоявшие за ним махинации, и тогда ей пришлось бы отвечать перед законом: перспектива, тоже настроение не повышающая.

Версию эту – о связи завскладом с бандитами – и Холмс, и Ватсон оценили после всестороннего обмусоливания, как более или менее вероятную, но – увы! – не имеющую под собой твердой почвы. Всё упиралось в тот простейший факт, что наши сыщики не обладали ни малейшей информацией о сущности предполагаемой криминальной аферы и не могли даже строить какие-то догадки на эту тему. О чем здесь могла идти речь, невозможно было понять. А без этого все их конструкции повисали в пустоте.

Что касается сочетания их первого предположения с самоубийством, они остановились опять же на выводе, что этого полностью исключить нельзя, но... То есть предполагать, что это не бандиты расправились с Ниной (достали-таки ее с той стороны, откуда она не ожидала угрозы), а она сама, не выдержав тягот преступной жизни и не видя для себя приемлемого выхода, решила покончить со всем этим и намеренно лишила себя жизни, ничто не запрещало – мало ли как может повести себя человек, попавший в такую стрессовую ситуацию! – но вероятность такого варианта развития событий наши сыщики оценили весьма скептически. *Вряд ли так было* – пришли они к единодушному выводу. При этом, обосновывая свой скепсис и неприятие возможности самоубийства, Костя высказал любопытное соображение, хорошо запомнившееся его соратнику. Рассказывая мне об этом, Миша в который раз восхитился Костиной прозорливостью – не завистливый он был человек, и во всех случаях он без утайки подчеркивал заслуги приятеля, не пытаясь перетянуть одеяло на себя. Редкая всё же и очень мне импонирующая черта характера. Так вот.

– Неправильная какая-то картинка получается, – заметил Костя, – не складывается. ...Вот, хотя бы то, что на работе... Обычно люди дома с собой кончают. Ближе к ночи... А здесь... Вот скажи: если человек решил уже – чего ему тащиться на работу? Одеваться, собираться... Хотя... – тут Костя запнулся и взглянул на собеседника, – на складе этом полно, наверное, всякой отравы?

– Да у нас в любой лаборатории: открой шкаф с реактивами и выбери, что тебе по вкусу, – подтвердил Миша, – что уж про склад говорить.

– Ну, ладно. Допустим. Это объяснили. Но вообще... Мотив, главным образом... Почему она так?.. Всё же люди так просто на это не решаются. Особенно люди с таким характером... Ты же сам говоришь: жизнерадостная была... сангвинического типа... Должна же она была надеяться, что как-то обойдется... Не вижу я, чтобы она чувствовала себя загнанной в угол... Хотя, что мы о

ней знаем? И всё равно, не вяжется всё это в ясную картинку. И ещё... Медики считают, что яд она приняла вместе с кофе – так они решили. По их данным, она незадолго до смерти пила кофе. Но чашки-то на столе не было. Ну, стакана – какая разница? (Это Костя отреагировал на реплику приятеля, заявившего, что кофейной посудой у Нины служили химические стаканы). Ты можешь себе представить, чтобы человек, намеренно выпивший яд, озаботился бы вымыть за собой посуду? Всё может быть, конечно, но странно это – чепуха какая-то. Не верится мне, что самоубийство. Прикончили ее – так я думаю.

И Миша не стал с ним спорить – он и сам думал также. (Не исключаю, что основной причиной здесь – не осознаваемой им, конечно, – было немаловажное обстоятельство: в случае убийства детектив получался намного интереснее, чем в предположении самоубийства).

Чувствую, что на этом мне стоит оборвать изложение тех предположений и версий, которые сыщики обсуждали тем давним субботним днем. Разговор у них затянулся до позднего вечера, и я не всё еще успел рассказать, но эта глава и так получилась у меня непомерно длинной. Пора, по-видимому, прерваться и сменить тему. А недосказанное я еще буду иметь возможность довести до сведения читателей несколько позже. Твердо намереваюсь это сделать и сдержу свое обещание.

Когда пришла пора прощаться, приятели условились встретиться в понедельник. Они решили вместе осмотреть склад, который неожиданно стал местом преступления. (Или всё же не преступления? В этом отношении они еще не пришли к окончательному выводу. Но я, как обещал, еще вернусь к описанию их сомнений и плохо стыкующихся друг с другом гипотез).

В прихожей, ожидая одевающегося Ватсона, Холмс-Костя ухмыльнулся и с явной иронией подытожил результаты их «рабочего совещания»:

– Ну, что? Не хило мы с тобой погадали на чайной заварке! – он помедлил секунду и добавил. – А что же нам оставалось? Ведь кофейной-то гущи нам покойница не оставила – помыла за собой стаканчик.

Глава четырнадцатая

Путь во тьму

Понедельник – день тяжелый. Этого принципа, сформулированного, явно, лицами, которые имеют обыкновение в выходные «расслабляться» и «отдыхать на всю катушку», но затем распространившего свое влияние на прочие категории трудоспособного населения, Миша придерживался достаточно устойчиво и старался не нагружать себя работой по этим дням недели. Но в тот раз он решил покончить с давно висевшей над ним задолженностью и довершить начатый в пятницу просмотр накопившихся за последний год реферативных журналов – дело нудное и утомительное, но совершенно необходимое в его работе. Решившись на этот трудовой подвиг, он уже в десять часов появился в институте, забрал с вахты ключ от комнаты – на этот раз он оказался первым – и, заскочив в библиотеку за журналами, усердно принялся за дело. Поскольку с Костей они договорились встретиться в пол-шестого на складе химреактивов, времени у него было достаточно, и он собирался потратить его с пользой – по-хорошему, надо было уже начинать подбирать литературу для обзора в будущей диссертации.

То, что он углубился в свои сложные *электрохимические* (или какие они там были?) проблемы, было даже неплохо. По крайней мере, эти сугубо специальные вопросы отвлекали его от непрерывного прокручивания в мозгах всё тех же идей и предположений, которые так рьяно обсуждались друзьями в субботу и которые не давали Мише покоя в течение всего последующего дня. Не то, чтобы наш Ватсон к этому моменту разочаровался в результатах предшествующей мозговой атаки, но и явственного удовлетворения от такой бесконечной умственной круговерти он уже не испытывал. Доминировало ощущение, что можно предполагать так, а можно и сяк, но и в том, и в другом случае все эти предположения не давали ясного ответа на вопрос об их дальнейших действиях. *Что нужно сделать (узнать, предпринять, с кем-то поговорить), чтобы подтвердить – или опровергнуть – то или иное предположение? Да кто ж его знает!* Оставалось надеяться на некий новый поворот ситуации и появление дополнительной информации.

Уповая на такой счастливый случай, Миша усердно прислушивался к разговорам сослуживцев, но ничего особенно интересного узнать ему не удалось. Большинство относящихся к делу разговоров было связано с потрясшей и опечалившей многих внезапной смертью Нины – она, как выяснилось, имела в их коллективе высокий, по нынешнему выражению, *рейтинг*, и многие относились к ней с определенной симпатией. Однако никаких «дружков» у нее не обнаружилось. «Подружки» были, а про «дружков» – ни сейчас, ни в обозримом прошлом – никто и не заикался. Судя по всему никого подобного и не было, а если всё же и было что-то, то это происходило за пределами института. Зацепиться в этом смысле было не за что, хотя Миша даже пускал пробный шар, спросив: *А не могла ли она покончить с собой на почве несчастной любви?* Но эта, казалось бы, столь близкая женскому сердцу, несмелая гипотеза была решительно отвергнута участвующей в общем разговоре лаборанткой, которая тесно общалась с «девушками» из бухгалтерии и, следовательно, должна была быть хорошо осведомлена обо всех амурных историях, имеющих хотя бы какое-то отношение к их институту. Обсуждался также вопрос о похоронах, которые, вроде бы, назначены на среду. При этом говорили, что основные хлопоты взял на себя муж Нины и его автобаза, где он был кем-то вроде начальника смены (небольшой, но всё же начальник). Так что от НИИКИЭМСа требовалось лишь позаботиться о выделении материальной помощи и организовать посадку людей в подаваемые автобусы, чтобы все желающие могли поехать на кладбище и в последний раз проститься со своей бывшей коллегой. Ну, конечно, венки, цветы и прочие мелкие хлопоты. Всё это было, как обычно бывает при таких обстоятельствах, и никакого значения для их расследования иметь не могло.

Единственное, что до какой-то степени могло представлять интерес для сыщиков, – однако, даже здесь речь шла, по мнению Миши, скорее всего о ерунде, не имеющей отношения к делу, – это разговоры о том, что Нина за несколько месяцев до того принимала

некий препарат, который при регулярном приеме быстро снижает вес, но в случае злоупотребления и превышения определенной дозы может сильно навредить здоровью. Как мне было рассказано, препарат этот давно известен, и еще до войны был популярен в Америке, как средство для похудения. Но потом от его применения отказались из-за его некоторых негативных свойств, хотя кое-кто – главным образом, культуристы¹⁹ – временами его использовал (сегодня его место заняли аналогичные препараты, рекламируемые как «сжигатели жира»). Вещество это простое, дешевое, относительно легко доставаемое, и покойная вполне могла раздобыть его в нужных количествах, не выходя из своего склада. Миша просветил меня относительно его химического названия, но я не стану сообщать его читателям – не хочу ввязываться в обсуждение темы, о которой имею весьма смутное представление. Пусть те, кому это интересно, сами разбираются. На свой, так сказать, страх и риск.

Информация исходила от достаточно близких приятельниц кладовщицы, по словам которых, Нина очень беспокоилась по поводу своей склонности к полноте и чрезмерного аппетита, не позволявшего ей поддерживать свой вес в пределах желаемой нормы – она действительно обладала приятной округлостью форм, которые, вероятно, привлекали дополнительное мужское внимание, но в то же время грозили с возрастом обратиться – без должного контроля со стороны их обладательницы – в свою противоположность, производя отталкивающее впечатление и похоронив любые надежды на внешнюю привлекательность. До времен, когда в качестве «топ-моделей» и эталонов женской красоты усиленно навязываются недоразвитые девочки, чей вид невольно вызывает из памяти жуткие фотографии, сделанные при освобождении немецких концлагерей, было еще далеко, но угроза избыточного веса уже, видимо, осознавалась многими женщинами, и Нина, по чьему-то совету, пыталась противостоять ей с помощью доступных и не требующих исключительной силы воли средств. Эффект такой химиотерапии, видимо, расценивался ею как удовлетворительный, так что она даже рекомендовала своим confidentкам столь простой и чудодейственный способ быстро похудеть, не отказывая себе ни в булочках с повидлом, ни в жареной картошке. Правда, никто из рассказчиц не сознавался, что последовал ее рекомендациям, да и с какой стати они стали бы кому попало об этом рассказывать?

Так вот. Кому-то из осведомленных о Нининых экспериментах над собой пришло в голову, что главной причиной ее ничем не предвещаемого конца могла стать передозировка указанного препарата. Она, дескать, по ошибке выпила слишком большую его дозу, а отсюда и столь печальный результат. Однако Мише такое объяснение показалось умозрительным и вряд ли имеющим какую-то связь с действительностью. Чтобы отравиться, нужно было принять во много раз больше этой гадости, чем принимают во время курса похудения (впоследствии Миша подробно разобрался во всех этих вопросах: дозах, симптомах, степени риска для здоровья и тому подобном). С чего бы взрослая разумная женщина так ошиблась? Что у нее совсем ум за разум зашел? *Глупости всё это* – так наш Ватсон подытожил свою оценку данного слуха. Надо сказать, что к аналогичному выводу пришло и никиэмсовское общественное мнение, охарактеризовавшее эту гипотезу, как неправдоподобную выдумку тех, кто не имеет элементарного понятия об отравлениях и о том, как они происходят. Если же, исходя из рассказанного, предполагать, что Нина использовала заведомо опасный препарат для намеренного самоубийства, то и в этом случае концы с концами сходились чрезвычайно плохо. С чего бы ей могло прийти в голову взять именно этот вид яда, ведь у нее было из чего выбрать. В любой момент на складе находилась целая батарея банок с различными ядами, в

¹⁹ Поясню на всякий случай это слово, сегодня уже, по-моему, практически вышедшее из употребления. В нынешние времена таких парней, физическими упражнениями наращивающих свою мышечную массу, называют обычно «качками». Но тут есть и некоторый нюанс: *качок* стремится накачать мышцы, чтобы иметь гарантированную возможность в любой момент набить кому угодно морду, в то время как *культуристы* напирали, главным образом, на красоту атлетически сложенного мужского тела и даже проводили какие-то смотры и состязания (вроде собачьих выставок), на которых демонстрировали свой великолепный экстерьер друг другу и всем пришлым зрителям. Хотя, конечно, кто его знает, чем они на самом деле руководствовались, выбирая себе такое хобби. Давно всё это было.

числе которых были и часто применяемые в химических экспериментах производные барбитуровой кислоты – то есть классические снотворные средства, несомненно, занимающие первое место в мире по частоте их использования самоубийцами. Чего же проще и лучше? Выпил – тихо и мирно уснул: ни боли, ни прочих нежелательных последствий. Нет – не вяжутся эти домыслы с реальностью. И хотя Миша намеревался рассказать о них своему Холмсу, сам он не придал им большого значения.

Теперь, я думаю, подошло время вернуться немного назад и продолжить отчет о тех дебатах, которые наши сыщики вели в субботу. Так будет понятнее, почему Миша, который обычно легко воспламенялся при возможности пофонтанировать *безумными идеями*²⁰ и смелыми гипотезами, относился к собственным соображениям и предположениям по поводу смерти Нины не то чтобы скептически – ведь рассуждали они, вроде бы, вполне здраво и логично, – но всё же как-то уныло и без особой уверенности.

Обсудив со всех сторон версию о связи кладовщицы с преступниками, которых можно было подозревать и в ее отравлении, – версию, во всем сыщиков устраивающую и внутренне непротиворечивую, но не имеющую ни малейшего фактического подтверждения, – приятели перешли к альтернативной гипотезе. Она заключалась в предположении, что связь между Мизулиным и Ниной возникла не вследствие их совместного участия в чьих-то темных махинациях, а была непосредственной и имела под собой амурную, скажем так, почву. Идея эта пришла Мише в голову днем раньше, и он с нетерпением ожидал, когда он сможет изложить ее своему партнеру.

Радикально переворачивая взгляд на всю ситуацию, эта гипотеза обладала несомненными достоинствами, поначалу совершенно очаровавшими нашего Ватсона. Главное: она позволяла избавиться от постулирования неких – никому не ведомых – преступников, неизвестно зачем старавшихся проникнуть в их заштатный НИИКИЭМС. Ведь именно в бессмысленности такого поведения профессиональных бандитов и состояла чуть ли не главная странность и непонятность этого дела. Нечего им было тут делать! Теперь – после успеха их исследовательской экспедиции к двери черного хода – стало ясно, что озадачивавшая всех феноменальная способность преступников проникать в институт через все решетки и запоры и столь же фантастически исчезать в кратчайший срок с места происшествия не требовала никаких криминальных талантов. Обнаруженное сыщиками простейшее приспособление могло быть оборудовано любым человеком, имеющим привычку работать руками. И не только квалифицированному электрослесарю Мизулину это было раз плюнуть, но и сам Миша брался выполнить такую несложную работу за какие-нибудь полчаса-час. А после такой переделки запоров любой, имевший ключ от наружного замка, мог безо всякого труда проходить туда и обратно через «наглухо запертые двери». Основной довод в пользу существования шайки ловких воругов, таким образом, исчез, и, повернув ход расследования в другую сторону, можно было надеяться на избавление от головной боли в отношении их загадочной преступной деятельности.

Предположим, фантазировал Миша, между двумя – близкими по возрасту и уже ранее знакомыми – людьми возникают некие пылкие чувства, перерастающие в тесную интимную связь, которую приходится тщательно скрывать от окружающих, – Нина замужем и пока еще вовсе не собирается резко менять свою жизнь. Перед любовниками встает вопрос о месте встреч, поскольку встречаться у Нины, когда муж уходит на дежурство, слишком рискованно, а избрать местом свиданий комнату Саши она считает тоже неудовлетворительным решением. Во-первых, кругом всегда есть люди – и еще неизвестно, с кем можно случайно столкнуться на улице или в подъезде, – а во-вторых, слишком далеко – оттуда до шести утра и не уедешь. Естественная в таких условиях мысль: воспользоваться хорошо знакомым им обоим зданием института. Огромное пустое весь вечер и всю ночь помещение. Вероятность встретить кого-то знакомого – практически нулевая. Никого ведь – кроме вахтера – почти никогда нет. Здание в центре. И вполне приемлемые бытовые удобства: вовсе не обязательно ориентироваться

²⁰ Это, приписываемое Нильсу Бору, ходячее выражение было в те давние годы в большой чести и повторялось в сотнях журнальных статей, в которых описывались увлекательная жизнь и свершения ядерных физиков, кибернетиков и прочих счастливых, находившихся *на переднем крае науки*.

только на склад – в приемной, например, роскошный диван²¹, тепло, чисто. Чего еще желать? После небольшой переделки Мизулиным входной двери (вероятно, не без помощи Нины, незаметно позаимствовавшей с вахты ключ от внутреннего замка) и несложного подбора требуемых ключей (а любовники могли воспользоваться не только приемной, но и какой-то из лабораторий, где тоже имелись разные диваны и кушетки) любовное гнездышко можно было считать обустроенным. В течение некоторого времени между ними существовали, вероятно, идиллические отношения, в связи с чем бывший пьяница резко покончил со своим пороком и, как мы знаем из рассказа соседки, даже начал строить далеко идущие планы.

Миша сознавался, что доведенная до этой черты история, которую он себе вообразил, ему, в общем и целом, нравилась. Всё очень просто, естественно, ничто не выбивается из ряда обыденных реальных историй, происходящих в нашей жизни или параллельно с ней. И при этом данное предположение решало серьезные проблемы, стоящие перед расследованием. Но... Неминуемое продолжение данной – взятой на вооружение – версии нравилось Ватсону намного меньше, так что он ожидал от Холмса строгой критики в этом пункте.

Чтобы объяснить в рамках амурной истории гибель электрика, приходилось предполагать, что между любовниками возникла жуткая ссора. Причем разразилась она внезапно и в одночасье – ведь еще вечером Мизулин отправился на очередное свидание с любимой женщиной, а к утру его хладный труп уже обнюхивала розыскная собака. Следовательно, что-то вдруг вывело женщину из себя – нечто непереносимое, бьющее в самую болезненную точку, какая-то нестерпимая обида, предательство, оскорбление, которое можно искупить только смертью... напрасно даже гадать, что это могло быть, – для этого надо изнутри прочувствовать ситуацию, о которой теперь и не у кого узнать. Мстительница благополучно избежала моментального разоблачения, никто ее не подозревал, но убийство любовника, совершенное в порыве страсти, не давало ей возможности жить по-прежнему – жизнь ее потеряла всякий смысл, и она через несколько дней – под влиянием невыносимых переживаний, а возможно, и раскаявшись в содеянном – покончила с собой. Страх оказаться в тюрьме и пройти свой крестный путь до конца оказался сильнее страха небытия.

Вот эта часть истории – начало которой вполне удовлетворяло автора гипотезы – казалась Мише какой-то нескладной и напыщенной, как будто бы сочиненной бездарным халтурщиком, сколачивающим одну за другой свои слезливые мелодрамы. *Как будто из фильма «Цыган» взято*, – объяснял он мне свои сомнения в правдоподобии такой версии произошедшего. Сюжетом этого фильма – я его не видел (а если и видел, то совершенно не запомнил), и потому ничего о нем сказать не могу, – рассказчик почему-то пользовался как эталоном художественной фальши и той неистребимой, пробивающейся через любые редакторские препоны, бульварщины, которая почти неизбежно служила противовесом

²¹ Об этом начальственном диване, в свое время поразившем нашего героя аккуратностью и добротностью кожаной обивки и благородным изяществом классических форм, стоит сказать пару отдельных слов. Миша был так восхищен этим – впервые в жизни попавшемся на его пути – совершенным творением мебельного искусства, что дал себе обет, что, когда он обзаведется семьей и у него появится собственная квартира, он непременно приобретет себе аналогичный диванчик – из кожи (своей личной кожи) вылезет, но добьется желаемого. Правда, в тот момент, когда он делился со мной планами тех лет – слегка посмеиваясь над своей молодой горячностью, – его давняя мечта еще не претворилась в жизнь. Более того: с каждым годом шансы на ее осуществление всё уменьшались. И поступающие в продажу диваны становились всё примитивнее и невзрачнее, а цены на натуральную кожу поднялись на астрономическую высоту (куртку не купишь – не то что диван), и «достать» самую обыденную приличную мебель становилось всё труднее. Остается только надеяться, что произошедшие за последние годы крутые перемены в нашей жизни позволили, наконец, Мише стать обладателем *настоящего дивана*. И теперь он имеет возможность в любой момент расположиться на таком – достойном истинного джентльмена – ложе и раскрыть какой-нибудь детективчик, а через несколько минут после этого блаженно захрапеть. Жаль только у меня не будет возможности передать ему этот роман, родившийся на основе его рассказов, – увы, мы с ним давно расстались, он куда-то переехал, и никакой связи с ним у меня нет. Не исключаю, что он и вовсе покинул пределы нашей страны и уже там – «за бугром» – обзавелся вожделенным *диванчиком*. Дай ему, как говорится, Бог! Я был бы очень рад узнать о каких-то его удачах и достижениях.

казенной мертвечине при описании «советского человека» в многочисленных литературных поделках «соцреалистического» покроя. Что-то во всем этом было не так: натянуто, неестественно и плохо вязалось с Мишиными представлениями об окружающих людях. Хотя бы с той же Ниной, с которой он, пусть и весьма поверхностно, всё же был знаком. Конечно, в жизни всё может быть. Если какое-то событие пришло вам на ум, то – как бы глупо и несообразно оно вам ни казалось – значит, подобные события уже не раз где-то и с кем-то происходили. И не стоит слишком полагаться на наши собственные представления об окружающих всех нас так называемых *нормальных людях*. Все мы очень разные, и даже относительно самих себя мы вполне можем заблуждаться – то есть относительно того, как мы поведем себя в той или иной ситуации, с которой еще не сталкивались в предыдущие годы. Не стану в очередной раз повторять свое излюбленное изречение о *потёмках* – боюсь, читателю оно могло уже и надоест. Надеюсь, всё здесь ясно без излишних долгих рассуждений. Примем это за аксиому: *в жизни всякое бывает*.

Пусть *русская женщина* – а Нину, по-видимому, можно было считать близкой этому архетипическому образу, – та, что *коня на скаку остановит и в горящую избу войдет*, неизбежно должна обладать и оборотной стороной столь сильного характера, а значит, быть способной в случае нестерпимой обиды ошарашить, не долго раздумывая, обидчика чугунной сковородкой по темечку или воткнуть ему под ребро схваченный со стола нож. И не важно, кто окажется ее обидчиком, – муж ли, любовник, а хоть бы и сам барин – когда она действует под влиянием сильного чувства, вряд ли что-то сможет ее остановить. Говорят, за это и ценятся русские женщины в всем мире.

Пусть так. И всё же была в этой мелодраматической истории бьющая в глаза нескладность, излишняя взвинченность, надуманность и необязательность, не позволяющие принять ее без возражений и с внутренней убежденностью в ее правоте. Однако – как ни изворачивайся – сомнительная, с этой точки зрения, развязка всей истории неизбежно следовала из ее начальной части, которая так соблазняла нашего героя своей ясностью, логичностью и сулила успешное разъяснение всех (или почти всех) предшествующих вопросов. *Может быть, дело в том, что мы не знаем каких-то важных фактов*, – продолжал Миша снова и снова прокручивать в мозгу одни и те же аргументы и контраргументы, – *нам ведь практически ничего не известно об их взаимоотношениях. А узнай мы это, не исключено: все детали сложились бы в округлую и убедительную картинку*. В любом случае достоинства такой версии говорили сами за себя, и было бы глупо отбрасывать ее на том лишь основании, что она – на сегодняшний день (не надо об этом забывать: именно на сегодня) – не представляется кристально ясной и завершенной. Таков был общий вывод, к которому пришел Миша перед тем, как в субботу встретился с ожидавшим его Холмсом. А потому он с понятным нетерпением готовился к моменту, когда сможет поделиться с соратником своим оригинальным взглядом на суть расследуемого дела.

К его безграничному удивлению, взявший на себя роль основного докладчика Холмс, продолжая излагать свое видение обсуждаемой ими ситуации, перешел к формулированию ровно той же версии, которая так занимала воображение ошеломленного Ватсона, услышавшего от Кости свои собственные уже второй день не дающие ему покоя мысли. *После этого я окончательно убедился*, – рассказывал мне Миша, – *что не сверху вниз мне надо смотреть на Костю Коровина, этого самого «Коку», когда-то имевшего репутацию «туповатого и бесцветного троечника», а как бы ни наоборот. Очень он меня поразил*.

Правда, Костя строил свою гипотетическую конструкцию несколько на иной основе, что не помешало ему прийти практически к тем же самым предположениям и выводам. Исходно Костя опирался на ту совокупность мелких фактов и тонких деталей, которая была сведена воедино в рассказе соседки Мизулина, сумевшей убедительно и весьма правдоподобно объяснить разительные перемены в поведении ее бесталанного соседа в последний месяц его жизни. Надо полагать, присущие этой простецкой с виду *сибирской мисс Марпл*²²

²² Здесь, естественно, возникает вопрос: нет ли тут анахронизма? могли ли наши сыщики упоминать в разговоре прославленную героиню Агаты Кристи? Конечно, когда Миша рассказывал мне всё это, и я, и он уже были хорошо знакомы с этим именем – я ведь уже говорил, что и познакомились-то мы на почве общей

проницательность и умение непротиворечиво компоновать в стройную теорию мельчайшие улики произвели большое впечатление на нашего Холмса. Костя сделал следующий шаг и предположил, что неведомой «зазной», в реальном существовании которой Порфирьевна²³ не сомневалась, была никиэмсовская кладовщица, выдвинутая в центр внимания своей внезапной и не имеющей естественного объяснения смертью. В дальнейших же своих рассуждениях он следовал практически тем же самым путем, что и его соратник. Миша слушал Костин монолог с двойственным, как он потом признавался, чувством: к понятному ощущению некоторого разочарования, возникшему вначале – *эх, не удалось утереть нос этому всезнающему Холмсу и блеснуть оригинальной гипотезой, кардинально меняющей весь взгляд на ситуацию!* – примешивалось другое, впоследствии возобладавшее в Мишиной душе и гораздо более приятное соображение: *не так уж видно плоха идея, в которой он сам начал уже сомневаться!* Если одни и те же соображения пришли в голову двум независимо рассуждающим сыщикам, то, почти наверняка, в них есть рациональное зерно, некая реальная логика фактов, склоняющая мысли разных людей в одну и ту же сторону. Значит надо не сомневаться и выискивать в этой идее слабые моменты – они, конечно, в ней есть и даже бросаются в глаза, – а искать новые факты и доводить перспективную идею до ее окончательной формы.

Но как себя не уговаривай, а сыщикам пришлось признать, что их новая версия прискорбных событий в стенах института не вполне удовлетворительна. В конечном итоге они решили признать ее основной, в то время как первоначальную версию («бандитскую») отодвинуть пока что на задний план и вернуться к ней, если появятся какие-либо новые убедительные факты, говорящие в ее пользу. Но оба согласились, что не стоит излишне обольщаться: новая версия при всех своих преимуществах была еще очень сырой, в ней многое было неясно, шатко и – по большому счету – противоречиво. Костя в своем анализе сделал упор на два сомнительных момента.

Во-первых, по его словам, если брать за основу наблюдения и выводы дотошной Порфирьевны, явно обладающей задатками серьезного сыщика, то Нина очень плохо подходила на роль пресловутой «зазной». Мизулин никак не мог связывать свои надежды на обретение материального благополучия в недалеком будущем с ничем в этом смысле не примечательной завскладом химреактивов. О каком богатстве могла идти речь, если Нина получала, наверное, рублей восемьдесят в месяц, да и стащить на этом складе было практически нечего? Но если полагаться на интуицию мизулинской соседки, хорошо разбирающейся в людях вообще и достаточно долго наблюдавшей за своим соседом,

любви к творениям «королевы детектива». Но вот раньше, в начале семидесятых, могло ли это имя всплыть в разговоре простых, читающих только по-русски, советских молодых парней? Еще относительно недавно ответ на этот нехитрый вопрос потребовал бы серьезных библиографических разысканий и стоил бы мне, наверное, нескольких вечеров, проведенных в читальном зале. Да и вряд ли бы я пошел на это – скорее, просто вычеркнул бы этот сомнительный пассаж из текста. В конце концов, никакой важной роли это выражение не играет и употреблено мною лишь для красного словца и ради моих собственных стариковских воспоминаний о разговорах с героем и фактическим соавтором будущего романа – *да, дескать, были люди в наше время, в то время как сейчас... иных уж нет, а те далече*, ну и тому подобное. Однако теперь мне достаточно открыть книжку Бавина – за которую и я, и другие любители детективов премного благодарны ее автору – и выяснить, что к указанному времени в наших журналах уже были напечатаны два романа Кристи и несколько ее рассказов, по которым советские читатели могли познакомиться с этой вызывающей восхищение английской старой дамой. Так что, теоретически, Костя мог упомянуть ее имя, а Миша понять, о ком идет речь, но, разумеется, более вероятно, что в данном случае речь идет о невольном сдвиге в памяти рассказчика.

²³ Ради шуток можно было бы задаться вопросом: не был ли небезызвестный *Порфирий Петрович* ее дальним предком? Ведь в старинных семьях имя частенько переходило от деда к внуку, и таким образом, знаменитый литературный герой мог приходиться прадедом проницательной старушки, всплывшей век спустя на страницах нашего романа. Нетрудно посчитать, что ее дед должен был, по всей вероятности, появиться на свет в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого столетия, что вовсе не противоречит предположению о его рождении в семье петербургского *пристава следственных дел*, и затем передать унаследованный от отца сыщичий талант своим потомкам. Но я не стану далее развивать эту тему: боюсь, такое *занимательное литературоведение* может не показаться забавным моим будущим читателям.

«Сашка» определенно рассчитывал выйти на совершенно другой уровень благосостояния. Не сходятся здесь концы с концами. Либо Порфирьевна в этом ошиблась, либо всё-таки – не Нина.

Во-вторых, как откровенно заявил Костя, есть еще более неприятный момент: вторая версия неизбежно предполагает самоубийство, с самого начала представлявшееся крайне маловероятным. И с этим Миша однозначно согласился: его и самого тревожило такое бросающееся в глаза противоречие. Доводы против возможности самоубийства, которые его соратник приводил при обсуждении первой версии (с участием бандитов), показались ему весьма здравыми, и он не стал их оспаривать, хотя и тогда уже осознавал, что они прямо противоречат его собственной – амурной – версии расследуемых смертей. Ведь, если не принимать во внимание существование некоей преступной шайки и считать, что Мизулина убила его любовница, то неизбежно следует, что смерть Нины – результат самоубийства. Не считать же, что в действие вмешалась еще одна – внешняя – сила (Нинин муж что ли? или кто?), не имеющая прямого отношения ко всей предыдущей истории. Что-то уж совсем чепуха какая-то получается! Концы и здесь сходятся не хотели.

В своем обсуждении данной версии Костя коснулся и загадочного «постоянного возвращения трупа». По его мнению, принятая ими на вооружение «амурная» версия давала хоть какую-то – правда, весьма шаткую и неубедительную – возможность придать этому «спектаклю» рациональный смысл. Он решительно не мог представить себе, чтобы за кулисами этого макабрического представления скрывались матерые профессиональные преступники. *Не их это стиль. Не станут они такой ерундой заниматься. Они – люди серьезные, большей частью простые, грубые, примитивно мыслящие. Еще над какими-то своими «корешами» они могут зло подшутить, но чтобы они связывались с бабкой-вахтершей... Не, не могу я в это поверить. А вот, если речь идет о простых работяге и кладовщице, дело выглядит несколько иначе.* Тут в его рассуждения встрял Миша, и они вместе стали судить да рядить, могли ли любовники пытаться таким изощренным способом напугать вахтершу и отвадить ее от привычки проводить регулярные осмотры здания. Миша нашел неплохое, как ему казалось, объяснение, почему те, кто хотел напугать, так прицепились именно к Бильбасовой: *Да другие-то вахтеры, поди, никаких обходов и не делали – залягут с вечера да и дрыхнут до утра. Я бы тоже, –* добавил он после некоторого раздумья, *– наверное, так поступал – какой смысл по этим этажам ноги бить? Может, стоит их расспросить: делали они обходы или нет?* Но Костю такое предложение не заинтересовало: *Без толку – никто не сознается, будут талдычить, что всё делали по инструкции. Знаю я этих свидетелей из народа: их хоть как изблещай, хоть прямо за руку схвати – они будут тупо твердить, что всё делалось правильно, и никаких нарушений они не допускали.* Он немного помедлил и добавил: *Разумная, кстати сказать, тактика. Пусть все знают, что ты врешь – а ты, тем не менее, не сознаешься: доказывайте, если сможете. В большинстве случаев эффективный прием оказывается – плюнут и отстанут.*

После всех этих пересудов – они, надо признаться, были довольно вялыми, поскольку ни одной свежей идеи у приятелей не появилось, – сыщики пришли (а точнее, вернулись) к уже сделанному когда-то выводу: если считать, что идиотическое представление было устроено не бандитами, а самим Мизулиным с его зазнобой, то даже в этом случае картинка становится несколько проще, но не намного понятнее – что-то в ней явно не так. И предполагаемые мотивы поведения любовников не вызывают доверия (не лучше ли было им просто сидеть тихонечко и никак о себе не заявлять?) и особенно способ, который они выбрали, уж очень подозрителен: что-то, граничащее с психопатологией, нормальному человеку такое вряд ли может придти в голову. Так что, это обсуждение свелось к одному: ничего здесь непонятно, но надо полагать суть дела не в этом, а потому не стоит, по-видимому, расшибать лоб о стену, – может потом, кое-что и прояснится.

И вот тут Костя выдвинул на обсуждение нетривиальную, прямо скажем, идею.

– А не может ли... – начал он неуверенным тоном, и Миша чувствовал, что Холмс колеблется: говорить или всё же не стоит. – Не может ли эта самая Бильбасова оказаться ясновидящей? Иметь такой дар, или способность, видеть то, что еще не произошло, но уже готово произойти? Нет, ты погоди! – отреагировал он на восторженное Мишу. – Погоди, я

сначала доскажу, а потом уж... Я не хуже тебя понимаю, что это дико звучит. Но ты всё же дослушай. Я как рассуждаю: мы, конечно, во всякие-такие штучки не верим, отмечаем сходу мысли о чем-то подобном – нет ничего такого, и весь сказ. Но ведь люди – до нас – на протяжении многих тысяч лет все как один верили, что всё это не только возможно, но и реально существует. Все эти гадания, предсказания, пророчества. Мы считаем, что все они заблуждались. Но может ли это быть? Тебе не кажется, что такое всеобъемлющее заблуждение – одинаковое во всех частях света и во все без исключения эпохи – гораздо более удивительно, чем любое ясновидение? Можем ли мы утверждать, что жившие до нас люди – в массе своей – были сплошь легковверными, ничего не соображающими глупцами? Да, они были необразованными, неграмотными, у них не было той науки, которую мы знаем, но обыденный здравый смысл-то у них был? Могли же они наблюдать, сопоставлять, делать выводы? Вот предположим, я раз за разом предсказываю, где следует искать потерявшуюся корову или куда ворюга спрятал украденный полушубок – можешь ты это заметить и сделать вывод, что я обладаю таким полезным свойством: умею видеть то, что не видно другим? Знание какой науки тебе потребуется для такого вывода? Положим, ты не понимаешь, как я это делаю – я и сам могу этого не понимать, – но заметить-то этот факт мы в силах. Почему же мы отказываем этим людям в адекватности их оценок и суждений? А может, это мы заблуждаемся, отменяя с порога все такие необычные случаи? Мы укоряем их – все эти бесчисленные поколения – в том, что они слепо верили во все сказки, которые им рассказывали их деда. Ну, а мы-то разве не так поступаем в подобных случаях? Мы-то к чему апеллируем? В чем состоит *наша* доказательная база? Разве не в аналогичных сказках, которые рассказывали *наши* деда, – то есть те несколько десятков образованных людей, что заложили фундамент современной науки? Можешь ты привести какие-то убедительные аргументы, доказывающие принципиальную невозможность ясновидения? Причем, подчеркиваю, такие аргументы, которые прямо или косвенно не опирались бы на *научное предание* – то есть те самые дедовские сказки? Не вижу я таких аргументов – более того я не вижу, чтобы кто-то их искал. *Нет такого и не может быть никогда* – вот и вся аргументация. И еще. Зайду с другой стороны. Ты знаешь, что такое радиоуглеродный метод датировки?

– Ну еще бы, – Миша даже слегка оскорбился. – Я ведь химик всё-таки.

– Вот. А представь себе, что археологу начала века представили бы данные, полученные этим методом. Принял бы он их? Не посчитал ли бы шарлатанами тех, кто утверждает, что вот этой полуистлевшей деревяшке четыре с половиной тысячи лет? Поверил бы он такому чуду? А ведь этот метод реально существует, и он дает реальную возможность таких, казавшихся чудесами, определений. Или вот еще: недавно разработали такой метод, который позволяет, взяв камни из какого-нибудь первобытного костра, горевшего, может, сколько-то десятков тысяч лет назад, определить, когда какие-нибудь неандертальцы последний раз зажигали этот костер. Слышал про такое?

Миша про этот метод тогда еще не знал, в чем честно и сознался.

– Ну да. Новый метод. Я сам только на днях про него услышал. Не понял, в чем там физическая сущность – да это и не важно. Ты лучше ответь: если бы я тебе сказал, – не ссылаясь на авторитет современной науки, а так попросту сказал, – что знаю человека, который умеет такое делать, ты бы поверил? Не посчитал бы, что я иду на поводу дедовских сказок и замшелых предрассудков? Да и стоит ли тут приводить примеры из каких-то наук? Вот, кто-то сказал бы в начале века студенту Петербургского столичного университета, что тот еще при жизни сможет видеть и слышать человека, который находится в закрытой со всех сторон комнате за несколько километров от наблюдателя. Не покрутил ли бы пальцем у виска этот студент – один из тех, кого можно считать цветом тогдашней образованности, – не посчитал ли бы говорящего за полусумасшедшего визионера, а то и вовсе за жулика? Почему же мы, прекрасно зная о множестве подобных примеров, поступаем точно так же, как только столкнемся с чем-то нам – современным людям – непонятным?

Я к чему веду. Я не предлагаю, считать бабку ясновидящей, – это был бы перебор. Но может быть, не стоит и напрочь сбрасывать со счетов такое объяснение. Перед нами некий непонятный нам феномен, и мы не знаем, как его истолковать. Ничего с этим не поделаешь. Ясновидение, которое якобы может объяснить то, с чем мы столкнулись, для нас столь же

непонятно, так что практически мы, собственно, ничего не выигрываем, приняв такое объяснение. Мы могли бы просто постулировать, что есть некий неизвестный нам X, который стоит за открывшейся нам картинкой. Но за представлением о ясновидении стоит огромная традиция, к которой, на мой взгляд, стоило бы отнестись с должным вниманием. Не выбрасывать ее на помойку, пока мы с ней не разобрались и не научились по-своему, на сегодняшнем научном уровне, истолковывать подобные случаи. И потому, давай исходить из того, что все эти видения вахтерши *могут быть* результатом ее специфической способности. Именно *могут*, а не *есть*. Пусть шансы на это невелики, но это и не исключено. Найдем лучшее объяснение, тогда перейдем на более прочную позицию, а пока что будем использовать этот термин *ясновидение*, как временную мыслительную конструкцию, замещающую наше незнание. Ну, теперь всё сказал, что хотел. Как ты на это смотришь?

Когда Миша пересказывал мне эту Костину речь, он явно относился к словам приятеля отстраненно скептически, хотя и с определенным уважением к ораторским способностям говорившего. *Вот, дескать, какую речугу загнул. Занесло парня. Но как ловко и доходчиво излагал – заслушаться можно, если своего твердого мнения не имеешь.* Однако я сильно сомневаюсь, что точно таким же было отношение нашего Ватсона к услышанному в тот давно прошедший субботний вечер. Во-первых, Миша был тогда на десять лет моложе, а, нет сомнений, наше отношение ко всем таким загадочным явлениям в природе и человеческой психике сильно меняется с возрастом. И по себе сужу (меня, как я уже однажды признавался, в молодые годы сильно занимал феномен *телепатии*), и по другим примерам из жизни. А во-вторых, не только сыщики были за десять лет до того совсем молодыми ребятами, но и время тогда – шестидесятые, да и начало семидесятых – было другое. Было в те годы определенное воодушевление в отношении близких побед человеческого разума. От науки тогда ожидали чудес, и нельзя сказать, что это были лишь необоснованные иллюзии. *Человек покоряет космос. Вычислительные машины играют в шахматы и сочиняют музыку. Ученые на пути к тайнам человеческого мозга.* Это ведь не просто заголовки журнальных статей тех лет, за ними ведь стояла определенная реальность. Представления о мире и связанные с ними возможности человека менялись очень быстро, и трудно было усомниться в том, что еще чуть-чуть поднапрячься *и на Марсе будут яблони цвести*. А почему бы и нет? То, что совсем недавно воспринималось бы как чудеса, на наших глазах становилось обыденными фактами. Не случайно, что именно в эти годы пышным цветом расцвела научно-фантастическая литература, которой зачитывались миллионы людей. И это была не нынешняя «фантастика» с ее *космическими рейнджерами*, мордобоем в отсеках звездолетов и жуткими *инопланетными монстрами*. Нет, в той – настоящей – фантастике интерес был сосредоточен отнюдь не на ужасах и не на приключениях *крутых парней*, отправившихся, надо полагать, к звездам прямо из чикагской подворотни, а на полете ничем не сдерживаемой мысли, на оригинальных идеях, на попытках по-новому взглянуть на мир, увидев его в необычном ракурсе, на пусть даже сумасбродных, но занимательных выдумках, в которых наши представления переворачивались самым неожиданным образом. В этих книжках отражалось настроение эпохи, как в нынешних монстрах отражается типичное умонастроение наших дней.

Так что, я думаю, слушая холмсовский монолог, Миша был настроен гораздо менее скептически по отношению к ясновидению и прочим подобным явлениям, которые позднее получили уклончивое и политкорректное название *паранормальных*. Во всяком случае спорить он с товарищем не стал, и они сошлись на том, что предположение о наличии у никиемсовской старухи-вахтерши способности к предвидению будущего, выражающейся в появлении у нее ярких, реалистических картинок того, что еще только должно произойти, никак не может помешать проводимому ими расследованию. *Правда, помочь оно тоже вряд ли поможет*, – уныло завершил Костя их вялую дискуссию по этой проблеме.

– Уфф! – в этом месте я могу облегченно вздохнуть и разогнуть усталую спину, натруженную долгим сидением за машинкой. Свое обещание я выполнил и – как сумел – донес до читателя содержание длинного разговора, в котором наши герои прикидывали различные варианты и версии. В них они не только пытались непротиворечиво втиснуть известные им факты – фактов-то было раз, два и обчелся! – но и так их дополнить своими предположениями, чтобы получившиеся версии выглядели более или менее правдоподобно.

Покончив с этим, я с чистым сердцем возвращаюсь к тому понедельнику, когда Миша, сидя в лаборатории, корпел над своими журналами и в то же время дожидался момента условленной еще в субботу встречи с Костей. В назначенный час он спустился на первый этаж, – в коридорах было пусто: как и предполагалось, большинство ниикэемсовцев уже разбежалось по домам – так что Миша подошел к двери склада никем не замеченный. Сквозь щелку чуть приоткрытой двери пробивался электрический свет – значит Костя уже здесь. Распахнув двери, наш Ватсон шагнул через порог и поздоровался. В комнате был не только Костя, но и уже знакомый нам Олег.

– Здравствуйте, сыщики! – бодро приветствовал их Миша. – Уже за работой? Ну и как успехи? Накопали чего-нибудь?

Он считал, что теперь они могут считать себя знакомыми, и легкий оттенок фамильярности в общении не повредит – излишне официозный тон был бы, как ему казалось, неестественным, и как раз он мог бы возбудить у Олега нежелательные подозрения.

– Трудимся. Рано еще об успехах рапортовать. – отвечал ему Костя и так же непринужденно поздоровался (похоже, он был согласен на выбранную приятелем манеру общения – на равных, открыто, но без признаков какой-либо близости). Олег тоже невнятно промычал что-то приветственное. Он, по-видимому, посчитал Мишу равным по рангу своему непосредственному начальнику и к обоим обращался с оттенком почтительности, стараясь держаться на заднем плане и не брать на себя инициативу.

– Что будем искать? – бодрым голосом осведомился Миша, продолжая держаться принятого тона.

– Поглядим. Осмотримся. И... главное, нам надо забрать на анализ все пищевые продукты из этой комнаты. Раз есть подозрения – надо проверить для порядка. Давай, Олег, доставай бланки – не будем тянуть с этим.

Молчаливый стажер безропотно выудил из принесенного портфельчика несколько бумажек и уселся за стол, на который Костя шустро выставил немногочисленные «пищевые продукты», обнаруженные им на висевшей слева от стола полочке. Не забыл он заглянуть и в холодильник, откуда извлек сверток в полиэтиленовом пакете и почти израсходованную пачку масла.

– Так. Пиши: следственная группа в составе... и так далее ...произвела выемку... короче, сам соображай. Если что непонятно, спросишь.

– Адрес полностью указывать?

– А как же! Номер комнаты знаешь? ...Тринадцатая, между прочим, комнатка-то.

Олег усердно корябал всё это в своем «Акте выемки...» (или как он там назывался), поминутно встряхивая свою не желавшую исправно подавать чернила авторучку, а Костя несколько выждав, стал диктовать ему перечень изымаемых материалов.

– Первое: сахар-песок в фаянсовой сахарнице – одна штука. Ты поубористей пиши, чтобы... раз, два, три... семь позиций вошло. ...второе: сахар пилёный в начатой фабричной упаковке...

Далее следовали:

3. Кофе молотый (начатая пачка) – 1 кор.

4. Кофе растворимый (начатая банка) – 1 шт.

Эта позиция была удостоена особого внимания и сопровождалась Костиным комментарием: *Надо же как ваши кладовщики живут.* Дело в том, что в то время растворимый кофе был еще малодоступной новинкой, и Мише, например, только один раз удалось его попробовать в гостях у зажиточных родительских знакомых. Нина, по-видимому, тоже высоко ценила этот редкий и дефицитный продукт – банка стояла на полке на заднем плане и была скрыта за стоявшей перед ней посудой.

5. Соль (белый кристаллический порошок) в стеклянной баночке из-под майонеза – 1 шт.

6. Бутерброды с маслом и докторской колбасой – 2 шт. (сии пищевые продукты были извлечены из полиэтиленового пакета и после внешнего осмотра и обнюхивания возвращены в исходное состояние).

7. Сливочное масло («Крестьянское», начатая пачка) – 1 шт.

На этом перечень завершился, и Костя отправил стажера за вахтершей: *Пусть подойдет. Второй понятой будет. Скажи: буквально на пять минут... Не задержим ее.*

Пока Олег отсутствовал, Холмс проинструктировал своего Ватсона:

– Мы тут долго не задержимся. Оденешься и выходи – я тебя за углом подожду. Провожу до автобуса. Ты как?

– Лады. Я быстро. А что тут искать-то будем?

– Откуда же я знаю. Может, на что и наткнемся. Ты мне главное скажи: могло здесь быть что-то ценное? Всё же не стоит эту линию вовсе из вида упускать.

– Не думаю. По-моему, ничего здесь не найдешь. Если какой-то ценный реактив, то его заказывает конкретная лаборатория – уже есть человек, которому он нужен и который уломал начальников его купить. А потому ничто ценное здесь лежать не будет, его сразу же заберут, как только оно появится на складе. Никто рисковать не будет – а вдруг его какой-нибудь жук успеет перехватить. Здесь всякая ходовая дребедень, которая расходуется в больших количествах или случайно залежалась – кислоты, щелочи, соли, органика – копеечное всё. Это всё – копейки, для института я имею в виду. Десять там, двадцать... ну пятьдесят рублей. Если чего за двести закажешь, так еще походишь, упрашивая. Короче, не должно быть тут ничего.

– Ладно. Всё едино сейчас должны инвентаризацию проводить – ответственность-то кому – то передавать надо. Вот тогда точно узнаем, а пока так взглянем.

На этом их краткий разговор был прерван появлением Олега, которого сопровождала пожилая вахтерша. Ей, судя по всему, не хотелось заходить в комнату, в которой совсем недавно лежало мертвое тело, но послушаться милиционеров она не посмела и безропотно выполнила всё, что от нее требовалось. Да и дел у нее оказалось немного: она без интереса оглядела выставленные на столе продукты и выслушала их перечисление, кратко зачитанное Олегом, после чего поставила следом за Михаилом свою закорючку под составленным «Актом». Закрыв за ней дверь, Олег сложил в приготовленные холщовые мешочки всю эту нехитрую снедь и запихал ее в оказавшийся достаточно вместительным стажерский портфель. Костя велел ему до конца заполнить еще пустующие графы в оформляемой бумаге, а сам он и ассистирующий ему Миша продолжили осмотр помещения склада, который они начали еще раньше, когда Костя – параллельно с диктовкой – расхаживал по комнате и заглядывал в ее углы. Надо сказать, что проводимый ими осмотр и не требовал особых усилий. Комната была большая – метров двадцать пять, если не больше, – но тесно заставленная стеллажами, стоявшими частично вдоль стен, заслоняя нижнюю часть зарешеченных окон, а частично перпендикулярно к ним – так что свободного пространства посредине помещения оставалось немного. Надо отдать должное наблюдательности нашего Холмса. Он, по-видимому, сразу же обратил внимание, что в комнате полтора окна: одно из окон, находившееся в углу слева от входной двери, было чуть ли не вдвое уже другого окна, наполовину заслоненного придвинутым к нему стеллажом.

– Комнату перегораживали? – спросил он у Миши, показывая на упиравшийся прямо в стену край узкого окна. – Ты не знаешь?

– Это? Ну да. Там за перегородкой была отгорожена комнатка – часть склада, что-то в ней хранили отдельно. Наверное, горючие всякие, легко воспламеняющиеся вещества, – растворители и прочее. Тут дверь была, – Миша ткнул пальцем в сторону стены и стоявшего около нее шкафа, – а потом ее за ненадобностью заколотили. В комнатку прорезали отдельную дверь – из коридора, и там теперь кладовка какая-то. Комендантша что-то хранит. Нет, оттуда сюда не проникнешь, – продолжил он в ответ на естественный Костин вопрос, – дверь с этой стороны еще и доской забили. Да и видишь? Эту махину вдвоем и не сдвинешь. Я как раз участвовал, когда его сюда затаскивали, – призывали нас из лаборатории на помощь – четверо мужиков, а с трудом его ворочали.

Мишино описание относилось к *многоуважаемому шкафу*, который стоял у этой стены и за которым, надо полагать, и была скрыта нефункционирующая дверь. Сие изделие советской мебельной промышленности представляло из себя весьма основательное сооружение и предназначалось, вероятно, как раз для мебелировки подобных складских помещений. Нижняя его тумба в ширину занимала чуть ли не три метра, и на ней высилась более узкая, но тоже внушающая почтение верхняя половина с застекленными дверцами, через которые были видны полки, заставленные разными сосудами, склянками, стеклянными изделиями причудливой конфигурации, коробками и пакетами. Заинтересовавшийся Костя открыл, тем

не менее, дверцы нижней половины шкафа и заглянул внутрь. Взгляду открылись две вместительные полки, на которых стояло множество разнокалиберных бутылок и банок. *Это кислоты здесь хранятся*, – пояснил картину всезнающий Миша. Дотошный Холмс однако не успокоился и на этом. Он сгонял стажера за ключом от кладовки (на двери в коридор стоял номер – *13а*), воспользовавшись которым друзья проинспектировали и это помещение. За наваленными у интересовавшей их перегородки листами фанеры, толстого картона, рейками, отслужившим свое стендом (на нем еще были видны остатки наклепленных пенопластовых букв: *...СКОГО ТРУДА*) и подпиравшими их рулонами линолеума и двумя лестницами-стремянками видна была верхняя часть двери, ведущей в склад, но предполагать, что кто-то мог бы ей воспользоваться, не было никаких оснований. Постояв у порога – комнатка была очень узкой, и хотя пройти до окна было возможно, но вряд ли бы это удалось сделать, не задев стоявшую на полпути бочку с каким-то грязно-коричневым содержимым и не испачкавшись, – сыщики осмотрели всё, что было доступно обозрению, и вернулись в склад.

Олег к этому времени разделался, наконец, с актом, и получил от старшего ответственное задание:

– Дуй сейчас в управление, всё составишь мне на стол, и акт не забудь – в верхний ящик засунь. Я завтра в лабораторию отдам – пусть проверяют. После чего ты свободен, на сегодня закончили.

– Есть, товарищ старший лейтенант, – дурашливо вытянулся заметно повеселевший после такого задания стажер. Насколько мог заметить Миша, это был первый и единственный случай – за всё время их общения, – когда на лице данного персонажа отразилась хоть какая-то эмоция.

Олег отбыл на выполнение полученного поручения, а наши Холмс с Ватсоном задержались еще минут на пятнадцать – двадцать, чтобы всё же завершить бесполезный, судя по всему, осмотр места происшествия и кратко обменяться своими впечатлениями.

Осматривать, собственно, было нечего. На стеллажах, верхние полки которых были практически пусты, там и сям стояли разные банки, невзрачного вида коробки и пакеты, горами были навалены полиэтиленовые мешки с какими-то химическими веществами, с виду почти неразличимыми – все белые, сыпучие, – но, вероятно, представляющими собой разные реагенты. Несколько железяк непонятного назначения – Миша их как-то обозвал, но нам-то это зачем? Стоящий перед столом торцом к стене шкафчик с аналогичным содержимым отгораживал находящуюся в углу эмалированную водопроводную раковину. Рядом с ней – в нарушение всех правил техники безопасности – стояла неказистая, ободранная тумбочка с электроплиткой на ней. В самой тумбочке ничего питательного – слава богу – не обнаружилось, и ее заполняли разнообразные никому не потребовавшиеся запыленные стекляшки. В углу около узкого окна стояли три уже вскрытых и ополовиненных корявых ящика с пробирками разного размера. А в противоположном углу между шкафом-гигантом и развернутым торцом к стене стеллажом бросались в глаза деревенского вида высокие плетеные корзины с торчащими из них стружками и поломанными прутьями. В них стояли большие двадцатилитровые бутылки с какими-то жидкостями (*это тоже кислоты*, – пояснил Миша). Сыщики добросовестно всё осмотрели и всюду заглянули, но смотреть, в сущности, было не на что. Тем не менее наши Холмс и Ватсон сумели найти повод продемонстрировать друг другу свои сыщицкие таланты и подтвердить свое духовное родство с знаменитым героем Конан Дойля.

– А вот здесь что-то стояло, – уверенно заявил Костя, указывая на свободное место у стены за описанными выше корзинами. – Какие-нибудь коробки или что-то подобное. Причем это *неизвестно что* было относительно легким – если там стояло бы что-то громоздкое и тяжелое, корзины бы отодвинули, а затем придвинули на это место.

– Причем забрали это *нечто* относительно недавно. – немедленно подхватил Миша. – Смотри: в этом углу пыль, а здесь, – он ткнул рукой в участок пола размерами полметра на полметра, – ее вовсе нет. Не успела еще насесть.

– Здесь что-то стояло и его забрали, причем недавно. Ну и что? – подытожил Костя, иронизируя – если судить по тону – над их диалогом. Но ясно, что оба наших героя были

довольны, что *не ударили*, так сказать, *в грязь лицом* и сумели проявить, пусть даже на пустяках, свою наблюдательность и способности к дедукции.

– Ладно. Закончим на этом. Ничего мы интересного не нашли, но этого и следовало ожидать. А завтра нам, наверное, нет смысла встречаться, да и в среду, пожалуй. Ты ведь, наверное, на похороны пойдешь. Собираешься?

– Да пойду, видимо. Надо последний долг отдать – жалко всё же её. Наши почти все собираются.

– Сходи. Вдруг чего услышишь, увидишь кого-то. Я-то не пойду, мне и смысла нет. Я пока собираюсь прощупать родственников – мужа в любом случае нельзя упускать из виду. Вот мы с Олегом и займемся этим. Завтра, кстати, и акт экспертизы мне передадут. А ты, как с кладбища вернешься, позвони мне на работу. Лучше часов в пять – спросишь «следователя Коровина», у нас так принято – не по званию, а по должности. Запиши телефон. Может, мне что расскажешь или я тебе новости сообщу. Тогда и договоримся на будущее. Согласен? Вот и славненько. Давай перекурим и разбежимся. Здесь курить-то можно? Не опасно?

Миша заверил приятеля, что опасности нет и что все горючие вещества хранятся в другом складе – в подвале. А посему сыщики нашли подходящую на роль пепельницы посудинку и усадились около стола, где посидели еще минут десять, покуривая и беседуя.

– Ничего мы, вроде бы, не нашли, – начал разговор Костя, – а всё же не совсем так... Я и раньше сильно сомневался в возможности самоубийства, а сегодня еще больше усомнился. Вот смотри. Она взяла на работу два бутерброда. Можешь ты себе представить, что человек, решивший покончить с собой и отправляющийся на работу затем, чтобы раздобыть яд, станет готовить себе бутерброды: резать колбасу, хлеб, намазывать его маслом?.. Чепуха ведь? Верно? Значит, с утра не собиралась, а здесь внезапно пришла к такому решению? Почему? Что такое случилось? Можно, конечно, предположить, что здесь на месте, напоминающем ей о счастливых днях любви и о жуткой сцене убийства, чувства всколыхнулись, измученная душа не выдержала, и она выпила яд. Можно-то можно, но как всё это ненатурально и мелодраматично звучит. Еще один *любительский спектакль по пьесе драматурга из народа*. Неубедительно. И еще: почему никакой записки? Ты же видел, здесь полно всякой бумаги – бланки, тетрадки – и карандаши, и ручки. Чего проще и естественнее – для экспансивной тем более натуры – взять и черкнуть несколько слов? *...никого не винить... или ...я всех прощаю... передайте, маме...* да мало ли что можно написать, выразить свои чувства в такую минуту... Нет, ни слова. Непонятно!

А с другой стороны... – Костя приостановился и глубоко затянулся сигаретой – раз, другой – после чего раздавил в пепельнице уже начавший тлеть фильтр. – Тут такое дело... Я перед тем, как сюда идти, успел переговорить кое с кем... из бухгалтерии и отдела снабжения... с теми, которые близко общались с вашей Ниной. Знаешь, кстати, что я услышал? Оказывается, она пила для похудения один препарат...

– Да, – перебил его Миша, – знаю. Слух уже прокатился по институту. *Тринитророкнролл* (тут Миша, конечно, употребил настоящее химическое название этого вещества). Но это всё – ерунда, по-моему. Я специально посмотрел: чтобы серьезно – до смерти – отравиться, нужно выпить грамма два этой дряни. Раз в десять-пятнадцать больше той дневной дозы, которую употребляют для похудения. Как это может случайно произойти? Крайне невероятное объяснение.

– Ну да. Я тоже так думаю. Несерьезно это. Но я и еще кое-что от них услышал. Знаешь, какими духами пользовалась покойная?

– «Может быть»? – сразу же пришло на ум Мише, вспомнившему рассказ мизулинской соседки о забытом в прихожей дамском платочке.

– Вот именно. Они самые. Не только может быть, но и на самом деле так и есть.

Была всё же у этого героя нашего романа определенная склонность к эффектным мизансценам и хлестким концовкам.

Глава пятнадцатая

Блуждания во мраке

С тягостным чувством приступаю я – после длительного перерыва – к этой главе. Главная причина этого тормозящего и расхолаживающего чувства лежит, вероятно, всё же во мне – авторе. Утомительное, что ни говори, это занятие – сочинять романы. Даже такие неприятные, как мой немудреный детективчик. Не думаю, что писать рассказы проще. Пожалуй, даже и сложнее в творческом отношении. На каких-то десяти – двадцати страницах нужно ухитриться рассказать нечто интересное, значительное, в нескольких фразах представить персонажей, обстановку, построить некую завладевающую вниманием читателя коллизию и тут же через пару страниц свести дело к естественной и поражающей в самом сердце развязке. Никак это занятие простым не назовешь, и не всем оно оказывается по силам. Недаром знаменитых романистов в литературе на порядок больше, чем знаменитых новеллистов и мастеров короткой прозы. Всё это я прекрасно понимаю и сомневаюсь, что возьмись я за это, мне удалось бы написать более или менее пристойный рассказ. Но здесь-то я имею в виду не эти сложности, а техническую, так сказать, сторону дела.

Как бы то ни было, сочинив первую строчку своего рассказа, пишущий не сомневается, что через несколько дней он сможет завершить начатый труд. Получится рассказ или не получится, и удовлетворит ли результат самого писателя – это уже другой вопрос. Однако в любом случае за эти несколько дней (предполагая, что пишущий работает без длительных перерывов) будет создано нечто целостное и законченное. Рассказ будет написан. Вспоминается, как Михаил Булгаков описывал где-то процесс сочинения рассказов, которые ему приходилось в заданном количестве «выдавать на-гора» во время его службы в «Гудке». На сочинение и диктовку такого рассказика у него уходило, по его собственным словам, около пятнадцати минут, включая и хихиканье с машинистками. Правда, познакомившись с «гудковскими» рассказами знаменитого писателя, можно посчитать, что даже эти пятнадцать минут были напрасной тратой времени, и труд этот ни в коей мере не оправдывался полученным в итоге результатом. Тем не менее, в формальном отношении эти творения – как бы ни были они плохи – приходится признать законченными рассказами. Так что даже через много-много лет их перепечатывали на шестнадцатой – юмористической – странице «Литературной газеты». И все поклонники Булгакова их непременно читали. Пусть этот пример писательской халтуры нельзя признать убедительным, поскольку он лишь косвенно связан с серьезным трудом пишущих настоящие рассказы. Но мне кажется, что трудно оспорить тот простейший факт, что стандартный рассказ пишется относительно быстро, и процесс его сочинения не может – в обычных случаях – растянуться на много месяцев или даже на годы, как это сплошь и рядом происходит с сочинением романов. А именно этот выматывающий, в конце концов, процесс я имею в виду, когда ссылаюсь на свое настроение, связанное с необходимостью приступить к началу очередной главы.

Однако же тягостность ситуации объясняется не только этими субъективными ощущениями и пониманием того, что желание сбросить с плеч уже расплывшийся бедного автора груз обязанности – пусть добровольно принятой на себя, но теперь обладающей своей принудительной силой – исполнится еще не скоро: по крайней мере, не завтра и не в ближайшие дни. Мне кажется, что такое чувство утомительной и не приносящей немедленного удовлетворения работы частично связано и с характером движения в тексте самого романа. Содержание предшествующих глав исчерпывается – если вынести за скобки обширные авторские отступления и прочую отсебятину – описанием загадочного криминального происшествия в стенах рядового советского учреждения и сопутствующих ему обстоятельств и событий. Глава за главой я излагал, как умел, услышанную когда-то историю, и чуть ли не по дням описывал все детали случившегося, а также ту энергичную – если не сказать, бурную – деятельность, которую развили основные герои романа в расследовании тяжкого преступления, столь необычного по своей внешней бессмысленности и прочим проявлениям, не вписывающимся ни в какую рационально реконструируемую картину

случившегося. Но теперь, когда все предшествующие события уже описаны, а новые существенные факты не обнаруживаются, когда выдвинуты и на сто ладов обсуждены все возможные гипотезы и смутные догадки, возникает тягостная заминка. Надо ехать куда-то дальше, а куда? Ясного пути что-то не видно. Заминка не в литературном описании действий, предпринимаемых героями романа, а в самом расследовании, которое не то что бы оказалось в тупике, но ощутимо затормозилось и создавало впечатление, что его механизм работает на холостых оборотах. Приблизительно так описывал свои тогдашние чувства и мысли Михаил, когда рассказывал мне об этом этапе их с Костей детективной деятельности. Вроде бы они не тянули резину, усердно занимались делом, но прошло уже десять дней после гибели электрика, и, хотя за это время они узнали многие важные детали, нельзя сказать, что дело стало намного яснее, чем оно было вначале. Всё их понимание происходящих событий сводилось к хлипким гипотезам – пусть и не лишенным некоторого правдоподобия, но в конечном итоге не слишком убедительным и для самих сыщиков. Как их проверять и доказывать, было непонятно. К тому же в среду выяснилось, что положение еще хуже, чем предполагал начинающий терять свой оптимизм Миша.

В этот день он съездил вместе со всеми на похороны Нины. Народу на кладбище набралось много. Только из их института людей привезли три или четыре больших автобуса, да еще Нинины родственники, сколько-то человек с автокомбината, где работал ее муж, подруги и близкие знакомые покойницы. Вся эта картина – длинная вереница людей, проходящих один за другим мимо открытого гроба, чтобы в последний раз проститься с усопшей, рыдающие всхлипы оркестра, размокшая, разъезжающаяся под ногами глина, женские слезы, и всё это на фоне хмурой осенней погоды и уныло-убогого декора советского городского кладбища с его торчащими из бурьяна ржавыми оградками и покосившимися деревянными крестами – подействовала на нашего героя крайне угнетающе. Да и кому эта печальная церемония может добавить бодрости? Ничего нового он, конечно, не узнал и не услышал. Никакое дело не шло на ум, и, вернувшись с кладбища в лабораторию, он часа полтора бессмысленно просидел за столом вместе со своими заметно приунывшими коллегами: пили нескончаемый чай и вяло перекидывались ничего не значащими фразами, то и дело выходя покурить в моечную.

Кое-как дождавшись пяти часов, наш Ватсон, согласно договоренности, позвонил по данному ему номеру и попросил к телефону «следователя Коровина». Костя, слава богу, оказался на месте и, поздоровавшись, коротко сказал:

– Давай, приходи – новости есть. Я минут через тридцать буду уже на месте.

Конкретно он ничего не объяснял, но по мрачному тону, которым это было сказано, Мише стало ясно, что обещанные новости не из тех, что могут обрадовать соратников по расследованию. И действительно, когда приятели встретились, Костя одной фразой отправил на дно разрабатываемую ими «амурную» гипотезу. Разумеется, она и до того вызывала у сыщиков смутные сомнения своей искусственностью, слабостью и невняtnостью предполагаемых мотивов, да и вообще своей нескладностью – чем-чем, а кристальной ясностью эта конструкция не блистала. Однако другой-то сравнимой гипотезы у них не было. У предположения о любовной связи между Ниной и «Сашкой» было, по крайней мере, то достоинство, что оно худо-бедно, но всё же объясняло основную механику случившегося. Да к тому же некоторые мелкие факты – вроде надушенного платочка – косвенно свидетельствовали в пользу придуманной ими гипотезы, так что можно было надеяться найти в дальнейшем и более весомые улики, ее подтверждающие. А теперь на этом направлении расследования приходилось поставить крест.

– Тут такое дело, – заявил Костя еще чуть ли не в передней, – я получил сегодня акт экспертизы тех пищевых продуктов, которые мы забирали...

Он чуточку помолчал для пушнего эффекта и закончил:

– В банке с растворимым кофе обнаружено опасное для жизни вещество. И какое, ты думаешь? Этот самый *тринитросолидол*! В дозе, способной вызвать тяжелое отравление и летальный исход. В банке, Миша, не где-нибудь!

Удар, по словам рассказчика этой истории, был сокрушительным. Миша говорил мне, что он и так ожидал какой-нибудь гадости, способной затруднить и запутать дело, но всё же не

предполагал, что известие будет столь радикальным. Все их предположения и рассуждения были перечеркнуты одним махом. Ясно, что самоубийство приходилось исключить. Чтобы самоубийца сыпал яд не в чашку с кофе, а в банку, откуда он его набирает, он должен быть совершенно умалишенным – в чем Нину никак не заподозришь. Да и вообще, кто в такое поверит? Нет, налицо явное убийство. Однако в их гипотезе было всего два действующих лица, и Мизулин никак не мог отравить свою любовницу. Он уже неделю находился в морге, и, если не принимать всерьез версию «бродячего мертвеца», не мог быть убийцей Нины. Но тогда кто? И как он встрял в сведение счетов между бывшими любовниками? В их «амурной» гипотезе никому третьему места не предусматривалось. Приходилось всю эту гипотезу считать чистой фикцией и, соответственно, расследование надо было начинать с самого начала, не имея на руках хоть каких-то предположений относительно этих двух смертей, непонятно даже связанных между собой или нет. *Тяжелый случай* – так резюмировал рассказчик воспоминания о своих впечатлениях от услышанного. Правда, задним числом ему пришло в голову, что, поскольку действия отравителя не привязаны жестко к конкретному моменту времени, существует теоретическая вероятность попытаться удержать на плаву их гипотезу. Для этого надо предположить, что еще до роковой ночи с пятницы на субботу Мизулин решил расправиться с Ниной и подсыпал яд в банку с кофе. Другая же сторона любовной драмы взялась за дело более решительно и одним махом покончила с «предателем», не подозревая при этом, что ее тоже ждет неминуемая смерть. Но нагромождать одно предположение на другое, столь же умозрительное и беспочвенное, чтобы спасти получившую сокрушительный удар гипотезу, Ватсону уже не хотелось. Утратил он младенческую веру в реалистичность и предсказательную силу своих умственных построений. Как выяснилось через десять минут, скептицизм его оказался вполне оправданным: дальнейший рассказ Кости перечеркнул возможность такого – маловероятного и отдающего бульварным духом, но спасительного для амурной гипотезы – варианта развития событий.

В отличие от своего соратника, вынужденно пробездельничавшего почти весь день, Костя провел эту среду очень деятельно. Получив ошеломительное и никем не предполагаемое заключение экспертизы, он не раскис, не сел, пригорюнившись и сетуя на злосчастную судьбу молодого следователя, которому спихнули столь каверзное и бесперспективное дело, а принялся действовать решительно и энергично. Умел-таки этот парень держать удар – надо это признать. И первым это признал верный Ватсон, еще раз высоко оценивший своего партнера за его бойцовские качества. Среди прочего Костя успел еще утром наведаться в их НИИКИЭМС (Миша, наверное, к тому времени и на работу еще не пришел – а что ему было торопиться, если траурная церемония назначена на два часа) и в частности переговорил кое с кем из ближайшего Нинино окружения, а также (в присутствии свидетелей) забрал из склада банку с этим самым *тринитрокорвалолом* (не знаю уже, как мне его еще назвать), которая стояла на полке среди других реактивов, так что искать ее долго не пришлось.

По словам Кости, банку уже открывали, и на глаз можно было предположить, что какая-то часть содержимого отсутствует. Проще всего считать, что некоторое количество порошка забрала сама Нина, когда проводила свои опыты с похуданием, но не менее вероятно, что той же самой банкой воспользовался и неизвестный отравитель, изъывший из нее изрядную порцию яда. Как объяснил Холмс, в кофе яд был обнаружен в солидной концентрации – некто высыпал пару столовых ложек реактива и осторожно перемешал, так что на дне кофейной банки яда не было, и он был смешан с тем слоем кофе, что находился наверху. Тут, по-видимому, пора уже сказать, что в окончательном судебно-медицинском заключении, которое Костя получил еще во вторник, однозначно утверждалось: причина смерти – прием внутрь *тринитросолидола* в дозе, достаточной, чтобы вызвать летальный исход (высокая концентрация яда была обнаружена в желудочном содержимом и в рвотных массах). Таким образом, резонно было предположить, что стоявшая на складской полке банка с реактивом побывала в руках преступника (хотя и не исключено, что Нина сама отсыпала некое количество этого порошка кому-то из своих знакомых, не предполагая, с какой целью он будет использован), а потому Костя отнес банку дактилоскопистам: пусть проверят на наличие отчетливых пальцевых отпечатков. Однако наш Холмс крайне скептически оценивал возможности такого исследования – *банка запакована в грубую и покоробленную*

оберточную бумагу, крышка ребристая – ни черта они не найдут; да и мало ли кто мог брать в руки эту банку. Ожидать значимых результатов с этой стороны не приходилось.

Более существенная информация была получена в Костиных разговорах с сотрудниками отдела снабжения и «бухгалтерскими девушками». Одна из них – Петунина (тоже, кстати сказать, Нина) – молодая женщина лет тридцати с чем-нибудь, бывшая, надо полагать, самой близкой приятельницей покойницы (именно ей первой была доверена *тайна об убийстве в институте*) – сообщила, что виделась с Ниной накануне роковой для нее пятницы (то есть в четверг к концу рабочего дня) и что та ожидала мужа, который обещал заехать за ней на машине. Заглянув к приятельнице, Петунина (будем ее так называть, чтобы не путать с уже знакомой нам кладовщицей, которая пусть так и остается единственной «Ниной») застала там уже прощавшуюся с хозяйкой еще одну героиню нашего романа – вахтершу Бильбасову и просидела на складе минут двадцать. Женщины пили кофе (обычный, не растворимый), беседовали о чем-то незначительном, и при этом Нина дважды выходила на несколько минут на улицу, чтобы проверить, не подъехал ли ожидаемый ею муж. По словам рассказчицы, Нина была явно не в духе, как и в предыдущие дни, но с чем было связано ее мрачное настроение, объяснить не захотела, хотя и не отрицала, что радоваться, дескать, у нее нет ни малейшего желания, ни повода. На Костин прямой вопрос: не могли ли в основе такой мрачности лежать какие-то нелады в семье, спрашиваемая созналась, что ничего конкретного она, конечно, не знает, но, по ее впечатлениям, речь вряд ли шла о крупной ссоре с мужем. По крайней мере, упоминая мужа, Нина не выказывала какой-либо злости или раздражения, чего следовало бы ожидать при семейном скандале. *Я подозревала, что она узнала о тяжелом заболевании, о чем-то вроде опухоли, или боялась, что такой диагноз ей, в конце концов, поставят врачи,* – так описала свои соображения рассказчица. – *Мы с девочками обсуждали это между собой, еще до четверга, и решили, что это – скорее всего. Все ведь боятся. Вон сколько таких случаев. И в нашем возрасте нередко.* (Однако, тут же прокомментировал эти высказывания Костя, на вскрытии ничего подобного не обнаружилось). Незадолго до пяти Петунина отправилась к себе в бухгалтерию, а Нина осталась на складе, и больше они уже не виделись. Тут рассказчица всхлипнула, шмыгнула носом и вытащила из кармана платочек (*теми же духами пользуется, кстати... «Может быть»...* – несколько невпопад заметил Костя).

Относительно растворимого кофе Нинина подруга сказала, что она знала о существовании заветной банки и что Нина во вторник утром даже угощала ее экзотическим напитком. Но он ей не очень-то и понравился: *От настоящего сильно отличается... он и на кофе-то не слишком походит. Запах, правда, замечательный...* (Заметим, чтобы к этому не возвращаться: ясно, что во вторник яда в банке с кофе не было, и факт этот полностью снимал подозрения с покойного Мизулина). Где она раздобыла сей дефицитный продукт, Нина толком не объяснила: *Начальство наградило...* – отговорила она с какой-то раздраженно-злой ухмылкой, – *за примерное поведение.* Петунина ничего не поняла, но переспрашивать не стала. *Вижу, ей это неприятно, я и замолкла... Не знаю, может, действительно, ей кто-то презент из Москвы привез... может, и сам академик... не снабженец же – он и в Москву-то редко ездит. А может, и пошутила она так просто... Не поняла я.* Однако в четверг банку эту она не видела, и речи о ней не заходило.

– Вот такие пироги у нас на сегодня, друг Ватсон! – закончил друг Холмс свой краткий обзор имевшейся у него информации.

Действительно, ситуация выглядела не слишком обнадеживающей. Амурная гипотеза, на которую они возлагали некоторые надежды, приказала долго жить, и приходилось возвращаться к изначальной «бандитской» версии, в которой было неизвестно всё: действующие лица, их цели, суть их преступной деятельности – короче говоря, полный мрак. И никаких планов, как к этой версии подступаться, у сыщиков не было.

– Я, конечно, поговорю и с вахтершей этой и – через пару дней – с мужем Нины – не хочу его сейчас беспокоить, похороны и всё такое, но пора уже мне с ним познакомиться: поглядеть, что да как. Вдруг они что-то заметили в тот вечер, что-то Нина могла им сказать... Но, сам понимаешь, это всё больше для очистки совести – шансы узнать что-то невелики. Что цепляться к вечеру четверга? Сыпануть яд могли и во вторник, и в среду, да и в четверг

пораньше – времени было достаточно. Сколько там за эти дни людей перебивало? Бессмысленно и выяснять.

Друзья сидели за столом и пили неизменный чай «со слоном» – Костины запасы этого ценного продукта казались неисчерпаемыми, – меланхолично жевали пряники и безо всякого энтузиазма сгрызли четыре коржика, купленные Мишей по дороге. Было в те времена такое довольно популярное изделие отечественной хлебопекарной промышленности под названием «Кольцо песочное» по цене не то девять, не то одиннадцать, если не ошибаюсь, копеек за штуку, то есть более или менее доступное для того слоя советских потребителей – мелких служащих, к которому можно было отнести и Мишу. (С нашим Холмсом, как известно, дело обстояло сложнее – *генеральский сын* всё же, – но я про его жизненные обстоятельства и уровень достатка ничего и не знаю). Не исключаю, что и сейчас такие «кольца» существуют, если их окончательно не вытеснили «Сникерсы» и «Чоко-паи», но что-то давно они мне на глаза не попадались.

Костя примолк ненадолго и продолжил:

– Но это всё касается отравления кладовщицы – тут хоть что-то можно выяснять и кого-то о чем-то спрашивать. Надо будет как следует с мужем разбираться. Посмотрим еще, как тут быть. А вот что нам делать с зарезанным Мизулиным? Я просто не знаю, как к этому делу и подъезжать. Никаких концов не вижу. В чем здесь смысл-то?

Видно было, что глава их детективного тандема не на шутку озабочен. Но, как легко догадаться, Миша, к которому формально был обращен этот – по сути дела риторический – вопрос, ничем не мог порадовать своего Холмса: никаких светлых мыслей и многообещающих идей у него не было. Он и вовсе был растерян, подавлен и чувствовал свою полную беспомощность. И до того ему в голову лезли неприятные сомнения в успешном окончании затеянного ими предприятия, а теперь и вовсе дела пошли наперекосяк. *Полный тупик, из которого не видно ни единого выхода*, – так, наверное, можно сформулировать его тогдашнюю оценку сложившейся ситуации. Рассказывая мне о тех днях, он вспоминал, как именно тогда он пытался прикинуть, что бы мог предпринять в такой ситуации настоящий (то есть конан-дойлевский) Шерлок Холмс? К чему бы он сумел прицепиться и какой неожиданный логический вывод он сумел бы извлечь из имеющихся у них фактов? Правда, сам-то Миша числился Ватсоном, а следовательно, ему и не полагалось выискивать нетривиальные решения и подмечать мелкие детали, которые при правильном их осмыслении могли бы повернуть весь взгляд на расследуемое дело. Но такое распределение ролей между ним и Костей вовсе не удовлетворяло нашего героя. Как его ни называй, но чувствовал-то себя Миша Шерлоком Холмсом и не собирался ограничиваться ролью наблюдателя. Пусть до сих пор Костя, без сомнений, играл ведущую роль в их детективном партнерстве. Это так, с этим Михаил и не собирался спорить. Но он не без оснований считал, что и у него есть своя голова на плечах, и, раздумывая о распутываемом ими деле, он видел себя в позиции проницательного сыщика, а не зрителя, который лишь наблюдает за событиями, даже не пытаясь разгадать их скрытый смысл. (Тут я, как автор, могу заметить, что и аутентичный Ватсон, вероятно, в некоторых случаях ощущал себя сыщиком и пытался самостоятельно придти к решению проблемы, однако, связанный законами жанра, он не мог добиться значительных успехов на этом пути). Так вот. Примеряя фигуру Шерлока Холмса к той ситуации, в которой были наши сыщики, Миша не видел, что в ней могло бы привлечь особое внимание великого детектива. Прицепиться, вроде бы, не к чему. Рассуждая и так, и сяк, наш герой не мог найти в известных ему фактах и подробностях никакой щелочки или трещинки, через которую можно было бы устремить глубокомысленный взор в нутро этой темной истории.

Следуя логике прочитанных им детективов (хотя Костя здесь, наверное, прав, и реальность не слишком считается с этой логикой), можно было ожидать, что искомая щелочка – та самая заветная щелочка – окажется связанной с самой невероятной частью всей истории, то есть с трехкратным появлением мертвеца. Что-то в этой не считающейся со здравым смыслом истории должно было натолкнуть сыщика на убедительное и важное умозаключение, как это было, например, с абсурдной кражей башмаков (одного из каждой пары) в «Собаке Баскервилей». Но к чему прицепиться в рассказе о «бродячем трупе»? Ясно, что такого быть

не может и что мертвецы не исчезают и не материализуются вновь по чьему-то желанию. Но дальше-то что? Если не принимать заумное предположение Кости о наличии способности к ясновидению у рядовой ниикиэмсовской вахтерши – не у каких-то там йогов в гималайских пещерах и не у потомственной знахарки, живущей в избушке на окраине леса в забытой богом глуши, – то приходится считать, что речь идет о специально разыгранном спектакле. Ну... и что? Как это может привести к прогрессу в расследовании? В самом начале их разговоров Миша – ведомый как раз этой самой детективной логикой – высказал предположение, что данное представление предназначалось, в конечном итоге, для милиции. Режиссер этой постановки хотел что-то внушить предполагаемому будущему следователю – то есть фактически им с Костей, – отвести от чего-то их взор и увести их мысли в далекую от истины сторону. Вроде бы идея здравая, но что из нее можно извлечь? Казалось бы, ухватившись за нее, можно будет понять, что именно хотели от них скрыть, – и, получается, не только хотели, но и скрыли, да так, что в башке полный мрак без малейшего просвета, – однако никаких разумных гипотез о сущности этого скрытого пункта сформулировать не удавалось. Можно было только констатировать, что жульнический план сработал без осечки, и преступники основательно заморочили сыщикам голову. Так что эта здравая идея не приводила к здоровым и дающим понимание сути дела выводам – толку от нее, можно сказать, и не было. А что еще можно из этого выцарапать? Имелась, правда, еще одна мелочь, которая не давала Мише покоя, но это была и в самом деле мелочь, не стоящая даже обсуждения с Костей. Чепуха, но какая-то непонятная чепуха. Почему при первых двух «появлениях трупа» тело лежало так, что было частично скрыто за дверью, а в третий раз – когда электрик появился на глаза уже в качестве натурального трупа – тело лежало посередине коридора, хотя дверь по-прежнему была распахнута? В этом отступлении от уже отработанной схемы чувствовалась некая несурезица. Ведь, если пресловутый «режиссер» заранее знал, что спектакль закончится в третьем акте смертью Мизулина, то, что заставило его в последний момент поменять свой исходный сценарий? Казалось бы, это вовсе не вяжется с его общим замыслом – эффективность всей постановки только выигрывала от того, что труп оставался неизменным на протяжении всего спектакля: та же одежда, соблюденная во всех деталях идентичность позы лежащего, тот же самый нож с верхним красным колечком на рукоятке. Зачем было что-то менять, если зрителю пытались внушить представление об одном и том же трупе, которого *черты то явятся, то растворятся снова?* А ведь поменяли же! С какой целью? Непонятно. *Вот что бы сказал по этому поводу Шерлок Холмс?* – вопрошал Миша сам себя и не мог найти ни одного мало-мальски приличного ответа. Конечно, с натуральным Холмсом вопрос можно решить достаточно просто: не подбрасывай ему Конан Дойль такие головоломки, которые заведомо имеют разумное – хотя и не видимое с поверхности – решение, наверное, и великий сыщик не смог бы придумать ничего оригинального и интересного. Однако здесь-то речь шла не о литературных выдумках – всё было как нельзя более реально... и еще более беспросветно, чем в самом хитроумнейшем детективе. *Чушь какая-то, она и есть чушь, сколько ни ломай над ней голову. Одно слово – тупик.*

Вот с такими мыслями и в таком настроении наш Ватсон покинул жилище своего партнера по сыску и уныло поплелся домой, заранее договорившись, что встретятся они в следующий раз в субботу – *на том же месте, в тот же час*, что и на прошлой неделе.

Но и в субботу ситуация существенно не изменилась. В прошедшие два дня Миша исправно появлялся в лаборатории, терпеливо продолжал подбирать материалы для своего будущего диссертационного литобзора и не переставал достаточно активно участвовать в общих разговорах, надеясь, что какое-нибудь случайное слово, дошедший до него слухок, чье-то простейшее соображение прольют хоть каплю света на интересующее его дело. Но ничего стоящего услышать ему не удалось. Вообще эта тема (включая и смерть Нины – о том, что она была результатом умышленного отравления, никто в институте еще, естественно, не знал) постепенно теряла свою актуальность и начинала вытесняться всегдашними пересудами о политике и спорами о том, перейдет ли некая команда в *высшую лигу*. Что, в сущности, означает выделенное здесь курсивом выражение, Миша и тогда не знал, и за прошедшие с тех пор годы узнать не удосужился. Да и я, слушая его рассказ, не смог просветить его в этом специальном вопросе (кстати сказать, наше с Михаилом полное равнодушие к подобным

проблемам было одним из факторов, обусловивших взаимную симпатию и цементирующих наши приятельские отношения). Разговоры о недавних смертях в институте, конечно, время от времени возникали, но за неимением свежей информации не выходили из уже набитой колеи. Что-то рассказывали о поминках после Нининых похорон, в которых участвовало человек десять из числа НИИКИЭМсовских сотрудников. Передавали сведения, исходившие от бывших там близких Нининых знакомых: о краткой речи завотделом снабжения – он очень уважительно и тепло отозвался о покойной, подчеркнув ее человеческие качества и всеобщую к ней симпатию; о Нинином муже, выглядевшем совсем потерянным и выбитым из седла; о приехавшей откуда-то издалека ее матери, которая под конец не выдержала и рыдала в голос... Ну и тому подобные подробности, характерные для такого рода мероприятий, но в детективном отношении вряд ли представлявшие хоть какую-то ценность.

В пятницу после обеда институтская общественность оживленно обсуждала свежайшую новость о внезапном увольнении главного бухгалтера. Хотя к расследованию этот факт отношения не имел, сам по себе он был достаточно интересен, и Миша внимательно вслушивался в сообщаемые наперебой подробности. Для простоты изложу их не в той последовательности, в которой они достигали Мишиного слуха, а в строго хронологическом порядке. Как быстро выяснилось, начало процессу было положено еще за день до того на проходившей по четвергам институтской планерке. Я сейчас уже не помню, как Миша называл это мероприятие, на котором еженедельно обсуждались разные организационные и производственные вопросы, да это и не важно для нашего романа – пусть будет «планерка». Вёл это совещание – вместо отсутствовавшего директора – зам по науке, временно исполнявший его обязанности. И в числе мелких, но неотложных вопросов он обратился к главбуху с просьбой ускорить инвентаризацию на осиротевшем складе химреактивов:

– Вероника Аркадьевна, надо бы поскорее с этим делом решить – лаборатории уже начинают жаловаться, что не могут получить заказанные реактивы.

Если верить словам присутствовавшего на планерке секретаря комсомольского комитета (а до Миши дотекла информация именно из этого источника), сказано это было совершенно нейтрально, вовсе не в тоне выговора, без какого-либо оттенка пренебрежительности или желания *накрутить подчиненному хвост*, но привело к неожиданному эффекту. Главный бухгалтер НИИКИЭМСа – солидная дама *в расцвете*, что называется, *лет*, то есть в возрасте где-то около пятидесяти, но еще весьма эффектная и с некоторыми замашками крупного руководителя – *гранд-дама*, я бы сказал, *местного масштаба* – повела себя совершенно непредсказуемо и запальчиво заявила, что в такого рода ценных указаниях вовсе не нуждается и сама, слава богу, способна справляться с возложенными на нее обязанностями. Ведущий собрание *врио директора* опешил, открыл – вероятно, от удивления – рот, но никак не ответив на этот выпад, перешел к следующему вопросу. Однако дальнейшее обсуждение было скомкано, и у большинства участников совещания осталось впечатление небольшого скандала – глупого и возникшего ни с того, ни с сего.

Институтские витии, обсуждавшие задним числом этот мелкий конфликт, послуживший прологом к разыгравшейся в пятницу буре эмоций, дружно расценили его как выражение желания главбуха открыто заявить о месте, занимаемом ею в институтской иерархии. Основываясь на неписаной *табели о рангах*, НИИКИЭМсовская Вероника Аркадьевна могла считать себя третьим по значению лицом в институте: несколько – хотя и незначительно – уступая заму по АХЧ. В то же время не меньшие основания считать себя третьим по рангу были и у зама по науке – в другом институте человек, занимавший эту должность, мог быть и вторым, после директора, лицом в иерархической структуре институтских центров власти. Всё это в значительной степени зависело от конкретных лиц и складывающихся между ними взаимоотношений. Такая неопределенность и подтолкнула, якобы, главбуха воспользоваться отсутствием академика – при нем она вряд ли бы на это решилась – и, придравшись к любой ерунде, показать всем присутствовавшим, «кто есть кто» в институте. Однако дальнейшие события заставили всех, в том числе и рассуждавших подобным образом, усомниться в такой – вообще-то вполне правдоподобной – интерпретации начального эпизода всей истории.

Надо полагать – точных данных Миша не имел, – что после окончания планерки публично отчитанный зам по науке приватно переговорил с начальником отдела снабжения, на

которого приказом по институту было возложено временное исполнение обязанностей зама по АХЧ, и попросил того деликатно, постаравшись по возможности спустить дело на тормозах, убедить Веронику Аркадьевну не тянуть с крайне необходимой инвентаризацией. *На той неделе* – подкрепил он свою просьбу-поручение – *должен вернуться академик: нам же с вами и даст выволочку. Она артачится, а нам придется отдуваться.* Действительно, его прогноз будущих действий академика мог оказаться близким к реальности – и кому же это не знать, как двум давним соратникам никиемсовского директора. Тем более что отдел кадров заверял о наличии у них реального кандидата на вакантную должность кладовщицы – по стечению обстоятельств, претенденткой на это скромное место работы оказалась уже известная нам Петунина, которая якобы давно уже завидовала своей подруге и хотела перейти из бухгалтерии на какую-нибудь похожую должность. Что уж привлекало ее в такой работе, было неясно: и зарплата не выше (даже, если учесть пятнадцатипроцентную надбавку за вредность) и интересного ничего нет. Отпуск, правда, на неделю дольше. Но с другой стороны, как нам судить? Что мы знаем о специфике ежедневной работы рядового бухгалтера? Все эти *платежные ведомости, журналы, ордера* изо дня в день, скрипи усердно перышком и не дай бог ошибиться в какой-нибудь цифре – замучаешься искать ошибку и исправлять – наверное, многим такое может надоесть хуже горькой редьки. Кстати сказать, появление в контексте фамилии Петуниной повернуло на некоторое время мысли досужих никиемсовских *пикейных жилетов* в другую сторону, а наш Ватсон так и вовсе насторожился. Ответвление рассуждений в сторону было связано с предположением, что выходящая за рамки приличий реакция главбуха была частично обусловлена именно желанием одной из подчиненных ей «девушек» покинуть бухгалтерию и перейти в другое подразделение института. Никто не считал, что эта самая Петунина так уж нужна была главному бухгалтеру, – нашелся бы кто-то и на ее место. Хотя безработицы в советской стране не наблюдалось, но и в бесчисленных канцеляриях на каждом – полагавшемся по штату – стуле кто-то сидел: невзрачная «девушка», раздавшаяся вширь «тетенька», а то и мордастый молодец в черных холщевых нарукавниках (тут автор малость зарпортовался – нарукавники, явно позаимствованы из романов об Остапе Бендере – в описываемое время они уже не существовали в природе или, если еще и продолжали существовать, то лишь в единичных экземплярах, – по крайней мере, увидеть их было крайне затруднительно). Однако – вернемся к обсуждаемым персонажам – многие начальники расценивают желание своего подчиненного перейти в другое подразделение, разорвав тем самым связывающие его с начальником узы, как предательский удар в спину, неосознанно, по-видимому, считая бессрочный трудовой договор чем-то вроде вассальной клятвы верности, данной своему повелителю при устройстве на работу. Такое – характерное для большинства советских начальников, привыкших чувствовать себя как царь и бог в пределах своего феода, – отношение к поступку Петуниной и вызвало, дескать, чрезмерное раздражение главного бухгалтера.

Неосторожный шаг со стороны зама по науке, давшего поручение уговорить строптивую бухгалтершу, привел к дальнейшему осложнению ситуации. Приступив к выполнению деликатной миссии, снабженец (внутренне, вероятно, чертыхавшийся и понимавший сложность положения) тоже допустил оплошность и не рассчитал всех последствий своих действий. По-видимому, правильнее было бы поговорить с главбухом на ее территории, а не приглашать ее к себе в кабинет. Однако был выбран именно этот опасный путь: зайдя в бухгалтерию, неудачливый переговорщик попросил Веронику Аркадьевну заглянуть к нему на минутку – *надо один небольшой вопрос обсудить.* Впоследствии он объяснял свое поведение тем, что хотел поговорить с глазу на глаз, не привлекая внимание сотрудников бухгалтерии – хотел человек сделать всё как можно лучше и деликатнее.

Через несколько минут главбух величаво проплыла по коридору и скрылась за дверью кабинета начальника отдела снабжения. Начальная фаза их беседы протекала вполне мирно, но как только снабженец заикнулся об инвентаризации, Вероника Аркадьевна разбушевалась – другого слова не подберешь. *Я вам что – девочка? Еще вы меня будете на ковер вызывать! Ваших указаний я еще не слышала!* Ну и еще несколько фраз в том же тоне: *я себе цену знаю... поищите кого-нибудь другого...* и тому подобное. По формулировке

столкнувшегося с этим шквалом эмоций снабженца, *бабе шлея под хвост попала*. Он пытался как-то успокоить бухгалтера и повернуть разговор в более спокойное русло, но Вероника Аркадьевна его и не слушала. Вылив свой гнев на растерявшегося снабженца, главбух отправилась в свою бухгалтерию, а уже через десять минут она без церемоний распахнула двери директорского кабинета, мановением руки остановив пытавшуюся что-то сказать секретаршу, и положила на стол перед замом по науке заявление об увольнении по собственному желанию. *Ставлю вас в известность... прошу удовлетворить... и так далее*. Всё это ледяным тоном с каменным выражением лица. Ошеломленный зам по науке что-то мекал и бекал, ничего не понимая в происходящем, но все его увещевания были напрасны. *Я уже все обдумала и своего решения менять не намерена. Отработаю сколько положено и до свиданья. Ищите нового главбуха... Хоть и Петунину эту назначайте главным*. Последняя фраза была, по-видимому, единственной, в которой выразилось истинное отношение Вероники Аркадьевны к ситуации. В остальном она сохраняла величавую вежливость и ничем не намекала на причины своего увольнения.

Чтобы лучше понимать смысл сего эпизода, следует учесть его анализ судившими и рядившими о нем ниикиэмсовскими витиями (Миша относился к этому иначе, но он, по своей новой привычке «помалкивать», в споры не вступал). По мнению обсуждавших, главной предпосылкой скандала было состояние крайней неопределенности, в котором находились основные центры власти в НИИКИЭМСе. В обычных условиях главные роли играли академик и Хачатрян. Именно они определяли общую политику и при нужде выступали в качестве арбитров, решающих любые споры всех прочих крупных и мелких институтских начальников. Их авторитет признавался всеми сотрудниками, и их слово воспринималось как окончательное, при этом они благоразумно избегали противостояния друг с другом и старались не вмешиваться в негласно определенные сферы ответственности другого партнера. На этом строился весь порядок в институте. Но теперь в результате их исключения из процесса текущего управления этот порядок нарушился. Ни зам по науке не чувствовал себя достаточно авторитетным, чтобы командовать временно подчиненными ему руководителями, ни занявший место Хачатряна снабженец, который и вовсе никогда не считался руководителем первого ранга. В обычное время он явно уступал главному бухгалтеру в весе и значении, но теперь в силу обстоятельств оказался в положении ее непосредственного руководителя по общим вопросам, и это, разумеется, сильно осложняло отношения между ними. Именно эту заранее никем не предусматриваемую рокировку институтские мыслители и считали главным фактором, вызвавшим столь радикальную реакцию главбуха на пустяковый, в сущности, конфликт. Так ли это было или причины всплеска эмоций надо было искать в чем-то другом, Миша решить не мог, однако полностью удовлетвориться таким простым объяснением ему что-то мешало. За последние две недели он, согласившись на роль Ватсона, стал крайне подозрительным и в любом происшествии, имеющем отношение к НИИКИЭМСу, невольно искал какую-то скрытую подоплеку, некий криминальный подтекст, пытался так или иначе связать любое событие с ранее произошедшими убийствами. Так и в этом случае. Казалось бы, просто смешно связывать взбрык много возомнившей о себе Вероники Аркадьевны с отравлением кладовщицы или тем более с убийством Мизулина: где здесь можно найти хоть малейшие связующие ниточки? А тем не менее... Мало ли что может за этим крыться.

Параллельно с рассказом о грозе, прогремевшей в начальственных кабинетах на втором этаже, до лабораторий докатился и нелепый слух о роковой пятнице. Возникший, вероятно, в результате чьего-то желания пошутить на злободневную тему – вот, дескать, беда-то опять пришла к нам в пятницу – черный это день, осененный духом бродячего мертвеца, – слух этот моментально отделился от своего создателя и его неуклюжей попытки насмешить публику и дошел до Мишиного слуха уже как мрачное предостережение, напоминающее беспечным людям о существовании inferнального мира и о выходах из этого царства зла. Как ни глупы были эти измышления, но что-то они задевали в человеческой душе, тревожили ее, и после того, как человек отбрасывал эти бредни, они все же оставляли после себя тягостное, неприятное ощущение.

Чтобы закончить с историей, повествующей о непомерной гордыне Вероники Аркадьевны, доведшей ее шаг за шагом до увольнения с завидной и уважаемой должности главного

бухгалтера солидного НИИ, скажем несколько слов о последующих событиях, о которых успел узнать наш герой еще до ухода с работы. Перекурив и слегка успокоившись, снабженец в свою очередь отправился к заму по науке, чтобы сообщить тому о сокрушительном провале своих переговоров с главбухом. Но там его ждали еще более печальные известия – скандал разрастался со скоростью лесного пожара. О чем совещались два *врио*, столкнувшиеся с неприятной проблемой, сулившей им еще бóльшие неприятности в будущем – то есть после возвращения академика, – известно мало, поскольку их разговор происходил за закрытой наглухо дверью директорского кабинета, так что известная читателю секретарша (однажды уже профигурировавшая на этих страницах под именем *Серны Михайловны*), отлично осведомленная о всех деталях недавнего посещения этого же кабинета главбухом – та, вероятно, сознательно оставила дверь, распахнутой настежь (мне, дескать, скрывать нечего – пусть все знают), – в этот раз сообщить ничего не могла. Однако, повествуя в своем кругу обо всей истории своей стычки с главбухом, снабженец излагал дело так: *я, дескать, прямо заявил NN, исполняющему обязанности директора, что хотя и готов забыть про этот конфликт – мне его раздувать совершенно ни к чему, но извиняться перед ней я решительно отказываюсь. Я ее ничем не обидел – совесть моя чиста, и извиняться мне не в чем. Она – не девочка, но и я – не мальчик, с которым можно проделывать такие штуки. Приедет академик, пусть сами и расхлебывают эту кашу, а меня увольте.* При этом, зацепившись, видимо, за нечаянно вылетевшее у него слово, добавил: *В любом смысле понимайте это «увольте» – меня этим не запугаешь. Придется, так я и сам могу уволиться.*

Сама же Вероника Аркадьевна, вернувшись в бухгалтерию и собрав своих «девушек», объявила им о своем решении, предупредив, чтобы они были готовы к скорому появлению нового начальника. Разговаривала она вполне мирно, заверила своих подчиненных, что дело вовсе не в них, что к ним у нее никаких претензий нет – *мы с вами неплохо работали*, – так она выразилась, – *могли бы и дальше... но... обстоятельства...* Даже явно раздражившая ее Петунина не услышала от начальницы ни малейшей колкости. Сцена прощания с коллективом была выдержана в спокойном элегическом тоне. Никак не ожидавшие такого поворота событий «девушки» нестройным хором выразили свои сожаления, и действительно были весьма встревожены открывшейся перед ними перспективой – кто его знает, какой будет новый главбух? И почти сразу же после этого Вероника Аркадьевна сообщила, что чувствует себя неважно – давление, наверное, поднялось, – но от вызова «скорой помощи» решительно отказалась и попросила найти шофера институтской «Волги», чтобы он довез ее до поликлиники. Так что уже через несколько минут главбух покинула место работы и отправилась на прием к врачу.

На этом буря, возникшая при вроде бы совершенно ясном небе и длившаяся не более, чем полчаса, закончилась, но погода стала еще более пасмурной. Сотрясавшие НИИКИЭМС постоянные катаклизмы поселили в душах сотрудников, даже не имевших прямого отношения к этим случаям, смутную неуверенность и тревожное ожидание еще чего-то, начисто отбив у них желание работать.

Предвидя, что некоторым моим читателям столь детальное описание обыденных, по сути дела, событий из жизни рядового советского учреждения может показаться злонамеренным уходом автора в сторону от основного детективного сюжета, я не стану оправдываться и лишь посоветую обратиться к началу этой главы и вспомнить ее название. Ведь так оно и было в действительности. Вспоминая прошедшее, Миша описывал эту неделю, как самый нудный, тягучий и безрезультативный период в их розыскной деятельности. Что-то происходило – вроде скандала с главбухом, – но никто тогда не мог сказать, имеет ли происходящее какое-либо отношение к вопросам, интересующим наших сыщиков. Они тыкались туда и сюда, хватаясь за всё попавшееся на глаза и строя ничем не подтверждаемые предположения в надежде, что какое-то из них приведет к существенным фактам и даст ключ ко всей загадке.

Приблизительно с такой точки зрения излагал Михаил услышанное в НИИКИЭМСе и в субботнем разговоре с Костей. Рассказав о всех деталях, сопровождавших увольнение главного бухгалтера, и подчеркнув неожиданно обнаружившееся желание подруги покойной Нины занять ее место, он подытожил свой отчет смутной надеждой, что эти события могут как-то быть связаны с занимавшими их проблемами. Особенно подозрительным и наводящим на

размышления казалось ему то обстоятельство, что скандал, устроенный Вероникой Аркадьевной, не имел под собой какого-либо разумного мотива и вообще выглядел искусственным, разыгранным с какой-то непонятной целью. *Даже если предположить, что главбух нашла себе какое-то более подходящее место работы, – рассуждал наш Ватсон, – всё равно остается неясным, зачем ей понадобилась вся эта свара. Подала бы спокойно заявление – по семейным обстоятельствам или еще как, – и никто не смог бы ее удерживать против воли. Она ведь даже беспартийная. Да и не стали бы с ней связываться. С какой стати? Хочешь, так иди. Что-то тут всё же не так.*

Однако внимательно выслушавший его Холмс, похоже, вовсе не разделял беспочвенных подозрений своего соратника. Он даже, можно сказать, высмеял – хотя и беззлобно – сомнения Ватсона. *Уж не хочет ли коллега выдвинуть рабочую гипотезу, – язвительно осведомился Мишин собеседник, – что эта коварная Петунина отравила Нину, чтобы самой занять вожацкое место кладовщицы? Или, может быть, на первое место надо поставить предположение о том, что так интересующей нас «зазнобой» на деле была эта самая Вероника Аркадьевна – действительно, чем она не годится на роль «дамы», захватившей воображение бесхитростного электрика? В этом случае, продолжая намеченную линию, можно считать, что, когда ее ветреный любовник обратил свое внимание на более молодую Нину, бухгалтер вонзила изменщику нож в сердце, а затем расправилась и с Ниной, безжалостно растоптавшей ее последнюю в жизни любовь. Или ты считаешь, что она сделала это не сама, а руками Петуниной, соблазнив свою подчиненную мечтой о желанной ставке кладовщицы?*

Приятели недолго похихикали, так и сяк варьируя эти «гипотезы», после чего Костя рассказал о том, что ему самому удалось узнать за два предыдущих дня.

Во-первых, он обстоятельно поговорил с Нининой старшей сестрой, тоже живущей в нашем городе. Он не стал сообщать ей о злонамеренном отравлении, и по его вопросам можно было понять, что его, в первую очередь, интересует, были ли у Нины мотивы покончить с собой. Однако, по существу, он осторожно выяснял, не было ли у покойной серьезных конфликтов с кем-нибудь и каковы были ее отношения с мужем, не было ли постоянных раздоров, ревности и тому подобное. Сестра, уверяла, что Нина была с ней очень откровенна и, разумеется, временами жаловалась, что ее муж то одно сделал не так, то другое не этак. *Но всё это были пустяки, вы понимаете, обычная семейная жизнь, а в целом они жили дружно, – объясняла она Косте. – Она о муже заботилась, старалась его чем-нибудь порадовать – подарки любила ему выбирать, да и он к ней очень хорошо относился. Нет, тут ничего не было, чтобы толкнуть ее на такой шаг. И вообще, не верю я, что она с собой покончила. Она легкий была человек. Долго не переживала. Я всегда ей в этом завидовала – с нее всё как с гуся вода. Здесь какая-то ошибка, наверное. Да и сказала бы она мне хоть что-то, если бы такое задумала, – мы с ней за три дня до того виделись, разговаривали. Она, правда, не в настроении была, но не до такой же степени. Случайно, видимо, всё вышло.*

– Вот так вот, – резюмировал Костя свои впечатления от разговора. – Придаться просто не к чему. Я, конечно, дал Олегу задание поговорить с Ниниными соседями, поискать каких-нибудь ее подруг по месту жительства, но чувствую, что шансы что-то здесь нарыть очень невелики, если не считать их и вовсе нулевыми. Хотя... кто ж знает? Эти бабушки соседские, тетушки иногда такое о человеке выдадут – никакая ОБХСС до этого не докопается. И в райотделе я поговорил с одним чуваком – ну, в том районе, где этот автокомбинат... муж Нинин где работает – пусть потрясут свою агентуру, что там про него известно. Ясно же, что на этом комбинате есть у райотдельских свой человечек, а то и не один – пусть почешутся, глядишь, что-нибудь нам и сообщат интересное. Однако боюсь, ничего мы здесь не нащупаем – дохлое это дело.

Услышав про *человечка на автокомбинате*, Миша осторожно поинтересовался: а есть ли такие «человечки» у них в НИИКИЭМСе? Но нетрудно понять, что Костя эту тему развивать не стал и уклончиво выразился, что по идее должен бы быть, но, может быть, и нету такового. *Вы нам неинтересны, – объяснил он. – не наш вы контингент. У вас скорее кто-нибудь связанный с КГБ должен быть. У вас же в основном интеллигенция – политически ненадежная прослойка. Раз уж зашел об этом разговор, я тебе откровенно скажу: я первым*

делом навел справки в местном райотделе – у меня и знакомые там есть, – но ничего по нашему делу мне сообщить не могли. Они ведь, сам понимаешь, не сообщают, кто и что конкретно говорил, – просто сказали, что – увы! – ничем мне помочь не могут – нет у них сведений, касающихся этого дела. Нигде нам удачи нет!

Второе, о чем рассказал Костя, в информационном плане не слишком, видимо, отличалось от обескураживающего результата его беседы с Нининой сестрой, – ничего особенно нового он не узнал и в этом случае. Но, с обыденной, общечеловеческой точки зрения, его беседа с давно не попадавшей в поле нашего внимания вахтером Бильбасовой была много любопытнее.

Поставив себе задачу расспросить вахтершу, видевшуюся с Ниной в четверг вечером, и прихватив с собой Олега – *пусть учится, да и протокол, может, придется составлять* – Костя отправился к ней домой. Но здесь их ждала неудача: на звонки в дверь никто не ответил, а соседка – старуха приблизительно тех же лет, что и Анна Леонидовна, – сообщила, что в прошлую субботу Бильбасову по «скорой» увезли в больницу. – *Плохо ей с сердцем стало. Я и «скорую» вызывала – у нее телефона-то нет.* Воспользовавшись бабкиным телефоном, Костя довольно быстро выяснил по своим каналам, что больную госпитализировали в кардиологическое отделение Второй городской больницы, и решил, не откладывая дела в долгий ящик, навестить ее там. Ставший лишним Олег был отправлен расспрашивать «тетушек и бабушек» по месту жительства Нины, а сам главный сыщик быстро смотался в больницу, где ему без труда удалось поговорить и с самой Анной Леонидовной и с ее лечащим врачом. По словам Кости, *бабка совсем сдала – выглядит замученной, дерганая какая-то и жалуется, что сердце ей служить отказывается – постоянные приступы сердцебиения – «к горлу подкатывает», как она выразилась.* Врач же была настроена умеренно оптимистически: случай серьезный, но они надеются, что лечение больной поможет. *Они предполагают, что у нее с гормонами не в порядке... как вот железа называется, на шею вот тут? Забыл слово. – Щитовидная что ли?* – подсказал ему Миша. – *Во-во. С ней какие-то нарушения.* На прямой вопрос: не могут ли причиной быть изменения в психике больной, врачиха ничего конкретного сказать не захотела, но согласилась, что толчком к развитию заболевания могла послужить психическая травма – *она мне рассказывала про историю с мертвецом* – но сейчас на первом месте нарушения сердечно-сосудистой деятельности. И добавила, что консультация психиатра у них уже запланирована.

– А я тебе так скажу, – сообщив о мнении врачей, продолжил Костя, – не знаю, что у нее там раньше было – какие там *сосудики* или *не сосудики*? – в прошлый раз я с ней разговаривал, вроде бы вполне нормальная старуха была... Но сейчас у нее точно крыша поехала... Тут уже не тараканчики в голове, тут дело хуже. Знаешь, что она мне заявила? Это говорит, *он к ним приходил.* Кто приходил, к кому приходил? *К заму по АХЧ и к Нине,* говорит, *этот Саша – мертвый который – приходил.* Я, говорит, *это сразу поняла, пришла в пятницу в институт, узнать график на следующий месяц, – мне про Нину и сказали. Я и поняла: это он к ней приходил – не оставит он нас теперь в покое. Он и ко мне еще придет – никуда от него мне не деться.* Говорит внешне спокойно – делится со мной, так сказать, своими жизненными наблюдениями, – но чувствуется: что-то ей объяснять, разубеждать, бесполезно – она уже *всё поняла.* По-моему, реактивный психоз здесь.

– Что значит *реактивный*? – переспросил Миша, решив, что он, видимо, ослышался. – При чем здесь реактивные самолеты?

– Не. Ни самолеты, ни ракеты здесь не при чем. Это термин такой, от слова *реакция.* То есть психоз, возникающий как реакция на какое-то сильное психическое переживание. У человека кто-то близкий умер или еще что... перепугался он смертельно... на фронте, например... психика его не выдержала – вот он с ума и сошел. Но... – Тут возвещающий научные истины Холмс поднял указательный палец вверх. – Нам на лекциях по судебной психиатрии Картузик – фамилия такая идиотская у нашего доцента была – объяснял, что такие психозы возникают обычно на уже измененной почве. Был, значит, у человека некий психический дефект и до этого травмирующего переживания, а оно его выявило и усугубило. Вот я и думаю, что у нашей вахтерши и до того было не всё в порядке с головой – психиатры не зря, видать, про *сосудики* распространялись.

И уже другим, внезапно поскучневшим тоном Костя подвел итоги:

– Но это всё, конечно, лирика. А по существу... Ничего она мне про вечер четверга не сообщила. Разговаривали они с Ниной совсем не долго, Нина была в плохом настроении – это я и без нее знал – никого кроме Петуниной она не видела, и Нина никого в разговоре не упоминала. Даже про то, что ожидает мужа, не заикалась. Можно сказать, напрасно я в эту больницу таскался.

Приятель еще некоторое время побеседовали – больше трепались на отвлеченные темы. Запал их явно приугас, поскольку, что им делать дальше, было абсолютно неясно. И уже в конце их разговоров Константин неожиданно вернулся к варианту возможного участия Петуниной в расследуемом деле, причем на этот раз вполне серьезно:

– Конечно, исходить из того, что мотивом отравления Нины было желание устранить ее с места кладовщицы, было бы глупо, – заявил он. – Как мотив, это никуда не годится. Но, вообще-то говоря, эта Петунина идеально подходит на роль подозреваемой. Мы не знаем, зачем это могло бы ей понадобиться, но смотри: она, фактически, последняя, кто виделся с Ниной в четверг вечером, и у нее была прекрасная возможность подсыпать яд (а она о нем знала – сама говорит) в банку с кофе, когда хозяйка дважды выходила на несколько минут на улицу. Ты скажешь: если так, то зачем она мне об этом рассказала? Верно. Но ведь она могла опасаться, что о ее посещении расскажет Бильбасова – ну, вахтерша эта. А про то, что Нина выходила из склада, мог знать Нинин муж – ведь естественно, что та могла ему сказать: *что ты так поздно – я уже дважды выходила тебя встречать*. Со стороны Петуниной было бы разумно, не оправдываться потом, когда об этом станет известно с чужих слов, а самой спокойно об этом рассказать. А что касается мотива, то не надо забывать, что Петунина с Ниной были довольно близкими приятельницами, и следовательно, у них могли быть какие-то общие дела, интересы, какие-то конфликты между ними. Ну... вот, просто в качестве примера... навскидку... Предположим, Нина втайне от мужа одолжила подружке крупную сумму денег: взяла, ничего не говоря, из семейной кассы и одолжила на краткий срок. Срок этот прошел, а Петунина денег не отдает – кормит обещаниями: завтра, завтра... – а отдавать, не отдает. Нина волнуется, злится, грозит скандалом, но тянет с этим – ей ведь и самой это не с руки. Однако скандал, в конечном итоге, неминуем. Вот Петунина и находит специфический выход из создавшейся ситуации – Нина умрет, и никто ничего не узнает, всё будет шито-крыто. Всё это, разумеется, мои выдумки, и Петунину я ни в чем не обвиняю. Однако присмотреться к ней, наверное, имеет смысл. Не стоит ее совсем со счетов сбрасывать.

Не забегая вперед и не пытаясь по существу оценивать Костины подозрения в отношении Петуниной, я хочу здесь высказать только одно соображение, на которое меня натолкнул этот эпизод. Наши соотечественники – и, вполне вероятно, граждане многих других стран, – очень не любят (в массе своей) попадать в положение свидетелей по какому-либо уголовному делу. Они скорее склонны заявить, что ничего не видели, не слышали и знать ни о чём не знают, чем обратятся в милицию с сообщением об увиденной ими взломанной двери газетного киоска или о чём-то подобном. Причин для этого, по-видимому, много, но не последней из них будет общее убеждение, что милиция с недоверием относится к такого рода сообщениям и что, дескать, очень просто из свидетелей попасть в положение подозреваемого. А потом и вовсе от них (то есть от милиционеров) не отбояришься. О том, что такое мнение нельзя считать совсем уж необоснованным и чистой выдумкой пугливых обывателей, говорит и этот – профигурировавший в Мишином рассказе – монолог его друга Холмса (в быту старшего лейтенанта милиции Коровина). Психологическая подкладка такого специфически милицейского отношения к свидетелям вполне очевидна. Если человек что-то важное знает (видел, слышал), то значит, он имеет некое – пусть только косвенное, но достаточно близкое – отношение к данному преступлению, и естественно, он в первую очередь привлекает к себе внимание расследующих оное. Если же учесть, что в большинстве случаев в поле зрения милиции не оказывается никого другого, кто бы имел столь же близкое отношение к этому криминальному случаю, то не удивительно, что всё внимание и сосредотачивается именно на этом свидетеле. Милиционеры хватаются в первую очередь за того, кто оказался близко к месту преступления. А за кого им еще хвататься?

Глава шестнадцатая

Ослепительная вспышка света

Расставаясь в субботу, сыщики договорились, что в понедельник Ватсон – по уже обкатанному образцу – позвонит Холмсу на службу в пять часов и выяснит, как обстоят дела и есть ли смысл им встречаться этим вечером. Согласно выработанной диспозиции, *цвайте колонне*, возглавляемая Мишей и из него же состоящая, *марширт* к месту сосредоточения без особой спешки и в одиннадцатом часу расположилась за своим рабочим столом, на котором высилась еще приличная стопка осточертевших реферативных журналов. Повинуясь какому-то психологическому закону, апатия, охватившая нашего героя после очевидного краха их *рабочих гипотез* и выяснения того, что неплохо, вроде бы, начинавшееся следствие зашло в явный тупик, распространилась и на его усердные занятия электрохимическими проблемами. Проще говоря, работать ему совершенно не хотелось, и весь его предыдущий трудовой подъем бесследно исчез. Он со скукой и отвращением перелистывал страницы журнала, но не мог заставить себя всерьез включиться в работу. Нельзя сказать, что ему не приходила в голову утешительная народная мудрость, гласящая, что *терпение и труд всё перетрут*, и приходила, и он даже верил, что так оно и будет, но перетирать что-либо у него не было ни малейшего желания. Понедельник полностью оправдывал свою репутацию тяжелого дня. Время тянулось медленно, а до пяти часов было еще ох как далеко, так что он уже жалел, что рано приперся в институт – можно было бы и к часам двум-трем заявиться. Естественно, Миша то и дело отрывался от своих журналов, стопка которых не уменьшилась ни на один номер, и выходил покурить, в очередной раз выпить стаканчик чаю в большой комнате, а заодно и послушать, что люди говорят.

Но ничего путного он из этих разговоров не узнал. Казалось, что явственное нежелание что-либо делать и даже шевелить языком распространилось, если не на весь НИИКИЭМС, то уж точно на всю их лабораторию. Разговоры шли вяло. Ни шуточек, ни возбужденных монологов, незамедлительно переходящих в яростные споры, в которые тут же включались почти все, сидевшие за столом, и привлеченные шумом и гамом люди со стороны. Всё это было, можно сказать, нормой для чаепитий в их коллективе, да и вообще, во всей еще не поскучевшей и не придавленной житейскими заботами молодежной среде, заполнявшей бесчисленные научные конторы, но только не в этот понедельник в этом – попавшем в наш роман – месте.

Правда, нашему сыщику-любителю, впавшему в прострацию и уже не ожидавшему никаких новостей, удалось услышать в этих ничемных разговорах кое-что, ненадолго привлекшее его внимание. Слух, конечно, был самым вздорным и ерундовым и, если мог вызвать интерес, то лишь своей дикостью, вовсе не предполагаемой в их просвещенном кругу общения. Казалось бы, почти все участники этих лабораторных посиделок – люди с высшим образованием или, по крайней мере, окончившие среднюю школу. О каких дремучих суевериях в их среде может идти речь? А вот на тебе! Сама идея, распространившаяся по НИИКИЭМСу в этот понедельник с обычной для таких слухов скоростью лесного пожара, была Мише уже знакома: всем жертвам последних событий являлся, дескать, покойный электрик и тем самым предвещал будущее несчастье. В каком виде он являлся, рассказы умалчивали, но в том, что своим появлением его труп (призрак? дух? видение?) вызывал грядущую катастрофу, сомнений не было. Однако же слышать такое не от Кости, рассказывающего про бредовые прозрения малообразованной бабки, у которой на почве тяжких переживаний крыша поехала, а из уст вполне здравых современных молодых людей, было настолько неожиданно, что слух произвел на Мишу определенное впечатление. Наверное, он впервые в жизни обратил внимание на то, что далеко не все люди, с которыми он повседневно общался и которые, вроде бы, ничем существенным от него не отличались, мыслят так же, как и он сам. И, соответственно, воспринимают мир с тех позиций, которые он сам, особо над этим не задумываясь, считал незыблемой твердыней здравого смысла и не сомневался, что они свойственны всем «нормальным людям». Разумеется, никто из высказывавшихся за столом

не признавался в том, что он разделяет столь экзотичный взгляд на недавние события. Высказывания сводились к тому, что *люди говорят...* И даже произносилось это с некоторым скептическим оттенком: *чего только, дескать, ни услышишь; у каждого свое мнение, но можно ли этому доверять?* Однако же, если подобный слух дошел до Миши через множество передаточных инстанций, а не заглох сразу же после своего возникновения, то значит совокупное общественное мнение, несмотря на демонстрируемую скептичность, посчитало эту заведомую ахинею достаточно любопытной и пригодной для того, чтобы занять свое место в общем спектре мнений, выражаемых в отношении интересующих общество событий. Непонятно, откуда взялась эта облетевшая весь институт «гипотеза» происхождения недавних несчастий. Можно было подозревать, что она исходила от той же Анны Леонидовны, которой в ее положении стоило скорее посочувствовать, нежели укорять ее за высказываемые глупости. И хотя Костя говорил, что до пятницы нашу потерпевшую никто в больнице не навещал, не исключено, что кто-то из сотрудников НИИКИЭМСа виделся с ней за прошедшие субботу и воскресенье и, следовательно, мог стать распространителем такой – запавшей ей в душу – бредовой идеи. Ее имя однако вовсе не упоминалось в связи с циркулирующим по институту слухом, и никто не излагал его содержание в качестве неоспоримого свидетельства очевидной ненормальности вахтера, ставшей первоисточником жутких рассказов о бродячем трупе. Вовсе нет. Вахтер с ее рассказами сама по себе, а слух о мистических явлениях мертвеца, предвещающих всяческие несчастья, существовал как-то сам по себе, хотя и хорошо совпадал с ее рассказами. Так что можно предполагать независимое возникновение «гипотезы о многократных явлениях мертвеца разным, отмеченным роком людям» как в свихнувшемся сознании *попавшей под раздачу* вахтерши, так и в «народном» сознании²⁴ всех тех, кто составлял в описываемое время коллектив НИИКИЭМСа. Понятно, что в тот понедельник, о котором идет речь, ничто из подобных вопросов нашего героя не волновало. Он лишь слегка удивился, какую ерунду могут обсуждать вполне здравые, казалось бы, ребята, и чуточку заинтересовался тем, исходит ли слух, в конечном итоге, от несчастной вахтерши – уж очень совпадал он с услышанным от Кости – но, в целом, он вовсе не придавал всем этим «мистическим» глупостям ни малейшего значения. Ничего нового он, в сущности, не узнал, а то, что услышал, никак не могло повлиять на его пессимистический настрой. Их расследование, так живо и интересно начинавшееся, зашло, как ему представлялось, в настоящее непроходимое болото и погрязло в болотной тине, выбраться из которой ему вряд ли было суждено до окончания веков. Не до размышлений об иррациональных глубинах современного народного сознания ему тогда было.

Однако в то время, когда мы с ним обсуждали события, происходившие более чем за десять лет до наших с ним разговоров, как раз эта сторона дела и вопросы обо всей этой бульварной «мистике» и содержании народного сознания вышли на первый план. Дело было, если не ошибаюсь, осенью восемьдесят четвертого. К тому времени всяческие «пророчки» (о которых я уже писал в предыдущем романе), «катодные фракции», «Бермудские треугольники», «НЛО» и прочие «тайны индийских йогов» уже стали неотъемлемой частью интеллигентского сознания наряду с мутными слухами о Солженицыне, восторгами по поводу «Мастера и Маргариты» и «магического реализма» латиноамериканского романа и другими *приметами эпохи*. Михаила просто бесила подверженность интеллигентных, по определению, людей подобным мутным «течениям мысли» и их ничем не объяснимое легкое верие. *Пэтэушники – они, а не интеллигенты*, – кипятился он, когда речь заходила о таких увлечениях среди его знакомых. Я как-то пытался смягчить его праведный пыл и ссылаясь на то, что такие отклонения в далекую от здравого смысла сторону – неизбежное следствие жесткого цензурного режима. Привлекательным, дескать, кажется всё то, о чем не

²⁴ Откуда берутся подобные представления и как они зарождаются в этом самом «народном сознании» – вопрос интересный, но я не чувствую себя готовым обсуждать его со знанием дела. Вроде бы, с подобными проблемами успешно разбирался знаменитый психолог Карл Юнг, но я еще не удосужился почитать его труды, хотя и приобрел несколько книжек Юнга, не так давно появившихся, наконец, на русском языке.

пишут (и никогда не напишут) в журналах и газетах и не показывают по телевизору. Сегодня я вижу, что мой приятель был гораздо ближе к истине, чем мне тогда казалось. Сейчас уже нет ни малейших сомнений, что среди образованной (то есть получившей диплом некоего вуза) публики количество людей, способных критически и с позиции усвоенных знаний относиться к услышанному с телеэкрана, пренебрежимо мало. А большинство готово поверить в любую чушь, если она будет принята на веру основной массой таких же, как они сами, гордящихся своим высшим образованием остолопов. Даже несчастных пэтэушников былых времен подозревать в чем-то подобном было бы, мне кажется, совершенно несправедливо. При всей их дремучей необразованности они, как я предполагаю, были – в массе своей – достаточно здоровыми людьми. Интересно, как бы Миша – тогдашний бескомпромиссный критик интеллигентского одичания – изливался бы желчью сейчас, увидев ряды банок с «заряженной» водой перед экранами телевизоров, многочисленные афиши, извещающие о гастролях «белых магов», врачей, успешно применяющих «аппарат Фолля», или юристов, пишущих статьи о желательности привлечении экстрасенсов к криминальным расследованиям. Всё это расцвело буйным цветом и вышло на явь только сейчас, но начало такой деградации отечественной интеллигенции Миша – надо отдать ему должное – почувал еще в те далекие годы.

Читателю, придется и на этот раз простить меня за отвлечение на личные воспоминания о давно прошедших разговорах. Тем более, что, на миг отвлекшись, я уже возвращаюсь к изложению рассказываемой истории.

Время приближалось к двум часам, и наш Ватсон с тоской думал, как ему дотянуть до желанных пяти и чем ему себя занять, если не прикасаться к опостылевшим журналам, еще целая стопка коих красовалась на его столе. Однако дело пошло вовсе не так, как предполагалось. Дверь их комнаты открылась, и на пороге внезапно нарисовался Костя. Поздоровавшись с бывшими в комнате ребятами и убедившись, что Миша его заметил, он, не говоря больше ни слова, вышел и закрыл за собой двери. Михаил, не ожидавший ничего подобного и до крайности заинтригованный – что это он? что за спешка? – потянув для вящей конспирации пару минут, выглянул в коридор – его приятель маячил на лестничной площадке, явно его поджидая.

– Пойдем ко мне – есть что обсудить, – не трата времени на предисловия, заявил Костя. – Ты можешь сейчас уйти?

– Смогу. Без проблем.

Миша ничего толком не понимал, но не сомневался, что произошло нечто сверхординарное.

– Ну давай. Я тебя минут через пятнадцать буду ждать у вашего «Гастронома». Успеешь?

– Буду.

На этом разговор и закончился.

Когда озадаченный и теряющийся в догадках Ватсон, подошел к находившемуся через два дома от НИИКИЭМСа магазину, Холмс – с сумрачным видом и с каким-то невзрачным пакетом в руке – уже поджидал его на углу. Мишин соратник был явно не в духе (раздражен? сильно озабочен?), если не сказать, что подавлен, и те несколько кварталов, которые отделяли их от Костиной квартиры, приятели прошагали молча. Ясно было, что Холмс твердо решил отложить все объяснения до того момента, когда они окажутся на месте. И, когда они переступили порог квартиры, Костя удивил приятеля еще раз. Пройдя в комнату, он вытащил из своего пакета бутылку водки, кулек с сардельками, хлеб и кусок сыра. До сих пор алкоголь не появлялся при их беседах ни разу, и хозяин, чувствуя необходимость пояснить свое необычное поведение, кивнул на выставленную бутылку:

– Надо нам с тобой принять немного сегодня. Повод есть, – добавил он с кривой ухмылкой. – Ты пока порежь хлеб, сыр, а я пойду сардельки поставлю варить.

Получив нож и пару тарелок, недоумевающий, но сдерживающий рвущиеся из него вопросы Миша принялся за дело. Правда, ждать разрешения своих недоумений ему пришлось недолго: пока закипала вода и варились сардельки, Костя в основном изложил своему соратнику то, что кипело у него в душе. Новости, надо признать, были сногшибательными.

Не пытаясь передать в подробностях Костин монолог и опустив непечатные выражения, уснащавшие его рассказ (что дополнительно характеризовало его эмоциональное состояние – в обычных условиях приятели вовсе не были к этому склонны и редко вставляли такие словечки в свою речь), я постараюсь по возможности кратко и по порядку изложить услышанное Мишей в этот тяжко начинавшийся и не изменивший свою тональность до вечера понедельник.

Когда Костя в этот день пришел в начале десятого на работу, ему передали, что звонила *Вероника Аркадьевна из НИИКИЭМСа* и просила перезвонить ей. *Главбух*, – вспомнил он. – *Любопытно... Может, ниточка какая обнаружится.* И взяв бумажку с записанным номером, тут же взялся за телефон. Уже через пару минут выяснилось, что бухгалтер хотела бы поговорить с ним по важному и неотложному, как она считала, делу, но не может сама придти, так как плохо себя чувствует и сидит дома на бюллетене. А потому, дескать, не мог ли бы *товарищ Коровин* посетить ее на дому – ей не хотелось бы откладывать этот разговор, а по телефону говорить об этом, видимо, не стоит. *Так-так-так...* – записав адрес и кладя трубку, думал приободрившийся *товарищ Коровин*, – *что там у нее такое? что за не телефонный разговор?* С утра настроение у него было не менее упадочное, нежели у описанного выше Ватсона, хотя он и не собирался уныло слоняться по коридорам своего управления, и пить бесконечный чай, дожидаясь Мишиного звонка. Однако, что нужно делать, если не принимать в расчет малоперспективную «разработку» Нининого мужа, было ему совершенно не ясно. А тут что-то вроде проклевывалось: появилась надежда получить некую новую информацию и прояснить какой-то новый аспект стоявших перед сыщиками проблем. Посему он не стал откладывать разговор с главбухом на потом, а, прихватив Олега, скучающего за обшарпанным столом над какими-то бумажками, и выпросив на полчаса разъездной «Москвич», двинул на квартиру к Веронике Аркадьевне.

То, что ему поведала *страдающая от тяжелой болезни, но желающая помочь следствию* главбух НИИКИЭМСа, намного превзошло все его самые смелые предположения. Встретившая их в домашней затрапезе (в линиялом теплом халате, ненакрашенная, и сразу как-то увядающая и потерявшая всю свою значительность и представительность) Вероника Аркадьевна старательно пыталась изображать стеснительность и бабью бестолковость, но можно было не сомневаться, что ее *неотложное сообщение* загодя ею обдуманно и свой разговор со следователем, она спланировала именно тогда и так, как посчитала для себя выгодным. Суть дела она изложила – несмотря на всякие вздохи и вставляемые через слово *вот я и подумала... может, вам еще и не сообщали...* – толково и ясно, хотя и настойчиво подчеркивала, что ей мало что об этом известно и что непосредственного отношения ко всей этой истории она не имела.

По ее словам, около трех месяцев назад НИИКИЭМС получил 35 килограммов платиновой проволоки. Сама рассказчица узнала об этом, когда в бухгалтерию пришел счет на несколько сот тысяч рублей (Миша точно знал эту цифру, но я за давностью лет уже забыл ее: не то триста сорок тысяч, не то чуть ли не полмиллиона). Ясно, что в текущий бюджет института такая умопомрачительная цифра никак не вписывалась, и оплатить счет было попросту нечем. Подобные экстраординарные покупки всегда оплачивались за счет вышестоящих организаций, и купленное ими оборудование переходило на баланс института уже в натуральном виде. Да и вообще, несурзаца какая-то: на кой понадобилось такое количество этой самой проволоки. Платина в НИИКИЭМСе, конечно, была: электроды, тигли какие-то и прочая мелкая дребедень, оприходованная на специальном счете. Всё вместе взятое тянуло грамм на сто пятьдесят – двести. А тут совсем другой коленкор. Ошарашенная главбух тут же ринулась к директору: что за новости? как мне в этой ситуации быть?

Академик, хотя и был, по словам рассказчицы, несколько раздражен, постарался успокоить бухгалтера: ничего, дескать, трагического, *это всего лишь следствие глупой канцелярской ошибки.* Как выяснилось, среди прочих материалов НИИКИЭМС заказал тридцать пять граммов платиновой проволоки для электродов (они понадобились одной из институтских лабораторий), и эта позиция была включена в общую заявку на следующий год, которую обычным образом переправили в соответствующий отдел министерства. Однако на одной из многочисленных стадий включения этой заявки в сводный план заказов и его

утрясения и приведения в соответствие с прочими финансовыми планами тридцать пять граммов каким-то образом превратились в килограммы, да так, что никто из подписывающих эти планы и многотомные заявки не заметил абсурдной цифры. Можно себе представить, какими суммами ворочали эти московские деятели, если полмиллиона рублей (*советских рублей* – не нынешних тысяч) были для них не бросающейся в глаза мелочью. Согласно утвержденной на самом верху разрядке, аффинажный завод безо всяких препон (благо такое производство есть и в нашем городе) переправил в НИИКИЭМС заказанную партию *драгметалла* и, соответственно, выставил институту счет, вызвавший легко объяснимую реакцию главбуха.

Всё это, конечно, неприятно, разъярял директор своей уже несколько успокоенной (не ее ведь это забота) подчиненной, и, безусловно, налицо явный беспорядок – институтский склад вовсе не приспособлен для хранения такого рода ценностей, – но вся эта ситуация должна разрешиться в ближайшие дни. С заводом уже есть договоренность, и, получив указания от своего начальства, они заберут платину – день-два и всё будет улажено. А затем и в документах будет наведен порядок, так что платить по счету не придется. Не берите в голову.

Получив столь исчерпывающее разъяснение и прямое указание *не брать в голову то, что ее не касается*, Вероника Аркадьевна (опять же, по ее словам), хотя из любопытства и спустилась на склад, где Нина (довольно нервно и с жалобами на свою обеспокоенность) продемонстрировала пресловутое сокровище (аккуратные такие белые картонные коробки – в таких импортные сапоги продают – и в них в специально сделанных гнездах разложенные в два ряда небольшие моточки невзрачной с виду проволоки; не будешь знать, что это такое, и внимания не обратишь), но быстро якобы забыла про эту не касающуюся ее историю и только сейчас (*ну, надо же!* – в этом месте своего рассказа Костя выразился весьма грубо) ей пришло в голову, что наличие на складе большой партии платины и взволновавшее весь институт убийство бывшего электрика могут быть связаны между собой. О чем она решила незамедлительно (*вот же...* – опять не удержался от матерка Костя) поставить в известность органы следствия – посчитала, так сказать, своим гражданским долгом. Хоть это, вроде бы, не ее дело, и пусть она, возможно, перестаралась, а следователю и без нее всё давно известно, зато теперь совесть у нее будет чиста – возникшие у нее подозрения она откровенно высказала тем, кто занимается этим делом. Выслушав столь сногшибательное заявление ниикиэмсовской бухгалтерши и оформив его надлежащим образом с помощью уныло молчавшего (вот же характер – ничем его не проймешь) Олега, Костя еле сдерживал, как он рассказывал, переполнявшие его эмоции и только здесь, передавая суть разговора своему соратнику, дал себе волю.

Вот же сволочи (щадя деликатные чувства читателей и читательниц, не буду передавать его высказывания дословно), кипятился следователь Коровин, *две недели – нет, ты подумай, – две недели! они морочили мне голову. Ведь не одна же эта фря – так ее перетак с ее гражданским долгом – знала про платину. И все помалкивают – в стороне хотят остаться. А теперь что? Где я теперь этих молодцов искать буду? Они уже давно в Ростове или в Одессе, или в Душанбе, или черт их знает где. Если бы мы сразу же узнали про кражу, так хоть что-то можно было бы сделать. А сейчас их и след уж простыл. Тьфу!*

На Мишу, внимавшего Костиному рассказу с открытым, как говорится, ртом, услышанное произвело просто ошеломляющее впечатление. И, если Костя в своих гневных речах напирал в основном на подлость ниикиэмсовских функционеров, из-за трусости и желания уклониться от малейшей ответственности ставших на позицию чуть ли не пособничества укравшим платину бандитам, то Мишу поразила, в первую очередь, возникающая перед его внутренним взором совершенно новая картина произошедшего. Словно вспышка молнии *разом осветила целый мир*, как говаривал высоко чтимый нашим героем Гоголь, и стало видно настолько ясно, насколько *видеть может человечье око*. Все события последних дней, над которыми они ломали головы и пытались со скрипом вставить их в свои *рабочие гипотезы*, мигом стали осмысленными, тесно увязанными между собой и нашли свои логически оправданные места в общей картине происходящего. У Миши было такое ощущение, что, зная с самого начала о наличии на складе платины, они могли бы, если не предсказать, то, по крайней мере,

предположить с большой степенью вероятности то, чего свидетелями им довелось стать впоследствии. Та цепочка происшествий, с которой им пришлось столкнуться в реальности, логически вытекала из самого факта кражи платины и разворачивалась с почти неизбежной в подобной ситуации последовательностью.

Можно не сомневаться, что обнаруженный в коридоре второго этажа труп не сразу был связан с платиной в головах у тех сотрудников НИИКИЭМСа, которые знали про ее существование. Это явственно следует из их поведения в первые дни после совершившегося убийства электрика. В понедельник Нина, как мы знаем, оживленно обсуждала ужасное событие вместе с другими ниикиэмсовцами и, надо полагать, вовсе не подозревала, что оно так близко касается ее собственной судьбы. И даже гораздо более опытный и проницательный Хачатрян в первые дни, насколько мы можем судить, не связал между собой два эти лежащие в разных плоскостях факта – во всяком случае, у сыщиков, обсуждавших эту ситуацию, не было никаких сведений о том, что он был крайне обеспокоен и пытался предпринимать некие действия. Его поведение непосредственно указывает на то, что, столкнувшись с неординарным и крайне неприятным фактом убийства в стенах института, он не вспомнил о хранящемся на складе драгоценном металле и не постарался тут же выяснить, на месте ли эта ценность, за сохранность которой он, безусловно, чувствовал свою ответственность. Задним числом, глядя на эту ситуацию, можно только удивляться, каким образом у серьезных и неглупых людей мысль о свершившемся преступлении не связалась сразу же с подозрением о корыстном – и, вроде бы, лежавшем на поверхности – возможном мотиве неведомых преступников. Однако же, по всей видимости, так оно и было, поскольку ни малейших следов реакции на хищение платины не отмечалось целых три дня: от субботнего утра до памятного разговора Хачатряна с директором в следующий вторник.

Со всех сторон обмусолив обескураживающий факт умственной слепоты вполне здравых людей, наши Холмс с Ватсоном вынуждены были заключить, что главным обстоятельством, приведшим к столь явному недостатку элементарной сообразительности, надо считать уже само длительное хранение на институтском складе пресловутого «драгметалла». Ясно, что после неожиданного получения такого количества платины и кладовщица, и бывший ее прямым начальником зам по АХЧ, понимавший, конечно, опасность своего положения – не дай бог, что случится, его первого обвинят в халатности и недосмотре, – были обеспокоены и страшились каких угодно неприятностей при каждом воспоминании о свалившейся на их головы заботе. Но прошла неделя, вторая, а затем и еще два месяца, а ничего страшного не происходило. Мало-помалу наличие на складе платины стало привычным делом: неприятно, конечно, об этом думать, да что ж тут поделаешь. Тем более, что ее вскоре должны забрать, как это было обещано с самого начала, надо только немного потерпеть. И постепенно мысли о грозящей опасности отошли на задний план, перестав доминировать в любых реакциях на ежедневные события. Ко всему привыкает человек, и, переходя дорогу, уже не опасается, как это было поначалу, когда он только что переехал в большой город, что какой-нибудь одуревший от водки болван вылетит на красный свет и собьет его, несчастного, вышедшего в магазин купить хлебушка, в двух кварталах от дома. Да что об этом говорить, привыкают к постоянной опасности и как бы забывают о ней и шахтеры, и летчики, и солдаты на фронте, когда шансы дожить до следующей недели и не получить серьезного ранения не превышают у них вероятности прямо противоположного исхода событий. Вот так же, наверное, надо смотреть и на обсуждаемый здесь случай: полученная два месяца назад и мирно хранящаяся на складе платина – это одно, а внезапно обнаруженный в коридоре труп – совсем другое, и с какой стати считать их звеньями одной и той же цепочки событий.

Можно предположить, что Хачатрян, расспрашиваемый лейтенантом Одинцовым о наличии каких-либо ценностей в здании НИИКИЭМСа, должен был вспомнить про платину, Вероятно, после этого он даже осведомился у Нины, не пропала ли она, но, получив ответ, что всё в порядке, он опять отодвинул неприятные мысли об этой потенциальной (всё ведь может случиться) опасности в дальний угол своего сознания.

К обстоятельствам, располагающим к столь благодушному (и близорукому, как вскоре выяснилось) отношению к теме, следует, по-видимому, отнести и то, что тщательно обследовавшие всё здание специалисты не нашли ничего, указывавшего на взлом и некое

хищение. Мотивы преступления оставались совершенно неясными, и ничто не говорило о явной корысти, лежащей в его основе. Даже через две недели после этого наши сыщики всё еще строили свои разнообразные гипотезы относительно того, что привело Мизулина ночью в институт, и кто и почему его убил.

Сюда же можно приплюсовать и еще один психологический момент. Явление мертвого тела в институтском коридоре вошло в сознание никиэмсовской публики одновременно с невероятной историей о его предыдущих появлениях. Именно эта – *мистическая* (фантастическая, шарлатанская, дурацкая – как хотите, назовите) – сторона дела вышла на первый план и затмила все прочие мысли по поводу убийства электрика. Ясно, что именно Миша выдвинул это обстоятельство в качестве психологического объяснения непонятного временного слабоумия, поразившего всех знавших о существовании платины и отвечавших за ее сохранность. К этому нашего героя подтолкнули отчасти те разговоры, которые он слышал в лаборатории всего лишь несколько часов назад, удивляясь, как могут взрослые образованные люди принимать во внимание и обсуждать подобные дедовские предрассудки. Но всё же, главным образом, он основывался на собственных воспоминаниях о том впечатлении, которое произвел на него впервые услышанный рассказ об убийстве в стенах НИИКИЭМСа. Кто убил? зачем? – все эти вопросы меркли на фоне главного: как можно объяснить трехкратное появление убитого? Именно эта не укладывающаяся в сознание несуразность происходящего затмевала все прочие соображения и требовала незамедлительного разрешения. А об остальных аспектах дела он стал задумываться лишь после разговоров с Костей. Да и до описываемого времени пережитое яркое впечатление еще не вполне изгладилось в душе чувствительного к таким парадоксам Ватсона, так что подспудно могло влиять на его соображения и рассуждения. Костя, похоже, не придавал таким психологическим нюансам большого значения, но с Мишей спорить не стал, согласившись, что могло быть и такое. Тем более, что всё это было лишь их собственными измышлениями, а расспросить об этом Хачатряна или Нину было уже невозможно. Однако факт оставался фактом: в первое время никто не хватился отсутствия платины (нельзя же сомневаться, что к тому времени, когда был обнаружен труп, ее уже и след простыл).

И лишь к вечеру понедельника (судя по поведению Нины) это хищение было обнаружено. Нет опять же сомнений, что кладовщица бросилась с этим известием к заму по АХЧ – своему прямому начальнику, и с утра вторника он настойчиво стремился переговорить с директором. О чем конкретно шел разговор, нашим героям было неизвестно, но, опираясь на услышанную секретаршей сакраментальную фразу про «друзей директора» и «тюрьму», его содержание было легко домыслить. Тут однако приходится вступать на не слишком надежную почву правдоподобных предположений, поскольку речь заходит о поведении находившегося на заоблачной высоте академика, о мотивах и решениях которого Мише так и не удалось что-либо узнать до самого конца всей этой истории. Судя по всему, Костя также знал об этом не намного больше своего соратника. Тем не менее вся картина событий косвенно свидетельствует о том, что главной причиной, надолго задержавшей избавление институтского склада от опасного ценного груза и возвращение платины на аффинажный завод, было нежелание академика поставить вопрос ребром и потребовать немедленного удаления случайно попавшей в институт большой партии драгоценного металла. Надо полагать, что после извлечения на свет божий такого результата допущенной где-то в недрах министерских отделов и канцелярий грубой (и, можно сказать, вопиющей) ошибки кому-то из высокопоставленных чиновников грозила выволочка за недосмотр и халатность, а то и еще более неприятные для виновника оргвыводы. Ясно, что академик – тонкий специалист по взаимоотношениям в чиновно-бюрократической среде (а как бы иначе он продвинулся до звания членкора и занимаемой им директорской должности?) – опасался стать непосредственным возбудителем процесса, ведущего к неприятным последствиям для облеченных властью лиц, от которых могла зависеть и его (академика, то есть) будущая карьера и судьба. Естественно, он изо всех сил старался решить неприятный для всех вопрос кулуарными методами, не поднимая шума и не выдвигая никаких резких громогласных требований. У себя же в институте он успокаивал причастных к делу лиц заверениями, что всё у него под контролем и что в ближайшее время неприятная проблема будет благополучно

разрешена. При этом он, конечно, пускал в ход свой непререкаемый авторитет (кто бы в институте посмел ему перечить?), но, как мы видим, не гнушался и мелким подкупом – трудно усомниться в том, что пресловутая банка с растворимым кофе попала к Нине из директорских рук.

Здесь я не могу устоять перед желанием отвлечься ненадолго – уверяю читателя: всего лишь на краткий срок – и высказать собственное мнение по затронутой проблеме. Чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь, что средний человек²⁵ очень своеобразно реагирует на различные виды опасности, угрожающие его благополучию и жизни, и во множестве случаев такие реакции трудно признать рациональными, основанными на трезвом подсчете потенциальных рисков. Это легко заметить в любой (более или менее доступной моему наблюдению) среде: и среди простых работяг, чего-то там пилящих, фрезерующих, паяющих, штукатурящих, варящих и так далее, и среди занимающих следующий этаж итээров (инженерно-технических работников), то же самое можно сказать и о многочисленной канцелярской братии и мелком чиновном люде, в какой бы конторе они не занимали свои должности. И почти ту же (ну, может, с некоторыми особенностями) картину можно увидеть в наших НИИ, КБ, проектных институтах и тому подобных конторах, заполненных в основном людьми, которые получили диплом о высшем образовании и, следовательно, имеют социальный статус интеллигенции – по определению, самой разумной и способной к рациональному мышлению части населения нашей страны.

Речь здесь о том, что в подавляющем большинстве случаев *наш человек*, получив от начальника указание сделать нечто, прямо запрещаемое законами, служебными инструкциями или общепринятыми правилами, и осознавая потенциальную опасность такого поступка, тем не менее склонен выполнить данное ему приказание. Казалось бы, для исполнителя гораздо безопаснее отказаться от выполнения запрещенных действий. Чем ему, собственно говоря, грозит недовольство начальника? Ну, лишат его премии, переведут на неудобный график работы или еще какую-нибудь пакость сделают, в самом крайнем случае, вынудят уволиться. Так ли уж это страшно? И можно ли сравнить подобные неприятности с риском стать жертвой взрыва, транспортной катастрофы, пожара или с вполне реальной возможностью попасть под суд и на долгие годы *загнать* туда, где вероятность получить тяжкие увечья и инвалидность еще на порядок выше, чем на обычном месте работы. Ни у кого ведь нет сомнений, что при неблагоприятном стечении обстоятельств (а именно от них предостерегают все эти правила техники безопасности, финансовые инструкции и прочие строгие запреты) отдуваться придется не высокому начальству, а этим получившим указания сверху исполнителям. Простой здравый смысл, вроде бы, советует не соглашаться на нарушения: раз тебе дают указание, то в нарушении законов и инструкций заинтересован кто-то другой – вышестоящий, а *под раздачу* – в случае чего – попадешь скорее всего именно ты. Что может быть рациональнее такого подхода к делу? И не такой ли тактике должен следовать всякий, получивший указание нарушить некое правило? Однако на деле все эти правила, инструкции и даже статьи уголовного кодекса массово и повседневно нарушаются теми, кто не получает прямой выгоды от подобных поступков. Люди просто делают то, что им сказано, а всерьез задумываются над тем, что сделано, лишь немногие – те, кому не повезло (если им, конечно, удалось выжить и они в состоянии о чем-либо задумываться). Я понимаю, что феномен подобной *иррациональной покорности начальству*, вероятно, далеко не так прост, каким он кажется при наблюдении со стороны, и мотивация таких *послушных исполнителей начальственной воли* требует глубокого и всестороннего анализа, но то, что склонность к описанному поведению повсеместна и очень широко распространена, спорить, по-моему, не приходится. Тем же, кто со мной не согласен, я могу только посоветовать внимательно ознакомиться с многочисленными книгами и статьями, описывающими катастрофу в Чернобыле на всех этапах развития этой аварии – в ней активно участвовали десятки тысяч таких «исполнителей», а не только отдававшее указания высшее партийное руководство.

²⁵ Я, разумеется, имею в виду в первую очередь тех *советских людей*, с которыми я поневоле хорошо знаком, но не исключаю, что сходными качествами обладают и средние представители прочих человеческих типов, составляющих современное общество.

Нечто похожее (в отношении покорного исполнения директорских пожеланий) происходило, вероятно, и в ситуации с платиной, надолго застрявшей на ниикиэмсовском складе. Судя по всему, узнавший о хищении Хачатрян, прекрасно понимавший, что обвинение в халатном отношении к обязанностям будет предъявлено, в первую очередь, именно ему и уже, по-видимому, клявший себя за глупую уступчивость давлению со стороны академика, требовал немедленно заявить о пропаже, и если бы не его гипертонический криз, уже в тот же вторник или, в крайнем случае, в среду следствию стало бы известно о сути преступления, непосредственно связанного с убийством никому не интересного Мизулина. Но судьба решила по-иному.

Академик, следуя выбранной стратегии, немедленно умотал в Москву, чтобы там, обеспечивая собственную безопасность, связаться с заинтересованными влиятельными лицами и постараться загодя «подстелить соломки», оставив при этом своего зама по АХЧ и прочих подчиненных расхлебывать на месте заваренную им кашу. Хачатрян был, по воле капризной судьбы, наказан за свои грехи еще до всяких разбирательств и сразу же вышел из игры. А все прочие более мелкие сошки, знавшие про наличие на складе платины и, возможно, заподозрившие связь между ней и происходившими в институте экстраординарными событиями, сочли за лучшее держаться от этой истории как можно дальше и ничем не выдавать свою осведомленность. Ведь были же в НИИКИЭМСе такие люди помимо кладовщицы и главбуха, не могло их не быть. Но все помалкивали. И даже смерть Нины – а уж после этого трудно было бы не заметить бросающуюся в глаза связь с находившимся на ее ответственности драгметаллом – даже она не подтолкнула никого к тому, чтобы сообщить о своих подозрениях следователю или хотя бы заму по науке, исполняющему обязанности директора. Мы уже говорили раньше, что большинство что-то знающих не спешит, как правило, со своими знаниями и подозрениями в милицию: ты сообщишь, а с тебя же и начнут расследование – лучше уж помалкивать и делать вид, что ни о чем не ведаешь. Аналогичные соображения определяли, по-видимому, и поведение осведомленных о платине ниикиэмсовцев.

Совершенно ясно в этом свете и нервное состояние Нины. Хачатрян, который, надо полагать, узнав о жуткой новости, пообещал ей, что возьмет на себя разговор со следователем, тут же сошел со сцены, и она скорее всего не знала, говорил ли он с кем-либо и к чему эти разговоры привели. Почти наверняка она ожидала, что следователь вот-вот ей займется и, возможно, ее сразу же арестуют. Мучалась, не понимая, почему ее не допрашивают, и тряслась при мыслях о том, что ей предстоит. Такое состояние вполне сгодилось бы в качестве мотива для самоубийства, если бы сыщики заранее не знали, что о самоубийстве не может быть и речи. Даже если у нее и появлялись такие мысли, то преступник не стал ждать и взял дело в свои руки. Зачем? Чем ему Нина мешала? Вопрос этот был очень важен, и Холмс с Ватсоном тщательно его обсудили, пытаясь учесть все мыслимые детали и точки зрения, но я эти рассуждения ненадолго отложу и пойду вслед за Мишей, который, рассказывая мне эту историю, сначала обратился к их (сыщицкой) реконструкции поведения главбуха.

Здесь тоже получалась, хоть и до какой-то степени гипотетическая, но ясная и непротиворечивая картинка. Если отбросить (за полным отсутствием хоть каких-нибудь улик) предположение о непосредственном участии Вероники Аркадьевны в подготовке и осуществлении совершенных в институте убийств и кражи платины, то основным движущим мотивом данного персонажа приходится считать ее горячее желание остаться в стороне и не быть обвиненной в преступной халатности, чего она могла не без оснований опасаться, будучи в институте главным *государевым оком*, призванным строго следить за сохранностью *социалистической* (то бишь *государевой*) собственности. Под давлением директора она воздерживалась от резких телодвижений и не поднимала волны, пока злополучная платина мирно хранилась на складе и никто не поднимал этого вопроса, но когда в тот памятный вторник она заподозрила, что ее уже там нет... А не заподозрить этого она просто не могла: ведь до нее, как и до Миши, и всех прочих ниикиэмсовцев, несомненно, должен был дойти слух об упоминании Хачатряном *тюрьмы, в которую он не собирается садиться*. Ясно, что, сложив два и два, она сделала соответствующие выводы из услышанного. Можно даже

предположить, что главбух напрямую или каким-то косвенным образом пыталась выяснить у Нины, как обстоят дела, и получила достаточно убедительное подтверждение своим подозрениям. Однако сама она признаваться в этом была, безусловно, не намерена, а у Нины уже ни о чем не спросишь. Некоторое время она, как и прочие знавшие о платине, выжидала, не желая привлекать внимание к своей персоне и надеясь, что следствие обойдет ее участие в этой истории стороной, но после смерти Нины на первый план вышел вопрос о неизбежной инвентаризации осиротевшего склада. Долго тянуть с этой процедурой было невозможно, и, следовательно, в ближайшие дни информация о пропавшей платине должна была стать всеобщим достоянием, при этом главбух невольно оказывалась в позиции руководителя, которого вполне можно было обвинить в ненадлежащем контроле за учетом материальных ценностей, находящихся на институтском балансе. Этаким расклад, позволяющий директору переложить основную ответственность на нее (за выбытием пригодного для этой цели Хачатряна), никак не мог устроить Веронику Аркадьевну и она решила предварить события. Ясно, что и скандал, устроенный ею, и заявление об увольнении, и моментальный уход на больничный были частями заранее обдуманного плана, выполняя который, главбух старалась как можно дальше отодвинуться от центра грядущей катастрофы и не попасть в число тех, кого признают главными виновниками *в создании условий, благоприятствовавших хищению социалистической собственности в особо крупных размерах*. Трудно сказать, помогли бы Веронике Аркадьевне отчаянные попытки уйти от грозящей ей кары или же все ее старания были напрасными, но всё же ее план не был вовсе бессмысленным, и не исключено, что ей удалось бы отделаться относительно небольшими неприятностями (по крайней мере, такого мнения придерживался Костя, знавший о подобных прецедентах). Понятно было и то, почему, промолчав так долго, главбух вдруг возымела горячее желание *незамедлительно* сообщить следователю о хранившейся на складе платине. Через день должен был вернуться из Москвы директор, и Вероника Аркадьевна не могла допустить, чтобы о ее роли во всей этой истории следователь впервые услышал из директорских уст – она справедливо опасалась, что выгораживающий себя академик постарается выдвинуть ее на роль главной виновницы случившегося. Что бы она потом не говорила, это выглядело бы как *жалкий лепет оправданья*. А теперь пусть академик оправдывается! Еще неизвестно, кому поверят следователи.

И вот теперь, сделав завершающие мазки на картине, открывшейся взгляду Ватсона после того, как он узнал о существовании платины, я могу перейти к вопросу, занявшему важное место в рассуждениях наших героев: почему отравили Нину? чем она мешала преступникам? Этот вопрос был тесно увязан с другим – возможно, еще более важным – вопросом: через кого бандиты могли получить информацию о наличии на складе платины?

В ситуации, когда, по мнению Кости, главные участники кражи давно покинули город вместе с добычей (или с основной ее частью) и было совершенно неизвестно, где их искать, попытка вычислить наводчика оставалась, похоже, единственным возможным способом как-то нащупать следы преступников. Теоретически такую роль мог сыграть любой из тех, кто знал о лежащей на складе платине: не исключая даже Хачатряна, Веронику Аркадьевну и самого академика. Как известно, высокий занимаемый пост и социальная обеспеченность еще не гарантируют стопроцентную устойчивость по отношению к криминальным соблазнам. А кроме того, любой из осведомленных о платине персонажей мог, не замыслив ничего криминального, попросту сболтнуть о столь необычном и занятном факте кому-то из своих родственников, друзей или знакомых. А затем сведения об этом могли распространиться в самых неожиданных направлениях и, в конечном итоге, дойти до специфически заинтересованных лиц, которые отнеслись к ней уже с чисто практической стороны дела. Проследить все возможные варианты утечки конфиденциальной (и опасной) информации сыщикам вряд ли было под силу – после того, как платину украли, никто, конечно, не стал бы признаваться, что он мог – пусть и невольно – оказаться наводчиком, разболтав о доверенном ему секрете. Тем более, что наш детективный тандем не имел на руках полного списка сотрудников института, знавших о драгметалле, и достичь в этом отношении полной ясности было, по-видимому, невозможно.

Как сообщил Костя, он после того, как слегка переварил услышанную им сногшибательную новость, первым делом отправился в НИИКИЭМС и до того, как вызвал из лаборатории своего верного Ватсона, успел с глазу на глаз переговорить с начальником отдела снабжения. Снабженец не отрицал, что знал о поступлении на институтский склад безумного количества драгметалла. Как только это случилось, его затребовал к себе директор, и ему пришлось объяснять, что с их стороны никакой ошибки быть не могло, и доказывать свою невинность демонстрацией копии отправленной в министерство прошлогодней заявки. После этого он якобы вообще не вспоминал про данный инцидент и не рассказывал о нем никому из четырех своих подчиненных, работавших в отделе снабжения. О необходимости не разглашать услышанное ему напомнил директор, да он и сам понимал, что чем меньше людей будет об этом знать, тем спокойнее будет на душе. И никто ему больше с тех пор о платине не говорил – да и с чего бы этому быть: после того как материалы заказаны, получены и поступили на склад или напрямую в лаборатории, его отдел уже не имеет к ним отношения. Не их это дело. Однако несмотря на все эти заверения Костя вообще не собирался на них полагаться и принимать за чистую монету. При разговоре снабженец был встревожен (если не сказать, напуган) и, главное, сходу понял, о чем идет речь. *Всё он, змей, знал. Еще до того, как я к нему пришел, он уже ожидал такого разговора,* – считал следователь Коровин, привыкший не слишком доверять допрашиваемым. – *Может, и не знал точно, но явно догадывался. Подозревал, что дело пахнет керосином и что спрашивать его об этом деле еще будут. Это, конечно, не доказывает, что он – прямой наводчик или по глупости поделился с кем-то этой новостью, но, почти наверняка, он всё это уже сто раз перемолол в мозгу, и опасается, что его в чем-нибудь обвинят. Но нам, увы, это практически ничего не дает. Как мы его прищучим? Ничего не знаю, не помню, да ничего и не было – вот и весь сказ. Ухватить его не за что.*

Обсудив все детали вдоль и поперек, друзья пришли к выводу, что нельзя исключить существования еще какого-то числа знавших про существование платины: среди снабженцев, бухгалтерских «девушек», среди часто толкущихся в приемной и общающихся с начальниками сотрудников, а также и в других – самых неожиданных – закутках НИИКИЭМСа. Кто-то мог что-то услышать (даже если оно и не было предназначено для его ушей), увидеть какую-то бумажку – да мало ли как могло быть? В то же время было ясно, что знавшие или догадывающиеся об этом секрете особенно не трепались, и широкой огласки сей факт не получил. Как искать того, кто мог – намеренно или нечаянно – сыграть роль наводчика, было совершенно неясно.

Однако среди неопределенного числа гипотетических «наводчиков» было одно лицо, вокруг которого подозрения сгущались до степени, если не полной уверенности, то, во всяком случае, до очень и очень убедительного свидетельства. И, конечно, этим лицом была кладовщица Нина. Уже сама ее печальная судьба не оставляла почти что никаких сомнений в том, что она тем или иным образом была замешана в дело хищения платины. Только такое предположение давало ясный и разумный ответ на вопрос: зачем ее надо было убивать? кому была выгодна ее смерть? Рассуждая об этом, Холмс с Ватсоном без долгих колебаний отбросили в сторону свои предыдущие соображения относительно того, что убийство Нины могло оказаться связанным и с какими-либо «внеинститутскими» личностями и мотивами. В свете *вновь открывшихся обстоятельств* прочие гипотезы уже выглядели крайне неправдоподобными – зачем искать какие-то внешние причины и *разрабатывать* Нининого мужа, когда налицо столь весомая причина, как ее очевидная связь с украденной платиной. У сыщиков не было никаких сомнений, что зарезанный электрик, кража платины и отравление Нины – камешки из одной и той же мозаики. Уж очень хорошо они укладывались в осмысленную аккуратную картинку. Та феерическая сумма, которая должна была достаться преступникам в случае удачи, и тот риск попасть под расстрельную статью, который им грозил в случае разоблачения, легко объясняли их решимость «замочить» кого угодно и сколько угодно, лишь бы остаться не пойманными. Здесь, правда, перед детективами стояла непростая дилемма: надо было выбрать либо предположение о сознательном сотрудничестве кладовщицы с бандитами, либо считать ее невольной наводчицей, выдавшей кому-то опасную тайну по своей природной болтливости. Понятно, что могло быть и так и этак, но наши сыщики

дружно отбросили первый вариант, даже не пытаясь его детально анализировать. Они были уверены, что всё поведение Нины опровергает такую возможность, и, если не считать покойную гением конспирации и актерского мастерства, надо признать, что до самого последнего момента – то есть до того, как она обнаружила пропажу платины, – ей и в голову не приходило, что смерть электрика может что-то изменить в ее судьбе. Знай она о планах бандитов заранее, не могла она чирикать и хихикать как ни в чем не бывало, – она с тревогой ожидала бы выполнения плана, и изменения в ее поведении стали бы заметны окружающим задолго до того, как кража совершилась на самом деле. Пусть такого рода доказательства и не имеют юридической силы, но Холмс с Ватсоном посчитали их вполне убедительными, не противоречащими никаким известным им фактам, и посему исключаящими преступный умысел в разглашении Ниной доверенной ей тайны.

Следовательно, можно было не сомневаться, что отравили Нину потому, что она могла рассказать следователю, с кем поделилась своим секретом, и таким образом дать ему в руки ниточку, ведущую к преступникам. Если так посмотреть на это дело, – а сыщики прочно остановились на такой точке зрения, – то на первый план опять выходила Нинина ближайшая подружка – Петунина. Когда они в прошлый раз обсуждали эту фигуру в связи с отравлением кладовщицы, то пришли к достаточно банальному выводу, что у бухгалтерши была явная *возможность* совершить преступление. И доступ к известному ей яду и время для того, чтобы подсыпать его в банку с кофе, у нее были. Но в тот момент не вырисовывался никакой разумный *мотив*, способный побудить попавшую в их поле зрения Петунину, решиться на такое ужасное дело. И вот теперь в их руках оказался серьезный мотив: необходимость заставить Нину молчать о неосторожно вылетевшем слове. При этом заинтересованными в том, чтобы Нина умолкла навеки, были не только бандиты, но и сама Петунина: ей ведь тоже грозила тюрьма, если дело выйдет на явь. Пусть такой мотив был всего лишь гипотетическим, но выглядел он весьма правдоподобно – в этом разногласий между друзьями не было. Следовательно, Петунина требовала к себе самого пристального внимания. Надо было выяснить, что она за человек, кто входит в круг ее знакомых, нет ли у нее связей с блатной средой и так далее. При этом надо было действовать очень осторожно, чтобы не спугнуть ее и стоявших за ней бандюг – пусть они считают, что обрубили все концы, и никакая дорожка к ним не ведет.

– Допрашивать я сейчас ее не стану – мне и спросить-то ее пока что не о чем, – решил Костя. – А главное, как бы ее не всполошить, пусть чувствует себя в безопасности. Дернешь неаккуратно за ниточку, так и ее, не ровен час, могут пришить.

– погоди, – возразил на это соображение Миша, – ты же, вроде бы, считал, что бандюги уже давно улетели в неизвестном направлении. Кто ж ее пришьет?

– Э, нет. Это разные вещи. Я имел в виду серьезных авторитетов, которые пошли на это дело. С такими обычная бухгалтерша не может водить знакомства – очень уж это было бы невероятно. Ее возможных знакомых надо искать среди *сявок* – мелкоуголовного элемента, а то и вообще среди разношерстной приклатненной публики. Тот, который вышел на настоящих воров и передал информацию, получит какую-то свою долю – может, уже и получил (может, и Петуниной сколько-то отслюнил), – но к самой краже он прямого отношения не имеет, и главный куш достался не ему. В то же время он ясно понимает: чем ему грозит, если его притянут к такому делу. Высшая мера ему, по-видимому, не светит, но и без этого дадут столько, что мало не покажется. Да еще и подстрекательство к убийству кладовщицы – если Петунину прижмут, она ведь молчать не станет. Так что, какой он ни мелкоуголовный, но, попав в такой переплет, вполне может решиться убрать еще одну – слабое, так сказать, звено в их информационной цепочке. Здесь надо действовать очень осторожно. Незаметно так прощупать ее окружение, выяснить, с кем она водится, что за образ жизни ведет. Может, чего и нащупаем.

Высказав эти дельные мысли, Костя замолк, и по лицу его было видно, что будущее не представляется ему в оптимистичном свете. Он помрачнел и выглядел усталым и озабоченным. Миша не знал, что бы ему такое сказать, чтобы приободрить Холмса, на минуту утратившего уверенность в себе, и молча смотрел, как Константин, повертев в руках

опустевшую к тому времени бутылку, поставил ее на стол – и с этой стороны было бесполезно ожидать чего-то ободряющего.

– Видишь какое дело, – помолчав пару минут, продолжил Костя, – мы вот тут с тобой обсуждаем, что будем делать в данной сложной ситуации. А ведь главная, пожалуй, сложность на сегодня в том, что завтра нам, может, и делать уже ничего не придется, и это наш с тобой последний разговор об этом уголовном деле. Завтра я должен доложить своему начальнику о заявлении вашего главбуха и о кардинальном изменении в понимании всего дела. Еще слава богу, что сегодня мой начальник до обеда куда-то умотал и сказал, что в управление не вернется, – дал мне хоть возможность как-то подготовиться и сообразить, что я ему буду докладывать. Но завтра с утра я должен ему выложить всё, как есть. Можешь себе представить, как он отреагирует на услышанное. Было рядовое, в общем-то, дело об убийстве никому не известного работяги – обыденная текучка для нашего отдела, если не считать украшающего этот случай мистико-юмористического довеска с бродячим трупом, – а теперь оказывается, что речь, по существу, идет о хищении соцсобственности в особо крупных размерах. Почти полмиллиона сперли – такое не часто бывает. Да еще с наличием двух трупов. Хотя, конечно, главное в размерах похищенного. Наверное, и министру придется об этом случае докладывать. И в довершение всего: дело с почти что нулевыми шансами на его раскрытие в обозримые сроки. И кто, как ты думаешь, будет признан виновным? Кто подложил начальнику такую свинью? Вот, то-то и оно!

Не исключено, что уже завтра с утра меня отстранят, и дело передадут кому-то, заслуживающему большего доверия. Хотя, как я думаю, желающих за него взяться еще придется поискать. Но это уж как начальство решит. А мне в будущем, видимо, предстоит еще долго отмываться, чтобы поправить свою репутацию. Ясно же, как я буду выглядеть в глазах начальства: ему поручили первое самостоятельное дело, а он не справился, не разобрался как следует, прощелкал клювом, и в итоге... Да что сейчас это обсуждать? Может, и не отстранят совсем... поручат кому-то возглавить группу, а меня включают в ее состав... Всяко может быть. Завтра выяснится.

На этой минорной ноте и закончилось их совещание. Друзья договорились, что Миша около пяти позвонит в управление и выяснит, как обстоят дела. Если их детективное сотрудничество продолжится, то они запланировали встретиться в шесть в НИИКИЭМСе и еще раз с пристрастием осмотреть склад: оставалось всё же непонятным, как преступники в него проникли. Если же Костя будет отстранен от участия в данном деле, то... Ну, там видно будет, что делать и как быть.

Миша поехал домой, и по дороге ему пришла в голову парадоксальная мысль. Появление в деле драгоценной платины, с одной стороны, прояснило туманную картину двух, следовавших одно за другим, убийств, а с другой – только усугубило тьму, в которой скрывались преступники. У него было ощущение, что вспышка молнии, озарившая сцену действия, лишь подчеркнула черноту открывшейся глазу картины.

Глава семнадцатая

Возвращение Шерлока Холмса

Когда в конце предыдущей главы, я описывал расставание героев романа, не знающих, что им сулит грядущий день, я вовсе не собирался вводить в заблуждение читателей. Ведь всякому ясно, что детектив не может закончиться отстранением сыщика от проводимого расследования. Развязкой детективного повествования может быть только разоблачение злодеев и прояснение всех накрученных автором загадочных происшествий, а пока этого не произошло, сыщику, что бы с ним не случилось, придется продолжать действовать и распутывать все петли и узлы на своем пути к истине. А посему знакомый с такого рода литературой читатель нимало не сомневается, что всё как-то уладится. Сыщики продолжают свою охоту на злоумышленников, укравших ценное государственное имущество, и в конечном итоге разоблачат их. *Сколько веревочке не виться, а конец...* и, судя по количеству оставшихся страниц, благополучный конец расследования уже недалек.

Разумеется, читатель ничуть не ошибается в своих прогнозах. Сложись события по-другому, и этот роман просто не появился бы на свет. Реши милицейское начальство передать дело о хищении и убийствах в НИИКИЭМСе в руки более опытных сотрудников, Костя вышел бы из игры, а следовательно, и его соратнику Мише не удалось бы участвовать в деле до его окончательного завершения. А, надо прямо сказать, еще неизвестно, как бы закончилось расследование без Мишиного активного участия. Справились бы *опытные сотрудники* с ним или нет – это еще большой вопрос. Но в любом случае моему знакомому нечего было бы мне рассказать, пригодного стать сюжетом детективного повествования. Так что ни о каком романе не было бы и речи.

В реальности развитие событий пошло по иному пути, который привел, в конце концов, – пусть и через много лет – к появлению этого сочинения. Однако был момент, когда судьба будущего детектива висела на волоске и когда, подобно конан-дойлевскому Шерлоку Холмсу, зависшему над бездной Рейхенбахского водопада, наш герой какое-то время находился в подвешенном состоянии, не зная, что с ним будет на следующий день и чего ему ожидать в будущем. Воспользовавшись такой – пусть даже несколько натянутой – аналогией, я и решил для этой главы позаимствовать у Конан Дойля название его знаменитой книги. Уход *нашего Холмса* угрожал полностью разрушить излагаемый сюжет, а его чудесное *возвращение* позволяет нам продолжить повествование.

На следующий день Миша заявился на работу около десяти утра – довольно рано, по его собственным меркам. С одной стороны, это было не совсем удобно, если иметь в виду, что ему надо было дожидаться пяти часов, чтобы выяснить у своего Холмса, как обстоят дела и каковы их ближайшие планы. Но, с другой стороны, младший научный сотрудник Стасюлевич запланировал для себя переговорить в этот день еще с одним своим руководителем. В ходе чуть ли не ежедневной сыщицкой активности, на фоне всей этой суматохи, когда его мысли практически полностью были заняты убийствами и загадочными происшествиями, Миша невольно отодвинул в сторону свои научные труды. Он почти что и не вспоминал о них, отложив это на «потом», на то неопределенное время, когда все тайны двойного убийства будут ими раскрыты. В прошедшие две недели мэнэсу Стасюлевичу было не до науки. Но теперь мысли его обратились в эту сторону, он чувствовал, что пора вспомнить и об *основном*, так сказать, *месте работы*. Этим утром заблудший (знало бы его начальство, чем он увлеченно занимается в рабочее время!) мэнээс собирался переговорить со своим завлабом. Тот еще месяц назад взял на проверку черновик написанной Мишей статьи и до сих успешно отделялся от докучавшего вопроса подчиненного обещаниями в ближайшие дни разобраться с их совместной научной работой. Последний раз он отфутболил канючившего Мишу словами: *на той неделе... подходи, разберемся*. И поскольку *та неделя* уже наступила и прошла, пора было потребовать от него выполнения обещанного, а заодно и обсудить – в общих чертах – планируемый новый эксперимент. То есть, если говорить честно, поставить начальство в известность о том, что запланировал сам

Миша. Его научный руководитель особенно не навязывался с какими-то им придуманными задачами, и нашего героя такая самостоятельность вполне устраивала – самонадеянности, и даже нахальства, ему было не занимать. Сразу, чтобы не возвращаться к этому, сообщим, что Мише удалось повернуть в полном объеме все намеченные им делишки. Завлаб был на месте и в благодушном настроении, текст статьи они исправили и утрясли к общему удовлетворению (мнением третьего соавтора, в тот момент отсутствовавшего, можно было и пренебречь – вряд ли он стал бы к чему-то придираться – не его это тема), было получено начальственное одобрение и на будущий эксперимент. Всё тип-топ. *Верной дорогой идёте товарищи!*²⁶ Даже в отношении просмотра реферативных журналов был достигнут впечатляющий прогресс: их стопка на Мишином столе почти полностью усохла, и та пара журналов, которые он еще не успел обработать, погоды не делала.

И всё же эти – мелкие, но ведущие к значительной цели, – свершения почти ничего не изменили в минорном (мрачном, попросту говоря) настроении, в котором наш Ватсон пребывал со вчерашнего дня. Непонятно было даже, мог ли он еще считать себя Ватсоном (в глубине души примеряющим на себя роль Шерлока Холмса), – неясно ведь, что там еще надумает Костино начальство? Всё их расследование висело на волоске, и самое-то главное: пусть Костю не отстранят полностью, а оставят в группе, расследующей данное дело, так что они смогут продолжить свое сотрудничество, но и при таком раскладе Миша не видел своего будущего места в этом детективе. Как уже говорилось, услышанное им накануне существенно прояснило картину тех происшествий, которые они пытались расследовать, но одновременно такое знание скрытых причин и мотивов происходящего породило в Мишиной душе глубоко пессимистический взгляд на возможности успешного завершения начатого ими дела. Особенный скептицизм вызывало у того, кто еще по инерции продолжал считать себя Ватсоном, его личное участие в расследовании. Пока главные моменты дела концентрировались внутри института и вокруг него, Миша чувствовал себя на месте – здесь он что-то понимал и мог на равных обсуждать с Костей «амурные» и прочие их гипотезы. Но теперь – после обнажения основной механики преступлений – в центре оказались некие профессиональные преступники, к тому же скрывшиеся с добычей в неведомую даль. Чем в этом случае мог способствовать следствию ничего не знающий о преступном мире молодой сотрудник НИИКИЭМСа? Ясно, что ничего путного о том, как и где их искать, он предложить не мог.

Костя в разговоре обмолвился, что единственное приходящее ему в голову направление розысков – попытаться выяснить (в соответствующих кругах и у более или менее осведомленной публики), не покидал ли город в последние дни кто-то из «серьезных людей», пользующихся авторитетом у криминальной *братвы*. Он, дескать, уже успел переговорить на эту тему с одним из своих знакомых, непосредственно занимающимся оперативной работой, и собирался предложить дальнейшие шаги в этом направлении своему начальнику отдела (если, конечно, тот станет его слушать). Ну, и где здесь место для верного Ватсона? Много ли от него может быть толку в обсуждении такой деятельности? Оставалась еще, правда, *линия Петуниной* – ниточка, тянущаяся из НИИКИЭМСа в направлении бандюг (так они, по крайней мере, могли предполагать). Но и здесь, поскольку *прощупывание* этой «бухгалтерской девушки»²⁷ предполагалось за пределами института, Миша опять-таки оказывался не у дел.

Короче говоря, создавшуюся ситуацию наш герой рассматривал как изощренную издевку над собой со стороны судьбы (или как еще назвать силу, которая так над ним посмеялась?) – знал бы заранее, так и не ввязывался бы в это дело. И действительно: так захватывающе всё начиналось! Волею случая он – страстный любитель детективов – оказался совсем близко к

²⁶ Тут я, по-видимому, допустил нечаянный анахронизм: эта фраза, ставшая во времена Брежнева чуть ли не партийным припевом и перекочевавшая из газет и с плакатов в обыденные разговоры, стала популярной, насколько я помню, позднее описываемых лет. Вряд ли она могла придти в голову нашему герою после разговора с завлабом, но вот в своем рассказе он вполне мог употребить это расхожее в восьмидесятые годы выражение.

²⁷ Хотел написать *этой девицы*, но спохватился – никаких сведений о ее брачном статусе у меня нет, и даже сам Миша вряд ли был об этом осведомлен.

центру увлекательной полуфантастической истории, в которой загадочными были все ее детали: кто? зачем? как это можно объяснить, не впадая в дурной мистицизм? Уже интересно. А тут еще неожиданная встреча со своим школьным знакомым, благодаря чему он сам оказался в позиции детектива, разгадывающего эти загадки. И каким увлекательным казалось начало их расследования. Смелые догадки, увлеченные обсуждения с Костей тут же – на ходу – генерируемых ими гипотез, открытия – пусть не такие и значительные, но, тем не менее, объясняющие кое-что в этом деле, снимающие покров тайны хотя бы с части из бывших загадочными обстоятельств. Главное, была надежда разобраться во всем, составить истинную картинку из тех осколков, которые им удалось обнаружить. Ни о чем подобном наш Ватсон (а он, конечно, и до всего этого чувствовал себя и Ватсоном, и Шерлоком Холмсом в глубине души – да, наверное, и всякий любитель детективов ощущает в себе подобное желание), так вот, ни о чем близком к подобным приключениям он не мог и мечтать – и вдруг судьба расщедрилась и одарила его желанными впечатлениями и переживаниями. Завлекла его, выбила из привычной колеи, заманила в развертывающуюся у него на глазах и творимую с его личным участием роскошную авантюру. Но это было лишь поначалу и, как оказалось, вовсе недолго. Раз-два и всё, можно уже сказать, пришло к концу. Лично для него дело практически закончилось, и закончилось – пшиком. На его надеждах сыграть – хоть раз в жизни – роль Великого сыщика и в результате интеллектуального озарения первым распознать ускользающую истину²⁸ можно было теперь поставить жирный крест. *Похерить* надо было все эти надежды (как выражались наши предки, использовавшие в своей речи старинные названия букв русской азбуки), перечеркнуть их слева направо и справа налево двумя косыми чертами, и готовиться к возвращению в лоно обыденной жизни – благо, что и в ней он может надеяться разрешить какие-то научные загадки.

Хотя мы с читателем и знаем, что Миша глубоко заблуждался относительно своей дальнейшей роли в этой истории, но его легко понять – в тот момент всё для него поблекло и потеряло большую часть своей привлекательности. Он невольно склонялся к выводу, сформулированному (по другому, естественно, поводу) классиком советской литературы: *Нужно было жить и исполнять свои обязанности*. Вот в духе этой стоической максимы он и старался действовать.

Конечно, он не мог перестроиться мгновенно, и какие-то надежды на неожиданный благоприятный поворот в развитии их расследования в нем еще теплились. Потому, присоединяясь время от времени к лабораторным посиделкам за чайным столом, он по-прежнему внимательно прислушивался, нет ли каких-нибудь новых известий об интересовавших его предметах, не появились ли в институте новые слухи об уже замешанных в интересующую нас историю персонажах – о той же Петуниной, например, – а особенно о том, нет ли в таких слухах упоминаний о платине или о чем-то подобном. Однако ничего интересного он не услышал. В институте, похоже, никто по-прежнему не знал про существование платины, и это, несомненно, значило, что ни выступившая разоблачительницей главбух, ни начальник отдела снабжения, с которым беседовал Костя, не стали делиться своими впечатлениями и мыслями с институтской общественностью. Видимо, посчитали за лучшее держаться от этой темы подальше и не демонстрировать свою осведомленность. Так же затих вопрос об инвентаризации на складе – никто о ней не заикался, и одному богу было известно, когда же за нее возьмутся.

В духе своей новой установки на возобновление научных трудов Миша стал усердно подготавливаться к новому эксперименту: собирать посуду, реактивы и т.д. Какое-никакое, а всё ж не бессмысленное занятие. Так, мало-помалу дело дошло и до условленного срока. Ровно в пять, позвонив Косте, он на свое робкое: *ну, как?* услышал краткий, но вполне определенный ответ:

- Встречаемся, как договаривались. Сможешь?
- Конечно. В шесть буду у дверей.

²⁸ В своем рассказе Миша и не скрывал, что такие мечтания были ему вовсе не чужды. Он и в науку-то пошел ведомый схожими мотивами – именно возможностью находить загадки и разрешать их она его и привлекала.

На этом их разговор и закончился.

Вот так так! Похоже, до крайности не дошло. Банкет продолжается, – решил слегка приободренный Ватсон, и, спустившись к шести часам на первый этаж, стал курсировать по коридору прогулочным шагом в ожидании своего напарника. *Еще посмотрим, куда оно повернет,* – бормотал он себе под нос, – *мы уже всякие повороты видали.* Он чуточку воспрял духом, хотя и мало верил в то, что Костя принесет в клюве благие вести.

Чтобы сразу прояснить ситуацию, я немного забегу вперед и уже здесь изложу главные результаты Костиного свидания с начальником отдела. Сводя их к одной фразе, можно сказать, что никакого конкретного решения принято не было. Как в этот же вечер сообщил Мише один из участников разговора, состоявшегося в начальственном кабинете с глазу на глаз, руководитель внимательно, вникая во все подробности, выслушал отчет подчиненного о проделанной работе и о всех фактах, выявленных в ходе следствия, но от собственных комментариев воздержался и ничем не выразил своего отношения к делу. *Тут надо подумать. Работайте. Через день-два доложите, как обстоят дела,* – таким невнятным начальственным резюме и окончился этот разговор. Ожидавший неминуемого разноса и последующих оргвыводов Костя был несколько озадачен таким поворотом дела. *Наверх доклады собирать, наверное,* – предположил он, рассказывая об этом Мише, – *Не хочет предвосхищать решений вышестоящих, вот и темнит.* Однако развивать эту тему дальше и делиться с приятелем своими соображениями Костя не стал. Он вообще очень скупно высказывался о своих служебных обстоятельствах и о взаимоотношениях в их отделе. Видимо, считал, что их с Мишей договор, предполагающий разглашение некоторых ведомственных тайн, ограничивается рамками конкретного уголовного дела. Миша же, как это было почти во всех случаях, в первую очередь заподозрил, что столь нестандартное поведение Костиного начальника может объясняться вмешательством в ход событий Коровина-старшего – пресловутого «генерала», о котором Костя и вовсе никогда не упоминал, будто его и в природе не существовало. Рассказывая мне об этом эпизоде, Михаил предполагал, что уже после их вчерашнего разговора Холмс, убоявшись лишиться этой роли, отправился к своему папаше, чтобы поведать тому о неожиданном повороте в расследуемом им деле и о том, непростою положении в котором оказался ни в чем, вроде бы, неповинный, но оказавшийся под ударом следователь Коровин. Развивая эту гипотезу, Миша считал, что, скорее всего, озабоченный успешной карьерой отпрыска «генерал» переговорил с Костиным начальником еще до того, как сам Костя оказался в этом кабинете, и, обрисовав коллеге ситуацию, попросил не отстранять сынишку от дела, а дать ему шанс исправить, насколько это возможно, создавшееся положение. При этом он, надо полагать, заверил начальника отдела, что самолично утрясет этот вопрос с руководством УВД и что никаких претензий по этому поводу Костиному начальнику опасаться не следует – «генерал» берет всю ответственность на себя. Конечно, Миша так никогда и не узнал, как это происходило на самом деле. Действительно ли мохнатая папашина рука спасла наших героев от бесславного фиаско в проводимом ими расследовании или же начальник отдела не стал отстранять Костю и передавать следствие в другие руки, основываясь на каких-то собственных соображениях, непроницаемых для взора нижестоящих сотрудников? Всё это так и осталось покрыто мраком неизвестности вплоть до нынешнего дня. Да и зачем нам с вами, читатель, вникать во все тонкости милицейской внутренней политики, не связанные напрямую с сюжетом нашего романа?

Возвращаясь к Михаилу, мерившему шагами коридор от дверей склада до расположенного у окна мужского туалета и обратно, надо сказать, что дожидаться ему пришлось недолго. Уже через несколько минут в вестибюле замаячили знакомые фигуры Константина и неразлучного с ним Олега.

Употребленное здесь слово «неразлучный» невольно подталкивает мысль к напрашивающейся аналогии между персонажами нашего повествования и героями знаменитого романа Сервантеса. Однако, поразмыслив, я вынужден был отказаться от такого художественного сравнения: если судить по внешнему виду, то описываемая мною пара находилась скорее в обратном соотношении со своими литературными прототипами. Тощий и высокий Олег никак не годился на предназначенную ему роль Санчо Пансы, в то время как Костя, вовсе не округлый, но всё же гораздо более плотный, чем его «оруженосец», совсем не

вписывался в образ Дон-Кихота. Тем более что меланхоличный и вечно унылый Олег (Миша ни разу и не видел его в другом настроении) много лучше соответствовал определению «рыцарь печального образа», нежели его бодрый, пышущий внутренней энергией руководитель следственной группы.

Почти с уверенностью можно предсказать, что, дойдя до этих строк, читатель (как это, вероятно, бывало уже неоднократно) с досадой заметит явную чужеродность этих рассуждений в тексте детективного романа. Ничего они не добавляют к пониманию описываемых событий. И он (читатель), вне всякого сомнения, прав: всё это – не более чем авторская блажь, легко объясняемая тщеславным желанием написать нечто значительное, умственное и засвидетельствовать знакомство автора с высокими литературными образцами. Я и сам это прекрасно сознаю. А потому, дав себе на минуту волю, стремительно обрываю сей не относящийся к делу пассаж.

После того, как Константин, подойдя к вахтерской, забрал ключ и расписался в журнале, они с Олегом направились к дверям склада. Поздоровались за руку: *а вот и мы*. Зашли в уже знакомое читателю помещение, при этом Костя задержался у двери и пощелкал замком, открывая и закрывая его. Заметив вопросительный взгляд наблюдавшего за его действиями Ватсона, объяснил:

– Солидная конструкция – гвоздем не откроешь. Да и специалисту придется покопаться минут пятнадцать, а то и полчаса.

На этом осмотр входа был закончен, и, закрыв за собой дверь, руководитель следственной группы бодрым тоном заявил:

– Ну, давайте смотреть.

Что, правда, не вызвало ни малейшей реакции со стороны его младшего коллеги, продолжавшего стоять посреди комнаты с рассеянным видом. *И действительно, что тут смотреть – ведь всё уже осматривали*, – мысленно Миша невольно солидаризировался с пребывающим в апатии Олегом. Однако опыт с дверью черного хода его кое-чему научил, и он с надеждой *посмотрел*. Но *посмотрел* на Холмса, пытаясь понять, что у того на уме, а затем, вспомнив, сделал несколько шагов в сторону стоявших в углу корзин, предохранявших бутылки с кислотами от нечаянного удара.

– Точно, – подтвердил Костя, подходя к нему и махнув рукой в сторону пустого пространства за корзинами, которое они обнаружили при прошлом осмотре, – тут они, наверняка, и стояли. И, как сообщила главбух, были сверху прикрыты каким-то рядом, чтобы в глаза не бросались. Что-то, кстати, тряпки этой не видно нигде – прибрали, наверно, куда-то.

Помолчав немного, он решил внести в отношения ясность и добавил:

– Я, Михаил, сказал Олегу, что ты в курсе дела относительно платины. Но смотри, больше никому ни слова. Шум нам ни к чему.

Миша, не ожидавший такого поворота в конспиративной стратегии, только кивнул головой. Он не очень понимал, что стало известно Олегу и как теперь себя вести. Пусть говорит Костя, а он будет *помалкивать* – он уже начинал привыкать к такой совершенно не характерной для него позиции.

– Так, – Костя огляделся и махнул Олегу рукой, – вон в углу стремянка – тащи ее сюда к окну.

Получивший конкретное указание Олег вышел из своего постоянного транса и приволок лестницу, с помощью которой, переставляя ее с места на место, Константин самолично осмотрел оба окна. Особое внимание было уделено тому, что было частично заслонено стоявшим у этой стены высоким стеллажом.

– Ну, что я вам скажу граждане: ни к чему не придерешься. Все стекла целы, рамы покрашены – их не откроешь, и пыль везде вековая – и на рамах, и на подоконниках. Чего и следовало ожидать. Пол, я думаю, проверять не стоит: под нами подвал, пробраться в который намного сложнее, чем сюда. Таким образом, для проникновения остается единственный путь – через забитую дверь, ведущую в соседнюю комнату. Будем его проверять – других вариантов у нас не предвидится. Олег! Давай в вахтерскую – нам нужен ключ от этой комнатухи.

– Так я же еще тогда говорил... – начал было Миша, но осекся – его удержала всё та же мысль о черном ходе. Он решительно шагнул к монструозному шкафу и, распахнув дверцы его нижнего отделения, безнадежно вперился взглядом в две массивные полки, тесно заставленные бутылками с кислотами. Подошедший к шкафу Костя также оглядел стоявшие в несколько рядов разнокалиберные сосуды, а затем, просунув за них руку, постучал в заднюю стенку шкафа.

– Картон. Оргалит, точнее. Как и положено, – таково было его нехитрое резюме. – Ну что? Пошли в соседнюю комнату – Олег, поди, уже там.

Послушный повелениям руководства Олег, и в самом деле, ждал на пороге уже открытой кладовой под номером 13а. Нет смысла описывать внутреннее убранство этой комнатухи, имевшей в ширину не более двух метров и освещаемой днем через половинку окна, поскольку я уже сделал это в одной из предыдущих глав. Чтобы добраться до заколоченной двери, надо было ликвидировать завал из заслонявших ее листов фанеры, старых облезлых стенов, рулонов проволочной сетки и прочего барахла, собранного запасливой комендантшей. Однако всё это было грязным, запыленным и покрытым брызгами невесть откуда взявшейся известки.

– Погодите. Я сейчас вам чего-нибудь принесу, – предложил Миша. Сам-то он явился на встречу в своем рабочем халате и мог ворочать этот хлам, не опасаясь сильно запачкаться.

– Ну давай, – согласился Костя, – а мы пока что перекурим, тачки смажем. Не задерживайся только.

– Я мигом, – заверил Ватсон. И действительно, уже через несколько минут он явился, притащив с собой два белых халата не первой свежести, позаимствованные им у кого-то из своих коллег, и несколько пар толстых резиновых перчаток.

Пока сыщики натягивали на себя халаты (Косте для этого пришлось вернуться на склад и оставить там свой пиджак), а Миша, воспользовавшись случаем, в свою очередь закурил, из рядом расположенного туалета вышел знакомый нашему герою парень, работавший в соседней с ними лаборатории, и, кивнув Мише, с любопытством осведомился:

– А что это вы здесь делаете?

При других обстоятельствах Миша вряд ли бы отказался от удовольствия как-то сострить в ответ на такой вопрос, дословно воспроизводящий всем в те годы известную сценку из фильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», но здесь он отделался туманным: *Да вот, дали нам задание...*

– Ну да. Ясно, – бормотнул знакомый и быстро смотался, опасаясь, вероятно, как бы Мише не пришло в голову привлечь его к выполнению этого непонятного, но откровенно малопривлекательного задания.

Тут появился уже облаченный в рабочий наряд Костя, и они дружно – *раз-два, взяли!* – за несколько минут переставили всю рухлядь к противоположной стене и обнажили дверь, соединявшую когда-то эту комнатешку с основным помещением склада.

Мишу до глубины души поразила – в точности, как это было и с дверью черного хода, – простота и эффективность найденного жуликами решения стоявшей перед ними проблемы. *Проще пареной репы*, – рассказывал он мне через много лет, – *а пока не увидишь, и в голову не придет*. Дверь была аккуратно распилена поперек от косяка до косяка, так что нижняя ее треть, до той поры загороженная отодвинутым в сторону хламом, держалась на оставшемся нетронутым нижнем дверном навесе и легко открылась, когда отодвинули мешавший этой операции загнутый гвоздь. Также была выпилена прибитая наискосок доска, а из задней стенки шкафа был вырезан большой кусок оргалита, который теперь держался на своем месте только благодаря нескольким загнутым гвоздикам. А когда, убрав гвоздики, сыщики его вытащили, перед ними за рядами тех бутылок, которые они полчаса назад рассматривали с противоположной стороны, открылся вид на помещение склада. Достаточно было бы переставить часть бутылок в комнатенку, и можно было легко пробраться на желаемую сторону – пусть ползком, на животе, но никаких больших трудностей это не представляло.

– Да... Вот и выяснили... – только и смог сказать Костя, когда механика проникновения на склад обнажила свою сущность. Более чувствительный Миша и вовсе стоял, открывши рот. И даже невозмутимый Олег был, по-видимому, впечатлен открывшейся их взорам картиной. Во

всяком случае, он активно разгибал гвоздики и вынимал кусок задней стенки шкафа (*не бойся, – уверил его Костя, давая задание, – никаких отпечатков мы здесь всё равно не найдем*), а затем с интересом заглядывал в образовавшийся проем.

Сыщики молча перекурили – а что обсуждать-то? Всё было ясно и лежало на поверхности. Однако неутомимый и дотошный Холмс на этом не успокоился.

– Теперь так. Еще одну проверку сделаем. Мы с Михаилом сейчас выйдем и станем в вестибюле, у вахтерской, а ты, – обратился он к Олегу и подобрал валявшийся в углу обрезок доски, – постучись. Вот так. – Он легонько трижды постучал по двери: *тук-тук-тук*. – Потом прервешься и погромче стукнешь. – *Тук-тук-тук* – обозначил нужную громкость Костя. – А уж потом со всей силы бабахнешь. – *Бах-бах-бах*. – Понял, что требуется? Давай. Минуты через две начинай. Мы выйдем и дверь запрем, а ты чуть выжди и действуй. Нет. Погоди... Я где-то здесь тряпку видал... Вот она. – Он пошарился и вытащил торчавшую из оставшегося завала мешковину. – Слушайте, граждане сыщики и понятые, а ведь это, пожалуй, то самое *рядно*, которого мы не обнаружили на складе. Ну ладно, это не важно. Олег, когда мы выйдем, ты этой тряпкой тщательно заткни щель под дверью – они ведь, наверняка, что-то подобное делали, чтобы заглушить шум. Ну! Поехали!

Завернув за угол коридора и остановившись перед вахтерской клетушкой, Костя с Мишей напряженно прислушивались, донесутся ли сюда какие-то звуки. Вахтерша с любопытством на них поглядывала, но вопросов не задавала. *Завтра же пойдет слух, что я непонятно чем занимался со следователем, – с досадой подумал Михаил, – да и черт с ним. Шила в мешке не утаишь*. Через пару минут до его слуха дошел слабый, но все же различимый звук: *тук... тук... тук...* Однако продолжения этой серии не последовало. Они с Костей переглянулись и вернулись к Олегу.

– Итак, слышно только самые громкие бабаханья, – подвел черту под следственным экспериментом Костя. – Да и то, вахтерша со своего места, похоже, их не слышала. А, если бы задвинула свое окошко, то уж точно ничего бы не услышала.

Он немного подумал.

– Жаль у нас пилы с собой нет. А тут ее нельзя раздобыть? – обратился он к Мише.

– Запросто. Только у нас не настоящая пила, а ножовочное полотно – узенькое такое – по металлу.

– Самое то, что нужно. Сбегай, принеси.

Командированный за пилкой Ватсон быстро вернулся, и эксперимент был повторен в наиболее приближенном к реальности варианте. Друзья убедились, что услышать снаружи, как Олег усердно пилит полотно двери, можно только стоя рядом и приложив ухо к щели между дверью и косяком. (Нынешний читатель, замечу в скобках, должен иметь в виду, что в здании НИИКИЭМСа – как, впрочем, и в большинстве тогдашних контор – все двери были старого образца и еще довоенной выделки, то есть из настоящего дерева, толстые, многослойные, со ступенчатыми краями, подогнанными к соответствующим выступам на косяках именно затем, чтобы уменьшить проникновение шума. Не надо их равнять с современными стандартными изделиями из пяти брусочков, оклеенных красивой картонкой).

На этом сыщики посчитали свои труды законченными, да и время уже приближалось к половине восьмого. Олег был отпущен восвояси. Правда, лишь после того, как, сев в складской комнате за стол, написал за Костю расписку в том, что *ключи от комнат №№ 13 и 13а временно изъяты в интересах следствия по уголовному делу №...* Наш Холмс, как видим, строго выдерживал свою линию, сформулированную им по поводу появления стажера: *по крайней мере, будет кому бумажки писать*.

– Вот и всё. – Костя подписал бумажку и вручил ее своему подчиненному. – Отдай вахтерше и свободен. Мы здесь всё закроем и тоже пойдем. Завтра я отправлю сюда криминалистов – пусть задокументируют. А с тобой встречаемся утром в управлении. Да. Еще... Дай вахтерше наш телефон, пусть запишет на всякий случай. Если кто к ней придирается будет, пусть нам звонят. Чао!

Не буду тратить время на описание всяческих мелочей и скажу только, что из НИИКИЭМСа наши герои отправились прямо к Косте домой, где еще почти час обсуждали свои текущие дела и положение, в котором оказалось их расследование.

Во-первых, Константин рассказал о своем утреннем разговоре с начальником отдела, суть которого была уже изложена на предыдущих страницах и, следовательно, известна читателю. И хотя окончательное решение начальства оставалось еще неопределенным, Мише показалось, что его соратник чувствовал себя более уверенно, чем это было вчера. Появилась надежда, что ему будет дозволено продолжать следствие по этому делу. Возможно, что тонизирующий эффект оказали результаты сегодняшнего обследования склада – всё-таки механика хищения была теперь полностью выяснена. И значит, молодой следователь не протирал даром штаны, а успешно работал. Тем не менее, недоверчивый Ватсон не исключал и другой причины: высокопоставленный папашка успел сообщить сыну о предпринятых им мерах и хотя бы частично его успокоить – *работай, дескать, как-нибудь всё уладится – я подстрахую*. Не знаю, пришла ли эта мысль Мише в голову тогда же или же он пришел к ней лишь в то время, когда рассказывал мне эту историю. Если верно второе, то придется признать, что за истекшие десять лет рассказчик заметно сдвинулся в сторону тотального недоверия ко всем видам и разновидностям *властей предержавших*. Отсюда уже недалеко и до радикально сформулированной максимы: *Всякий начальник – естественный враг трудящегося человека*. Насколько она справедлива и всеобъемлюща, сказать трудно, но спорить с ней я не собираюсь.

Что же касается перспектив и направлений дальнейшего расследования, то здесь всё по-прежнему выглядело крайне неопределенно и достаточно мрачно. Особенно это касалось будущего участия в деле нашего Ватсона: казалось, что ему – как он уже и думал – не находится значимого места в последующем развитии этой истории. Похоже, они уже выяснили всё, что можно было найти в НИИКИЭМСе, и сегодняшние находки только подчеркивали завершенность этой линии совместного расследования. А что дальше?

Надо сказать, Холмс ни одним словом не намекал, что соратник ему больше не требуется. Он, как и раньше, выкладывал Ватсону свои соображения и планы и ожидал его активного участия в обсуждении. Но это сейчас, а впоследствии может получиться, что их сотрудничество постепенно сойдет на нет, поскольку Мише нечем будет заинтересовать приятеля. Но, как бы то ни было, тем вечером Костя, рассуждая вслух, говорил, а верный (хотя и неуверенный в своем детективном будущем) Ватсон, его слушал.

– За что надо сейчас браться и как действовать, я, как ты сам понимаешь, толком и не знаю. Но нос вешать не надо. Вообще-то говоря, это самое обычное для всякого следователя состояние. Рутинное, можно сказать, следовательской работы. Как правило, большую часть времени приходится действовать в потемках: кто? где? когда? зачем? и как его искать? – ничего не ясно. Шариться в надежде на что-нибудь наткнуться и за это зацепиться. И ведь находят, по крайней мере, частенько удается найти. У нас хотя бы ясно, кого убили и что украли. А ведь в некоторых случаях и это неизвестно. Так что не очень-то наше дело отличается от прочих подобных дел. Сумма, конечно, уж очень большая – это плохо. Seriously усложняет нашу задачу. Но что тут поделаешь. Надо работать.

Костя пригладил волосы на затылке, закурил очередную сигарету и продолжил свои рассуждения:

– На данный момент я вижу только одну конкретную зацепку – это Петунина, как возможная наводчица. Не будем сейчас предрешать: в доле она или просто проболталась, но ее роль в информировании бандюг вполне вероятна. Надо с ней разбираться. Я уже поговорил сегодня с тем, с другим: с этой Петуниной всё непросто, но зато есть многообещающая почва для поиска нужного нам человечка. Она училась в одиннадцатой школе – это за Каменкой, на горе. Хулиганский, как ты знаешь, район. Там полно нашего контингента. Ну и детишки у них соответствующие. За одним из ее одноклассников уже *две ходки*²⁹ числится, да и полно там

²⁹ Я не уверен, что слово *ходка* стоит разъяснять читателям. Я-то его, пожалуй, первый раз от Миши и услышал, но теперь другие времена, и вся эта тюремно-блатная терминология сейчас у всех на слуху. Возьми любую газету или журнал, не говоря уже о популярных «боевиках», и наткнешься на что-то подобное. А многие газетные статьи так и вовсе чуть ли не *на фене* написаны. Но всё же поясню *отсталой* части моих потенциальных читателей: *ходкой* в криминальных кругах называют судимость и, соответственно, отсидку в местах лишения свободы. Чем больше у блатного *пацана*

такого добра. Другой вопрос: с кем из них наша Петунина может водиться, но то, что она с многими из них знакома, непреложный факт, наводящий на определенные размышления. Надо тщательно разобраться с кругом ее нынешнего общения и с теми интересными для нас субъектами, которые могут в этот круг входить. Я уже дал нашим оперативникам такое задание – думаю, что в ближайшие дни чего-нибудь и накопают. Тогда и обсудим дальнейшие шаги.

Ватсон внутренне восторгнулся, услышав последнюю фразу своего Холмса: *вишь ты – обсудим – вроде бы, не собирается он меня за борт выбрасывать*. Однако Константин вовсе не намеревался заканчивать свои рассуждения. Чуть обождав, он продолжил:

- Я вот еще что хочу сказать... обдумать вместе с тобой... есть тут одна несообразность... Вот смотри. Сегодня мы уже почти всё это дело в общих чертах себе представляем: зачем лезли в ваш институт, как залезли, почему этих двоих ликвидировали – вряд ли тут большие сомнения могут быть.... Всё как-то более или менее укладывается в осмысленную картинку. Однако есть один момент, который я не могу понять. То есть я вижу только одну нестыковку – если, конечно, не считать этого дурацкого спектакля с хождением покойника туда и сюда, но об этом мы уже сто раз говорили – а сейчас я другое имею в виду. Это ощущение у меня только сегодня возникло, раньше-то ему и взяться было неоткуда. Ты сам видел, что им – ворюгам – надо было сделать, чтобы попасть на склад. Не так уж и много работы, причем работы простейшей, неквалифицированной. Не сомневаюсь, что непосредственно занимался всем этим выпиливанием бедолага-электрик – для того его и привлекли к делу. Сами-то воры, я думаю, стояли на стреме у двери на черную лестницу – чуть что вжик и нету их. Если вахтерша что услышит и застучают этого Мизулина за черным делом, то – вот он ворюга, а про них ему и рассказать-то нечего. Что он про них может знать? Это всё в общем-то понятно, но я-то о другом. Вся эта работа могла занять не больше двух дней, учитывая даже, что надо было действовать максимально осторожно и обязательно каждый раз приводить всё в исходное состояние. Ты же видел: пылью пол и все эти стенды присыпали – глянешь, и никаких сомнений, что в эту кладовку со времени прошлого ремонта никто не заглядывал. Пусть даже три дня им для этого понадобилось – но не больше же? С чем там возиться, чего тянуть? И тогда возникает вопрос: почему они растянули это на две недели? Пятница, конечно, наиболее удобный день для этих мероприятий, но... Ведь платину-то в любой момент могли вывезти на завод, как же они могли так рисковать? Не могли же они знать, сколько она там будет лежать... Или могли?... А, может, это гастролеры?..

Тут, по словам Миши, Костя как-то подобрался, фигурально выражаясь, *сделал стойку*, как охотничий пес, учуявший дичь, и хитренько улыбаясь, взглянул на своего Ватсона, внимательно выслушивающего холмсовский монолог. Как ни странно, Миша в ту же секунду воспринял мысль, возникшую у его партнера.

– Точно! – воодушевленно подхватил он (если не сказать, завопил во весь голос). – Может, наводку-то они получили не здесь, не в институте, а там наверху, в министерстве, в Москве. А потому и не сомневались, что если заводу будет дано указание забрать платину, их об этом заранее оповестят. Всё у них было рассчитано, и они могли слишком не торопиться.

– Вот то-то и оно, – не менее возбужденно перебил его Костя, – ведь это совсем другой расклад, и искать тогда надо совсем в других местах. – Тут он несколько призадумался и продолжал уже более спокойным тоном. – Конечно, с москвичами сложно дело иметь – к ним попросту не подъедешь. Но можно найти пути. Здесь даже то, что дело многотысячное, нам на руку – не смогут они отмахнуться.

Видно было, что он уже начал обдумывать свой будущий разговор с начальством и возможные выходы на заносчивых московских коллег. А Миша, слушая его вполуха, продолжал лихорадочно соображать и разворачивать в голове предложенную Холмсом версию.

– Постой, – начал он наконец, – а нельзя ли предположить, что вся эта чехарда была затеяна вполне сознательно? Я что хочу сказать. Вот говорят: *глупая канцелярская ошибка*,

ходок (приравниваемых к боевой медали или, может быть, к нашивке за ранение), тем солиднее выглядит его *послужной список* в среде ему подобных.

простая описка. А, может, не так дело было, и вовсе это не ошибка. Вдруг какой-то хитроумный управленец, связанный с уголовниками – есть же такие! – разработал всю эту комбинацию и аккуратненько вписал букву «к» перед «г» в графе «Единицы измерения». Зная нашего директора, он был уверен, что тот шуму поднимать не будет – не решится, – и его можно будет водить за нос столько, сколько это понадобится для завершения операции. Правда, в этом случае такой *гипотетический Корейко* не может быть мелким служащим, а должен представлять значимую фигуру в этом министерстве. Может такое быть? Как считаешь?

– Всякое может быть. Почему бы и нет? – видно было, что Мишины выкладки произвели на Холмса определенное впечатление, и он ими заинтересовался. – Занятный ты поворот придумал. Ловко! Правда это или нет – вопрос? Но интересная конструкция получается. Надо как следует обдумать и, главное, надо бы нам хоть что-то узнать про ваше министерство. Как они там подобные заявки оформляют и так далее... Надо к москвичам ходы искать. Я посоветуюсь с опытными людьми – может это не так и сложно.

На этом, в основном, и закончилось их не слишком долгое совещание – Мише уже пора было торопиться, чтобы без проблем добраться домой. Назавтра они встретятся не собирались, а через день Миша обещал позвонить – тогда и решат, как и что.

В среду Ватсону было не до детективной проблематики – затеянный им эксперимент требовал полного внимания, и он с раннего утра и до шести часов усердно возился со своими колбами, ретортами, горелками Бунзена, электродами и электролитами и прочими предметами, малоизвестными тем, кому не довелось стать специалистом в этой специфической области знаний (честно признаюсь, что, не задумываясь понапрасну, собрал в кучу всё, что только в голову пришло, поскольку не имею никакого представления о сущности Мишиных опытов – он не вдавался в подробности, а мне это было ни к чему).

Но когда он вспоминал об их расследовании, его мысли были гораздо менее пессимистичными, нежели накануне. Пока что дела складывались не так плохо: Костю не отстранили от дела – это раз; он, по-видимому, не потерял интереса к их совместным обсуждениям и не намеревался отделаться от ставшего ненужным Ватсона – это два; при обследовании склада им удалось сделать определенный шаг вперед – это три; и, наконец, самый важный и гревший Мишину душу факт – ему (то есть Мише) удалось сгенерировать интересную, нетривиальную идею о происхождении этой пресловутой «опечатки в заявке», идею, проливающую совершенно новый свет на возможную подкладку расследуемого дела. Конечно, если быть точным, надо было бы говорить, что эта идея родилась в результате их совместных с Костей интеллектуальных усилий. Но и такой – смягченный – вариант формулировки Мишу вполне устраивал: как бы то ни было, а он оказался не только Ватсоном, но и Шерлоком Холмсом. И это, вероятно, еще не последний его вклад в их общее расследование.

Отрываясь на краткое время от работы и появляясь за лабораторным чайным столом, Миша несколько опасался, что его могут спросить, чем это он занимался вчера в компании следователя. Как ему ответить на такой скользкий вопрос, он так и не смог придумать, и со страхом ожидал, что ему нелегко будет выкрутиться из такой совершенно непривычной для него ситуации. Но страхи оказались напрасными. То ли знавшая его вахтер никого после смены не видела из своих знакомых и никому ничего не сказала, то ли услышавшие ее рассказ не сочли новость достойной дальнейшей ретрансляции, но до их лаборатории подобные слухи не дошли, и никто его ни о чем не спрашивал. Вообще, бушевавшие в последнее время в институте слухи как-то стихли, и единственной новостью, возбудившей некоторый интерес общественности, стало сообщение, что директор вернулся из Москвы и завтра собирался нагрянуть в институт. Что за этим могло воспоследовать, оставалось только гадать.

Как уже сказано, целый день Мише было некогда думать о платине, убийствах, бродячих трупах и прочих элементах детективного сюжета, но зато в четверг он позвонил Косте, не дожидаясь пяти часов, а около двенадцати – вскоре после того, как пришел на работу, – и задал Холмсу совершенно неожиданный вопрос:

– Костя, ты знаешь, какого роста был покойный Мизулин?

– Да кто его знает, – опешил Костя на той стороне телефонной линии, – обычного... Среднего роста он был. Зачем это?

– Узнай, пожалуйста, точный рост. В медицинском свидетельстве это ведь должно быть отражено. Посмотри. Это важно. ...А я к тебе после шести приду – есть что обсудить. Договорились?

– Ладно, – не стал дальше допытываться недоумевающий Костя, – буду тебя ждать. На этом их странноватый разговор и закончился.

Глава восемнадцатая

Вот и всё

Анну Леонидовну – вахтера НИИКИЭМСа – арестовали в больнице в пятницу сразу после окончания «мертвого часа», вызвав ее через санитарку в приемный покой. Заслушав объявленное ей постановление об аресте по обвинению в убийствах и хищении государственности, а также ордер на проведение обыска в ее квартире, она только и сказала: *Додумались-таки. Значит, суждено мне это было* – и больше не проронила ни слова.

Говорить она начала лишь через несколько дней. *Стала давать признательные показания*, как это формулируется на милицейско-канцелярской *фене*. Я, как ни старался, не мог вспомнить, откуда попала в мой, выражаясь современным высоким стилем, *тезаурус* эта специфическая формулировка – сам ведь такую не придумаешь. Крайне маловероятно, чтобы Михаил использовал этот оборот в своем рассказе, так что надо полагать, я позаимствовал ее из читанных в давние годы «милицейских романов»³⁰, значительная часть которых была написана людьми, начинавшими свою трудовую деятельность в органах милиции, дознания и следствия и хорошо знающими всю кухню этого ведомства и употребляемую в его недрах лексику. А вставил ее в текст – для колорита, есть в ней особый привкус, дух, так сказать, времени и места действия.

Арестованную гражданку Бильбасову сразу же поместили в тюремную больницу, где она и находилась в течение тех полутора или двух месяцев, которые определила ей судьба. Заболевание ее протекало довольно тяжело, а в первые дни после ареста ее состояние было и вовсе близким к критическому, но постепенно врачам удалось отчасти поправить ей здоровье, и стало возможным ее допросить и задать те вопросы, без получения ответа на которые нельзя было завершить расследование и составить обвинительное заключение. Часть из них носила скорее формальный характер, но был и кардинальный вопрос: *Где украденная платина?* Без ответа на него всё дело просто разваливалось, а о его успешном завершении не могло быть и речи. Не пожелай Анна Леонидовна открыть эту тайну или умри она скоропостижно (чего тоже можно было ожидать), и еще неизвестно, как сложилась бы карьера и судьба молодого следователя. Но, к счастью для него, сочетание звезд оказалось благоприятным, и до столь печального исхода дело не дошло.

Константин несколько раз ездил в тюрьму для допросов, но старался максимально сократить продолжительность своего общения с подследственной: привели допрашиваемую – ответила она на заданные вопросы – подписала протокол – и через полчаса ее можно уводить обратно в палату. Налегать, давить и утомлять старуху Костя не рисковал – по его словам, *выглядела она – хуже некуда... еле шелестит... и дышит тяжело, часто: изх-ии, изх-ии...*

³⁰ Мне кажется, что такое наименование – по аналогии с зарубежным *полицейским романом* – вполне годится для обозначения специфического жанра, на протяжении десятилетий процветавшего в отечественной литературе. Он, хотя и рассматривался советской критикой в ряду второстепенных и не заслуживающих серьезного внимания отраслей литературной продукции, зато пользовался неослабевающим спросом со стороны широких читательских масс. Я имею в виду романы, которые, отчасти замещая несуществующий в нашей литературе детектив, рассказывали о борьбе с преступниками и о нелегком труде тех, кто посвятил свою жизнь такой борьбе. Основной акцент в *милицейских романах* делался на описании сложных производственных, морально-психологических, бытовых и семейных проблем, с которыми приходится сталкиваться в своей работе сотрудникам *правоохранительных*, как сейчас говорят, *органов*. К этому авторов неустанно призывали и подталкивали как литературные критики, так и все редакционно-издательские инстанции, строго следившие за тем, чтобы избравшие эту стезю писатели не скатывались на позиции *дешевой развлекательности*. Однако сама специфическая тематика такого рода повествований невольно предполагала наличие в них некоторого *остросюжетного элемента*, который, собственно говоря, и притягивал массу читателей, жаждавших, как сейчас это окончательно выяснилось, вовсе не детального знакомства с тяготящими милиционеров проблемами, а чего-то вроде недоступных в то время *сыщицких выпусков* начала века с их «Пещерами Лейхтвейса» и «Изумрудами раджи».

того и гляди... Врачи также смотрели на состояние Бильбасовой весьма пессимистично и считали, что она долго не протянет.

В чем состояло ее заболевание, Миша толком объяснить не мог. Что-то, видимо, он слышал о ее диагнозе, но с тех пор прошло десять с лишним лет, и ничего внятного мне от него узнать не удалось. Он помнил лишь, что речь шла о заболевании щитовидной железы, вызвавшем тяжелое расстройство деятельности сердца. А я не стану высказывать свои соображения об этом, чтобы не давать повода для критики со стороны тех, кто разбирается в подобных вопросах профессионально – вдруг среди читателей окажется кто-то из таких специалистов. Да и ни к чему это. Отклонение от основной линии повествования в подобные медицинские дебри воспринималось бы ничуть не лучше, чем мои сетования на сложности, подстерегающие авторов детективных романов на их нелегком пути. Достаточно факта, что героиня тяжело болела, а большего читателю для понимания сути дела и не требуется. Возвращаюсь к тому, на чем закончил предыдущий абзац, а то, что было написано в этом, считайте сказанным в скобках.

Однако никакого давления или применения разных хитроумных приемов, предназначенных для того, чтобы *расколоть* допрашиваемого, нашему Холмсу не понадобилось. На первом же допросе Анна Леонидовна созналась в содеянном, изъявила согласие рассказать всё без утайки и в подтверждение своей обдуманной позиции объяснила, где она спрятала свою баснословную по стоимости добычу.

Дело в том, что при тщательном обыске в квартире обвиняемой не было найдено абсолютно ничего, указывающего на ее причастность к инкриминируемым ей преступлениям. Однокомнатная квартира в типовой «хрущевке» – рядовое жилище одинокой пожилой женщины с весьма скромным достатком: половички, баночки с рисом и манкой, дешевая мебель, купленная, наверное, лет пятнадцать, если не двадцать назад, застиранное белье. Из документов: свидетельство об окончании семилетки, диплом городского химико-фармацевтического училища, несколько почетных грамот *за доблестный труд, активное участие* и так далее – первая аж сорокового года, подписанная заведующим районной санэпидстанцией, сберкнижка с числящимися на ней восемьдесятю тремя рублями, квитанции об оплате за квартиру и прочая бумажная дребедень, но никаких писем, записных книжек, никаких записок, адресов или телефонов. Единственное, что бросилось Косте в глаза при осмотре, – книжный шкаф с неплохим подбором книжек: в основном классика, но кое-что и из современных авторов. Необычная для таких квартир деталь обстановки. А в остальном... увы! – всё тщательнейшим образом просмотрели и перетряхнули, но ничего найти не удалось. Совершенно прозрачная жизнь, всё как у всех. И ничего, что можно было бы *подшить в дело*; в результате всех поисков – полный ноль. Не говоря уже о том, что ни грамма платины найдено, конечно, не было. Чего, собственно говоря, и следовало ожидать. Свой клад она – *бандюга такая!* – могла зарыть под любым кустиком. Сколько их в ближайших окрестностях города? – иди ищи!

Хотя у сыщиков не было ни малейших сомнений в том, что убила электрика и кладовщицу и прикарманила драгметалл не кто иной, как Анна Леонидовна, морочившая им всем голову рассказами о неоднократном явлении мизулинского трупа, – да и кто бы из здравомыслящих людей мог в этом усомниться? – у них не было конкретных улик или свидетельств, которые можно было бы предъявить в суде. Единственное, чего удалось добиться не терявшему времени даром Константину, это свидетельские показания о том, что обвиняемая посещала квартиру Мизулина – точнее, что она однажды была замечена у подъезда, где проживал покойный. Оперативники были направлены к уже знакомой им Порфирьевне – надеюсь, что читатель еще не забыл эту наделенную недюжинным детективным талантом старушку, – и, выяснив у нее необходимые сведения, предъявили фотографию Бильбасовой соседкам, сидевшим на лавочке в тот вечер, когда Порфирьевна предпринимала розыски следов исчезнувшей мизулинской *зазнобы*. Кратко посоветовавшись, бабки признали: *да была такая – заходила в подъезд, а через некоторое время снова вышла*. На упрек Порфирьевны, введенной ими в заблуждение, ее товарки резонно ответствовали: *Дак ты ж про дамочку спрашивала, а какая из нее дамочка?* Но это было и всё, что Косте удалось установить, – не бог весть, какая доказательная база!

К счастью для ведущего следствие, допрашиваемая, как уже было сказано, ничего скрывать не стала. Платина была закопана ею в подвале, в земляном полу ее кладовки под ящиком со старыми валенками, отслужившим свой век абажуром, когда-то оранжевым, но из-за покрывавшей его пыли почти утратившим свою окраску, и прочей подобной рухлядью, которую не выбрасывают на помойку только потому, что рука не поднимается для такого решительного жеста. Когда Костя увидел этот привычный, но от этого не ставший менее убогим *интерьер* типичной советской кладовки, сердце его тревожно забилося... *Не морочит ли опять эта шельма ему голову? С нее станется.* Пожалуй даже, нехорошее предчувствие появилось у него еще раньше, когда он стоял перед дверью этой кладовки. Рядом, в узеньком коридорчике, освещаемом жидким светом сорокаваттной лампочки, теснилась вся возглавляемая им группа, собранная и прибывшая на место действия, чтобы осуществить обыск и выемку похищенного госимущества. Коридорчик не предполагал такого скопления людей, и им пришлось вытянуться вдоль него в цепочку по одному: Костя, неизменный Олег, за ним призванный для технической помощи оперативник в штатском, и в конце двое понятых – муж и жена, соседи Анны Леонидовны по лестничной площадке, – с любопытством глазевших на происходящее и ожидавших, что будет дальше. На двери, перед которой Костя остановился, следуя указаниям, данным обвиняемой на первом же допросе, не было никаких надписей: ни номера квартиры, ни фамилии владелицы, как это было на некоторых из рядом расположенных дверей, вообще ничего. И если учесть, что находилась она в подвале соседнего подъезда, а не того, в котором жила героиня нашего романа, найти ее самостоятельно у сыщиков, даже не подозревавших о ее существовании, не было ни единого шанса. Сама дверь ничем не отличалась от дверей соседних кладовок: три грубо сколоченные доски, замазанные полуосыпавшейся известкой, хлипкие жестяные петли для замка. Но его и вовсе не было, а дверь, как, впрочем, и некоторые другие в этом подвале, была замотана обычной алюминиевой проволокой. Весь вид, и особенно эта проволока, всколыхнули в Костиной душе тяжкие сомнения: *вдруг наврала...* Поверить в то, что за этой убогой дверью – своим видом, можно сказать, откровенно приглашавшей всякого: *открой, загляни, убедись, нет тут для тебя ничего,* – может скрываться клад стоимостью в несколько сот тысяч рублей, было нелегко. Однако уже через несколько минут, когда из неглубокой ямки, прикрытой мешковиной и присыпанной сверху тонким слоем земли, оперативник стал доставать и передавать Косте в руки один за другим семь аккуратных холщовых мешочков и когда наш герой, развязав первый из увесистых мешочков и заглянув в него, продемонстрировал озадаченным понятым находившиеся в нем моточки тонкой блестящей проволоки, сердце его пело: *Всё! Дело успешно закончено! Триумф! Можно уже пить шампанское!*

Именно это сыщики и проделали в тот же вечер, заменив, правда, шампанское на менее эффектный, зато более эффективный напиток. Подняв свой бокал (стакан, конечно), Константин – на правах хозяина и Холмса (пусть уже и вышедшего из этой роли) – поздравил собравшихся за столом участников детективного тандема с успешным завершением их совместного расследования. Об этом, как он заявил, уже можно было говорить в полный голос – главное сделано, а оставшиеся детали и необходимые формальности существенного значения не имеют. В своей краткой речи Костя высоко оценил тот решающий вклад, который внес в общее дело его соратник по сыску: Мишина гениальная мысль – именно так, не убоявшись излишней патетичности, он выразился – обеспечила их успех и решила дело. Себя же Костя хвалил главным образом за то, что ему пришло в голову предложить своему бывшему однокласснику поучаствовать в начинающемся расследовании загадочного и, на первый взгляд, бессмысленного убийства. К концу их не слишком продолжительного, но достаточно бурно протекавшего праздничного банкета Костя уже утверждал, что, несмотря на первоначальное распределение ролей в их тандеме, истинным Шерлоком Холмсом оказался в конечном итоге Миша, а себе говорящий отводил роль Лестрейда – героя, делового, расторопного и хваткого, но не обладающего холмсовской интеллектуальной мощью и проницательностью. Рассказывая мне об этом, Михаил (а он – уверяю вас – вовсе не был хвастуном и зазнайкой), хоть и считал, что его компаньон – на радостях – слегка перехватил в

эпитетах, но целом соглашался с его выводом, который был – применительно к данному конкретному случаю – вполне справедливым.

И действительно. Кардинальный перелом в их расследовании наступил именно в тот момент, когда Миша, едва переступив порог Костиной квартиры, возбужденно спросил:

– Здорово. Ну что? Узнал? Какой у него был рост?

– Сто шестьдесят семь сантиметров. – Еще не догадываясь о смысле заданного вопроса, ответил Костя. – Зачем это тебе? О чем речь? Заходи.

– Та-ак! – осевшим от волнения голосом протянул Миша. – Это я и предполагал. Смотри: от окна – то есть от плинтуса стены, что с окном, – до косяка двери на черную лестницу ровно полтора метра. Я померил. Там, на втором этаже. Значит, он туда просто не вошел бы. Если бы он там лежал, дверь не была бы полностью распахнута, а только полуоткрыта. И соответственно, лежавшего было бы видно издали. Нельзя было бы сказать, что только локоть слегка торчит. Понимаешь?

Наш Ватсон еще не успел закончить свое сбивчивое объяснение, как Костя мгновенно сообразил, насколько важное значение имеет этот – простенький с виду – факт для всей конструкции расследуемого ими дела.

– Понимаю... – медленно, с расстановкой только и смог он произнести в этот момент.

Дальнейшее уже было делом техники. С утра пятницы – после непродолжительного, хоть и непростого разговора с начальником отдела – следователь Коровин оформил все необходимые документы, получил требующиеся подписи и после обеда уже произвел арест Бильбасовой А. Л., которая к тому времени уже фигурировала в деле в качестве *обвиняемой в совершении ряда тяжких уголовных преступлений, предусмотренных статьями* (перечислены номера статей) *УК РСФСР*.

Большую часть своих *признательных показаний* Анна Леонидовна изложила самостоятельно на нескольких листах бумаги крупным разборчивым почерком. Сделала она это в несколько приемов, прерываясь и возобновляя свою *исповедь преступницы, стоящей на краю могилы*, в те часы, когда чувствовала себя получше. Она не видела смысла, как сказала Косте на допросе, что-либо скрывать, понимая, что игра закончена и бороться ей уже не за что. *Вы же меня в любом случае отсюда не выпустите – найдете, за что зацепиться, да и воспользоваться этим богатством я уже никогда не смогу, хоть бы и выпустили. Чего же мне тогда выкручиваться и что-то выгадывать? И не нужно мне уже это всё*, – откровенно делилась она своими соображениями со следователем, внимательно слушавшим ее, но не пытавшимся вставить что-то из сказанного в протокол допроса. – *Я и сама теперь не могу понять, зачем я всё это затеяла. Не для меня это, не стоило и браться...*

Когда мы через много лет обсуждали сказанное преступницей на допросах, Миша предположил (а он, как вы знаете, был большой любитель остроумных гипотез), что главным мотивом, затаившим добропорядочную, ни в чем до тех пор не запятнанную женщину в болото преступлений, была не столько жажда бешеных денег, сколько желание сделать нечто выдающееся, решить сложную задачу – она чувствовала, что ей это по плечу. Свой психологический анализ ситуации, в которой оказалась женщина, о которой мы, в сущности, почти ничего и не знали, мой рассказчик основывал главным образом на том, что сам он чувствовал (и не хотел этого скрывать) в своей душе нечто близкое – ему казалось, что окажется он в таких же условиях, ему пришли бы в голову сходные мысли.

– Нет. Ты не отбрасывай такую возможность, не подумавши, – горячился Миша, встретив с моей стороны довольно прохладное отношение к его *романтической*, как мне тогда показалось, теории, объясняющей решение нашей героини пойти на преступление. – Вот живет человек, с хлеба на квас перебивается, суетится, выгадывает что-то по мелочи – то есть живет, как почти все мы живем. И главное, понимает, что деваться ему некуда и придется ему эту лямку тянуть до самой смерти. Нет у него ни малейшего шанса выбиться из этой колеи, что бы он ни сделал. Впереди – докуда взгляда хватает – ровно то же самое, что и позади. В молодости это еще не так очевидно, но с годами такое ощущение всё усиливается. Летишь по уложенным судьбой рельсам прямо в могилу. Нет смысла гадать, что там за поворотом, ты уже понял, что там всё то же самое. И вот случай преподносит тебе неожиданную возможность проявить себя, доказать самому себе, что ты еще жив и что всякое еще может

быть. Надо только тщательно всё продумать, взвесить, рассчитать, и ты одним махом вырвешься из той клетки, из которой не было никакого выхода. Чем не соблазн? Даже не важно, что будет потом. Важно, что это будет нечто новое, о чем ты и думать прежде не мог. И не менее важно, что это будет твоя заслуга – это ты, увидев призрачную возможность, догадался, как добиться ее осуществления, сумел преодолеть препятствия, избежал всех капканов и ловушек на своем пути и сделал то, о чем большинство людишек и думать не смеет. А вот ты – другой: ты поставил перед собой задачу и ее решил. Сам. Своим умом.

Конечно, в большинстве случаев любые подобные рассуждения и предположения поневоле воспринимаются как туманные и весьма проблематичные. Не стоит, вероятно, здесь вновь вспоминать про уже известные читателю *потемки*... Без этого всё ясно. Но, обдумывая наши с Мишей тогдашние разговоры сейчас, я связываю его экскурс в *психологию преступления* с другим высказыванием допрашиваемой, о котором Костя сообщил приятелю с некоторым недоумением: *вот как, дескать, эта бабка смотрит на свои делишки – любопытный взгляд, ничего не скажешь*. Откровение Анны Леонидовны было вызвано Костиным вопросом, в котором как-то затрагивалась моральная сторона ее поступков. Что-то вроде: *И не жалко было вам Мизулина и кладовщицу? Вы же заранее знали, что их придется убрать*. На что наша героиня отвечала, что ей никого не жалко. Ни себя, ни тех, кого ей пришлось лишиться жизни. И добавила к сказанному еще несколько фраз – видимо, почувствовала, что ее ответ поймут как-нибудь не так, перетолкуют по-своему. Я попытаюсь – как смогу и как запомнилось – передать хотя бы смысл ее объяснения: *Так-то они оба безобидные были – за что их убивать? Но у меня ведь всё рассчитано было, все по плану. Не могла я допустить, чтобы они заговорили. И это вам, молодым, кажется, что смерть – страшное зло. А, на самом-то деле, что в ней такого уж страшного? Чем она страшнее нашей жизни? Я вот до старости небо коптила – и что? Могла бы и много лет назад помереть – какая разница? Зачем мне эти годы нужны были? Дольше промаялась бы? Вот Сашка этот – зачем ему было жить? Ведь ясно было, что с ним через пару лет будет – ну, протянул бы еще сколько-то... зачем? А так он хоть месяц человеком пробыл – ожил, размечтался, планы какие-то строил, как и что он сделает... Вовремя я его... он и понять ничего не успел, так со своими планами и умер... человеком умер. Я ведь потому так и решила сразу – видела, что не сможет он удержаться, возьмут его через две недели после того, как ему какие-то деньги в руки попадут. Лучше бы ему было, если бы он здесь вместе со мной очутился? Нет... вовремя он умер. Да и Нина тоже... Вы же понимаете, не могла я ее так оставить – это ведь она мне про платину разболтала и даже показала мне ее. Скажи она вам об этом, и всё... Достаточно было обратить на меня внимание, и никак бы я не отвертелась. Не будь этого, жила бы она себе, так бы проболтала, прохихикала, проищукалась с подружками, дотянула бы до пенсии... А зачем? В смерти, конечно, ничего хорошего нет, но и такая бессмысленная жизнь ничем ее не лучше. О чем тут жалеть?*

На этом допрос закончился – старуха устала, и Костя ее отпустил. Однако речи ее запомнил и пересказал своему соратнику, а тот в свою очередь мне. Теперь и вам, читатель, стало известно их содержание – в моем пересказе, разумеется. Так вот: необычный для нас взгляд Анны Леонидовны на вопросы жизни и смерти и ее явно выраженное нежелание бессмысленно *коптить небо* (и даже сквозящее в ее высказываниях презрение к тем, кто ведет подобное, недостойное человека существование) смыкаются, как мне кажется, с Мишиными фантазиями относительно мотивов, подвигших эту ничем с виду неприметную пожилую женщину на опасную авантюру. Не исключаю, что она восприняла ситуацию, как вызов судьбы, как проверку ее ума, ловкости, бесстрашия и умения обращать обстоятельства в свою пользу. Судьба, так сказать, разложила перед ней карты и предложила сыграть. На кону была ее не вызывавшая ни малейшей радости жизнь, а потенциальным выигрышем – возможность ее резко изменить. Наша героиня не отказалась от предложенной ей игры и даже чуть было не выиграла. Во всяком случае, вероятность того, что она обведет сыщиков вокруг пальца и добьется своей цели, была очень высока (не могла же она предусмотреть, что следователь призовет на помощь *быстро* разумом Мишу). Правда, остается не очень ясным, что бы она в итоге выиграла, если бы игроцкая фортуна оказалась на ее стороне. Может быть, и ничего, стоящего стольких усилий и переживаний.

Не буду дальше стараться изображать прямую речь этой своеобразной героини нашего романа, так как боюсь, что троекратный пересказ ее слов разными лицами вносит в сказанное слишком много отсебятины. Постараюсь только своими словами кратко передать сказанное Анной Леонидовной во время трех или четырех ее встреч со следователем.

Всё началось, по ее словам, с того момента, как Нина – под большим, как всегда, секретом – поделилась с ней своими опасениями относительно платины, которую обещают, обещают, но вот уже второй месяц никак не могут забрать, и она по-прежнему хранится на ее складе. *Ой, чуёт мое сердце, добром это не кончится*, – причитала она, сетуя на свою невезучесть и выпавшие на ее долю тревоги. Однако, показывая пораженной Анне Леонидовне стопку коробок с моточками проволоки, она демонстрировала их с некоторой даже гордостью – вероятно, ей отчасти и нравилось ощущать себя отмеченной роком и стоящей *у бездны на краю*. *Ты молчи (дура – добавлено было в уме), никому об этом не заикайся!* – только и смогла сказать наша героиня в ответ на поверенную ей тайну.

Сам факт, что такое несметное богатство лежит, сваленное грудой за корявыми корзинами с кислотой, совсем рядом – только руку протяни! – никак не выходил у нее из головы. В течение нескольких последующих дней она, вспоминая увиденное, невольно стала прикидывать, как должен был бы действовать лихой человек, действительно решившийся *протянуть руку* за этими сокровищами. Конечно, проще всего было бы зайти на склад, дать чем-нибудь тяжелым Нине по голове, перегрузить содержимое коробок в две прихваченные с собой сумки и выйти обычным путем из института – ищите теперь ветра в поле! Но такой план требовал отчаянной дерзости и легко мог привести налетчика к полному краху при неудачном для него стечении обстоятельств, которые невозможно заранее предвидеть. Какое-то грубое, примитивное, незлегантно выстроенное преступление, не требующее от исполнителя ничего кроме готовности действовать нахрапом и в расчете на *авось, повезет*. Размышляя – чисто теоретически – над этими материями, наша героиня шаг за шагом перешла на позицию человека, обдумывающего, как бы он сам взялся за такое дело, если бы поставил себе цель завладеть рядом находящимся богатством и при этом обеспечить себе максимальную безопасность.

Через пару дней в ее голове уже созрел тщательно разработанный план. Это она придумала простые трюки с дверью черного хода и с незаметным лазом на склад из соседней комнатухи. Как ни просты были эти уловки, а всё же они оказались (как мы видели) достаточно эффективными, чтобы заморочить голову милиции на довольно долгий срок. Для воплощения этого плана в жизнь ей (Анна Леонидовна уже и не видела никого другого в роли похитителя платины) требовался помощник, и она сразу же наметила подходящую кандидатуру – бывшего институтского электрика, более или менее ей знакомого. Незадолго перед этим она случайно встретилась с этим Сашкой в магазине, и тот похвастался, что удачно устроился в своей лифтомонтажной конторе и ничуть не жалеет о покинутом НИИКИЭМСе. Найти его было легко, и задумавшая отчаянную аферу преступница была почти уверена, что тот не устоит перед соблазном и пойдет на сотрудничество – слишком уж большой куш она ему посулит, не сможет он устоять. Она сразу же предполагала, что после того, как Сашка выполнит свою задачу, его придется каким-то способом убрать, но это ее уже не пугало, и она хладнокровно внесла еще один пункт в свой план наряду с точно так же запланированным отравлением Нины (всё было ею предусмотрено и запланировано задолго до того, как воплотилось в реальность). Незаметно для себя она уже привыкла не пугаться таких мыслей и в душе *уже стала на преступный путь*, если воспользоваться расхожим выражением из советских душеспасительных книжечек, предостерегавших молодых людей от соскальзывания на эту пагубную дорожку. Как и в читанных ею детективах, все персонажи, задействованные в плане задумываемого *идеального преступления*, уже не вызывали ни малейшего сочувствия и представлялись Анне Леонидовне (внутренне, можно сказать, переродившейся и безудержно катившейся в адскую тьму) лишь шахматными фигурками, предназначенными быть удаленными с поля действия при очередном ходе гроссмейстера. Ни она сама, ни те, кто невольно становился препятствием на избранном ею пути, уже не имели никакого самостоятельного значения – все *ходы* диктовала затеваемая ею *игра*, и перед ее требованиями не могли устоять никакие сентиментальные соображения.

План игры предусматривал мельчайшие детали, которые наша героиня держала в голове, не доверяя их бумаге и не делая ни единой заметки. Еще не сделав ни одного реального шага для подготовки хищения, Анна Леонидовна уже знала, как она выкопает ямку в кладовке, каких та будет размеров и куда она вынесет лишнюю землю. Как под любым предлогом втайне посетит Сашкино жилище и даже как оставит там женский платочек, надушенный Ниниными духами, чтобы направить следствие на ложный путь. Как она, осуществив задуманное, через некоторое время «заболеет» и ляжет в больницу (полученные ею когда-то знания по фармакологии и купленные загодя простейшие, но сильнодействующие таблетки должны были без труда сбить с толку врачей, у которых не могло быть ни малейших подозрений о возможной симуляции), а затем тихо уволится, сославшись на состояние здоровья. И только потом, через несколько, может быть, месяцев, когда всё уляжется и когда ее присутствие на сцене в момент похищения платины забудется, она планировала взяться за обращение своей добычи в наличные деньги. Относительно этой части своего плана Анна Леонидовна решительно отказалась выдавать свои тайны следователю. Она лишь туманно намекнула, что был у нее на примете некий человек – давний случайный знакомый еще по годам ее работы в санэпидстанции, но он ни в чем не участвовал и ничего не знал о ее планах, а потому она не станет привлекать к нему внимание милиции и брать еще один грех на свою душу. *Поверьте, он тут ни при чем – и весь сказ*, – твердо заявила она Косте, да тот и сам не рвался разоблачать этого любопытного *человечка* – у него и без того была еще уйма хлопот.

Центральной частью всего плана был, как ни парадоксально, миф о регулярном возвращении трупа. Как ни дик был этот ход в задуманной ею преступной игре, а своей несусветной дикостью он давал преступнице важные преимущества и должен был обеспечить ей желаемое место в будущем расследовании. Суть дела в том, что занимаемая нашей героиней позиция ночного вахтера была и чрезвычайно удобной для претворения преступного плана в жизнь, и одновременно совсем непригодной для успешного выполнения задуманного. С одной стороны, во время своих дежурств она была единственным человеком в здании и могла на протяжении всей ночи делать, что угодно, не опасаясь посторонних глаз и ушей. Но с другой – эта позиция гарантировала, что после того, как кража будет обнаружена, она автоматически займет место главной подозреваемой. Именно потому, что у нее были все возможности украсть или обеспечить такую возможность своим сообщникам. Она не сомневалась, что при таком раскладе милиция вцепится в нее мертвой хваткой и что-нибудь да выжмет, не говоря уже о том, что нескольких месяцев в следственном изоляторе ей не миновать. И даже, если украденная платина не будет обнаружена, и ее выпустят оттуда за недостатком улик, все последующие годы она будет находиться под пристальным надзором милиции, так что о реализации добычи не стоит и мечтать. Казалось бы, налицо ситуация, из которой она не могла надеяться выйти приемлемым для себя образом, – классическое положение: *куда ни кинь, всюду клин*. Оставалось только бросить все эти несбыточные бредни и оставить желанную платину тем бесшабашным налетчикам, которые, долго не раздумывая, ворвутся с ножами и револьверами, сгребут добычу и постараются скрыться в неизвестном направлении – а там уж, как повезет. У них ведь простой принцип: кто не рискует, тот не пьет шампанское. *Джентльмены удачи!* Что тут скажешь?

Ясно, что следовать этому принципу Анна Леонидовна вовсе не собиралась. Не тот она была человек, и в своих планах рассчитывала не столько на удачу, сколько на свои *серые клеточки*³¹. Тут стоит, вероятно, заметить, что стоявшая перед ней – и на первый взгляд неразрешимая – проблема: как реализовать преимущества своей позиции и в то же время нейтрализовать присущий ей кардинальный недостаток, была аналогична проблемам, встающим перед любым изобретателем, желающим избавиться от недостатков уже существующей конструкции, сохранив ее достоинства. Удачную формулировку такого рода проблем (но не решений) можно найти в детской сказке про *волшебную дудочку и кувшинчик*. И надо отдать должное изобретательским способностям Анны Леонидовны и творческой мощи ее *серых клеточек*, она нашла остроумный вариант решения. Уже зная, как было дело,

³¹ На всякий случай поясню всё же, что использованное мною выражение не следует приписывать героине романа – она, по всей видимости, и не знала такого.

читатель может усомниться в эффективности и надежности использованной ею тактики – ведь разоблачили же ее в конце концов. Тем не менее, факт остается фактом: ее изобретение оказалось достаточно действенным, и не допусти она маленькую ошибку, ставшую для Миши той детективной зацепкой, которая дала ему возможность докопаться до истины, еще неизвестно, чем бы кончилось ее опасное предприятие.

Суть ее изобретения и соответствующего пункта в ее плане сводился к тому, чтобы загодя какими-то байками привлечь внимание милиции к своей особе – устроить какой-то спектакль, в котором вахтер Бильбасова будет играть главную роль, объявляя о тяжком преступлении. Поскольку реально преступление еще не состоится, и платина будет находиться на месте, возникшие в отношении нее подозрения будут развеяны, и если этот фокус повторить с тем же эффектом, то ее возможная связь с якобы совершенным преступлением будет убедительно опровергнута. Вероятно, ее сочтут истеричной особой, желающей привлечь к себе внимание, или еще кем-то – это не страшно, и будет ей только на руку. О своем возможном пребывании в психбольнице Анна Леонидовна предполагать не могла, но в том, что ей придется побывать на осмотре у психиатра, не сомневалась. Ну и пусть. Что бы там психиатр ни написал в своем заключении (а, конечно, напишет чего-нибудь – на то он и психиатр), заподозрить ее в симуляции он не сможет. Какой у нее может быть мотив для симуляции – под следствием она не находится, ее ни в чем не обвиняют, и в армию ее никто забирать не собирается. Таким образом, еще до того, как кража будет обнаружена, версия о ее причастности к преступлению будет милицией уже отработана и отброшена, как полностью не подтверждаемая реальными фактами. Можно почти не сомневаться, что возвращаться к этой беспочвенной версии у следствия не будет ни малейшего желания. Очевидно ведь, что человек, задумавший преступление, не побежит в милицию сообщать, что оно уже совершилось. Следовательно, подозрения, которых она не могла бы избежать, будут сняты еще до того, как обретут под собой фактическую почву. Во мнении следствия она уже не окажется на месте *главной подозреваемой*, поскольку за ней уже будет прочно закреплено место *потерпевшей* – несчастной бабки, ставшей свидетельницей макабрического спектакля. (Тут Миша, надо сказать, не ошибся в своем предположении: оный спектакль был на самом деле предназначен для милиции и будущих следователей).

Еще одним существенным моментом придуманной ею фантастической истории была удачная мысль ввести в этот миф свою будущую жертву – Мизулина. Сыграв свою роль технического помощника, без которого преступница не могла осуществить намеченный план, он должен был погибнуть от ее руки, и первоначально Анна Леонидовна собиралась добавить ему в портвейн тот же *тринитросолидол*, которым впоследствии была отравлена Нина. *Нажрался, дескать, алкаш неизвестно какой дряни – не выдержал длительного отказа от спиртного – вот и отбросил копыта*. Но затем ей пришло в голову совместить его функцию помощника с функцией главного героя мифа: это его труп должен был появляться в коридоре НИИКИЭМСа и пугать ни в чем не повинную вахтершу. И эта ее выдумка опять же хорошо укладывается в понятия, описывающие изобретательское творчество. Теория решения изобретательских задач (ТРИЗ) гласит, что сущность многих разнообразных изобретений состоит в совмещении функций: один и тот же элемент технической конструкции начинает выполнять не только свою исходную функцию, но и некие дополнительные задания, порученные ему изобретателем³². Как ни хороша была эта идея, придававшая мифу завораживающую картинность и уводившая слушателя в мистические пространства, но в деталях ее изложения оказался скрытый дефект, поставивший преступницу в опасное положение. Всего лишь маленькая неточность (ошибка глазомера) поставила под удар весь ее план, и когда она наяву столкнулась с тем, что труп Мизулина решительно отказывается занять предназначенное ему место, наша героиня *просто похолодела* (по ее словам) и уже была готова к тому, что ее немедленно арестуют. Ведь достаточно было производящим дознание милиционерам измерить труп и прикинуть, каким образом он мог лежать за дверью, как всё ее вранье было бы тут же разоблачено. Однако никому это не пришло в голову, и ее ошибка

³² Рекомендую всем читателям интересную книжку: Альтшуллер Г.С. Алгоритм изобретения. М. 1969. Я почти уверен, что она должна понравиться всякому любителю детективов.

осталась не замеченной. Тем не менее, преступница прекрасно осознавала, что вся ее хитроумная конструкция, в остальном осуществленная безупречно, без сучка и задоринки, повисла на волоске – недаром при известии об аресте ее первыми словами были: *Додумались-таки!* И действительно, эта мелкая ошибка оказалась для нее роковой. Наш Шерлок Холмс (здесь я уже имею в виду не Костю, а Мишу, под конец перехватившему у своего соратника роль Великого сыщика) понял – пусть лишь после долгих и безуспешных попыток, но понял же – значение такой очевидной, но не имеющей разумного смысла детали, и тем самым пролил яркий свет истины на скрытую подоплеку видимых всем событий.

Я не вижу необходимости продолжать изложение прочих подробностей и обсуждать их значение для описанного в романе расследования. Мое повествование о нем, в целом, закончено, и мне остается лишь сказать несколько фраз о дальнейшей судьбе персонажей, бывших участниками поведенной здесь истории.

Бывший Холмс, а в миру следователь Коровин, с которым Миша еще несколько раз встречался за памятным столом (только место *чая со слоном* занимали на нем уже другие напитки) и сохранил об этом дружеские воспоминания, вскоре – уже через несколько месяцев – отбыл из города к новому месту службы. Ему было предложено занять должность начальника следственного отдела в УВД одного из крупных городов где-то на Волге. Вряд ли можно сомневаться, что такой его стремительный карьерный взлет – от молодого следователя до начальника отдела – был связан с успешным завершением порученного ему сложного дела и с возвращением государству больших материальных ценностей. (Миша, по своему обыкновению, кивал на мохнатую папашину лапу, но это ведь вовсе не отменяет сказанного мною выше). Начало его карьеры было блестящим, и я почти не сомневаюсь, что за прошедшие годы он и сам дослужился до генеральских погон. А уж до каких высот сможет при его поддержке взлететь его сын, можно только гадать.

Михаил – настоящий Холмс этого романа – через пару лет после описанных событий защитил свою диссертацию и вскоре перевелся в другой НИИ (он и про него мне кое-что рассказывал, но я не вижу смысла здесь об этом вспоминать). Последнее, что я знаю о нем, относится к концу восьмидесятых. Он еще раз сменил место работы, получил квартиру в новом микрорайоне у черта на рогах и перестал появляться в наших краях – пути наши разошлись. Я бы с удовольствием возобновил знакомство, но никаких его координат у меня нет – похоже, он вовсе покинул наш город. Будь это не так, наши с ним пути где-нибудь да и пересеклись бы за эти годы.

Анна Леонидовна – в полном соответствии с прогнозами врачей – умерла в тюремной больнице. Не надо было, вероятно, ей изображать из себя больную, принимая какие-то сильнодействующие таблетки. Что-то они сдвинули в ее организме и в сочетании с длительным нервным напряжением привели к возникновению истинной болезни. Хотя можно, разумеется, сказать, что такое развитие событий было для нее лучшим выходом. Что ее могло ждать в противном случае? Суд с приговором к высшей мере наказания? А так, завершённое уголовное дело, не дойдя до суда, было закрыто в связи со смертью обвиняемой, после чего навеки упокоилось в милицейских архивах. Где упокоилась сама ставшая на преступный путь героиня нашего романа, мне неизвестно. Вероятно, в земле той отдаленной части городского кладбища, где хоронят невостребованные трупы, и, по всей видимости, где-то недалеко от ее могилы лежит в земле и труп несчастного Мизулина, нашедший там свое окончательное пристанище. *Requiescat in pace*³³. *Да смилуется Господь над заблудшими душами.*

Про остальных второстепенных персонажей Миша мне ничего интересного сообщить не мог, и единственное, о чем мне стало известно, это – тот простейший факт, что никиэмсовский академик никак не пострадал за свою халатность. Может, ему и сделали какое-то внушение – погрозили, так сказать, пальчиком, – но никаких слухов об этом в институте не было. Да и вообще, такие фигуры редко расплачиваются за свои грехи – всегда как-то всплывают и продолжают несмотря ни на что держаться на поверхности. Надо полагать

³³ Да упокоится с миром (*лат.*)

за все грехи расплатился в полной мере только несчастный зам по АХЧ, о котором Миша тоже ничего не мог мне сообщить.

Первое время наш герой ожидал, что в институте начнет обсуждаться история с платиной, и гадал, свяжут ли ее местные умники и витии с убийством Мизулина и скоропостижной смертью Нины, но так этого и не дождался. По-видимому, все, кто знал о платине, считали за лучшее по-прежнему помалкивать, а те, кто не знал, так и остались в неведении. О том, что Нинина смерть стала результатом умышленного отравления, тоже не дошло до институтской общественности. Ее муж, даже если и был поставлен в известность об этом, с ниикиэмсовцами не общался и не мог стать источником такой информации. Здесь, кстати, стоит, наверное, упомянуть, что столь занимавшая когда-то внимание сыщиков Петунина действительно стала завскладом, но, по мнению общавшихся с ней сотрудников НИИКИЭМСа, вовсе не пользовалась такой известностью и популярностью, как ее предшественница, – характер не тот.

Не узнал никто и о том, какую ужасную роль сыграла в описанных событиях Анна Леонидовна – никто из Мишиных сослуживцев не смог бы ее и представить в качестве хладнокровной и изобретательной преступницы. Слишком уж это не вязалось с ее обыденным, ничем не примечательным обликом и ее незаметным местом в институтской жизни. Еще из больницы эта наша героиня передала с кем-то заявление с просьбой уволить ее по собственному желанию в связи с ухудшением здоровья. Комендант, понимая, что тут ничего не изменишь, тут же подписала это заявление и передала в отдел кадров. Так что, через несколько дней работавшая на четверть ставки пенсионерка была без излишних формальностей уволена, причитавшиеся ей при расчете несколько рублей были положены в бухгалтерии на депозит, и больше ее судьбой уже никто не интересовался. Комендант смирилась с уходом своей самой надежной и безотказной вахтерши, да она и так уже почти не работала, а близких подруг, как мы знаем, у Анны Леонидовны в НИИКИЭМСе не было. Так никто и не узнал, где и как она окончила свои дни.

Что же касается мрачной истории о трупe, появляющемся в разных местах и своим появлением предвещающем грядущие беды тем, кому он является, то, по словам Миши, она хоть и всплывала время от времени в разговорах ниикиэмсовских сотрудников, но уже не вызывала особого интереса: смысл ее остался для публики не расшифрованным, а никаких новых связанных с ней событий не происходило. Однако я не исключаю, учитывая все возрастающую тягу широких слоев нашего общества к такого рода *эзотерическим феноменам*, что где-то эта – занятая, вообще-то говоря, – история еще бытует в кругах научных сотрудников на правах *этакой городской былички: сам я, дескать, не видел, но один мой хороший знакомый рассказывал...*

В течение многих лет Михаил строго соблюдал условия договора, заключенного с Костей, и никому не рассказывал о своей активной роли в этой детективной истории. Наверное, ему временами хотелось поделиться с кем-нибудь воспоминаниями о тех днях; заново пережить те захватывающие события, свидетелем и участником которых он когда-то стал; похвастаться, в конце концов, своими успехами на детективном поприще, о которых никто – кроме неизвестно где обитавшего Кости – не мог и подозревать. Но он, верный принятым на себя обязательствам, стойко сопротивлялся подобным желаниям и все эти годы даже не заикался никому о своей роли в успешном расследовании столь необычного и загадочного уголовного дела. Научился-таки *помалкивать*, когда этого требует долг и когда обстоятельства вынуждают сохранять молчание. Лишь десять лет спустя встреча со мной и мысль о том, что его воспоминания вполне могли бы стать сюжетной основой для детективного романа, подтолкнули его к нарушению обета молчания. Никому уже, как он считал, его рассказ повредить не мог и, будь Костя в пределах доступности, он, вероятно, тоже бы не возражал против того, чтобы один из героев того расследования поведал о нем автору детектива. Со своей стороны, я льщу себе мыслью, что Мишино решение рассказать мне то, о чем он молчал на протяжении стольких лет, говорит об определенном доверии, которое мой хороший знакомый испытывал по отношению к автору этих строк. Надо полагать, что его поступок однозначно свидетельствует: никакого неожиданного подвоха он от меня не ожидал.

Приступая теперь – еще через десять лет – к роману, я вовсе не чувствовал, что, *взявшись*, фигурально выражаясь, *за перо*, я, хоть в какой-то мере, злоупотребляю оказанным мне доверием. Ведь к созданию такого романа Миша меня и призывал. Жаль, конечно, что он (точнее сказать, мой давний знакомый, ставший прототипом моего героя) не может прочитать написанное и высказать свое мнение, сделать замечания, что-то поправить в моем изложении его рассказа и так далее. Но с этим я не могу ничего поделать. Что же касается разглашения в романе тайны давнего договора, положенного в основу сотрудничества двух сыщиков, то и оно меня не слишком тяготит. Как ни крути, а всё мною описываемое осталось в далеком прошлом. Всё это *было, прошло и быльем поросло*. Я не вижу ни малейшей опасности для кого бы то ни было в том, что эта давняя история стала сюжетом моего романа. Имена персонажей, место действия и детали повествования были мною радикально изменены. Так что при необходимости я всегда могу заверить, что всё это, включая и Мишу, якобы рассказавшего мне данную историю, выдуманно мною самим от начала до конца. А то, что нечто сходное происходило где-то в реальности, не более, чем случайное совпадение. Мало ли какие бывают в жизни совпадения.

1995

Оглавление

Экспозиция.....	7
Глава первая. Детективные страсти.....	18
Глава вторая. Труп выходит на сцену.....	33
Глава третья. Ночной кошмар.....	45
Глава четвертая. Недолгий антракт между двумя действиями.....	63
Глава пятая. Второе пришествие марсиан.....	81
Глава шестая. Гром среди ясного неба, или Бог любит троицу.....	104
Глава седьмая. Следствие начинается.....	116
Глава восьмая. Продолжение следует.....	139
Глава девятая. Генеральский сын.....	156
Глава десятая. Холмс и Ватсон: распределение ролей...	172
Глава одиннадцатая. Следствие набирает обороты.....	201
Глава двенадцатая. Первые радости и очередные утраты	222
Глава тринадцатая. Гадание на кофейной гуще.....	244
Глава четырнадцатая. Путь во тьму.....	275
Глава пятнадцатая. Блуждания во мраке.....	306
Глава шестнадцатая. Ослепительная вспышка света.....	339
Глава семнадцатая. Возвращение Шерлока Холмса.....	371
Глава восемнадцатая. Вот и всё.....	396

Литературно-художественное издание

12+

Николай Слободской
Он приходит по пятницам

Отпечатано ИП Кузнецов Г.Е,
г.Тимашевск, ул.Крестьянская, 2
Тираж : печатается по требованию

© Текст. Николай Слободской, 2020
© Оформление. Александр Кузнецов, 2015

deductionseries.blogspot.ru

